

С.Ф.Миржанова

Северо-западный
диалект
башкирского языка

(формирование и современное состояние)

С. Ф. Миржанова

Северо-западный
диалект
башкирского языка

(формирование
и современное состояние)

УФА — 2006

УДК 81.28
ББК 81.2 Баш
М 63

Рецензенты:

Ишбердин Э. Ф., Хисамитдинова Ф. Г.

Миржанова С. Ф.

М 63 Северо-западный диалект башкирского языка. —
Уфа: Китап, 2006. — 296 с.
ISBN 5-295-03923-4

Книга посвящена народно-разговорному языку башкир, проживающих совместно с татарским и финно-угорским населением в северо-западных р-нах Башкортостана, а также в соседних р-нах Татарстана и Пермской области. В книге описываются четыре говора северо-западного диалекта башкирского языка на уровне фонетики, морфологии и лексики в сравнении с литературным языком, а также с другими контактирующими говорами башкирского и говорами татарского языков.

Книга рассчитана на широкий круг башкирских, русских, татарских читателей. Как учебно-методическое пособие может быть использовано преподавателями и студентами филологических факультетов вузов, педучилищ, техникумов. Для преподавателей и учащихся, изучающих свой край и свой родной язык, явится источником, дающим интересные и ценные сведения по истории края и родного языка.

ПЯ — 2006

УДК 81.28
ББК 81.2 Баш

ISBN 5-295-03923-4

© С. Ф. Миржанова, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Язык башкир, проживающих в северо-западных районах Башкирской ССР был объектом неоднократных научных дискуссий и обсуждался на специальных лингвистических семинарах и конференциях¹. Но до сих пор не было однозначного мнения в определении национальных особенностей языка башкир данной зоны.

Сами носители языка, считающие себя коренными башкирами, по-разному определяют свой язык. Так, старшее поколение признает свой язык ни башкирским, ни татарским, а своеобразным (үзбездөңгө тел), т. е. сугубо диалектным, что наиболее верно отражает языковую действительность. Молодое и среднее поколение, выросшее под влиянием пропаганды татарского литературного языка, считает его родным языком, поскольку до недавнего времени в школьном образовании здесь официально функционировал татарский литературный язык. Однако в повседневной жизни, в быту среднее и молодое поколение, включая и местную интеллигенцию и учителей родного языка, между собой говорит на языке своих отцов и дедов, т. е. на местном диалекте.

Работа по внедрению башкирского литературного языка в школьное образование и во все сферы общественной, культурно-просветительской жизни северо-западных башкир началось после образования Башкирской ССР, когда во многих районах зоны были открыты школы, избы-читальни, библиотеки пр. на языках местного населения: башкирском, татарском, марийском, русском и др. Так, в Буреавском районе в 1932/33 учебном году функционировали 2 средних башкирских ШКМ (школы колхозной молодежи), 40 башкирских, 30 татарских, 10 русских, 6 удмуртских, 2 марийских школы 1 — ступени².

Однако с течением времени башкирские школы и культпросветучреждения стали закрываться по причине нехватки учителей башкирского языка, учебников и башкирской художественной литературы, хотя имеются сведения, что некоторые башкирские школы продолжали работать, например, в Туймазинском районе до 1941/42, в Аскинском районе до 1942/43 учебного года. Это в значительной степени объяснялось невниманием и недооценкой этого важного дела органами как республиканских, так и районных властей, в результате чего в северо-западных районах БССР функционирование башкирского языка в школах было сведено на нет.

¹ Баишев Т. Г. Научный отчет диалектологической экспедиции 1954 г. — Научный архив БНЦ УрО АН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 450.

² ЦГА ВАСРР, ф. 79, оп. 1, д. 2569, л. 105.

Такое острое положение проблемы башкирского языка было вызвано сложным этно-социальным составом населения северо-западной Башкирии. Башкиры здесь длительное время живут в тесном контакте с татарами, чувашами, а также с финно-угорскими народами (марийцами, удмуртами, мордвой и др.), которые после падения Казанского ханства стали массами мигрировать на восток, в Башкирию, и в продолжение XVII — XIX вв. заселяли башкирские земли. Многовековое этническое взаимодействие и смешение северо-западных башкир с пришлым татарским и финно-угорским населением оказало взаимное влияние и на татар, и на финноугров, и на самих башкир, на их быт, культуру, и на их язык.

В результате тесного взаимодействия указанных народов с башкирами на северо-западе Башкирии формируется башкирский диалектный народно-разговорный язык, вобравший в себя некоторые особенности языков татар, мишарей и финно-угорских народов, который квалифицируется нами вслед за Т. Г. Баишевым³ северо-западным диалектом башкирского языка.

Татарские языковеды-диалектологи изучают говоры татарского языка в северо-западных районах Башкирской ССР, на основе искусственно созданной трактовки истории Башкирии, что якобы на северо-западе вовсе не было и нет башкир, что там издавна живут татары и нередко историю татар Башкирии преемственно возводят к волжским булгарам тысячелетней давности⁴. При этом они не замечают капитальные труды дореволюционных и современных русских и башкирских историков, этнографов, расселение и статистику башкир XVII — XIX вв.⁵ по Белебеевскому, Бирскому, Мензелинскому и др. западным уездам, в которых хотя и приблизительно, дается численность северо-западных башкир и указывается национальный состав (башкиры, тептары, мишари и т. д.) каждого населенного пункта (см. Введение).

Исходя из подобной ошибочной концепции, они описывают татарские говоры Башкирии без сравнения и связи с контактирующим башкирским языком и его говорами, тогда как многие диалектные явления татарских говоров отражают не только особенности башкирских говоров, но зачастую охватывают нормы его литературного языка⁶.

На исторические изыскания татарских историков и языковедов были даны в печати обоснованные ответы башкирских ученых А. З. Асфандиярова, Н. В. Бикбулатова, М. М. Кулшарипова и др.

³ Баишев Т. Г. Указ. научный отчет, с. 1 — 6.

⁴ См. работы Дж. Алмаза, А. Афлетунова, Л. Т. Махмутовой, Д. Б. Рамзановой, а также дипломные работы студентов БГУ.

⁵ См. напр. работу Моисеевой Н. Н. «Расселение и численность башкир в XVII — нач. XX вв.» — Автореф. канд. дисс., Ленинград, 1985.

⁶ Миржанова С. Ф. Башкорт эзэби теле һәм тәнъяк-көнбайыш һөйләштәре. — «Башкортостан укытыусыһы», № 8, 1983.

ВВЕДЕНИЕ

Северо-западный диалект башкирского языка представляет народно-разговорный язык башкир, проживающих компактными группами на северо-западе БАССР в основном в Караидельском, Аскинском, Балтачевском, Татышлинском, Бураевском, Янаульском, Краснокамском, Дюртюлинском, Илишевском, Туймазинском и др. районах. За пределами республики гайнинские башкиры живут в Бардымском, частью в соседних с ним Куединском, Осинском, Пермском, Чернушкинском районах Пермской области, а нижебельские и ыкские башкиры были расселены в Азнакаевском, Актанышском, Агрызском, Мензелинском, Муслюмском и др. районах ТАССР. С востока северо-западный диалектный ареал по восточной границе Караидельского района контактирует с айским говором восточного диалекта, с юго-востока — с демским говором южного диалекта. Самые северные точки территории диалекта находятся в 25 км. южнее от г. Перми, в деревнях Башкултаево, Коянова и Муллино.

В историко-этнографическом плане указанные районы Башкирии составляют северо-западную этнографическую область⁷. Ранее она включала в себя следующие родо-племенные группы: икских башкир (племена бейляр с родами сураш (чурай) турай, салагуш/салауш, калмаш: буляр с родами мышыга, кадыр, бугады и племя юрмый); нижебельскую группу (племена еней, гэрэ/гэрэй, кыргыз, елан, ельдяк/ельдят, дуваней, канлы, каршын, таз, уваныш/маныш) и северную группу (уран, гайна, ирякте, танып, балыксы, уннар)⁸.

Многие из указанных этнонимов (названий племен и родов) имели еще и разделительные названия, которые указывают на географию расселения этих племен и родов, напр.: кыр йылан «крайние еланцы», эске йылан «внутренние еланцы», урман-гэрэ «лесные гарейцы», уфа-танып «таныпцы на р. Уфе», су-унлар «унларцы речные» и т. д.

Кузеев Р. Г., исследуя многочисленные тамги северо-западных башкир (им собрано около 900 тамг), раскрыл общность северо-западных тамг с некоторыми восточнобашкирскими, напр., китайской тамгой балга «молоток» (—|), а также южнобашкирским тамгами. Так, во всех нижебельских племенах зафиксированы усерганские тамги әурнә «крестовина» (+, X), казяк «лапка гуся» (≪), сәнәк «вилы» (V, Λ, √), а у таныпских и уранских башкир — кыпчакские, особенно кара-кыпчакские тамги капка «ворота» (Π), эскәмбиә «скамья» (Π—Π), әлеп «алиф» (/) и др.⁹

⁷ Руденко С. И. Башкиры. Опыт историко-этнографических очерков. — М.-Л., 1955, с. 338 — 340.

⁸ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. — М., 1974, с. 316 — 350.

⁹ Он же. Указ. раб., с. 190 — 191; 293 — 294; 334; 368 — 373.

По архивным материалам, северо-западные родо-племенные группы башкир в прошлом были расселены в следующих современных р-нах Башкирии. В Аскинском р-не проживали башкиры, принадлежащие к племени ун/унлар, кыр-унлар, род казансы; в Карайдельском р-не — башкиры племени су-ун (народное название сумлярские), балыгксы, род байкы; в Балтачевском р-не — башкиры племени танып, кыр-танып или кара-танып, ирякте, роды казансы, балтасы, иликей; в Татышлинском р-не — башкиры племени ирякте, кыр-танып, род кайпан; в Бураевском р-не — башкиры племени таз/тазлар, ельдяк/ельдят, гәрә/гәрәй, эске-елан; в Янаульском р-не — башкиры племени уран, урман-гәрәй; в Краснокамском р-не — башкиры племени гәрә/гәрәй, ельдяк/ельдят; кыргыз; в Дюртюлинском р-не — башкиры племени канлы, ельдяк, эске-елан; в Илишевском р-не — башкиры племени эске-елан, ельдяк, кыргыз; в Туймазинском р-не — башкиры племени канлы, кыр-елан, кыргыз. В бывших Бугульминском, Мензелинском, Елабужском, Сарапульском уездах (ныне Агрызский, Актанышский, Мензелинский, Муслюмский, Азнакаевский р-ны ТАССР (жили башкиры племен буляр, байляр, елан, еней, сарылы-мин, роды мышыга, салагуш, тугыз, чурай/турай и др.¹⁰

После разгрома в 1552 г. Казанского ханства Московским государством башкирские племена в течение 1554—57 гг. добровольно принимают подданство России. В период XVII—XVIII вв. Башкирия была разделена на административно-территориальные области — дороги (от монг. даруга «начальник области округа»): Казанскую, Осинскую, Ногайскую, Сибирскую. В Башкирии были построены опорные города Оса (1557 г.), Уфа (1574 г.), Мензелинск (1584 г.), Бирск (1663 г.), Оренбург (1735 г.).

Вся территория Башкирии составляла Уфимский уезд, позднее, после постройки Оренбурга были образованы Уфимская и Оренбургская губернии, которые делились на уезды и множество волостей. Названия волостей давались по башкирским родо-племенным названиям.

Так, в реестре башкирских волостей, составленном около 1730 г. по Казанской дороге приведены и описаны более 20 волостей с башкирскими родо-племенными названиями с указанием расположения их по долинам рек: «1) Сарыш-Кыпчацкая по Ику и Сюне, 2) Тамьянская по Ику же, 3) Ирехтинская по Ику, 4) Тингаурская, т. е. тангаурская или тунгаурская по Ику, 5) Бурзянская по Ику, 6) Курпечь-Табынская, Сеньрянская по Ику, 7) Каршинская по Кармасану, 8) Дуванейская по Чермасу, т. е. Чермасану, 9) Шемшединская по Евбазе, 10) Ички-Иланская по Белой реке и по Базе речке, 11) Гирейская по Белой реке по обе стороны, 12) Яльдытская по речке Куяша, 13) Янейская по Ику, по Белой реке и по Закамью, 14) Тышкы-Иланская в Базинских и в Икских верховьях, 15) Иланская и Ички-Иланская обе в одних урочищах, что писано выше, 16) Кыргызская по Сюне и по другим речкам, 17) Байлярская по Каме, по Ижу, Мензеле» и др. В Осинской дороге отмечены волости Тазларская по речке Кизгеню, Уранская по Бую, Гайнинская по Тулве» и др.¹¹

После покорения Казанского ханства Московским государством нерусское население Поволжья татары, марийцы, мордва, удмурты, чуваша, спа-

¹⁰ 1841—1842 гг. — «Ведомости 13 башкирских и 5 мишарских кантонных начальников о численности башкирского и мишарского населения по 8-й ревизии в деревне, юрте, кантоне, уезде с указанием вотчинников и припущенников со сведениями о принадлежности башкир и мишарей к определенной волости и тубе (аймаку) по поземельному владению и об отраслях их хозяйства». — В кн.: Южно-уральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976, с. 270—302, 327—333. Публикация Асфандиярова А. З.

¹¹ Материалы по истории Башкирии. Ч. 1. — М.-Л., 1936, с. 137.

саясь от насильственного крещения и колонизации своего края начали массами мигрировать на восток, к башкирам.

Наличие у башкир обширных земель, которыми они владели на началах вотчинного права и общинной собственности, а также существование в то время самоуправления в башкирских общинах создавали благоприятные условия для свободного заселения извне.

В конце XVII — начале XVIII вв., в связи с усилением колониального и религиозного гнета со стороны царского правительства и с увеличением различных кабальных повинностей на нерусские народы Поволжья, миграции на северо-западные районы Башкирии, особенно в Осинскую и Казанскую дороги, активизируется.

В зависимости от форм землепользования пришлое население делилось на две большие категории: на так называемых тептярей и бобылей. Тептяри оформляли свое право на землепользование особыми письменными договорами о припуске, а также поступными данными и оброчными записями.

По исследованиям историка Асфандиярова А. З., институт тептярей возник в самом башкирском обществе гораздо раньше, еще до заселения Башкирии татарами и финно-уграми, и первоначально состоял из обезземеленных башкир, которые нередко оставались по тем или иным причинам без вотчинных прав на землю в своей общине и шли на припуск, в свои или другие общины, т. е. становились припущенниками. С началом массовой колонизации Башкирии институт припущенников получает дальнейшее развитие: из среды припущенников формируются тептяри и затем тептярское сословие. Первоначально несение тептярской повинности (уплаты тептярского ясака) считалось не очень обременительным, и в тептярском сословии были и башкиры, и пришлое население¹².

Бобыли захватывали земли башкир без разрешения и платили за нее по обоюдной договоренности лишь после выявления их, т. к. большинство их селилось на башкирских землях самовольно и не платило ясака¹³. В конце XVIII в. основная масса бобылей волилась в состав тептярей.

В конце XVI в. на территории будущего Бирского уезда считалось 9 тептярских (марийских) деревень, в XVII в. — 136 деревень, к середине XIX в. — 1075 тептярских деревень¹⁴.

Из общей массы переселенцев выделялась сословная группа служилых татар или мещеряков (мишарей), переселенных властями в среду башкир, а также на оборонительные линии для укрепления колониальной политики царского правительства в Башкирии и на восточной границе Российской империи. Мишари несли военную службу Русскому государству, за пользование же землей платили башкирам небольшой оброк. В XVII в. в Бирском уезде имелось всего 8 мишарских деревень, в XVIII в. — 127 деревень, к 1840 г. — 331 мишарская деревня¹⁵.

К XIX в. тептяри составляли устоявшуюся многочисленную этнографическую группу, язык и культура которой были значительно нивелированы башкирской средой в виду того, что тептяри вливались в массу башкир

¹² Асфандияров А. З. Тептяри (социально-экономический, политический и лингвистический аспекты происхождения). — В кн.: Башкирская этнонимия. — Уфа, 1987, с. 60 — 62.

¹³ Васильев С. М. К вопросу о землепользовании пришлого нерусского населения в конце XVII — начале XVIII вв. — В кн.: Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. — Уфа, 1958, с. 133 — 135.

¹⁴ Асфандияров А. З. Указ. работа, с. 72.

¹⁵ Указ. «Ведомости», опубликованные Асфандияровым А. З. — В кн.: Южно-уральский археографический сборник (ЮАС). Вып. 2, с. 308 — 339.

постепенно и были связаны с коренным населением такими решающими экономическими факторами, как земельный надел и условия землепользования.

В период башкирско-тептярского взаимодействия язык северо-западных башкир начинает развиваться в направлении, отличном от других башкирских диалектов.

В XIX в. начинается новый интенсивный приток татар в Башкирию, которых местное население в отличие от старых переселенцев называет татар, казанский народ (казанлы, казан халкы). Эта группа пришлого населения, отличавшаяся по языку от башкир и тептярей также постепенно подвергается влиянию местных, уже в какой-то мере оформившихся, говоров башкирского языка, т. к. «общее количество тептярей, мишарей и татар в это время не превышало количество башкир этой зоны»¹⁶.

В консолидации языков и культур башкир, тептярей, татар, мишарей важную роль сыграл переход северо-западных башкир к оседлому земледельческому хозяйству, который завершился в Бирском, Мензелинском, Бугурус-ланском, Красноуфимском уездах к середине XIX в., в Белебеевском уезде — к концу XIX в.¹⁷

Единое направление в хозяйственном и социально-культурном развитии двух родственных народов углубляется интенсивными семейно-брачными отношениями.

В тептярское сословие влилось значительное количество финно-угорского населения, марийцев, удмуртов и др. Хотя в настоящее время финно-угры и чуваша составляют 7,6 проц. всего населения Башкирии, имеются сведения о том, что в прошлом финно-угорское население было довольно многочисленным. Многие из них, попав в экономическую зависимость от башкир, принимали мусульманство и переходили в башкиры.

Так, в некоторых современных башкирских деревнях на это указывают названия бывших родовых подразделений в родо-племенном составе башкир (чирмеш населе, ар населе), а также легенды, касающиеся истории деревень (см. связные тексты в работе и сс. 71, 135, 138), топонимы с финно-угорскими названиями (Магашты — Алмандай, Вөрөш, Кәрәкәй — Карак урман, Кубизы, Юрмиязы и т. д.)¹⁸.

Р. Г. Кузеев пишет, что «процесс ассимиляции башкирами местного, а затем и пришлого финно-угорского населения на северо-западе было настолько ощутимым, что заметно отразилось во внешнем облике их, в современном быте, культуре и языке»¹⁹.

Численность башкир после добровольного присоединения Башкирии к России не учитывалась в продолжение XVII — XVIII вв., поскольку башкиры не были рядовым податным населением, а находились на особом положении у русского правительства, платили общий (общинный) ясак в казну и несли военную службу. Только в конце XVIII в., согласно указу от 6 июля 1783 г., башкиры и мишари (мешеряки) были подвергнуты переписи при 6-й реви-

¹⁶ Кузеев Г. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI — XX вв. — В кн.: Археология и этнография Башкирии, III. — Уфа, 1968, с. 357.

¹⁷ Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период (60 — 90 гг. XIX в.). — М., 1981, с. 105 — 106.

¹⁸ Миржанова С. Ф. Этноязыковые взаимосвязи северо-западных башкир с финно-угорскими народами. — В кн.: Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978 — 79 гг. Тезисы докладов. Уфа, 1980, с. 77 — 78; Образцы Башкирской разговорной речи. — Уфа, 1988, с. 200 — 207.

¹⁹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 348.

зии и с оговоркой «для сведения». Поэтому ревизии (переписи) носили далеко не полный, приблизительный характер. Численность определялась количеством дворов, по которым выводили среднее количество душ. Средним показателем душ на 1 двор брали, напр. в Казанской дороге 2,6 чел., в Осинской — 4 чел., в Ногайской — 2,4 чел., Сибирской — 2,5 чел.²⁰ В последующие годы сбор сведений о численности башкир возлагался на волостных старшин, которые тоже не были заинтересованы в точном показе численности своего населения.

Кроме того, учет башкир осложнялся непрекращающимся увеличением беглого населения, и в связи с этим местные власти неоднократно писали о перенаселении края. Поэтому ниже приведенные данные о численности башкир должны приниматься как сугубо приблизительные. Так, сведения о башкирах, собранные окольными путями кунгурским бургомистром Юхневым во время его поездки в 1725 — 1726 гг. были следующие: в 12 волостях Казанской дороги было зафиксировано 7840 дворов, что составляло примерно 23520 душ, в Осинской дороге, в четырех (Гарейской, Уранской, Терсяцкой, Гайнинской) волостях — 2104 двора, примерное число 6312 душ. Всего по двум дорогам исчисляется 34832 душ муж. пола²¹.

По сведениям Р. Г. Кузеева, специально занимавшегося проблемой численности северо-западных башкир, общее число северо-западных башкир составляло в XVIII в. 90 — 100 тыс. чел., в то время как численность башкир остальной Башкирии достигала 200 тыс. чел. м. п.²²

Во время кантонной системы (1798 — 1865 гг.) в 20 волостях (Старо-Балтачевской, Кубязовской, Верхне-Татышлинской, Байгузинской, Кальтеевской, Ново-Каинлыковской, Ваньш-Алпаутовской, Киебаковской, Кызылъяровской, Калмыковской, Бураевской, Асяновской, Исмагиловской, Илишевской, Московской и др.) 6-го Бирского кантона было башкир 103 463 чел. м. п. В 12 волостях 7-го Мензелинского кантона (Исянбаевской, Поисевской, Семиостровской, Такталачукской, Байсаровской, Амиковской, Нуркеевской, Байлярской, Альметмуллинской, Ирехтинской, Салаушской, Бимской) башкиры мужского пола составляли 47657 чел. В Гайнинско-Бардымской, Гайнинско-Сарашской, Кояновской волостях 5-го Красноуфимского кантона было 11018 чел. м. п. Всего в трех кантонах численность башкир составляла примерно 162138 чел. м. п.²³

По сведениям подворной переписи 1912 — 1913 гг. в 6 — Бирском уезде башкир было 232869 чел. о. п., татар — 17287 чел. о. п., мишарей — 45079 чел., тептярей — 53448 чел., чувашей — 567 чел., мари, мордвы — 75942 чел., удмуртов — 23089 чел. В Мензелинском уезде башкир числилось 154324 чел., татар 93403 чел., тептярей 36783, чувашей 3922, мари, мордва — 2448 чел., удмуртов 6151 чел.²⁴

После образования БАССР все мишари и подавляющее большинство тептярей, оставшихся в пределах республики, перешли в татарскую нацио-

²⁰ Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII в. и статистика населения в конце XVIII в. Т. 2. Часть 2. — М., 1902, с. 277.

²¹ Материалы по истории Башкирии. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. — М.-Л., 1949, с. 485.

²² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 335.

²³ Список башкирских деревень с разделением их на кантоны волостные и сельские общества. — Без указания места издания, с. 28 — 44.

²⁴ Янгузин Р. З. Численность и этнический состав населения Уфимской губ. в середине XIX — начале XX вв. — В кн.: Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. (Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии). Кн. II. — Омск, 1984, с. 132.

нальность. Лишь в памяти народа остались исторические названия мишәр, типтәр, а также мишарские и тептярские деревни.

По Всесоюзной переписи 1926 г. в связи с последствиями гражданской войны, засухи и гибели народа от голода численность башкир значительно снизилась и составила в Бирском уезде 177812 чел., татар — 121238 чел., в Уфимском уезде — 57552 чел. башкир, 98906 чел. татар²⁵.

С другой стороны, к 1926 г. почти полностью произошла этническая ассимиляция 166 тыс. бывших бугульминских, мензелинских, елабужских, частью сарапульских башкир²⁶, которые были оставлены в составе Татарской АССР.

По Всесоюзной переписи 1979 г. в 10 вышеуказанных наиболее густонаселенных башкирами р-нах БАССР численность башкир составила по приблизительным подсчетам около 280 тыс. чел., из которых башкирский признали своим родным языком 19440 чел.²⁷ В это число вошли и пермские (гайнинские) башкиры количеством более 52 тыс. чел., считающих родным язык своей национальности около 15 тыс. чел.²⁸ При этом во всех справочных источниках, начиная с самых ранних списков, указываются отдельно башкирские, татарские, или тептярские, или мишарские, а также финно-угорские населенные пункты с преобладающим составом населения²⁹. Хотя полевые материалы наши и других исследователей показывают, что в большинстве северо-западных населенных пунктов этнический состав населения села не был однороден, а имел так называемые «концы» деревни (оч): башкорт очо «башкирский конец», типтәр очо «тептярский конец», арлар очо «арский конец» деревни. С течением времени эти этнические «концы» сливались в единую этническую группу, и жители деревни имели возможность выбирать по своему усмотрению ту или иную национальность. В результате некоторые населенные пункты за свою историю несколько раз меняли свою этническую принадлежность. Так, жители припущенники деревень Иштирякова, Мишәр, Норкина, Чишмы современного Балтачевского р-на по «Ведомости 13 башкирских и 5 мишарских кантонов», в 1841 — 1842 гг. состоявших в 4-м мишарском кантоне, принадлежали к унларской тьубе³⁰. По переписи 1926 г. все они записались башкирами³¹, по переписи 1959 г. жители д. Иштирякова являются татарами, д. Норкина — башкирами, д. Чишмы — часть башкирами, часть татарами³², по переписи 1979 г. жители всех трех деревень правомерно числятся башкирами³³. По сведениям информаторов, д. Мишәр обосновал мишар, но заселили ее башкиры и ныне эта деревня считается башкирской.

²⁵ Всесоюзная перепись 1926 г. Башкирская АССР, отд. 1. — М., 1928, с. 312 — 325.

²⁶ *Асфандияров А. З.* Причины ассимилятивных процессов в западной Башкирии в XVIII — XIX вв. — В кн.: Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. II. — Омск, 1984, с. 127.

²⁷ Национальный состав населения Башкирской АССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. — Уфа, 1981, с. 149, 172.

²⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. — Действующий архив Пермского областного статуправления. — Пермь, 1990.

²⁹ См. справочники «Башкирская АССР. Административно-территориальное деление». — Уфа, 1926, 1959, 1969, 1973, 1981 годы издания.

³⁰ См. Указ. «Ведомости», опубликованные *Асфандияровым А. З.* — В кн.: ЮАС, вып. 2, с. 331.

³¹ См. Список населенных пунктов Башпресублики. — Уфа, 1926, с. 69 — 70.

³² См. Башкирская АССР. Административно-территориальное деление. — Уфа, 1969, с. 64 — 66.

³³ См. такой же справочник. — Уфа, 1981, с. 66 — 68.

Таким образом, в результате длительного общения и сотрудничества северо-западных башкир с пришлыми народами Среднего Поволжья (татарами, чувашами, марийцами, удмуртами, мордвой), многосторонних ассимилятивных процессов в быту, в культурных традициях и т. д. в языке населения на северо-западе Башкирии образовались общие региональные черты, отличающие северо-западную группу башкир от других башкирских этноязыковых групп. Особенно интенсивными были связи между родственными тюркскими народами (башкирами и татарами), у которых была единая религия (монотеизм), развиты смешанные брачные связи.

На основе взаимодействия двух близкородственных народно-разговорных языков здесь сформировался самостоятельный северо-западный диалект башкирского языка со своими региональными особенностями.

Изучение языка северо-западных башкир было начато русскими учеными во второй половине XIX в.

Первые научные сведения о говорах башкирского народно-разговорного языка оставил инспектор народных училищ, ученый-энтузиаст А. Г. Бессонов, который хорошо знал татарский, башкирский, казахский языки. В 1881 г. он написал работу, посвященную описанию говоров казанско-татарского языка и ближайших к нему языков и наречий.

Ценным в этой работе является то, что А. Г. Бессонов, характеризуя говоры северо-западного диалектного ареала, правильно подразделяет их на говоры (он называет их наречиями) тептярей, наречия мензелинских, наречия бирских, осинских, т. е. пермских, уфимских и оренбургских башкир и указывает степень их близости к татарскому языку. Интересны его высказывания о пермских (осинских) башкирах, которые «значительно преобладают и таким образом отделяют татарское население Пермской губ. от сильно непосредственного влияния татарского населения Казанской губ.»³⁴

Далее, общим отличием наречия уфимских башкир от казанско-татарского А. Г. Бессонов считает то, что «первое менее удалилось от древнетюркского языка, чем последнее»³⁵.

В целом, А. Г. Бессонов правильно описывает говоры северо-западного и южного диалектных ареалов. Однако, поскольку он характеризует башкирские говоры с позиции татарского языка, допускает ошибочное толкование в отношении говоров южного диалекта, принимая некоторые особенности его (напр., афф. -лар, -нар) за татарские. При этом Бессонов А. Г. исходит из неверного взгляда о восточном диалекте, как «чисто башкирском языке»³⁶.

Известный тюрколог Катанов Н. Ф. написал научный отчет о поездке в Белебеевский уезд Уфимской губернии³⁷. Он ездил в Белебеевский уезд дважды, летом 1897 и 1898 гг. с целью изучения языка башкир Уфимской губ., мецераков, тептярей, крещеных татар, собирал песни и сказки, пословицы, заговоры, народные приметы, собственные имена и др. С башкирским наречием, — пишет он, — был знаком по книге С. Г. Рыбакова и по изданиям В. В. Катаринского.

³⁴ Бессонов А. Г. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам. — В кн.: «Журнал Министерства народного просвещения», т. 216. — СПб. 1981, с. 232.

³⁵ Там же, с. 233.

³⁶ Бессонов А. Г. Названное сочинение, с. 235 — 236.

³⁷ Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 20 июля по 20 августа 1898 г. в Белебеевский уезд Уфимской губ. — УЗ Императорского Казанского университета. 7 — 8 книги. — Казань, 1900, с. 1 — 30.

По мнению Н. Ф. Катанова, наречие башкир Уфимской губ. представляют два самостоятельных говора, отличающихся друг от друга: 1) наречие башкир западной части губернии, сближающееся с наречием крещеных татар и 2) восточное наречие, по которому он приводит языковой материал, отражающий современный демский говор с его начальными ζ (соотв. древнегреч. χ и араб. ص) (и ζ) соотв. араб. ذ (ذ)). Катанов Н. Ф. правильно описал фонетические особенности говоров башкирского языка, но в морфологии менные и глагольные аффиксы дает в четырехвариантных формах восточного диалекта (корсақты «беременная», йенде «бесноватый», буяузы «крашенный», сөрәндә «орать», сыйза «угощать» и т. д.) и сближает это с казахским языком.

В выводах он пишет, что наречие башкир западной части Уфимской губ. почти ассимилировалось татарским языком. Это распространяется «все более, благодаря давнишней пропаганде татарами ислама как путем постоянных устных общений и обильной раздаче дешевых мусульманских изданий из Казани, так и путем заселения Башкирии татарами с давних пор»³⁸.

В. И. Филоненко в статье «Язык башкир», описывая «некоторые особенности современного башкирского наречия по сравнению с языком казанских татар» на основе работ А. Г. Бессонова и Н. Ф. Катанова, повторяет выводы указанных ученых³⁹. Так, он приводит не совсем верное высказывание А. Г. Бессонова о языке пермских башкир, будто бы он образовался из смешения башкирского и татарского языков. В конце он заключает, что уфимские башкиры под влиянием татар в бытовом и религиозном отношении могут постепенно потерять национальные черты своего языка⁴⁰.

После образования Башкирской АССР в период разработки нового башкирского литературного языка были попытки вовлечь язык северо-западных башкир в башкирскую общезыковую сферу.

Так, в газете «Башкортостан» 8 февраля 1924 г. вышла статья Ш. Худайбердина «Как писать?» о преимуществе и удобстве применения в сегодняшней практике аффикса множественности -лар, а также -лы, характерных «для речи всего башкирского народа за исключением горных башкир», а именно «для языка кыпчакских, юрматынских, яланских, усерганских, сакмарских и пермских башкир». Как видим, он смотрел на проблему создания литературного языка гораздо шире, с государственной точки зрения, а именно с охватом башкирских говоров, начиная от пермских башкир до сакмарских.

В конце 1940 г. Башкирский научно-исследовательский Институт языка и литературы провел при участии крупного тюрколога Н. К. Дмитриева 2 — Всебашкирскую лингвистическую конференцию, где был обсужден доклад о диалектной системе башкирского языка. Был выдвинут тезис о наличии трех диалектов, восточного, южного и западного.

Но часть ученых не признала наличия третьего западного диалекта, смешанного с говорами татарского языка, и без глубокого научного исследования считала его татарским говором⁴¹.

В 1953 г. вопрос о западном диалекте был снова поднят и поставлен на повестку дня научного семинара, проведенного Институтом истории, языка

³⁸ Его же. Указ. отчет 1898 г. — УЗ Императорского Казанского университета. 1 — 3 кн. — Казань, 1901, с. 1 — 90.

³⁹ Филоненко В. И. Язык башкир. — В кн.: Вестник Оренбургского учебного округа. — Уфа, 1913, № 6, с. 197 — 202.

⁴⁰ Там же, с. 201.

⁴¹ Киекбаев Дж. Башкорт диалекттары һәм уларҙың тарихына ҡыскаса инеш. — БДУ. Гилми язмалар, III сығ. Башкорт филология серияһы № 2. — Өфө, 1958.

и литературы БФАН СССР при непосредственной помощи Н. К. Дмитриева. На семинаре было признано считать язык северо-западных башкир третьим диалектом башкирского языка и предложено начать глубокое научное исследование этого диалекта. Тема была включена в научно-исследовательский план ИИЯЛ. В 1954 г. была проведена первая диалектологическая экспедиция в Аскинский, Балтачевский, Бураевский, Янаульский районы. На основе собранного материала по лексике, фонетике, грамматике был сделан вывод о том, что западный диалект составляет неотъемлемую часть башкирского народно-разговорного языка как в качестве самостоятельного диалекта⁴².

Дальнейшее изучение северо-западных говоров в плане раскрытия и углубленного систематического описания их диалектных особенностей не было продолжено, собранный материал не был опубликован.

В последующие годы проблема о языке северо-западных башкир поднималась в работах А. А. Юлдашева, Т. М. Гарипова, которые квалифицировали его как северо-западный диалект башкирского языка и подчеркивали необходимость его углубленного изучения. Вопрос этот привлекал к себе внимание не только лингвистов, но также и общественности и, особенно выходцев из северо-западных башкир, которые считают свой язык диалектом башкирского языка.

Данные северо-западных говоров, архивные материалы и русско-башкирские словари XVIII в. свидетельствуют, что на северо-западном диалектном ареале башкирского звука *h* не было искони. Вместо него в тюркских корнях слов функционировал звук *ç*, как в соседнем демском говоре (сарык — лит. *нарык* «овца», сыйыр — лит. *һыйыр* «корова»), в заимствованных арабо-персидских словах спирант *h* вытеснялся (аман — башк., тат. *һаман* «всегда, все еще», әр — башк., тат. *һәр* «каждый»). Демский звук *ç* был зафиксирован нерегулярно (спорадически), при экспрессивно-эмоциональных ситуациях в речи старого поколения (Насретдин! Желкәсе жока! томса! — лит. *Насретдин — мужское имя, йелкәһе йока! «кишка тонка», томса — лит. томһа «тупой, неразвитый»*) в нижнебельско-ыкском, а также в караидельском говорах.

Отсутствие звука *h* отражено и в русско-башкирских словарях Мендиара Бекчурина и анонимного автора XVIII в., в которых по исследованиям Ишбердина Э. Ф.⁴³ звук *з* был, но ни в одном слове тюркского корня не отмечен звук *h*. В заимствованных словах звук *h* опускался. Некоторые диалектные варианты слов (мей — лит. *мейе* «мозг», мөгөш — лит. *мөйөш* «угол», песей — лит. *бесэй* «кошка», бар за — лит. *бары ла* «все»), и диалектизмы (юша «лось», комшогор — гайнин. *конйогор/конжогор* «ящерица», бута «пояс» — гайнин. *бота* «узорный пояс», Күгизел «зеленая река» и т. е. «Дема») дают основание предположить, что материал для словарей собирался и в северо-западном диалектном ареале, т. е. демском и северо-западных говорах.

Общность многих диалектных черт северо-западных говоров с демским говором дает возможность с определенной вероятностью утверждать, что северо-западный диалект в прошлом был *ç* — диалектом, что будет раскрыто в главах данной книги.

Сын известного башкирского поэта XIX в. Гали Сокроя Гарифуллы Киикова в 1910 г. одним из первых откликнулся на призыв журнала «Шуро», выступившего по вопросу демократизации литературного языка. Г. Кииков в своей статье выступает сторонником обновления литературного языка,

⁴² Башшев Т. Г. Указанный научный отчет 1954 г., с. 3.

⁴³ Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. — М.: Наука, 1986, с. 11 — 13.

призывает писать на понятном народу языке. Свой народно-разговорный язык он называет башкирским и свои труды пишет на «чисто башкирском языке» (тач башкортча)⁴⁴, т. е. на северо-западном диалекте башкирского языка.

Исходя из территориально-языковых особенностей, язык северо-западных башкир делится нами на следующие говоры: караидельский, таныпский, нижнебельско-ыкский, гайнинский. Последующие главы посвящены характеристике указанных говоров.

⁴⁴ «Тел ярышы». Составитель Р. Фахретдинов. — Оренбург, 1910, с. 47 — 48; См. также статью М. Надергулова «Шағир һәм ғалим Ғарифулла Кииков». — ж. Агидель, № 8, 1986.

Глава I

КАРАИДЕЛЬСКИЙ ГОВОР

Караидельский говор распространен на территории Аскинского и Караидельского районов БАССР. Носителями его являются башкиры — представители исторических племен балыксы и так называемых унларских или сумлярских башкир (по Рычкову: унларские, су-унларские, кыр-унларские башкиры), принадлежавших в прошлом к племени су-ун, кыр-ун. Носители говора живут в бассейнах рек Тюя (Төй) и среднего течения р. Уфы (Каризел). По этому гидрониму говор получил название «караидельский».

В Аскинском районе к караидельскому говору относятся старые башкирские населенные пункты: Кубиязы, Урмиязы (Юрмияз), а также деревни, расположенные по бассейну реки Тюй: Авадай (Әүәзәй), Кушкуль, Султанбеково, Чурашево (Сураш), Новый Суюш (Сөйөш), Кашкино (Кашка), Новококильдино, Старококильдино (Кускилта), Уршады (Уршизе), Камашады (Кәмәшизе) и др.

В Караидельском районе к говору относятся башкирские села Туешево (Ташмәсет), Юлдашево (Әлмәш), Кудашева, Сидяшева, Якупово (Артауыл), Старо- и Ново-Акбуляково, Халилово, Абдулино (Бәрзәш), Караярово, Янсаитово, Трубкино (Кедече), Мата, Шамратово, Ново-Бердяшево, Буртым (Бертем), Старые Багазы, Мускальдино, Булмазы (Болмозо), Уразбахтино, Муллакаево, Аминево, Новый Эткусту и др.

На территории говора живут кроме башкир также бывшие тептяри, мишари, а также марийцы, удмурты. Мишарские (ныне татарские) деревни расположены узкой полосой вдоль западной границы Караидельского и в южной части Аскинского района. Татаро-мишарскими являются деревни Тупрали, Хатмуллино, Байки-Юнусово, Байкибашево, Ягельдино, Анталыпово, Куртлукулево, Мрасимово, Подлубово,

Тайга и др. Тептярские села (их немного) расположены среди башкирских.

Марийцы и удмурты (народное название ширмеш, ар) в большинстве случаев двуязычны и говорят на местном языке башкирского населения. Помимо этого, значительное число марийцев и удмуртов, приняв мусульманство, перешло в башкирскую национальность. Легенда, записанная в д. Улукулево Аскинского района, повествует о неких трех братьях Сыудыбайсар, Кырдыбайсар (ср. этнонимы су-ун, кыр-ун) и Айдыбайсар, которые женившись на юрузанских девушках, стали башкирами.

По легенде, башкирские села Кубиязово и Урмиязово Аскинского района были основаны марийцами Кубай и Юрмый. Подобных башкирских деревень марийского и удмуртского происхождения в Аскинском и Караидельском районах немало.

Марийские и удмуртские названия ширмеш, ар отмечаются и в составе родовых подразделений собственно башкирских селений. Так, жители д. Янсаитово Караидельского района имеют в своем составе два родовых подразделения (нәсел): ярғыс и тыкыш или ширмеш.

Этноним балыксы кроме башкир отмечается в составе киргизов, тувинцев, казахов, туркмен. Слово возводится учеными к древнетюркскому слову балык, которое означало «город» на языке древних тюрков и уйгуров¹. Аффикс -чы (башк. -сы), один из наиболее древних в тюркских и алтайских языках, обозначал и обозначает «лиц по их деятельности в широком смысле слова», среди которых «наиболее древним является значение профессии, занятия»²: балыкчы, I «рыболов», II «строитель городов».

Этническая история племени ун, унлар (су-ун, кыр-ун) восходит к древним гуннам, в составе которых наряду с другими племенами было, по исследованиям историков, и уйгурское племенное объединение под названием он-огуры > он-уйгуры, обитавшее в древности по бассейнам десяти рек в долине Орхона³.

В говоре сохранились древние фонетические черты (диссимилятивные звуко сочетания лт, мт, нт, нк, рт), отмечаемые в языке письменных памятников Орхона и Енисея⁴. Эти чер-

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974. с. 351; М. Кашгарий. Девону лугатит турк. I. Ташкент, 1966, с. 368.

² Гарипов Т. М. Башкирское именное словообразование. — Уфа, 1959, с. 61 — 62; Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. — М., 1966, с. 84.

³ Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 349.

⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. — М., 1951, с. 127.

ты современных караидельского, среднего говоров башкирского языка, а также языка желтых уйгуров могут указывать на единые глоттогенетические истоки указанного древнего реликтового явления и историческую общность башкир с древнеуйгурским миром.

Некоторые общие черты башкирского языка с восточно-тюркскими языками киргизов и желтых уйгуров (начальный й в м. ж, «сибирскую» фонетику в области аффиксов) отметил С. Е. Малов⁵.

Древнетюркские элементы лексики отражены и в топонимии. Так, на территории говора отмечаются топонимы с компонентом йазы: Кубайазы — Көбөйаз — Көпөйаз, Юрмыйаз — Урмыйазы, Кигазы, Боғайаз — Бағазы. На местном говоре слово йазы обозначает «поляна»: Кубайазы «поляна Кубая», Йурмыйазы «поляна Юрмия», Кигазы < Кыйык йазы «косая уклонная поляна», Боғайазы «поляна бычка». В языке древнетюркских памятников, а также в алтайском, уйгурском языках йазы «степь, равнина»⁶. В турецком языке В. В. Радлов указывает в словах йаз/йазы значения 1) «открытая равнина», 2) «вольный народ»⁷.

Балыкчинские башкиры первоначально обитали на западе, в долинах р. Ика, откуда в XVI — XVII вв. в составе китайской группы направились на северо-восток и осели в бассейне р. Тую⁸.

С юга их соседями были унларские башкиры. До XVI — XVII вв. их территория доходила до среднего течения р. Белой в Центральной Башкирии⁹, где они соседствовали с табынцами — представителями среднего говора. В связи с активной колонизацией края и построением г. Уфы большая часть унларских башкир ушла на северо-восток, на правобережье р. Уфы¹⁰, т. е. на современную их территорию.

Главной фонетической чертой говора является регулярное функционирование диссимилятивных звукосочетаний лт, мт, нт, ңт, ңк, рт в неразложимых и разложимых основах слова: сүләйсеңтер «говоришь наверное», бәрәңке «картофель», элгәртән/элгәрәдән «издавна», что характерно также и для

⁵ Малов С. Е. Лобнорский язык. — Фрунзе, 1959, с. 6.

⁶ Древнетюркский словарь (далее: ДТС). — М.: Наука, 1969, с. 251.

⁷ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий (далее: Радлов. Словарь). Т. III. — СПб, 1905, с. 219.

⁸ Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 352.

⁹ Отдельные топонимы с названием унгар, которые М.-С. Умедбаев (Иадкар, 1897) связывает с гуннами и называет их гуннскими башкирами, отмечаются еще южнее: Бишул-Унгарово Кармаскалинского района, Унгарово (Кревля-Илюшино) Кумертауского района БССР.

¹⁰ Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 339, 349 — 350.

среднего говора южного диалекта. Различие между караидельским и средним говорами заключается в том, что в караидельском говоре диссимиляция систематически распространяется и на звукосочетание рт, чего не наблюдается в среднем говоре. Ср. йебәрте — средн. йебәрзе «пустил», бер тө — средн. бер зә «ни одного, совсем»; Бер йыр та урэнәлмәзеңме? — средн. Бер йыр за... «Ни одной песни не выучила, не записала?». По этому признаку караидельский говор значительно «старше», древнее среднего говора и ближе к языку древнетюркских письменных памятников.

В языке древнетюркских памятников, а именно древних уйгуров, допускаются звуковые комплексы рт, лт, нт в разложимых корнях: барты «ходил», алты «взял». В караидельском говоре данное явление распространяется не только на разложимые основы, но и на служебные слова: бер тө, йыр та.

Характерной для говора чертой является преимущественное употребление глухого п в начале слова. При этом говор полностью не исключает звонкий б в указанной позиции. Примеры: Пороңконо мин пелмәйем, кей «Старину я не знаю ведь»; Пашымтағы шәлем пелкейрәк «Шаль на моей голове немного мала».

По указанным диалектным особенностям Т. Г. Баишев назвал данный говор «наречием п — т», включая сюда и средний говор южного диалекта¹¹, что в действительности не соответствует современной классификации говоров башкирского языка, хотя генезис диссимилятивных звукосочетаний лт, мт, нт, ңк, сохранившихся в указанных говорах, восходит к единым субстратным явлениям.

В караидельском говоре, в начале слова, как в демском, нижнебельском говорах, функционирует огубленный вариант фонемы а⁰ и наблюдается преимущественно употребление начального й, что сближает его с говорами южного диалекта.

Фонетические особенности

Система гласных (вокализм)

Фонема а. В говоре а функционирует в двух вариантах. В начале слова и в первых закрытых слогах слова выступает сильно огубленный звук, близкий к о, в других позициях употребляется неогубленный а. В ударных слогах и при экс-

¹¹ Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. — М., 1955, с. 33.

прессии огубленный а° звучит как звук о с элементом а: о^а. Примеры: а°лма «картофель», а°са «иней, снег на деревьях», ка°мыл «жниво», ма°й «масло, жир», ба°ш «голова, начало», ба°бай «дядя старше родителей»; Ко^аплаңқыры! «Чтобы провалиться». В позиции перед узким губным гласным у огубленный а° выступает как губной гласный о, например: коузан «весенняя линька», соун «дойка», оуз «рот».

Огубление фонемы а° связано с историческим развитием гласных тюркских языков Поволжья, и как одно из древних фонетических явлений, в разной степени проявляется в диалектах башкирского, татарского, чувашского языков.

а — ы, и. В говоре зафиксировано несколько слов, в которых вместо общеупотребительного и литературного ы в ударных слогах выступает а после широкого гласного а, например: ахак — лит. акык «сердолик», кабак — лит. кабык «кожура, чешуя», багра — лит. багры «форель», саңка — лит. саңғы «лыжи». Соответствие а — ы отмечается и после узких гласных: пышқырау — лит. бышқырыу «фыркать, чихать». Огласовка кабак характерна для танышского, гайнинского и частично демского говоров.

ы, и — а. Употребление узких гласных ы, и вместо а является одной из характерных особенностей караидельского говора. Данное соответствие охватывает значительное количество слов и в большинстве случаев выступает в предупредных, редко ударных слогах. Примеры: кашыйак — южный д. кашайак, кашығайак «посуда; камшийак* — камшайак «пиала», осыйак — осиак «глубокая сковородка на трех ножках», лит. осаяк «тренога», сарыусыз — лит. һарауһыз «невоспитанный» умырзыйа — лит. умырзайа «подснежник», тастымал — лит. таҫтымал, др. говоры таҫтамал «полотенце», Рыйан — лит. Райан — имя мужское, менағый — менағай междометие удивления, досады, возмущения. Соответствие ы — а отражается и на заимствованиях из русского языка: апыра — апра < «опара», самыуар < «самовар», сәнскә, сәнскә < «салазки».

Соответствие ы — а, е, и — ә связано с явлением сужения широких гласных, которое характерно в основном для северо-западных, и, главным образом, для гайнинского говора. Сужение широких гласных в начале слова спорадически наблюдается и в северо-восточных и других говорах башкирского языка.

* Примеры без указания других говоров говорят о том, что оба варианта зафиксированы в самом говоре.

Фонема э. Случаи употребления фонемы э вместо гласного е отмечены в различных позициях в следующих словах: нэскэ — лит. нескэ «гонкий», күшәрелеу — южн. д. күшәрелеу «литься струей», агайнэ — южн. д. агайне, эгәйне «родственники, родственная группа», инсәләу «дать слово, обещать», лит. инселәу «дарить», кәндә — кәнте «истинно, точно». В нескольких фонетических вариантах употребляется утвердительная частица эйбит/эбет/ебет/ибит — лит. эйе бит «да ведь».

е — э. Как и соответствие ы — а, оно охватывает сравнительно большой круг слов и отражает закон сужения передних широкоязычных гласных. Примеры: эт тамыры — этлек тамыры — южн. д. этлек, этлэк «съедобное корневище лесного растения, величиной с сахарную свеклу», эрекмән — лит. эрекмән «репейник, лопух», мешкә — айск. мәшкәк — лит. бәшмәк «гриб», тейән — восточн. д. тәйән «постоянно», белкей — белекей — белеки — лит. бәләкәй «маленький».

и — э. Соответствие отражает исторический переход древнетюркских широких гласных, который произошел в башкирском и татарском языках. В говоре зафиксированы следующие примеры на и — э, характерные для всех башкирских говоров: сике «деревянная кровать» — лит. һике «нары», сискә, сисәк — лит. сәскә «цветок», нимә — лит. нәмә «что», сикәләшеу — сәкәләшеу «ругаться, сцепиться», сәке «упрямый, несговорчивый», ср. чикреш «крепкое, трудно раскалывающееся (о дереве)», илгизәк — илгәзәк «ласковый, общительный». Примеры говора, характерные для татарских говоров: сикмән — лит. сәкмән «чекмень», шикәр — лит. шәкәр «сахар», тирәзә — лит. тәзрә «окно», китмән — лит. кәтмән «кетмень», песи — лит. бесәй «кошка», эпи — северо-восточн. эпәй «хлеб».

Сингармонизм

Губная гармония. Закон губной гармонии проводится по линии гласных о, ө в пределах слова. Примеры: өлкө-көннө «позавчера», йөткөрөү «кашлять», божғоту «отругать, дать жару», коңғоро^ау «колокольчик», Өркөнтө — топоним, шошо — шөшө «этот».

Нарушение закона губной гармонии наблюдается лишь в отдельных двусложных словах, например: хошбый — лит. хушбый «духи», ботык башкыртлары «бутукские < вотякские (среднеуральские) башкиры».

Небная гармония. Нарушение закона небной гармонии отмечается чаще всего в заимствованиях, например: Бәрәкат — бәрәкәт — междометное слово, выражающее удивление,

зыбанейлэр «злые люди», майдан — майдан «площадь», хэйа-сыз — хэйәсез «бессовестный, невоспитанный», кауен — кауын «дыня», сэхат — сэхэт < сохатый, «лось».

Сингармонические параллелизмы

Говор характеризуется преимущественным употреблением слов с переднерядными гласными или «мягких» вариантов. Однако в говоре «мягких» вариантов слов, общих с северо-восточными и другими смежными говорами весьма ограничено: айерән — лит. айран «айран», тәрих — лит. тарих «история», кәләкәй — аргаяш. и северо-западн. говоры кәләкәй, остальные северо-восточн. говоры колкай «жеребенок».

Многие «мягкие варианты» слов имеют соответствия в южных говорах, например: әрсеу «чистить», әлсәң, әлсә — средн. әләгәс — кубалаяк. әләйгәс — айск., сакмар, әләйһә, әләйһәң, әли буғас — кизил. әләй буғас — лит. улайһа, улай буһа «коли так, в таком случае»; ләпәк — средн. лапак «низкий», сиркәнеу — демск., средн. сакмар., кизил. сикәнеу «чувствовать отвращение, брезговать», шөшә — шошо (демск., сакмар.) «этот»; көртләү (демск., икюшатыр.) «квохтать».

Примеры на сингармонические варианты с переднерядными гласными, характерные для говора: межек — лит. мыжык «мелочный, ворчун», эшкәйекләнеу — средн. аш-кайаклану — кубалаяк., кизил. ашкәйакталу «весеннее соковыделение деревьев», әржа/ыржа — лит. әрәшә «ржа», мөгәйен — лит. моғайын «наверняка», эшереу — лит. ышырыу «сгребать», эшереб аша «крепко, как следует покушай»; сәтерсән күүк — демск. сатырман, сытырман «цепко», әп-пәк/аппак «белый-пребелый» и др.

В говоре зафиксированы также «твердые» варианты слов: асы — лит. әсе «кислый, горький», бағыр — лит. бәгер «душа», каты бағырлы «жестокосердный, жестокий»; моғазый — лит. мөгәзәй устар. «склад для зерна»; сышырткы/сыбырткы — лит. һепертке «метла», сышырыу — лит. һепереу «мести», мис сышырыу «подмести золу в печи», ышлапа — лит. эшләпә «шляпа», атай/әтәй «отец», қый/кей — утвердительная частица ведь, мекер/мыкыр «ворчун».

Явление редукции

Для говора, как и для других северо-западных и демского говоров, характерно явление редукции безударных кратких гласных о, ө, ы, е, которые в позиции с сонорными, а также с сильными согласными с, ш, редуцируются полностью, что

приводит к выпадению указанных гласных звуков: крын — лит. кырын «наклонно, косо, набок»; белкей — лит. бәләкәй «маленький», терлек < терелек «пожитки, приданое»; сыру — срыу — лит. һырыу «стегать» катнар — катынар < катынар «женщины»; олтыскан < оло тыскан «крыса»; Йурзән < Йурузән — гидроним; турпша — турпыша «дерюга», тәбшәк < тәбешәк < тәбәшәк «низкий», кше < кеше «человек», камшыйак < камышайак «пиала».

В некоторых словах узкие гласные выпадают в конце слов, что характерно для татарского языка, например: шәп — лит. шәбе «основа ногтя», мей — лит. мейе «мозг».

Особенно ярко проявляется явление полной редукции в динамике речи: Арза (ары за) лап-лап, бирзә (бире зә) лап-лап, сөңгә саплап, киез каплап (шәбагас) «Туда шлеп-шлеп, сюда шлеп-шлеп, насадив копье, накрыв кошмой» (загадка, «цеп»).

Редукция узких гласных в многосложном слове — характерная черта кыпчакских языков: башкирского (для его говоров), татарского, казахского, алтайского, карачаево-балкарского и др.¹²

Явление протезы

Определенная группа слов, имеющая протетические гласные в литературном языке, в говоре употребляются без них. Это касается как исконно тюркских, так и заимствованных слов. Примеры: сытк — лит. ысытк «роса», сын — лит. ысын «правда»; сол — лит. осол «сноровка, умение»; солло «со сноровкой, опытный»; Эшкә сол булғанмын «Работать был я мастер»; шәүәтсез «ненадежный»; ср. средн. әшәүәтһез — сальют. әшәүәтһеһ «несуразный»; ләүкә — лит. эләүкә «полка, лавка»; рәшәткә «решетка», рәт «ряд».

Наоборот, в отдельных словах в начале или в конце слова добавляется протетический гласный, которые в литературном языке и других говорах не употребляются, а характерны для татарских говоров, например: өтермә — лит. төрмә «тюрьма»; ср. таныш, өтөрмәннәү «обернуть, закутать», мишар. өтөрү «завернуть, обернуть»¹³; ыспайы — лит. ыспай «аккуратный»; тат. ыспай, каз., к. калп., кирг., ног., турк. сыпайы, уйг. сипайә, чув. сапай — то же¹⁴; эсәге — лит. эсәк «кишка».

¹² Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. — Л., 1970, с. 63.

¹³ Дialectологический словарь татарского языка (далее ДСТЯ), с. 555.

¹⁴ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964, с. 182.

Явление монофтонгизации

В караидельском говоре явление монофтонгизации можно рассматривать в трех формах.

1. **ү — өй.** Определенная группа слов, как и в других северо-западных и северо-восточных говорах, перед сонорным **р** употребляется с монофтонгом **ү** вместо дифтонгических сочетаний **өй** литературного языка: **үрә** — лит. **өйрә** «крупяной суп», **үрәнеү** — лит. **өйрәнеү** «научиться, приобрести навык, привыкнуть»; **сүрәү** — лит. **һөйрәү** «волочить», «тащить».

2. **и^о — ой, и^о — өй.** Вместо дифтонгических звуко сочетаний **ой, өй** произносится дифтонгоидный звук **и^о, и^о** т. е. огубленный **и**, который может полностью делабиализоваться в звук **и**, чего не допускает литературный язык. Примеры **ти^омә** — лит. **төймә** «бусы»; **ти^озә** — **түзә** — **түдә** — **тизә** — лит. **төйзә** «обух»; **ки^орок** — лит. **койрок** «хвост»; **айры рок** «двухвостка»; **би^озай** — лит. **бойзай** «пшеница».

3. **ү — өй, эй.** Явление монофтонгизации дифтонгических звуко сочетаний **өй, эй** > **ү**, не характерное для говоров башкирского языка, выступает диалектной особенностью северо-западных говоров, мишарского диалекта¹⁵ и чувашского языка. Примеры: **сүләү** — демск. **ҫиләү** — средн. **һөләү** — лит. **һөйләү** «говорить», **уләшеү** — лит. **эйәләшеү** «привыкнуть, прижиться», **сүкәлеү** — лит. **һөйкәлеү** «прислониться, привалиться»; **Сүкәлмәйем** тип **кул бирзе тимәсенме?** «Не скажешь, что дал слово не приставать?»; **күшәү** — лит. **көйшәү** «жевать».

Явление разогубления (лабиализации)

о — ы, о — е, и. Данное явление, наблюдаемое в северо-западных говорах, выражается в том, что литературные звуки **ы, е** в говоре выступают в виде огубленных кратких звуков **о, ө**, в начале слова. Некоторые из них (**шома, коу, корон, мөлө**) являются близкими к первичным губным. Зафиксированы следующие примеры: **оңкай** — лит. **ыңғай** «удобный, попутный»; **Шул оңкайға табатын** «По тому направлению»; **шома** — лит. **шыма** «гладкий»; **шома тойак** «пройдоха»; **конкора^оу** — лит. **кынғырау** «колокольчик»; **мор аурыуы** — лит. **мыр** «тля, болезнь пчел»; **коу** — лит. **кыу** «сухой, трут»; **божготоу** — лит. **быжғытыу** — кизил. **быжғыртыу** «дать жару»,

¹⁵ *Махмутова Л. М.* Опыт исследования тюркских диалектов. (Мишарский диалект татарского языка). — М., 1978, с. 58.

отругать»; оклау — ыклау — лит. уклау «скалка»; кис ко-рон — лит. кис кырын «к вечеру, вечером», мөлө — меле «мальки»; сөпрэк — лит. сепрэк «тряпка»; көжө — кижө — лит. кизе «крашенная бумажная пряжа», көжөгө күтәрелгән күлмәк «платье с браным шитьем» пөтүүле йурған — демск. средн. бетеүле «одеяло, сшитое из треугольных лоскутков».

у — а, ү — ә, е. Некоторые слова в говоре употребляются с губными гласными у, ү вместо широких а, ә, е: бүрәңке — лит. бәрәңге «картофель», ср. средн. г. бүрәңке — то же; куш-ма — лит. кәшнә «плот из нескольких бревен»; Буртым/Бертем — топоним.

Данное явление отражается и на русских заимствованиях, которое связано с особенностями северно-русских говоров русского языка. Примеры из говора: упит «опять», уфтоус «автобус», мүл/мөл — средн. мөлүм, мөлөм, мэйлем, «моль, молевой сплав».

Явление делабиализации

Одной из характерных фонетических закономерностей северо-западных говоров является делабиализация губных гласных в целой группе слов, которые выступают в литературном языке и других говорах с лабиальными гласными. Примеры: шымырт — демск. шоморт — средн. шумырт «черемуха»; былмау — лит. булмау «не быть», былмазы «не получилось»; бетеү — лит. бөтөү «кончаться», пыркылтатып — лит. борколдатып «поднимая пыль, разнося запах»; башкырт — лит. башкорт «башкир», петәйтеү — лит. бөтәйтеү «добротнo одеть», быяу/пыйау — лит. буяу «краска»; ср. кизил. быяу; мынса — мыса — лит. мунса «баня», бығаҙлау — восточн. говоры боғаҙлау «зарезать скотину»; ыскылык тотоу (демск., средн.) — лит. осколок тотоу «икать»; эндәшеү (демск., танып) — лит. өндәшеү «кликнуть, окликнуть, подать голос», ср. кизил. эндәшеү — то же, пырылтау — кизил. бурылдау «ворчать, брюзжать», кәксәү — лит. күксәү, күкһәү «хронический кашель», кәгәүн/кигәүн — лит. күгәүен «слепень»; сереү — сүреү — восточн. д. һүреү «наперник», ср. демск. сүре «марлевая подкладка», кизил. һүреү дауар «неплотная, как марля ткань». Диалектизм восходит к финно-угорскому корню: мар. серте, шурто «нить, нитка, пряжа», коми шерт, шорт, удм. шорт «пряжа»¹⁶.

¹⁶ Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. — М., 1964, с. 127.

Система согласных (консонантизм)

Одной из главных черт караидельского говора в области консонантизма является то, что в говоре более активно употребляются глухие согласные.

Согласные б и п. В начале слов в говоре преимущественно употребляется глухой согласный п, что должно выступать древней диалектной спецификой говора. В говоре, как и в татарском языке, имеется небольшое количество слов с начальным п, которым в башкирском языке соответствует начальный б: палас — балаҫ, патша — батша, песи — бесәй, песу — бесеу, песән — бесән, пеше — беше, пешереу — бешереу, пешкәк — бешкәк, пима — быйма, постау — буҫтау, посу — боҫоу, пошкырыу — бышкырыу, пошу — бошоу, пумала — бумала, пыскак — быскак, пычак — бысак, пыскы — быскы, пычрак — бысырак, пышылтау — бышылдау, пыяла — быяла, пәке — бәке, пәри — бәрей, пәрәмәч — бәрәмәс, пәһлеуан — бәһлеуан, балуан, пәхтә — бәхтә¹⁷. Дифференциальные признаки по глухости и звонкости отражаются также и на заимствованиях двух языков.

п — б. Кроме вышеприведенных слов с начальным п в говоре может оглушаться любое слово литературного языка с начальным б: пәлтерәу — лит. бәлтерәу «терять силы, энергию», — пүрәңке — лит. бәрәңге «картофель», пороңко — лит. бороңго; Пороңконо пелмәйем кей. «Я ведь не знаю старины», пөгөн — лит. бөгөн «сегодня»; Пашымтағы шәлем пелкәйрәк «Шаль на моей голове маловата», Пиш йәш тәпәй пасалмай утыра, пәхетсезгә туры килгән «Пять лет уже сидит, не может научиться ходить, к несчастью»; Бер пот пәзей, бер пот паҫа пиртеләр «Один пуд конопли, один пуд поскони дали»; Парышылмазы — лит. барып булманы «не смогли поехать».

Диалектный материал дает много фактов употребления слов и с глухим п, и со звонким б: Например: бысак/пысак «нож», белитә/пелитә «плита», бис/пис «печь», бети/пети «соски», бәжей/пәзей «конопля».

Преимущественное употребление начального п говора характерно также для говоров марийского языка¹⁸ (ср. мар. пуа «пруд», пүкән «стул», пуркыт «беркут», Пүре — Бирск и др.). В историческом же плане караидельский говор сближается

¹⁷ Татарско-русский словарь. — М., 1966, с. 419 — 444.

¹⁸ Серебренников Б. А. О двух возможных причинах соноризации интервокальных глухих согласных в чувашском языке. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. — М.-Л., 1964, с. 232.

в этом отношении с языком сибирских татар, чувашским, хакасским языками.

б — п. В говоре наряду с озвончением исконного начального *п* в некоторой группе слов отмечается употребление *б* вместо *п* в интервокальной позиции и в соседстве с сонорными, что наблюдается и в заимствованиях из русского языка. Примеры: тубыл «тополь», кәбестә «капуста», эбәт/упит «опять», сәбәмә — юшатыр. сәпәмә «игра в лапту», сыбырткы — лит. һепертке «метелка», сыбырыу — лит. һепереу «мести», бәбәй/пәпәй — лит. бәпәй «ребенок», кобарта/копарта «поднимает, вздувается», ламбы — лампы «лампа».

Данное явление указывает на то, что озвончение сильного глухого *п* происходит в первую очередь в интервокальной позиции. Ср. озвончение глухих *m > g* в словах: балдыр *вм.* балтыр «икры», сандый *вм.* сандый «глупый». В данном случае караидельский говор и северо-западные говоры напоминают особенности чувашского языка, где отсутствуют начальная и с сонорными глухие согласные произносятся звонко.

м — б, п, ф. В отдельных словах вместо начальных *б, п* употребляется сонорный *м*. Данное явление характерно для всех северо-западных и всех остальных говоров башкирского языка и отражает черту кыпчакских языков. Примеры из говора: майтак — лит. байтак «порядочно, много», мөкә — лит. бөкә «деревянная затычка для бочек»; мәшкә — лит. бәшмәк — северо-восточн. г. мәшкә, мәшкәк «гриб», морсат — лит. форсат «возможность», армау — лит. арбау «заговорить, загипнотизировать»; йылан армай «змею заговаривает».

п — ф, ф — п. В говоре функционирует губно-зубной глухой звук *ф*, который часто выступает вместо *п* или употребляется параллельно с ним. Примеры, выступающие в двух вариантах: фәрзә/пәрзә «занавеска», туфрақ/тупрак «почва», коалфақ/калпак «женское надлобное украшение», кәнәпи/кәнәфи «скамья со спинкой», панар/фанар «фонарь». Слова, имеющие только один вариант с глухим произношением: керпек «ресница»; гороп или гороб — лит. ғөрөф «обычай», фис «весь», фарсалы *вм.* парсалы *ср.* средн. барсалы «узорчатый».

Фонемы г, ғ, к, к. В говоре функции звонких согласных *г, ғ* крайне ограничены. Вместо них употребляются глухие *к, к*, за исключением двух-трех слов, в которых в начальной позиции выступает звонкий *ғ, г*: гәрнис «карниз», гөпшә «дягиль», гөбә «высокий деревянный сосуд», ғомбағыш «подсолнух».

г, ғ — к, к, х. В некоторых словах в интервокальной позиции и с сонорными наблюдается озвончение глухих согласных *к, к, х*. Примеры: сигә — лит. сикә «виски», сығырық —

лит. һыкыра «запах мочи», туғуу — лит. туқыу «взбивать» (масло), уағыт — уакыт — лит. вакыт «время», сырғау — сыркау — лит. сырхау «болеть», Фәриға — лит. Фәриха — антропоним.

Фонемы д, т. В противовес звонким ғ, г, употребление которых в начале слова почти отсутствует, звонкий д в начальной позиции выступает более активно: дуға «дуга», дәғә — даға «подкова», дегет «деготь», дуғым «шина», дилбәгә «вожжи», дулка «втулка», дары «просо», дыраж/драж «шершень», черный шмель», дулкын «волна». Звонкое произношение определенной группы слов характерно в первую очередь для говоров восточного диалекта, северо-западных говоров, а также других говоров башкирского языка.

д — ҙ. Звук д спорадически выступает вместо ҙ в интервокальной позиции, и в результате спирализации д переходит в ҙ, что вызывает двухвариантное произношение слов: иде/изе «было»; йеде/йезе, әрдәнә/әрзәнә әртәнә «поленницы дров»; ка^одак ка^озак «гвоздь», түдә/түзә «бух», да/за — усилительная частица. Примеры в контексте: Эрзәнәләре йарыламаған «Дрова не расколоты», Шуңа им табалмазык «Не могли найти лечение», Үлте ҙә куйзы «Неожиданно помер», Озатырға за барып пылмазы «Не смогли даже проводить».

Фонема ҙ. Является одной из характерных звуков караидельского говора. Сфера употребления ҙ несколько шире, чем в литературном языке, но не настолько, как в нижнебельском говоре, в результате чего возникают весьма интересные фонетические соответствия, часть которых отражает древние фонетические рефлексy на почве башкирских говоров.

ҙ — ҙ (< з). Фонема ҙ караидельского говора выступает как в литературном языке, вместо общетюркского и древнетюркского з. Примеры: сез — лит. һез «вы», сигез — лит. һигез «восемь», йазуу — лит. языу «писать, письмо»; сызлау/сызлау «болеть, нить», тәрзә/тәзрә «окно» и др.

ҙ — ҙ (< д). Фонема ҙ употребляется, как и в литературном языке, вместо общетюркского и древнетюркского д в интервокальной позиции, например: коза — лит. коза < кода «сват», козағый — лит. козағый < кодағый «сватья», каозак — лит. казак < кадак «гвоздь», йөзәү/йөзәү — лит. йөзәү «изнуряться».

ҙ — д. В говоре в группе слов наблюдается употребление ҙ вместо начального д. В отдельных случаях оно распространяется и на заимствованные слова. Примеры: ҙегәнәк — восточн. д. дегәнәк — лит. тегәнәк «репей»; зимнәү — демск. средн. димнәү «уговорить», «увещевать», Өйне зимнәштереп саттырзылар «Уговорами заставили продать дом», заруу —

лит. дарыу «лекарство», зуу килеу — сакмар дыу килеу — кизил. зыу килеу «шуметь (о людях)», занныклы/данныклы «прославленный», зууан/дууан «дуван»; зуан башкырт бисәсе суразы «Спросила дуванская башкирка», зугыуар «договор», зумайка «думай-ка».

з — з — д, з — з. В некоторых словах в анлауте звук з караидельского говора выступает вместо з литературного языка или других говоров, например: зәһәр — дәһәр — лит. зәһәр «сильно, очень, слишком», зәһәр усал «очень злой», зелпе — делпе — лит. зелпе «бересклет», изән — изән — тат. идән «пол», козак — тат. кадак «гвоздь», кызырайыу — кизил. кызырайыу «злиться, раздражаться, привязываться», Мына кызырайып килә! «Вот красный от злости идет на меня!», ызғыш — кизил. ызғыш «раздоры, ссора».

з — з — ж. Чрезвычайно любопытное фонетическое соответствие, отмеченное в караидельском говоре в словах: абзый — абжый — лит. абзый «старший брат», ажау — азау — лит. азау теш «коренной зуб». Литературная форма слова абзый имеет варианты абзый, абжый лишь в караидельском говоре. Во втором слове литературной является форма азау. Данное соответствие кроме караидельского и нижнебельского (ср. кәзә — лит. кәзә тат. кәжә¹⁹ «коза», Әмзе — Әмзе — Әмже — пос. Амзя в Янаульском районе) говоров бытует и в юго-восточных говорах: Әүзән — Әүзән — Әүжән «Авзян» — антропоним (сакмар., кизил.).

Таким образом, интердентальный звонкий з, функционирующий в настоящее время как самостоятельная фонема на всей башкироязычной территории, во всех говорах башкирского языка, отдельными фонетическими изоглоссами з — д, з — з проходит на северо-западные говоры башкирского языка и далее на запад, на мензелинский и частью на заказанский говоры татарского языка, образуя сплошной фонетический ареал.

Л. Залялетдинов, описывая ареал бытования «башкирского з», в говорах татарского языка эту сплошную диалектную полосу называет языковым коридором²⁰.

Кроме туркменского языка, в литературном языке которого имеются интердентальные звуки з, а в народно-разговор-

¹⁹ *Залый Л.* В автореферате докторской дисс. «Средний диалект татарского языка» (Казань, 1954, с. 13) рассматривает соответствие кәзә — кәжә в системе общетюркского соответствия й — ж в анлауте слова, тогда как и позиционно и исторически они являются двумя различными явлениями.

²⁰ *Залялетдинов Л.* Татар диалектологиясе. — Казань, 1947, с. 16, 38.

ном языке бытуют в группе основных диалектов²¹, ни в одном тюркском языке эти звуки систематически не представлены.

Интердентальный звук *з*, выступая как результат древнейших языковых интеграций, в настоящее время отражает древние фонетические явления, сохранившиеся в башкирских говорах²².

Фонемы ж, й. Фонема *ж* в говоре употребляется, как и в литературном языке, в инлауте слова в конце слога, например: *ыжламай за* «и не побеспокоится, в ус не дует», *ыжбан* «стеклянная банка», *ыжгырыу* «свистеть; пронзительно дуть». В начале слова и слога в говоре преимущественно функционирует *й*: *йөн* «шерсть», *йер* «земля», *йүкәлә* «липовый», *йәйеңкә* «блюдец», *йййылып* «собравшись», *көнйәлә* «пучок льна или конопля, готовый к пряже, прялка».

й — ж. Поскольку говор контактирует с северо-восточными «жекающими» говорами, в речи носителей говора спорадически отмечается мягкий *ж* в начале слова и слога и нередко звуки *ж* и *й* выступают параллельно, например: *йезе/жите* «семь», *йеләк/жиләк* «ягода», *булйал/булжал* «установленный срок».

Звук *ж* появляется также в экспрессивных и модальных словах: *Жокла!* «Спи!», *Бржаннак!* «Вертихвостка, легкомысленная».

ж — з. В отдельных словах звук *ж* чередуется с фонемой *з*. Примеры: *тәже — тәзе* «тяжи», *бәжей — пәзей — бәзей* «конопля», *Бәзей арасынта үсә басасы* «Посконь среди конопля растет», *бәжий орлого* «зерно конопля»; *аздаһа — лит. аждаһа* «дракон», *кижем — лит. кизе* «бумажная пряжа», *кижем ыштан* «пестрядинные штаны», *Жимберем/Зимберем* — топоним.

Фонема с. Выступает в говоре вместо литературных звуков *с*, *h* и *ç*. Соответствия *с — ç*, *с — h* являются одной из характерных и, надо полагать, одной из древних диалектных особенностей караидельского говора. В принципе фонема *с* караидельского говора составляет оппозицию глухому интердентальному *ç* демского говора, а спирант *h* совершенно чужд для этих говоров. И демский, и караидельский, и другие северо-западные говоры вытесняют спирант *h* в арабизмах и фарсизмах (*ауа*, *эммәсе*, *Таира* и др.), что в целом характерно для народных говоров современных кыпчакских языков. Данная

²¹ *Аннануров А. К вопросу о классификации диалектов туркменского языка.* — Изв. АН ТССР, серия общ. наук. 2, 1967, с. 54; *Амансарыев Ж. Туркмен диалектологиясы.* — Ашгабат, 1970, с. 60.

²² *Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков.* — Л., 1970, с. 97, 106.

специфика северо-западных говоров, в том числе и демского, позволяет сделать вывод, что для этого региона искони не был характерен спирант *h*.

Бытование глухого звука *ç* в речи старшего поколения нижнебельских и ыкских башкир, а также некоторые общие моменты в диалектных особенностях демского, нижнебельского и караидельского говоров дают основание предположить, что и в караидельском, и нижнебельском говорах ранее функционировал демский *ç*.

Вполне возможно, что М. Кашгари²³ в своем словаре говорил именно о таких языках западной части кыпчаков, болгар, сувар, в которых бытовал интердентальный звук *з*, но в его словаре не приводятся слова с интердентальным (межзубным) глухим *ç*.

с — с (< ч). В говоре, как и во всем башкирском языке, не употребляется общетюркский, в частности татарский *ч*, вместо которого выступает звук *с*, например: *сәс* «волосы», *асы* «кислый, горький», *кас* «убегай», *сапсак* «бочка для воды». В речи среднего и молодого поколения спорадически отмечается употребление мягкого шипящего *ш* (орфогр. — *ч*): *суйын/чуйын* «чугун», *сын/чын* «истина, правда», *ис/ич* «ведь».

В ограниченных словах общеупотребительный свистящий звук *с* произносится как аффриката *ц* в конце закрытого, в начале предыдущего слога. Примеры: *игенце* — лит. *икенсе* «второй, другой»; *тайанцык* «скотина, на которую опиралась сноха, приехав в дом жениха», *кайнағанцы* — лит. *кайнағансы* «пока скипит», *акца/акса* «деньги», *гупцы/гупсы* «вовсе», *бал цығара* «мед вырабатывает», *ул цакта* «в то время». Аффриката *ц* функционирует в говоре мишарей, а также диалектах марийского языка²⁴, которые взаимодействуют с караидельским говором.

с — ш (ч). В виду того, что в говоре вместо общетюркского *ч* выступает *с*, в некоторых словах, преимущественно в заимствованиях аффриката *ч* переходит в *с*. Это объясняется тем фактом, что в соседнем таныпском говоре аффриката *ч* произносится как свистящий мягкий *с*, примерно как чувашский *ç*. В других говорах башкирского языка заимствованный звук *ч* осваивается как мягкий *ш*: Примеры: *нисауа* — др. гов. *нишауа* «ничего», *врас* — др. гов. *враш* «врач». *Враслар килгән, ти* «Врачи, говорят, приехали», *паралис* — др. гов. *баралиш* «паралич», *сишмә* — лит. *шишмә* — тат. *чишмә* «родник»,

²³ *Кашгарий М.* Девону луғотит турк. Тошкент, 1960, т. 1, с. 66.

²⁴ *Саваткова А., Учаев В.* Краткий грамматический очерк. — Марийско-русский словарь. — М., 1956, с. 798 — 800.

сыршы — лит. шыршы — тат. чыршы «ель», Сыршылы беләк, «Еловый лес».

с — т. В единичных словах с чередуется с согласным т литературного языка, например: сиреу — лит. тиреу «рвать и собирать, разбирать», ср. кизил. сирыу «разбирать саранку на дольки», сирәс — лит. тирәс «ободок». Историческое чередование т — с отмечается и в диалектах башкирского языка тикле — сикле, тары — сары «до, послелог дат. п. Оно является дифференцирующей особенностью южных диалектов уйгурского²⁵, диалектов чувашского²⁶ языков, и др.

Явление ассимиляции

В говоре отмечается явление полной прогрессивной и регрессивной ассимиляции, когда согласные уподобляют себе смежные согласные. Примеры: сс < сй: иссуфы < исйуфы < нис йуфы «в крайнем случае».

шш < шй: ашаулык < ашшаулык < ашйаулык «скатерть», Уәшшазы < Уашйазы — топоним.

жж < жд < жл: ыжжамай < ыждамай < ыжламай «И в ус не дует».

лл < йл: шиллә < шөйлә «как-никак, все-таки, довольно-таки», Шиллә машина китереп куйа «Как-никак машина привозит».

лл < лт < нт: Довольно любопытное явление ассимиляции древнетюркского звукосочетания нт через лт в геминату лл отмечено в слове: кәнте < кәлте < кәлле «точно, истинно». Кәлле шул сыза тәңкәлентә утырган Рыйан бай «Истинно, точно напротив той ложбины было место жительства Райан бая» ср. гайнинск. кәлдә — то же.

шш < сш. В говоре отмечены формы дистанционной ассимиляции как: шүкеш < сүкеш «молоток», шыршы < сыршы «ель», шимешкә < симешкә «семечки», шишен < чишен/сйшен «раздеваться».

Явление полной прогрессивной и регрессивной ассимиляции отмечается и в других говорах, особенно восточного диалекта башкирского языка. Полная прогрессивная и полная регрессивная ассимиляция согласных выступает одной из характерных особенностей диалектов²⁷ и говоров уйгурского

²⁵ Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. I. — Алма-Ата, 1969, с. 77. Садвакасов Г. Язык уйгуров ферганской долины. — Алма-Ата, 1970, с. 41.

²⁶ Сергеев Л. П. Диалектная система чувашского языка. Автореф. докт. дис., Баку, 1973, с. 17.

²⁷ Малов С. Е. Лобнорский язык. — Фрунзе, 1956, с. 5.

языка²⁸. Ср. например, как слово мәртә «раз» в уйгурских говорах подвергается ассимиляции: Кашгар: мәттә, Гумы: мәррә.

Озвончение согласных

В противоположность преимущественному употреблению глухих согласных в начале слова и слога в говоре отмечается озвончение согласных в тех позициях, где озвончение не допускается в других говорах и вообще в литературном языке. Данное явление характерно для караидельского и среднего говоров, где функционирует закон диссимиляции звукосочетаний лт, мт, нт, ңк.

д — т: белдерәү — лит. бәлтерәү «устать, раскиснуть», ки^оәндә — лит. кәйәнтә «коромысло», кылдык — лит. кылтык «обидчивый», кылдайыпара в.м. кылтайып бара «быстро обижается», сандый — сандый «глупый». В заимствованиях кәндрәк в.м. кәнтрәк «контракт», кәндрәккә бирзем «в контракт отдала», пандер/мандур «монтёр».

һф — ңк: маңға — маңка «сап, болезнь лошадей».

з — с: изем в.м. исем «имя», иземе сыкты «плохая слава пошла», зыкы в.м. сыкы — лит. һыкы «мелкий ледяной туман, в сильный холод», куземкуз/куселекус/кусмәнкус «божья коровка», лездер — лыстыр-лыштыр — лит. лыстыр «лохмотья». В заимствованиях: пинзе в.м. «пенсия», бизгар в.м. «пескарь».

Озвончение согласных звуков в отдельных словах наблюдается и в конце слов, что вовсе не характерно для башкирского и татарского языков, например:

ж — ш: борож — средн. борош/бурыш/бурш — демск. бурыс, бурис — сакмар., бурыс, бурыс «подуст»; дөңгөж/дөңгөж/диңгеж (караидельск., танып., гайнинск.) — демск. иңгеш — лит. иңкеш «шмель».

Диссимиляция звуков

Одной из характерных диалектных особенностей караидельского говора является диссимилятивное употребление звукосочетаний лт, мт, нт, мк, ңк, рт в разложимых основах, когда корень слова, оканчивающийся на л, м, н, ң, р, прини-

²⁸ Кайдаров А. Т. Указ. работа, с. 166 — 169. Садвакасов Г. Указанная работа, с. 49 — 51.

мает аффиксы с начальным глухим -т, -к, -к, вм. современно-го литературного -д, -г, -г. Примеры: үлте «умер», өстәлтәге «который на столе», урамта «на улице», килгәнтер «пришел, наверное», балтыс — лит. балдыз «младшая свояченица», уңқан «деловой, трудолюбивый» тыңкысыс — лит. тыңгыһыз «беспокойный», йаңкыр — лит. ямғыр «дождь», оңко — лит. оңго — «ушко топора» и др.

В отличие от среднего говора, для которого также характерно данное реликтовое явление, в караидельском говоре глухой т выступает вместо общетюркского звонкого д и башкирского ҙ, н и после сонорного р, иногда — й, ŷ (ω), чего не наблюдается ни в одном говоре башкирского языка, например: Бер йыр та үрәнәлмәҙеңме? «Ни одной песни не смогла научиться?» (средн. йыр ҙа), Эсте дөбөртәтә — средн. дөбөртәтә «В животе урчит»; бер ыңкайта «заодно», шыугыртма — средн. шыугыртма «задвигка». Оглушение д зафиксировано и перед сонорным р в слове мәтрәсә — лит. мәтрәсә «медреде».

Следовательно в караидельском говоре, как и в языке западно-сибирских татар, орхоно-енисейских памятников, оглушение д проводится более регулярно, что в общей сложности ограничивает функции звонких и расширяет употребление глухих и согласных звуков.

Вставка согласных

В караидельском говоре бытуют фонетические формы с согласными звуками, которые выпали или не употребляются в современном литературном языке. Примеры:

б: букра — кукра — лит. укра «овод бычий», әберәк-мән/әпрәк-мән — лит. әрек-мән «репейник, лопух».

й: туйыс, тейос — лит. туз «береста», средн., демск. туйыз, туйыз, тузыйыс «береста», северо-восточн. говоры тейәс, тейәһ «бурак из бересты». В древнем коми языке той, удм. туй, той «береста», в коми-зырянском тойис/туйыс «бурак»²⁹.

к: казнак — лит. казна «наличники нар», сырак — лит. сыра «лучинка», сырак йаркасы «высушенное сосновое поле для лучины».

р: пәржи — пәжей — бәзей «конопля (растение)», тузырау — лит. тузыу «разлететься, износиться».

Наличие древних аффиксальных согласных в таких словах как казнак, сырак дают основание думать, что и в дру-

²⁹ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. — М., 1970, с. 280.

гих приведенных случаях отражены более древние огласовки слов, сохранившиеся в говоре.

т: күләгәткә — кизил. күләткә — лит. күләгә «ть», бөртмә — лит. бөрмә «сборка в одежде, пояс», шөртләү — лит. шөрләү «трусить, бояться».

Таким образом, в фонетике караидельского говора отражаются фонетические закономерности, характерные и для других говоров башкирского языка, как-то: сужение широких гласных (кашыйак, осиак, умырзыйа, тастымал) и связанное с ним явление редукции и выпадения гласных (тәбешәк — тәбшәк, олтыскан, Йүрзән) явление своеобразной монофтонгизации (ти^омә, ки^орок, күшәү, сүләү), которое характерно в равной степени и для северного языкового ареала в целом, куда входят говоры башкирского и татарского языков.

Диалектная специфика говора наиболее ярко выступает в консонантизме, где сохранились древние языковые черты, как преимущественное употребление глухого п в начале слова (пәпәй, пәләк), глухих т, к в начале аффиксов (барты, килте, пороңко) и спорадическое озвончение согласных звуков т, к в тех же позициях в ограниченных словах (кылдык, сандый, бәлдерәү), озвончение глухих согласных с, ш в отдельных словах (изем, куземкүз в. күсемкүс, дөнгөж и др), что может отражать субстратные явления древних языковых контактов.

Морфологические особенности

Грамматическая система караидельского говора, как и других северо-западных говоров в целом не отличается от литературного языка. Местные диалектные особенности в основном выступают в области словообразования: в активности, продуктивности некоторых аффиксов, которые в литературном языке или ослабили свою функцию, или перешли в разряд архаичных. Отдельные аффиксы имеют диалектные семантические оттенки или дополнительные значения.

Имя существительное

Имена существительные, оканчивающиеся на гласный в исходном и местном падежах имеют в говоре аффикс -зан/-зән, -за/-зә в. лит. -нан/-нән, -ла/-лә, и тат. яз. -дан/-дән, -да/-дә: арбазан — лит. арбанан — тат. арбадан «от телеги», арбаза — башк. арбала — тат. арбада «на телеге».

Категория сказуемости во 2-м лице мн. числа наряду с формой на -сыз/-сез, характерной для татарского литературного языка, имеет и форму на -сығыз/-сегез: укыған кешесегез — кешесез «вы ученые люди»; Ниэ бер бабаңны калдырасығыз? «Зачем дедушку одного оставили?».

В речи отдельных лиц категория сказуемости во 2-м лице ед. числа наряду с литературной формой на -сың/-сең спорадически выступает в форме на -сын/-сен, как и в других северо-западных говорах. Например: Эллэ туксын, эллэ ассын «неизвестно, то ли ты сыт, то ли голоден»; Йокла! Кемкә хәжәтсен! «Спи! Кому ты нужен!»

Категория притяжательности параллельно с литературной формой на -ның/-ң индивидуально выражается и в форме на -нкы/-неке, характерной для гайнинского говора и языка сибирских татар. Примеры: Күңгәкнеке килен боток килен ләсә! — лит. күңгәк килене... «Кунгаковская невеста из бутуков ведь». Ки^әү безнеке бик акыллы кеше иде «Зять наш очень умным был человеком».

Словообразование имен существительных

-лык/-лек, -нык/-нек, -тык/-тек. Продуктивный аффикс, характерный для башкирского языка, имеет пространственно-временные значения, от литературного языка здесь отличается фонетическими вариантами. Аффикс полисемантичен и дает богатый диалектный материал с диалектными значениями. Примеры: аскылык — айск. аҫкылык «таганок», бозоклок «порча», Бозоклок кағылған «Болеет от порчи», кашыклык — айск. кашылдырык «полочка — вставка для ложек», кортлок «пасека», кытлык «неурожай», кәберлек, үлеклек «кладбище», лит. кәберлек «могильник»; урыс үлеклекә аппарат «поведу на русское кладбище», лапылык «непрочищенное, непроходимое место в лесу»; захлавленное место, ср. средн. лапылык — то же, тозлок «навар мясной», саулык «овца», саулык бәрән «овцематка», терлек 1) подарок невесты для жениха (одежда); 2) «приданое», тапаулык «поле на залежь», сумнык «целковый», пыстык — танып. пыскут «лампа — коптилка», шымтык «малость; что-либо чуть-чуть», др. говоры семтек — то же.

-лак/-лэк/-зак/-зэк. Аффикс, как и в литературном языке, обозначает постоянное свойство, характерное для предмета, а также пространственно-временное понятие. Примеры: буғырзак, богорзак «гортань, трахея», шалтырзак «1) погрешка, 2) простодушный шумливый человек», шаптыртак/

шалтырмак «быстрина, пережат», туңкалак «заморозки», дәмсәләк «кочкарник».

-ырзык/-ылтык, -тык. Аффикс является диалектным фонетическим вариантом литературного аффикса -ырзак/-ылдак и выступает специфической формой караидельского и других северо-западных говоров. Примеры: мыркылтык, 1) «хрюшка»; 2) «ворчун», лыбырзык «болтун», лыгырзык «ворчун», корколтоқ «постоянно кашляющий», мыжылтык «копуша», шыркылтык «хохотунья».

-ма/-мә. Один из продуктивных аффиксов, активно функционирующий во всех говорах южного диалекта башкирского языка, в говорах среднего и западного диалектов татарского языка³⁰. Особенное развитие данный аффикс получил в огузских языках³¹.

В башкирском литературном языке аффикс -ма/-мә успешно используется в области терминообразования. Богатым источником для этого служит диалектный материал народных говоров. Аффикс -ма/-мә в караидельском говоре образует отглагольные имена существительные с атрибутивным значением: асамай, атлама 1) «стропила», 2) «скоба», борма, боролма «извилина реки», әйләнмә «воронка в реке», бууылма «эпилепсия», дәүешләмә/ләүешләмә «сладкий пирог», йапма букв. «покрывало», в значении «тряпичный палас для нар», сертмә «земля на пар», төйөлмә «непроходимость пищевода», сәпәмә «валек для белья», калыкма «поплавок», кстырма — лит. кыстыбый «тонкие лепешки, начиненные пшенной кашей или картофельным пюре».

-ак/-әк, -ык/-ек, -ырык. Аффиксы образуют прилагательные, ср. торақ катын «квартирантка», туздырак баш «одуванчик», которые субстантивируясь, переходят в разряд существительных со значением признака уменьшительности. Наряду с литературными формами в говоре сохраняется значительное количество местных диалектизмов с данными аффиксами, что указывает о былой активности их. Новых слов с этими аффиксами в говоре не отмечается. Тем не менее примеров зафиксировано не мало: борақ (1) отруби, 2) осадок, закваски», борканақ, туздырак «одуванчик», созақ/созақ — лит. һоҫко «совок», сырақ — лит. сыра «лучина», бибек «чи-

³⁰ Заллялетдинов Л. З. Средний диалект татарского языка. Казань. Автореф. докт. дисс., 1954, с. 19 — 20.

Махмутова А. М. Грамматические особенности касимовского говора. — Изв. КФАН, Серия гум. наук 1. Казань, 1955, с. 78. Бурганова Н. Б. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — МТД. Казань, 1955, с. 49, 64.

³¹ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. — М., 1966, с. 124 — 140.

бис», көтөк (< көт = «ожидать») игра в прятки», кызык «жаркое», Ызык исе сыға «пахнет жареным», косок — лит. коҫко «рвота», ләпек «уличная грязь», сығырык — лит. һыкра «запах мочи», шытык «отростки, картофельные глазки», табык — лит. тап «щепка», чумык — лит. соңка «затылочная кость», кырмауык «репей», камшырык — демск. камаш, камашау, қаңшырык, камшырык «мягкое небо», ср. в говоре камшыу «прижать к небу», Бер генә камшып йотто да, ашамазы «Только один раз взял в рот, проглотил и не стал есть».

Аффиксы -ак/-әк, -ык/-ек говора являются формами древнего аффикса, которые в современном башкирском языке или утеряли конечные к, к, восходящие к древне-тюркским г, г³² (сыра, тап, һыкра), или дали фонетический переход аг > ау, ыг > ыу³³. В данном случае мы имеем дело со словами первой группы (казнак, сырак, табык, сығырык).

-бый/-пый/-пей. Пережиточный аффикс отмечается главным образом в демском, караидельском и других северо-западных говорах, а также в говорах восточного диалекта. Аффикс образует имена прилагательные, которые субстантивируются: кишамбый — лит. кыйшандак «кривляка», кыстыбый «сующий везде нос», папапей «одуванчик», кылдымбый «быстро обижающийся».

Аффиксу -бый/-пый северо-западных говоров в кизильском говоре восточного диалекта соответствуют фонетические варианты -фый/-фей, -фин: кылтыфый, шымафый «тихоня, действующий исподтишка», йөнтәфей/йөнтәфен «мягкоступающий, хитрец», амафин — междометное слово, выражающее сильную досаду, возмущение, сожаление».

Уменьшительно-ласкательный аффикс -би/-пи отмечается кроме татарского в чувашском языке, где образует имена существительные от прилагательных и участвует в составе женских антропонимов, например: суйпи «лгунишка» < суя «ложный», таванпи < таван «родной», илемпи < илем «красота» Нарспи, Сәләмпи — женские имена, антропонимы, кадемпи «чучело»³⁴.

-гыс/-гес. Аффикс по своему значению не отличается от литературного, но некоторые образования с данной формой соответствуют новейшим образованиям с аффиксом -уыс/-үес

³² Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. — М.-Л., 1948, с. 70.

³³ Киекбаев Г. Башкорт теленең фонетикаһы. (Тасуири һәм сағыштырматариhi тикшеренү тәҗрибәһе.) — Уфа, 1958, с. 80 — 88.

³⁴ Андреев И. А. Имя существительное. — В кн.: Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957, с. 55.

литературного языка:³⁵ Иренйарғыс «порезник», сыйғыс/сима «спички», сәйнәүгес «ворчливый упрямый человек» (лит. форма сәйнәүес), тыскан күзәүгес «лушь степной» (лит. форма күзәүес), каккыс «льночесалка», озаткыс «сновальня» (См. афф. -ғыс/-гес прилагательных).

-са/-сә, -сан/-сән. Диалектная особенность аффиксов заключается в том, что аффикс -са/-сә в некоторых словах соответствует аффиксу -сан/-сән и иногда в говоре оба аффикса параллельно выступают в одном значении, например: бөгәлсә/бөгәлсән «конский овод», үрмәксә/үрмәксән/үрмәкес «паук», сыуалсан «глист», сөгәлсән, сөгәлйән «дождевой червь».

-мык/-мек. Специфический аффикс -мык/-мек отмечен в отдельных словоформах и соответствует различным аффиксам. Примеры: шарламык — танып. шарлама — лит. шарлауык «водопад», эремек — лит. эремсек «творог», шәймек «кочка».

-мыш/-меш. Причастно-прилагательный аффикс образует субстантивированное имя. Аффикс является пережиточным и в говоре слов зафиксировано ограниченно: йокламыш — лит. йокосо «засоня», сүпләмеш — сүпләм «дощечка для выборки ниток под узор», этенмеш «вертушка, вертихвостка».

-мтык/-мтек. Сугубо специфический пережиточный аффикс, значение его затемнено. Примеры: йарымтык «мифическое существо, пәри», Иарымтыкның тәпәйе алты артка йөрөгән, «У ярымтыка стопа ходила задом наперед», иләмтек «отруби».

-кай/-кәй. 1. Уменьшительно-ласкательный аффикс -кай/-кәй, как и во многих говорах, и здесь выполняет функцию словообразования. Аффикс от прилагательных и существительных образует прилагательные с последующей субстантивацией. Имена, образованные при помощи этих аффиксов несут в себе определенный признак. Примеры: баллыкай — лит. һөтлөкән «молочай», йөннөкәй «дикая морковь» (досл. шерстистый, пушистый), шымакай — лит. шыма көпшә «дягиль», йөмөркәй «пескарь», кендекәй картыйы «бабушка-повитуха», кортлокай «непоседа», этлекәй/эт балык «вьюнок», колокай/көлөкәй «жеребенок», бәрәкәй «ягненок».

Как уменьшительно-ласкательная форма очень активно употребляется в речи носителей караидельского говора при обращении, особенно по отношению к детям и людям младше себя, а также к домашним животным. Примеры: Йөрөгем йана бит, туғанкай! «Сердце мое горит ведь, роденькая!», Иптәшкәйем, шәлемне йабынып ыскынайымсы! — лит.

³⁵ Гарипов Т. М. Башкирское именное словообразование. — Уфа, 1959, с. 82.

ыскынмайыммы! «Подруженька моя, накинув шаль свою, давай удирать!» Өкөң олой инте аннан, апакайым! «Будешь бесконечно рад после этого, братишка, сестричка!» Уланкайым, кил бирегә, «Дитятко, иди сюда». Кит анан, сантыкай «Да что ты, глупышка».

Некоторые слова с аффиксом -кай/-кәй употребляются в разряде междометных слов, например: Атакайым! Инәкәйем! — выражают сильное удивление, испуг. Атакайларым! «Батюшки мои!» Инәкәйләрем! «Матушки мои!».

-ай/-әй, -ый/-ей. Уменьшительно-ласкательный и уменьшительно-уничижительный аффикс, довольно продуктивный в северо-западных говорах. Некоторые слова с этим аффиксом перешли в разряд нейтральных слов. Примеры из говора: матай «мотоцикл», бәкәй «бабка», «кость», папый «пиньетки», ср. гайнин. папай «нога, лапа», пупый/пупылтык «зайка», моголой «комолая корова», сусый «вьюнок», петей «сосок, соски», Сыырымның петейләре каты «У моей коровы соски жесткие», серзей/серзе «мальки», Тымый Арслан «Арслан-тихоня» — антропоним, бозрой «кудри».

-анай/-әнәй. Пережиточный аффикс с уменьшительно-ласкательным или презрительным значением, единично встречающийся во всех говорах башкирского языка, образует прилагательные, которые впоследствии субстантивируются. В словах свободно не выделяется, может восходить к сложному аффиксу -ан + -ай. Примеры из говора: сипанай «медлительный, копуша»; туғанай — лит. туғанкай «родненький». Мырзанай тауы — топоним, суманай нәселе — название родового подразделения д. Карткисәк. Ср. название домашних животных в юго-восточных говорах: Аканай «Белянка», Күкәнәй «синенький», т. е. «Сивка, Синявка»³⁶.

Приведем единичные пережиточные, сращенные формы. Некоторые из них отмечаются и в других говорах.

-сыр/-шыр: каксыр/какшыр/какшар «острога».

-тыр/-дер: лыстыр/лесдер «лохмотья; оборвыш».

-тый/-тей: йомортой «пескарь, елец», ср. демск. йомортой «елец».

-мыр/-мер: бижмыр «копуша, тихоня», кетмер «торопыга, хват», ср. средн. кетмер «недоросль, маленький ростом».

-йеуэз. Топонимический формант с затемненным значением. Тирмәңйеуэз шишмәһе — название родника, Җырйеуэз кулы — название ложбины д. Абдулла.

³⁶ Гарипов Т. М. О кличках животных у башкир. — Башкирский диалектологический сборник. — Уфа, 1959, с. 190 — 191.

-ганаз. Аффикс является сложным, как предыдущий, с общим для них компонентом -ас, -аз: йырғаназ — лит. йырғанак «рытвина».

-ка/-кә. Заимствованный продуктивный аффикс с уменьшительным значением употребляется довольно активно. Примеры: бабка «щиколотка, бабка», лыска/лескә «человек маленького роста», кәжинкә «кладовка в чулане», бөзөркә/бөтөркә «кудрявый, кудряшки», кәбәркә/кәбәрке «запечье», лепкә «родничок», көмөшкә «самогон», бөрткә «сборка», себескә «сыпь, цыпки», йөннәшкә «ворсистый, ворс», Асты йағы йөннәшкә былғаны — үгәйнә үләне «Растение, листья которого с нижней стороны имеют ворс, есть мать-и-мачеха».

Сложные слова

1. В караидельском говоре преобладающей формой словосложения является форма по типу первого изафета. Сложные слова такого типа широко представлены и в других северо-западных говорах. Примеры: балсаут — лит. бал һауыты «сахарница, медовница», ишағалтөп (< ишек «дверь» + ал «перед» + төп «основание, дно») «крыльцо», ишек төп — лит. ишек төбө «преддверье», киндер ояа (< киндер «конопля» + ояа «гнездо») «ткацкий стан», кар сискә (кар «снег» + сискә «цветок») «подснежник», қорт тубал «роевник».

2. Диалектные сложные слова, образованные путем определительных словосочетаний: киезтек (< киез «кошма» + итек «сапоги»), «валенки», майаш «чак-чак», сумеспакка (симес «ковш» + бака «лягушка») «головастик», тапау басыу/кара басыу «залежь», әнәсә бармак «мизинец».

Сложные слова, образованные путем второго изафета, в говоре не развиты: бүр/е/уыт 1) «волчьи ягоды; 2) рожка, которую лечат его настоем», кыр тәкәсә «бекас», эс кизүүе «дизентерия», күз кешесе «зрачок», түш бауы «супонь», кул эсе — лит. култык «затон», йылға кул эсе «затон реки».

Парные слова, которые также образованы из двух слов, семантически близких и обозначающих собирательное значение: Бәлә-түләш булыр анан «Потом беды всякой необерешься»; Исем-ушым йук «Памяти никакой нет»; Йалан — йаран «открытое место»; Йыш-йылтырағын тейәп қасқан тейләр «Говорят, что сбежал, забрав самое ценное», Кото-коно йук «Не вызывает симпатии»; Кул-қамыт иткән «Занимался изготовлением сбури»; Ут-күз сығарма «Не вызови пожара»; Тузанын-порағын йелләт «Проветри от пыли-запахов».

Имя прилагательное

Прилагательные превосходной степени в говоре образуются при помощи слов-интенсивов: каты «крепко», бик «очень», шыр «совершенно» и др. Примеры: каты эре «очень, сильно гордый», шыр сандый «совсем глупый», дом сукыр «совсем слепой», дөм/чөм кара «черный-пречерный», ут кызыл «очень красный»; сым йасау «очень красивая». Способом редупликации первого слога прилагательного: күм-гүк «синий-пресиний», копа-каршы «совершенно противоположный», а^оптак «белый-пребелый». В интенсификации качества иногда играют роль также и гласные. Так, в слове аппак начальный а под ударением переходит в э или о: эппак, оппак «белый-пребелый».

Прилагательные ослабленного, неполного качества имеют аффиксы -рак/-рэк, -са/-сел/-гыл и др., например: хыйалый-ырак «немного сумасбродный», сарыусызырак — лит. һарауһызырак «не очень воспитанный», кызмача «немного вспыльчивый, довольно горячий», киңсә «довольно широкий, просторный», кызғыл «красноватый», кара-кускул «с черным отливом».

Уменьшительно-ласкательные прилагательные помимо литературных форм кына/кенә, образуются еще и при помощи аффикса -кай/-кәй, -кей, например: йомшаккай — лит. йомшак кына «мягенький», кестекей «малюсенький», бетекей «маленький».

Словообразование имен прилагательных

Наряду с формами, характерными для всех башкирских говоров в караидельском говоре представлены диалектные, среди которых значительное место занимают и реликтовые аффиксы.

-лы/-ле, -ны/-не. Как и в литературном языке, аффикс продуктивен. Присоединяясь к диалектным именам существительным, числительным, образует относительные прилагательные на местном диалектном материале. Наблюдаются формы слов, характерных для восточных говоров. Отличие заключается в фонетических вариантах инициального -л аффикса, например: иштиһатлы — восточн. г. иштиһатлы «уважительный к людям», йоғоносло — восточн. йоғоносто — лит. йоғошло «заразный», жигәрле — кизил. йегәрзе «грудолюбивый», Миәсте — топоним, сөймәкле — лит. һөйкөмлө «приятный», селтермәкле — айск., кубалаякск. сылтырақты —

кизил. сылтырзакты «со звоном, издающий звон», ышантык-лы — лит. ышаныслы «надежный», эшкәрле кинтер «посконь в красную и белую нитку», михлей туннар «меховые шубы», өслө, бишле, йеделе ламбы «трехлинейная, пятилинейная, семилинейная, десятилинейная (лампа)», Таллы йылға, Көйөклө йылға, Муйыллы күл, Усаклы күл — микротопонимы д. Буртым.

-сыз/-сез. Отрицательная форма аффикса -лы/-ле обозначает отсутствие какого-либо качества. В лексико-семантическом плане можно подразделить на две группы:

1) Прилагательные с формой -сыз/-сез, имеющие и положительную пару с аффиксом -лы/-ле: ышантыксыз — ышантыклы «ненадежный — надежный», тотороксоз — тотороклы «невыдержанный — выдержанный», миһырбансыз — миһырбанлы «бесчеловечный — человеческий», эйәмсез — эйәмле «некрасивый — красивый», эзәпсез — эзәпле «невоспитанный — воспитанный».

2) Древние формы прилагательных, не имеющие положительной формы, употребляющиеся лишь в форме на -сыз: Бырзымсыз «безалаберный», сарпатсыз «бессовестный», сарыусыз «беспардонный», шәүәтсез «несуразный».

-ылтык/-ырзык. Специфический аффикс говора по значению соответствует афф. -дак, -зак/-зәк других говоров и литературного языка. Присоединяется чаще всего к глагольным основам, оканчивающимся на -ыл/ел и -ыр/ер и обозначает склонность предмета к какому-либо действию. Прилагательные с этим аффиксом могут субстантивироваться. Примеры: мыжылтык — средн. мызыка «медлительный», мыркылтык досл. «хрюкающий», перен. «ворчливый», пытылтык/пытырзык — кизил. бытырзак «болтливый», шыркылтык — лит. шыркылдак «смешливый, любящий смеяться», ср. средн. шыркылтау/сыркылтау «шуметь, галдеть», кетертек — лит. кетерзәк «хрустящий», Ак, кетертек була буғарзак «Гортань белая хрустящая».

-ык/-ек. Аффикс характерен для всех говоров. Однако здесь будут рассматриваться такие словоформы, которые составляют диалектную особенность караидельского, среднего и демского говоров, а в других говорах выступают с другими аффиксами. Аффикс имеет уменьшительно-пренебрежительные оттенки. Примеры: кылдык — демск. кылтык — танып, кылтыч — лит. кылтым «обидчивый», тупик (демск.) — лит. тупак «тупой», тупик бармак «палец без одной фаланги», тупик башлы дум — кизил. тупак өй «дом с земляной крышей», Ике башы да тупик, орсок күк корт «Червяк как веретено, голова и хвост тупые», пытыртык — кизил. бытыш

«беспорядочный, путаный», Сосар йеткән сағынта сор йымылтап тора, йетмәсә пытырак китә «Жуница зрелая бывает коричневая, с блеском, если недозрелая, шерсть беспорядочно путаная идет».

-пык/-пек, -тык/-тек. Аффиксы характерны для всех северо-западных говоров, образуют прилагательные с уменьшительным и уничижительным оттенком в значениях, семантически однозначны. Примеры из говора: беспек — лысбык — лыспык — лестек (күз) — айск. бысык, быстык — кизил. бысый — средн., ик — сакмар. былсык, былсым, бысым, бысыка, бысылый, балсымак «слезящиеся глаза с воспаленными веками», йәйпек — йәйпес — кизил, йәйпе — айск. жәйпәк, жәйкә — танып. йәйеңкә «плоский, неглубокий (блюде)», пыстык ламбы «лампа-коптилка».

-ыш/-эш. Продуктивный аффикс, характерный для всех башкирских говоров и литературного языка. Однако наибольшую активность имеет в караидельском говоре: иңкеш — средн. иңкес — лит. инкеу «наклонный», лыпыш «водянистый, не поднявшийся» (хлеб), сырыш/чиреш/шәреш — лит. борош «закрученный (о древесине), не раскалывающийся (чурбан), сыкрыш — кизил. һыкмыр — аргаяш миас. һыкра «жесткий, скупой», сәләш — лит. еңмеш «своевольный, упрямый», тәпәреш — кизил. миас тәпәрес «низкорослый», үләкүш «очень худой, слабый».

-ыу/-еу, -ым/-ем. В говоре аффикс в значении прилагательного отмечен в следующих словах: ваксыу «мелочный», Ваксыу кешегә әйтәләр ағас игәү тип «Мелочного человека называют деревянным напильником», лапсыу йер «низкая сырая местность, низина», мыжғыу әдәм «медлительный человек», бик кызыу «очень жаркий», көн кызыу «день жаркий», Кышлау йылға — гидроним в Аскинском районе, басым — басыңкы — кизил. баһымсак — лит. баһалкы «спокойный, кроткий», туфим — лит. тупаһ «тупой, неразвитый, невежа».

-ма/-мә, -мәк. Аффикс прилагательного, характерный для всех говоров и литературного языка. Кроме литературных в говоре зафиксированы диалектные формы со значением свойства предмета по его действию: акма сир «туберкулез, воспаление щитовидной железы», киртмә — лит. киртләс 1) зубчатый, 2) с зазубринкой, йөгөрмә/себертмә буран — лит. һепертмә «бегущий, метущий буран, метелица», кызма — лит. кызмалы «горячий, вспыхивающий», сынтырма мылтык «ружье-центровка», шешмә кабак — кизил. шешмәк күз «глаза с припухшими веками», кисмәк әпәй «батон».

-кыс/-кес. Малопродуктивный аффикс прилагательного с последующей субстантивацией является диалектной разновидностью литературного аффикса **-ыс, -уыс**. Примеры: куркынгыс — лит. куркыныс «страшный, опасный», сәйнәүгес — лит. форма сәйнәүгес «надоедливый, ворчливый», йалкыс — лит. ялкыткыс «надоедливый», Иалкыс түгелме кеше ауылынта? «Не надоело в чужих краях?» (См. аналогичный аффикс существительного).

Некоторые пережиточные аффиксы

-ат/-эт. Аффикс отмечается в отдельных словах. По-видимому, передает значение уменьшительности качества. Калуат кына «довольно рослый, представительный», ыксымат кына «довольно аккуратный».

-тай/-той, -то; -тә, -дәт, -тыр, -дәр, -тек, -тыңкы. Специфические, пережиточные аффиксы, с затемненным значением, могут иметь значение неполного качества. Свободно не выделяются. (См. такие же аффиксы существительных.) Примеры: йаматай — лит. формы йаман, йамакай «плохой», йоморттой «круглый, веретенообразный», който «неказистый», Койтогына, уак кына үрзәк балалары «Неказистые мелкие утята», ләстә «водянистый, сырой», жилдәт/йылтам «проворный, скорый», куптыр/кыптыр «легковесный, хвостун», лыстыр — лездер «рваный, старый, рвань, износки», кестек/кестеки бармак «маленький палец, мизинчик» лит. кесекәй «маленький», астыңкы — лит. аҫкы «нижний», Астыңкы өйгә алып киттеләр «в нижний дом понесли».

Местоимение

По диалектным особенностям разряды местоимений караидельского говора сближаются с восточным диалектом и литературным языком.

Личные местоимения. В родительном падеже местоимения мин «я», син «ты», ул «он, она» кроме литературной формы, миңең, сиңең, аның, имеет также форму минең, синең, аның. В дательном падеже выступают диалектные формы миңеңә, сиңеңә, аныңың «мне», «тебе», «ему (ей)», которые характерны для говоров восточного диалекта, вплоть до юго-восточных говоров, а также для среднего говора южного диалекта башкирского языка. Примеры: Миңеңә тустағ эскәннәр «Я была наречена», Сиңеңә йазған «Тебе написано», Аныңа бөлөңкән хәлләрәм «А потратилась на него сколько».

Склонение личных местоимений мин «я», ул «он, она».

И. мин	ул
Р. миңең/минен	аның/анын
Д. миңеңә, миңә, миәр	аныңа/аңа/аңар
В. мине	аны
Т. минән, миңәртән	аннан, аңартан
Мест. минтә/миәртә	анта/аңарта

Формы миәр, аңар, миәртән, аңартан, миәртә, аңарта характерны для мишарских говоров татарского языка.

Указательные местоимения. Формы местоимений бу/боу «этот», шу/л/ «тот», шөшө/шошо/шышы «этот», анау(ы) «вон тот», мынау(ы) «вон тот», мынаулай, мынауынтай, мынтай «вот такой», анаулай/анауынтай «вон такой», шошонтай «вот такой», шунтайынсы, шуны шекелле «подобно такому», так же имеют соответствия в говорах восточного диалекта башкирского языка.

Указательные местоимения, выражающие пространственные понятия, образуют также и наречия времени и места, например: мынта «здесь», шунта, тегентә «там», мынан «отсюда», шунан, тегенән «оттуда», шуныңынсы «вот столько» и «до тех пор». Шуныңынсы йалынтырып торҙом «До тех пор я не соглашалась, вынуждала уговаривать меня»; Бу ыңкайта әлтә бар «В этих местах и сейчас есть»; Аныңынсы былмай, өтөрмәгә дә утырттылар «Между тем уже и в тюрьму посадили»; Мынаулай калтырап ултырам «Вот так дрожу сажу»; Анауынта бар берсе «Там вон есть одна штука».

Вопросительные местоимения. В говоре местоимения из этого разряда изобилуют множеством синонимов. Так, местоимение «что» имеет синонимы ней, нимә, нейәмә нейнәмә, нәстә, ниәстә нейнәстә, т. е. те же местоимения, которые активно функционируют в восточных говорах башкирского языка. Местоимение нәрсә в говоре не употребляется. Вместо него выступает диалектная форма нәмәстә (< нә + мәстә). Примеры из текста: Бөгөн ней көн әле? «Сегодня какой день?», Нимәләре бар? «Что у них есть?», Нимә сурайсың? «Что спрашиваешь?», Нәстәсе куп «Вещей у нее много», Нәмәстә булты? «Что случилось?»

Вместо местоимения ниңә, нигә «зачем» в говоре чаще употребляется форма ниә, нейә: Нейә куймайсың эшне? «Зачем не прекращаешь работу?», Нейә быларны тылкыттың әле? «Зачем так подробно говоришь об этом?»

Вопросительные местоимения ней, нейәмә и диалектная форма нәмәнтәй употребляются вместо литературного ниндәй

«какой, какой». Примеры: Ней хэл? «Как самочувствие?» Нейэмэ хикмәттер «что за причина, неизвестно».

Древняя форма местоимения кай, кайы употребляется вместо литературных кайһы и калай «который, какой», Кай яткларҙан? «Из каких краев?», Кайыраҡ сулар акты! «Каково сильно бежала вода (после ливня)».

Местоимение кайа/каа выступает вместо литературного кайҙа «где», кайан — лит. кайҙан «откуда».

Притяжательные местоимения. По форме притяжательные местоимения не отличаются от литературных. Диалектное отличие заключается в том, что обе формы (-ның/-нең) могут совмещать друг друга, например: Киәү безнеке бик аҡыллы кеше иде «Наш зять был очень умным», Безнеке мишәр сымак сүләшкәне бар «У нас есть такие, которые по-мишарски разговаривают», Безнең ырай «У нас дело спорится».

Определительные местоимения. В говоре кроме литературных форм активно употребляются местоимения: көллө, көллөсө «все вместе», характерное для всех говоров башкирского языка, бетен — лит. бөтә «все», «сплошь» үззүҙе/ < үззе + үзе «каждый по отдельности», ср. средн., кизил. үззүҙе — то же. Примеры из текста: Элек базартан көллөсө суғышып кайткан «Раньше с базара все подравшись возвращались», Син көллөсөн тә тотоп куйма «Ты всех не слови», Көллөсө бергә киттеләр «Все вместе поехали», Бетен башкыртлар мынта «Здесь все башкиры».

Наречие

По лексическому составу наречий караидельский говор исторически связан со средним, демским говорами южного диалекта, а также с говорами восточного диалекта. Так, наречие кәнте/кәнде/кәндә «истинно, точно», характерно для всей восточной Башкирии. Единство с указанной зоной проявляется в некоторых формах словообразования наречий, например: кышлыкта «зимой», йәйлектә «летом», әүәлтән «исстари, издревле», элгәре «раньше» и др.

В то же время говор имеет некоторые единые изоглоссы с демским, средним говорами: тәйән «постоянно, часто», шунан кересен «затем, после того», анаулай «вот так», мынаулай «вот таким образом», хосусан «особо, особенно», шуңарсы «до этих пор», аңарсы «до тех пор» и др.

Наречия образа и меры действия. Некоторые однокорневые наречия образа действия, как и в других говорах отличаются от литературных по значению.

Примеры: зайа — лит. эрэм «жаль, зря»; тирэзэм зая былты «стекло мое пропало», каты — лит. нык «крепко, твердо», каты тордо «твердо стоял», бик каты эшлэдем «очень крепко работала», аркыры — лит. каршы «против», аркыры төшөү «выступить против», Малай да аркыры төшмәс ейе «И сын не был бы против», Инте хэзер аркыры төшәм, кый «И теперь я же выступаю против».

Отдельные наречия образа действия имеют фонетико-морфологические диалектные формы: парабар — лит. барабар «наравне, одинаково», копа-каршы — лит. капма-каршы «лицом к лицу», Ирләр белән парабар эшлэзек «Наравне с мужчинами работали», Копа-каршы талашып суғышып былмай «Лицом к лицу ругаться, драться невозможно», сәтерсән демск. сытырман — лит. сарт; Сәтерсән йәбеште «крепко вцепился», хосусан — лит. хосуси «особо», хосусан салкын «особо холодно», хосусан тәмне «особенно вкусно, хосусан ашасым килә «особенно хочу кушать».

В говоре бытуют грамматически изолированные формы словосочетаний, перешедших в разряд составных наречий, а также фразеологизмы в роли наречий образа действия: Башы белән белмәй «Абсолютно не знает», Баштире уйлағанта — средн. баштиреләй «Если подумать основательно, со всех сторон», Остан-ос атлар йегеп килә киәү «Запрягая цугом лошадей, едет жених», өстөстөнә — кизил. өстөстөнә «друг на друга один поверх другого», Үлмәктән калмак кына йөрөй «ходит еле-еле душа в теле», Фарк булғансы ашады «Наелся до отвала», Бетеп йер тапау «Полностью земля оставлена на пустошь», Төп итеп ауа да китә ат «Как подкошенная валится лошадь».

Наречия времени. В некоторых случаях наречия времени имеют семантические особенности, например: әүүәл, әүәле — соответствует лит. тәүлә, Әүүәл башлап пез йанқанбыз бетеп «Вначале мы (наш дом) сгорели полностью», Әүәле сез керсез мынсаға «Сначала вы зайдете в баню»; элгәре — лит. элек «раньше», Элгәртән эшлэгән урыслар йук «Нет русских, работавших со мной с самого начала».

Некоторые наречия времени имеют местные диалектные синонимы, например: мәңке бакый (ғүмер бакый «вечно», гел/кел/тәйән/пустыйан «постоянно, всегда», бүген төннә/бүгәсә (бу «это» + кәсә «ночь») «сегодняшней ночью».

Диалектное своеобразие наблюдается и в аффиксальных формах наречий времени.

-ен: элекен — лит. элек «раньше» по типу кышын «зимой», йәйен «летом», Элекен картлар кайырдан үлә эшлэгәннәр «Раньше старики из коры делали санки (подобные ночвы, ночовки)».

-генәк: кисәгенәк — лит. кисә генә «вчера только»,

-тен: элгәртен — лит. элгәре «раньше»,

-лыкта, -лектә: көзлектә — лит. көзгөнөн «осенью», йәйлектә — лит. йәйгеген «летом», йазлыкта — лит. йазгыһын «весной», көзлектә дәү была «Осенью становится большим».

Наречия места. В говоре широко употребляются наречия места, образованные путем грамматически изолированных форм словосочетаний из различных частей речи. Примеры: Аннан киресесен/кирсесен «после того, затем», шунан кереген/шуннан кер «после этого, потом», Шунан кер аларны күсереп башкыртлар утырган «Потом их выселив основались башкиры» (Кубиязово), тәү башта, иң тәү башта «вначале, сначала», өлкөкөннө < элекке көннө — айск., кубалаяк. өлкөгөн — кизил. өлөкөгөн «позавчера», әлсәң — айск. әләһәң — кубалаяк әләгәс, әләйгәс — кизил., ик., сакмар. әләй буғас < алай булғас «в таком случае, коли так, тогда».

В образовании сложных наречий места участвует послелог дательного падежа со специфической формой на -тын/-тен: табатын — лит. табан «по направлению», түбән табатын «вниз», кире табатын «назад», шушыңартын — лит. ошонан алып «по сих пор, вот до сих пор», шушынантын «вот отсюда», йуғартын — лит. юғары «наверху». Этимология аффикса -тын/-тен не ясна. Форма наречия на -тын/-тен характерна для татарского языка йәшертен, әкертен и др. и его диалектов, ср. мишарск. ыртын, ырынтын «скрытно, тайком»³⁷. Следовательно, башк. астыртын и тат. астыртын «исподтишка» является сложным словом, состоящим из двух корней: аст «низ» + ыртын.

Данное слово в других тюркских языках не встречается кроме чувашского варттан «тайный, секретный, тайно, секретно, втихомолку». В. Г. Егоров приводит лишь тат. уртын «тайно» и башк. урынтын «тайно», древнетюркск. уртын «укрывать, утаивать»³⁸.

Глагол

Изъявительное наклонение

Глаголы настоящего времени во 2 лице ед. числа наряду с аффиксом-сың/-сең, имеют форму на -сын/-сен, единично -сән.

³⁷ Диалектологический словарь татарского языка (ДСТЯ). — Казань, 1969, с. 528, 630.

³⁸ Егоров В. Г. Указанный словарь, с. 51.

Проф. Л. Заляй отмечает, что в древних письменных памятниках татарского языка аффикс -сын/-сен долгое время выступал вместо -сың/-сең³⁹. Форма с конечным -н характерна для мишарского диалекта, чувашского, уйгурского, азербайджанского и других огузских⁴⁰ языков.

Глаголы 2 лица мн. числа имеют формы -сыз/-сез и -сығыз/-сегез, т. е. точно такие же формы, что и в демском говоре: -сыз/-сез, -сығыз/-сегез.

Парадигма спряжения глаголов настоящего времени: сура «спрашивать», сүрә «волочить»:

ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1. сурайым	сурайбыз	сурәйем	сурәйбез
2. сурайсың/-сын	сурайсыз/-сығыз	сурәйсең/-сен	сурәйсегез/-сез
3. сурай	сурай/-лар/	сурәй	сурәй/-ләр/

Примеры из текста: Тейән миңә килеп тормассың «Постоянно ко мне не сможешь приходить»; Сүлмәккә саласын йоморканы, күк сискәне, томалайсын та куйасын «В горшок кладешь яйца, цветы синего подснежника, наглухо закрываешь и настаиваешь в печи»; киттем тисен инте? «Ухожу говоришь?» Нишләйсән? «Что делаешь?»

Отдельные глаголы с основой на ш в 3 лице ед. числа sporadически выступают с аффиксом -та/-тә и -на/-нә наряду с основной формой -ла/-лә, например: тешләй/тешнәй/тештәй «кусает», эшләй/эштәй «делает, работает». Основная форма на -ла/-лә едина с формой южного диалекта.

Что касается формы на -на/-нә, которая отмечается в отдельных глаголах южного диалекта (кешнәй «ржет», сатнай «трещит»), и в татарском литературном языке, то эта форма возможно является остаточной, пережиточной формой, отражающей особенность какого-то древнетюркского языка, исторически контактировавшего когда-то в древности с тюркскими языками Поволжья.

Будущее время на -р

Во 2 лице ед. и мн. ч. в глаголах с основой на согласный выступает форма на -ар/-әр параллельно с литературной формой на -ыр/-ер. Аффикс -ар/-әр употребителен в татарском

³⁹ Жәләй Л. Татар теленең тарихи фонетикасы буйынча материаллар. — Казан, 1954, с. 87.

⁴⁰ Баскаков Н. К. Система спряжения или изменение слов по лицам в языках тюркской группы. — В кн. ИСГТЯ, ч. II. М., 1956, с. 265.

языке, в большинстве говоров башкирского языка, а также в огузских языках⁴¹.

Примеры: Ут сығыр, кый, анта — лит. сығыр «Там ведь пожар может выйти»; Пискә йағарбыс микән? — лит. яғырбыз «затопим ли печь?», Алып киткән быларыйым — лит. булыр «Увез бы с собой». Тубәңне уйарлар! — лит. унырҙар «Темя твое пробьют!»; Но: барыр «пойдет», торор «постоит», килер «придет», йолкор «будет рвать», күрер «увидит». Карап торсаң, лутсы ғына былырыйы «Было бы лучше, если бы стоял и смотрел».

Прошедшее время

Основной формой давнопрошедшего времени выступает форма на -ғаныйы/-гәнейе, аналогичная с формой демского говора и выступает вместо литературной на -ғайны, -ған ине и татарской -ған иде. В говоре также зафиксированы и сращенный литературный аффикс -ғайны/-гәйне. Примеры: Кисә килгәйнем «Вчера еще приехала»; Минең киәндәне алғайны «Мое коромысло брала»; Төннә тороб утырғайны кый «Ведь ночью он проснувшись сидел»; Кисә кешедән апкайт-кайнык «Еще вчера принесли от людей»; Үгет итә торғайнык «Наставляли, давали советы».

Прошедшее время перфекта образуется прибавлением к причастию на -ған личных аффиксов.

1. л. алғанмын	алғанбыз
2. л. алған/-сын	алғансыз/-сығыз
3. л. алған	алған/-нар

Но в говоре часто встречается пережиточная форма перфекта, выступающая без личных аффиксов, например: Без кеше үтермәгән «Мы людей не убивали»; Бер кабатта (мин) күтәрмәзән йөрмәгән, капказан сыкмаған: күтәрмәзән ашарғып, коймазан ашарғып... «Ни разу по крыльцу не ступала, через ворота не проходила: перескакивала крыльцо, перепрыгивала через забор».

Такая форма характерна для башкирского языка за-казанских говоров среднего диалекта⁴² и языка сибирских татар⁴³.

⁴¹ Чарьяров Б. Ч. Времена глаголов в тюркских языках юго-западной группы. Автореф. докт. дисс., — Ашхабад, 1970, с. 72 — 76.

⁴² Бурганова Н. Б. О временных формах глаголов изъявительного наклонения в за-казанских говорах. — МТД, Казань, 1974, с. 21 — 22.

⁴³ Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар. — Казань, 1968, с. 63.

Повелительное наклонение

Диалектная особенность караидельского говора, как и всех северо-западных, северо-восточных говоров, заключается в том, что во 2 лице мн. числа систематически употребляется архаическая форма на -ың/-ең, -ң вместо литературного аффикса -ығыз/-егез, -ғыз/-гез. Парадигма спряжения глагола тор «стоять», ти «сказать».

1. л. торайым, тиәйем	торайыҡ, тиәйек
2. л. тор, тиен/тиң	тороң, тийең
3. л. торсон, тисен	торсон-нар, тисен-нәр

Примеры: Барың, барың! Йөрәмәң мынта! «Идите, идите! Не ходите здесь!», Даул сискәсен өзмәң! «Не рвите цветы лютика!», Нимә сурайсың, тиен, аксамы, тиен! «Чего хочешь, скажи, деньги что ли, скажи».

Форма -ың, -ң кроме башкирских говоров характерна для среднего диалекта татарского языка⁴⁴, а также для других тюркских, например, якутского⁴⁵, туркменского⁴⁶, уйгурского⁴⁷, узбекского⁴⁸ языков. Данная форма была характерна также для старотюркского письменного языка Урало-Поволжья — «тюрки», на котором написаны все башкирские шежере, деловые и юридические документы башкир дореволюционного периода.

Условное наклонение

Парадигма спряжения условного наклонения совпадает с демской, т. е. имеет две формы парадигмы.

а) 1 л. торзомисә	б) торзисәм	«если я встану»
2 л. торзоңисә	торзисәң	«если ты встанешь»
3 л. торзойсә	торзисә	«если встанет»

Примеры: Җур бултисә, камыт кыра, белки бултисә атның тыны ғыжылтай «Если хомут большой, трет холку, если маленький, лошадь задыхается, хрипит»; Шул йул белән

⁴⁴ Материалы по татарской диалектологии, ч. 2, с. 12.

⁴⁵ Коркина В. И. Наклонение глагола в якутском языке. — М., 1970, с. 139 — 150.

⁴⁶ Чарьяров Б. Ч. Указ. автореферат; Амансарыев Ж. Туркмен диалектологиясы. — Ашхабад, 1970. с 354.

⁴⁷ Кайдаров А. Т. Уйгурский язык. — В кн. «Языки народов СССР». Т. II. Тюркские языки. — М., 1966, с. 378.

⁴⁸ Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского языка. — М.-Л., 1960, с. 205.

бардың исә... «Если пойдешь той дорогой...»; Мин киттем исә, кып итеп килеп керә «Как только я ухожу, уж тут как тут».

Залоги

Караидельский говор по диалектным особенностям употребления залоговых форм примыкает к северо-восточным, демскому и среднему говорам. В этой зоне наибольшее развитие получила форма взаимного залога на -ш.

Аффикс -ш взаимного залога имеет следующие значения: 1) взаимность действия: Кунаклашыу «Ездить в гости друг к другу»; тартышыу, өзөшөү «препираться, оспаривать», кыйышыу «ругаться, препираться», тиргәшеү «ругаться»; 2) переходность: тибешөү «лягаться», сағышыу «жалить», янышыу «грозить, угрожать»; 3) возвратность: йылышыу «лгнуть», йөзөшөү «мучиться, обессилеть», тыңнашмау «не слушаться». Примеры в контексте: Бакыр йылан сағышмай, сакса им табылмай «Медянка не жалится, если ужалит, нет лечения»; Йөрәгемә сызашалмайым «Сердцу моему невтерпеж»; Инәйең тиргәшә, кей «Мать твоя ругается ведь».

Словообразование глагола

-ла/-лә, -за/-зә, -на/-нә. В говоре отсутствует вариант аффикса с начальным -д. Аффикс -ла/-лә и его фонетические варианты -за/-зә, -та/-тә, -на/-нә помимо литературных форм образует диалектные формы и выступает вместо других аффиксов: айаэлау — лит. аязыу «проясниться», арыклау — лит. арыкланыу «худеть», катырлау — лит. катырыу, ныгытыу «закрепить», катырлап әйтте «Накрепко сказал»; кыжмырлау/кыжмыртау «зудить», тешнәү/тештәү/тешләү «кусать». Он активно применяется в образовании звукоподражательных слов, которые большей частью являются диалектизмами, например: кахкахлап көләү «хохотать, гоготать»; ыжламай за «И в ус не дует»; Эй, қаңғылтайлар дуан башкыртлары, пеэ таза сүләшәбәз «Ну и акают дуванские башкиры, мы чисто говорим»; Пыркылтатып тиргәп сығарған «В пух и прах отругав выгнала»; Тасырзатып укый «Шибко хорошо читает»; Көшкәннәү «ластиться», кишаннау/этәннәү «кокотничать, вертеться»; Майраннап петкән гәүдәсе «Тело его стало рыхлым, дряблым»; Тупаннап мүк йолкорға бартым «На четвереньках ходила рвать мох», кытнау/кетнәү «кудахтать».

-ра/-рә. Аффикс образует переходные глаголы, несет также функции понудительного залога. Однако некоторые глаголы являются непереходными и в понудительном залоге принимают специальный аффикс -т: тукрау — лит. туктау «остановиться», тукратыу «остановить», ср. демск. средн., кизил. тукрау — то же; туздырау — лит. тузыу «разлетаться, разбросаться, подняться (о пыли)», туздызратыу — лит. туззырыу «разметать, разлохматить, развеять, поднять пух и прах»; мыркырау «ворчать», майым-сырау «несварение желудка», сиргә уграу — лит. уралыу «стать болезненным, не вылезать из болезни»; кызырау — кизил. кызырайыу — средн. кызырау «скандалить», «привязываться».

-кәр: искәреу — лит. искә алыу, исләу «запомнить, приметить». Бер нәстә дә искәрмәзем! «Ничего не приметил».

-гыт/-кыт: Аффикс является сложным сращением двух аффиксов. Также образует глаголы понудительного залога: Примеры: Лапкытып имә йылан сыйырны «Причмокивая сосет змея корову»; Пыркыткан тегеләрне «Дал им трепку»; быжгытыу «взгреть», шыжгытыу — лит. шыжлатыу «разогреть», Самоурны шыжгытып алайым «Разогрею-ка самовар». Аффиксу -гыт в отдельных глаголах в говорах восточного диалекта и в юго-восточных говорах (инзерский подговор среднего говора, сакмарский, кизильский) соответствует -гырт, например: быжгыртыу восточн. д. «взгреть», кузгыртыу «взбудоражить». Однако и в караидельском говоре перед аффиксом -т иногда появляется р: ашарта-эсертә «кормит-поит».

Причастие

Наряду с литературными формами на -сы/-се, -ган/-гән, -ар/-әр в говоре зафиксированы причастия с пережиточным аффиксом -мыш, который отмечается во многих, особенно в демском, среднем говорах и активно выступает в огузских языках⁴⁹.

По активности употребления причастной формы на -мыш караидельский говор сохранил языковые связи со средним говором, с которым он имеет также общий диалектный фонетический признак лт, мт, нт. В употреблении аффикса -мыш совпадают также примеры двух говоров: сукынмыш «крещенный», ашамыш «много кушающий, обжора», йокламыш «много спящий», «засоня», ишетмеш «услышанное, слух», ишетмеш белән «по слухам»; Йыйылмыш башкыртлар «Сбор-

⁴⁹ Севортян Э. В. Указ. работа, с. 350.

ные, (съехавшиеся) башкиры», Минең кебек какмыш «сухопарая подобно мне», этенмеш «вертушка, непоседа», сүпләмеш «дощечка для выборки ниток».

Деепричастие

Деепричастие на -ып/-еп с вспомогательным глаголом утыр — «сидеть», йат — «лежать» образует составные глаголы незаконченного действия или несовершенный вид, что характерно для литературного языка. Примеры: Зээр матур йөрөп йата «Он очень хорошо живет»; Абзыйның илле йәше тулты, шуңа китебутырам «Старшему брату исполнилось пятьдесят лет, иду туда»; Утын эзерләргә китебутырам «Иду заготавливать дрова».

Деепричастие на -а/-ә в сочетании с вспомогательным глаголом сал — «класть» образуют как и в литературном языке, составной глагол со значением моментальности, однократности, завершенности действия, например: Сура салып бирте «Тут же сняв отдал», Китә салып барган «Успел уже уехать».

Деепричастие вспомогательного глагола нт — «делать» в сочетании со звукоподражательными словами широко используется во всех говорах башкирского и татарского языков для образования звукоподражательных деепричастий. Примеры: Лапырт итеп төшөп китте апиндисит «Вырезанный аппендицит шмякнулся на пол»; Кып иттереп астан кисә, өстән йамай «Очень быстро, умело подрезает, сверху заплатку кладет, т. е. за твоей спиной тебя подводит, а в лицо хвалит».

Инфинитив. Имя действия

В говоре, как и в литературном языке, инфинитив систематически употребляется с аффиксом -рға/-ргә. Примеры: Безгә укырға уағыт былмады. «Нам было некогда учиться»; Нейәрсә тибәйтергә «Как сказать»; Песән сабарға китте «Уехал сено косить»; Өлкөкөннө кайтып китергә иде «Позавчера надо было уехать»; Аныңа бит барып көйләргә кәрәк «Надо ведь к нему найти подход».

Имя действия, кроме литературной формы на -ыу/-еу имеет также пережиточный аффикс -ыш/-еш: Менеп йатыу белән бултым — шуып төшөү белән бултым — лит. шыуып тешеуем булды «Не успела забраться на печь, как тут же соскользнула обратно»; үрәнеш уахытында — лит. өйрәнәү «во время обучения; тыныш — кизил. тыныу — лит. тын алыу «дыхание», Тынышынан билгеле «Видно, чем дышит».

Пережиточная форма глагольного имени на -мак/-мәк в говоре, как в других говорах, употребляется лишь в определенных словосочетаниях, например: Үлмәктән калмак кына йөрөй «Еле-еле душа в теле»; Пелмәк йук, күрмәк йук — лит. белеү юк, күреү юк «Нет, чтобы узнать и повидать».

Служебные слова

Послелог. Отличие от литературного языка имеют некоторые послелог дательного падежа: табатын — лит. табан «по направлению»; Быйака табатын «В эту сторону»; Аулга табатын китте «Ушел в сторону деревни»; Шул ыңкайға табатын «В том направлении». Данная форма отмечается и в мишарских говорах⁵⁰. Сәкле/сикле, хәтле, хәзәре — лит. тикле, хәтле, кәзәр «до, вплоть», әлегә сәкле «до сего времени», меңкә сәкле «до тысячи», умбиш йәшкә хәзәре «до пятнадцати лет», мин барғанға сәкле «до моей поездки».

Послелог исходного падежа: ғәйере/ғәйри — лит. башка «кроме», является архаичной формой, заимствованной из арабского языка⁵¹. Миннән ғәйре «кроме меня», эштән ғәйре «кроме работы». Послелог ғәйре заменяется и литературным послелогом бире «от», например: Аскыннан бире «от Аскина». Кире, кирсе, киргесе — демск. керсе, кергесен — лит. башка «кроме, после», чаще всего употребляется в сочетании с указательными местоимениями: мынан кирсе «после этого, кроме этого», шунан киргесе «кроме того».

Сравнительный послелог основного падежа күбек/күк — лит. кеүек, характерен для всех говоров восточного и южного диалектов. Примеры из говора: Инәй күбек итерләрийе «Как мать считали меня», Этәң күбек эшләргә кәрәк «Надо работать как отец», Көсөгән башы күк, абау! «Подобно голове орла-могильника, фу! (т. е. плешивый), Кесерткән турғайы күк «с воробья-коноплянника».

Частицы. Усилительные частицы и слова-частицы с ограниченной сферой, как и во всех говорах, употребляются лишь с определенными существительными: Дәм йышлык былған «Сплошь чаща была»; Тәне суй тимерәү «Тело сплошь в лишаих»; ср. демск. сөй — то же; тыма йалан «голая степь», тын урман «темный, нетронутый лес», ут хәрентәш «самый близкий родственник», ср. лит. ут күрше «ближайший сосед», шыр ир бала «сплошь мальчики».

⁵⁰ Махмутова Л. Т. Указ. работа, с. 230.

⁵¹ Арабско-татарско-русский словарь заимствований. — Казань, 1965, с. 69.

Частицы, выступающие с определенным кругом прилагательных: дөм сукыр — лит. тома һукыр «совсем слепой», зыбанный усал «очень злой» ар. Зобани «адское воинство, черти»⁵³, зээр матур — лит. үтә, бик «слишком красива», тас йалаңкас — лит. шыр ялангас «совершенно голый», сат йәбешү — лит. сарт «крепко вцепиться», сурт сына, өзөлә — лит. сурт «резко ломается, рвется».

Утвердительная частица «ведь» выражается несколькими синонимичными словами: кый//ис//бит. Частица бит (русс. «ведь») характерна для всех говоров башкирского языка, частица ис/ич вошла из татарского языка. В говоре наиболее широко употребительна частица кый/кей/кий, фонетическая вариация которой зависит от общей гармонии слова и предложения по ряду гласных. Примеры: Бастан алма кертәм кый «Из погреба картошку занову ведь»; Карткисәк төптән башкырт ауылы кый; Төгән кире килте кей «Опять обратно пришла ведь»; Килмәйсен кий! «Не приходишь ведь»; Йаңы ис әле «Новый же еще»; Йумарт кеше әйбәт была ис; «Хорошо, когда человек щедр»; Насар кый! «Плохой же!»

Частица лабаса — лит. лабаһа, дабаһа, ҙабаһа «ведь, же» имеет параллельные диалектные формы ла /да/ ҙа и синоним баса. Последняя бытует в гайнинском говоре, а также в говорах киргизского языка. Примеры из говора: Бармай лабаса «Не идет же»; Караул агас тик тора да! Бер дә бәрелмәй кешегә «Печная подпора спокойно стоит же! Никого не трогает»; Әллә нимә тиләр баса! «Как-то называет же!»

Утвердительно-вопросительное слово эйе бит «да ведь» образует в говоре многочисленные варианты и широко употребляется в живой разговорной речи: эйбит/ейбит/ибит/збет/эбет «да ведь». Употребляется также вместе с вопросительной частицей ә: әбетә? ибит ә? и т. д. Синонимом к этим частицам выступает междометное слово һе'эме/ э'ме/эме/име/има? — лит. эйеме? «да ведь?».

Нумеративные слова

Так называемые нумеративные слова в сочетании с числительными обозначают определенный отрезок времени или меру веса. Нумеративные слова показывают сугубо диалектную особенность говора или специфику определенной зоны. Примеры: Бер шәп эшләп кайтайым — лит. бер тына «Поработаю некоторое время»; опоуот — айск. ыпыуыт — лит. ты-

⁵³ Указ. словарь, с. 132.

на; Ике опоует саптык «Два уповода покосили». Слово является заимствованием из северорусских говоров русского языка⁵⁴. Бер гилке — лит. килке «некоторое время, бер гаум — восточн. диалект бер гауым «некоторое количество» < араб. каум «народ, нация; потомство, племя, род»⁵⁵. Бер күтәрәм — лит. бер түтәрәм «четвертая часть», ср. средн. гов. бер түтәрәм «мера длины в 20 шагов». Бер бараңкы//гөрәңке — средн. бер керәүеңкә⁵⁶ — лит. бер казак «один фунт».

Междометие

По составу междометий караидельский говор связан с говорами восточного диалекта и демским говором.

Абау/эбәү — междометие, выражающее испуг и отвращение: Эбәү, хәшпәрәт! «Фу, гадость!». Употребительно в татарском и башкирском языках в различных значениях. Апбә! — междометие крайнего удивления, характерно для айского говора восточного диалекта.

Ай-хай! — междометие, выражающее сомнение, недоверие, лит. ай-һай.

Ай-аттан, эй аттай! — лит. эй эттә — междометное слово, выражающее сожаление, досаду. Находит фонетические варианты во многих говорах: кизил. эй эттә, — сакмар. эй эстә — средн. эй эттән, ср. в языке сибирских татар ай вәттән.

Эй апай! — употребляется для выражения досады и удивления.

Бәләш, бәрәк! — кизил. бәләш — демск. бәрәк — междометие неожиданной радости, удивления, возмущения и т. д.

Сәү! Сәү-сәү! — лит. сеү — требование, приказ молчать, утихнуть, характерное для всех говоров башкирского языка.

Кокак, какай, кәкәк! — детское слово, обозначающее грязь.

Поп, төпәй/түпәй! — детское слово, предостерегающее от падения: Поп итәсең! «Упадешь!». Төпәй/түпәй употребительно в айском, среднем говорах.

Атакайым-инәкәйем «Папеньки-маменьки!» — междометное слово; выражающее испуг, удивление.

Мынағай/мынағый! — сложное междометное слово, обозначающее сильное удивление, досаду, возмущение. Слово

⁵⁴ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. I. — М., 1949, с. 221.

⁵⁵ Указ. словарь, с. 207.

⁵⁶ Башкорт һөйләштәре һүзлег. — Офө, 1970, с. 66.

состоит из указательного местоимения мына/менә «вот» + ағай «брат». Характерно для демского говора.

Междоименные слова зова и отгона, употребляющиеся при обращении с домашними животными.

Названия животных	при зове	при отгоне
лошади	моһ-моһ, мох-мох!	на-на!
коровы и теленка	тпрәй-тпрәй!	тпругә!
овец	беркәй-беркәй-беркәй!	төррә!
коз	кәз-гәз-гәз!	кәзә!
собаки	маһ-маһ-маһ	сәбә!
при науськивании	әссәй-әссәй!	
кошки	пес-пес-пес!	перес!
кур	кет-кет-кет! кети-кети!	гөш! көш!
гусей	лил-лил-лил!	дөгә! дигә!
цыплят	сип-сип-сип!	көш! кша!

Лексические особенности

Исторические пласты лексики говора

Лексика караидельского говора отражает сложные процессы межъязыковых и междиалектных контактов. На развитии лексики говора отражались этнические и территориальные контакты с говорами южного диалекта и северо-восточными говорами восточного диалекта. Носители говора башкиры из племени балыксы и унларские башкиры были связаны с катаяцами и в прошлом были в контакте с табынскими башкирами — носителями среднего говора.

Говор взаимодействует с говорами мишарского диалекта, лексические особенности которого проявляются главным образом в бытовой и разговорной лексике, возникшей в результате контактов в последние столетия.

На основе собранного материала попытаемся сугубо условно выделить в говоре предварительные лексические пласты, общие с тем или другим говором, диалектом, контактирующим языком.

Основу словарного состава говора естественно составляет общепашкирская лексика, бытующая во всех тематических классах. Примеры: ағай «брат», «дядя», алтыр «деревянная чаша среднего размера», арка мейе «спинной мозг», атинә «родители», баса «посконь», кесәртке «ящерица», көсөгән «орел белоголовый», кыслаңкы/кыслан «залежь», лепкә «родничок», сакау «мыт, болезнь лошадей», селкәүес «сеяльница», томора «душно, духота», сандрау «повторять одно и то же, говорить много», теш ите «десна».

Взаимодействие говора с говорами татарского языка, в частности с мишарским диалектом, создало общий татарско-башкирский лексический пласт, характерный как для башкирского, так и для мишарского языков.

Примеры: Алама «плохой, дурной, рваный, грязный», ауырайак «беременность», боз «град», бурсыган «заплесневелый, прелый, гнилой»; казан асыу «варить горячую пищу», кау «трут, сухая чага», пис арты «запечье», сызык «шкварки», теш ите «десна», тылкытыу «повторять одно и то же, беспокоить», хыйалый «сумасшедший», шыксыз/ ышыксыз «неприглядный» и др.

Караидельский говор имеет значительный пласт лексики южного диалекта, которая локализуется главным образом в пределах территории среднего и демского говоров, однако некоторые лексические изоглоссы охватывают ик-сакмарский говор. Последние могут представлять более древний слой диалектной лексики южного диалекта. Часть этого пласта может отражать особенность кыпчакских языков. Примеры: Ашнак//утйакыс «летняя кухня», арка сөйэк «позвоночник», бағымсы «ворожея», предсказатель», балсык «чернозем, почва», боғоу «присесть на корточки, согнуться», драж, траж «черный шмель, шершень»; дикан — средн. дикән — лит. екән «рогоз»; киндераш «семя и растение конопли» — средн., нугуш «семя конопляное»; ср. айск. киндераш «семя льняное»; кәжиңкә/кәжүңкә — демск., нугуш., юшатыр. кәзәңке — сакмар. казаңка «кладовка в чулане»; корайыш — сакмар. кораныш/көрәйеш «круглая шапка, отороченная мехом»; ләскет/ләстә — сакмар. ләс «сырой, водянистый»; пипей — юрмат. пипе «птенец»; таук пипейе «цыпленок», каз пипейе «гусенок»; тоба/төбә 1) говор, средн., сакмар. «омут», 2) средн. «затон»; эт тамыры — южн. д. әтлек/әтләк «бубенчик лилие-листный».

Караидельский говор имеет тесные языковые связи с демским говором, граничащим с ним с юга, и поэтому диалектная лексика, общая с демской, составляет довольно значительный пласт. Эта общность объясняется историческим контактом демских башкир, которые пребывали в бассейне р. Уфы совместно с носителями говора в определенный период⁵⁷. Часть же демских башкир до настоящего времени живет по нижнему течению р. Уфы.

Караидельско-демская лексика в основном отражает особенности северо-западной языковой зоны. Примеры: Акшар — лит. акбалсык, акбур «белая глина, мел»; акшарлау «белить»;

⁵⁷ Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 303.

арсей/артсий — демск. арсый «мужские родственники невесты, сопровождающие ее в дом жениха»; ср. мишар.* арчи «девушки или женщины, сопровождающие невесту в дом жениха»; аса — демск. аҫа «иней, снег на деревьях»; аурсын/аусын — демск. аурҫын «1) ящур, 2) цынга»; йомок «родничок (у ребенка)», күк тәкәсе — демск. күк тәкәсе «бекас»; күсем — средн. күсапай «божья коровка»; камшырык «твердое небо»; которсок (демск., сурян) «деревянная солонка; котойсок 1) демск. «деревянная солонка» 2) «маленький кожаный мешочек», ср. танып. котокса «треугольный шкафчик в углу дома» лит. котокса/котокҫа «кожаный мешочек для пороха»; мынағый/мынағай — междометие удивления, возмущения; олау — демск., гайнин. «соединять, наставлять», ср. айск., средн. урыҫ — улаклар собир. «русские» < древнетюркск. ула «связывать, присоединять», улағ «соединение, связь»⁵⁸; парса — демск. барса «узор, расцветка»; парсалы «узорчатый, цветастый»; ср. древнетюркск. барчын «шелк, парча»⁵⁹, песи йелек — демск. бесей йелеге//майы «спинной мозг»; соңғолок/суңғылык «плацента»; ыскут/ыспут — кизил. ызбут «дымоход»; сүпләп суғыу — демск. сүпләп суғыу — средн. ик-юшатыр, сүпләп һуғыу — айск. сүптәп, суптарзап һуғыу «бранное, узорное ткачество».

Диалектный пласт, общий со средним говором, сравнительно меньше демского, но отличается сугубой специфичностью. Некоторые лексические изоглоссы из этого пласта имеют соответствия в юго-восточных, в таныпском и гайнинском говорах, которые могут указывать на более ранние связи этих говоров между собой. Примеры: Баштире белән уйлау — средн. баштиреләй уйлау «обдумать со всех сторон, как следует», кылам «барахло», кәнте (демск. средн.) — кизил., кубаляк., кәнде «точно, истинно», ср. древнетюркск. кендү/кентү «1) сам 2) свой, собственный»⁶⁰, киөклөк (средн. гайнин.) «паль, лядина», каракайын (средн.) «боярышник», татар. средн. д. — то же; лапы (средн. гайнин.) «сор, хлам», лапылык «чащоба, валежник, свалка», маңғайса — средн. маңнайса «женская шапочка, украшенная монетами, надеваемая на лоб под большой платок», мәреү (средн., танып., гайнин.) «вышивать», мәргән йапкыс «вышитый фартук», өзөк мал «тощая слабая скотина», серде/серзе/сержый (средн. демск.) — кубаляк. се-

* Материал по татарским диалектам и говорам извлечен из «Диалектологического словаря татарского языка» (ДСТЯ). — Казань, 1969.

⁵⁸ Древнетюркский словарь, 1969, с. 608.

⁵⁹ Там же, с. 83.

⁶⁰ Там же, с. 298.

рем, серкә — мias. сыр «мальки рыб», сыйа (караидельск. таньшк.) — средн. сыйлым — ик-сакмар. һыйа — бурзян. хыйа «а) шуга б) оползни снега весной».

Значительный пласт диалектной лексики составляет лексика говора, общая с говорами восточного диалекта. В ареал распространения восточной лексики включается две большие зоны: 1. Лексические изоглоссы восточного диалекта, охватывающие северо-западные говоры, которую можно назвать лексикой северной зоны башкирского языка. 2. Лексические изоглоссы восточного диалекта, идущие на средний, демский говоры.

Однако наибольший интерес представляет лексический пласт, общий для караидельского говора, восточного диалекта и обеих зон: территории северо-западной и центральной (т. е. среднего, демского говоров) Башкирии. Примеры: Аймаклашып — лит. күмәкләшәп «сообща, совместно, коллективно», аңкылыу — арғаяш., средн. аңқау — кизил. аңкыу — сакмар. анһығыу «жаждать, высохнуть во рту от жажды», аркыры — лит. тишкәре «упрямый», арыкклау — восточн. д. арыктау — лит. ябығыу «истощаться, обессилеть», булйал куйып «поставив сроки и условия соглашения», дәу «большой», крәш/керәж «голое кряжистое бревно», күләткә/күләгәткә — кизил. күләткә — сакмар. күләңкә «тень», катмаш — северо-восточн. какмаш — кубалаяк. какмаша — кизил. гайнин. какаш «грязнуля», катмашыбеткән «весь испачкался, весь грязный», оңкот «обжора», сирак «голень», сиреу/сүреу — восточн. д. һүреу — демск. сүреу «наперник», сарпыу суғылыу «заболеть от нечистой силы», сутлау — айск. суптау — кизил. суттау «тайком таскать, уменьшать», туш — лит. шәре «наледь, вода, выходящая на поверхность льда», шөкәтсез восточн. д. шөкәтһез неприглядный, отвратительный», ыжламау/ыжжамау — восточн. д. ыждамау — лит. ис китмәу «ухом не повести», не переживать», ыжламады да «и ухом не повел».

Одну из лексических особенностей караидельского говора представляет диалектная лексика, общая с северо-восточными, в том числе с соседним айским говором, которая указывает кроме всего прочего и на этнические контакты. Примеры: без — лит. йөз «острие режущих инструментов», лит. «шило», бокай — лит. бапак «бука», көсөк «собака», говор каштыклык — айск. кашылдырык «деревянная планка-подставка для ложек», кылка «старье; бедность», ирмәк — лит. кызык «забавный, интересный», йапрак «веник», малатук «молоток», мишәк «мешок», пуофка — айск. буфка «пуговица верхнего платья», салакы — айск. һалакы «неряха, неаккуратная»,

ср. мишар. салак — то же», сәйнәу — лит. тешләү «кусать», Сәйнәмә кулны! «Не кусай руку», сөзөк — айск. һөзөк «навар мясной», срәм/сөрәм — айск. һөрәм — лит. еҫ «угар», терке «молодая сосна», теркелек «молодой сосняк», талсаңнап — лит. тарбандап «растопырив, раскорякой», талсаннап йөрөү «ходить раскорякой», тотаныу — лит. токаныу «зажечься, вспыхнуть», токон «теплый хлев для мелкого скота», түтәй — айск. тутай «старшая сестра, родственница», ср. мишар. түти, тәтәй — то же⁶¹; шөштәйеу — лит. һерәйеу «горчать», айск. шөштәйебултырыу «сидеть неестественно прямо», Ике малай шөштәйеп тороп калты «Остались двое мальчиков (подобно двум пальцам из пятерни)», эсәк «печь с плитой», әбей сәс — северо-восточн. әбей сәсе «ковыль» и др.

Тесное взаимодействие северо-западных башкир с татарами и мишарями создало на этой зоне значительный пласт татаро-мишарской лексики. В этой лексике можно найти лексику татарского литературного языка, которая выступает диалектизмами для башкирского литературного языка. Примеры: алйыу — лит. арыу «устать» лит. алйыу «выжить из ума», бизеу/йеләу — лит. бүгеу «переесть, несварение желудка», лит. бизеу «охладеть, чуждаться», имтекләү — лит. әйзереу «подпускать теленка к корове», бозауны имтекләү; ихата — лит. қапка эсе «двор», күсә/озон койрок «крыса», кәйнегәс — тат. кәйнигәч — лит. кайынбикә «старшая сестра мужа или жены по отношению к ним», мынсала батырыу — тат. мунчала — лит. һалабаш һалыу «спускать, мочить лыко», саулык бәрән «овца, овцематка», шүрлек — башк. кәштә «полочка» и др.

Гораздо больше отмечается диалектная лексика, общая с мишарским и средним диалектами татарского языка: бәләк/пәләк — мишар. пал'ак «красный таракан», йәнаға — мишар. йанагай «деверь», киезтек — средн. д., северо-западн. киез итек — гайнин. киез ката «валенки», маимнау «переесть жирного», олан — мишар., средн. дд. олан/ылан «ребенок, дитя», Үт оланым «Пройди, дитя мое», пәржи/пәжей «конопля» — мишар. пәзе, пәзи «семя конопли», сәнтер/сәлдер «щиколютка», ср. кизил. сәнсек «голень», мишар. чәнтер «икры», сәллей 1) пружина 2) гайнин. «колыбель», сеңербау резинка для ног; уш «ум, память», Ушымта за йук «И в мыслях не было», шишара «бублики» — лит. баурһак «вид мелкой сдо-

⁶¹ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. — М., 1972, с. 148 — 151. Она же. Терминология родства и свойства у татар-мишарей в Мордовской АССР. — МТД. Казань, 1962. с. 244 — 245.

бы, зажаренной на масле», энэсэ «колобок пресного теста», Энэсээн салма салабыз «Из колобка раскатываем лапшу».

В говоре бытует региональная лексика, характерная в основном для самих северо-западных говоров башкирского языка. Примеры: Ак бабай «родной дядя; вежливая форма обращения к нему», ак түтэй «родная старшая сестра», ағ әбей «родная тетя», апайым «ласковая форма обращения к младшим братьям и сестрам; к посторонним младше себя», акма сир — гайнин. акма каста «воспаление или туберкулез щитовидной железы», бүре сыбығы/йүкәсе «волчье лыко», йапкыс «передник, фартук», кыжмырлау — гайнин. кыжмылдау «шевелиться, кишеть», күбәтә — лит. сеуэтә «маленькая деревянная миска», кәшәләү — башк. лит. ярылыу «потрескаться», шелушиться, появление сыпи», картый «бабушка», кырышыу «сердиться, ругаться», Кырыштырма мине имен сакта биреп кал «Не серди меня, отдай пока цел», лапайыу — гайнин. лапайыу, ләпәйеу «расплющиться, разлечься, рассеяться», Лапайа за йата изе «Растянется и лежит бывало», лыштырап төшөү «разбиться, раскваситься», ср. гайнин. лыждыр «человек слаботелый, некрепкий»; ләпек — лит. баткак «грязь», өйкәртә, урамкәртә «двор, открытая часть двора», өргәү — гайнин. орғау «размножаться», сөсөк «весенний камбий березы, березовый сок», сәрәтә — гайнин. зәрәтә — айск. зәрзә — средн. фәрзә — лит. зәржә «снуть, съедобное растение» и др.

Выше были определены наиболее характерные диалектные пласты лексики, бытование которых связано с территориальными и межъязыковыми контактами. Из этой лексики интерес для исторической лексикологии башкирского языка представляют лексические изоглоссы, общие для караидельского, демского, среднего, гайнинского говоров, часть из которых находит соответствия в говорах восточного диалекта. Указанные лексические пласты могут восходить к древней региональной лексике башкирского языка.

Тематическая диалектная лексика

Носители говора, балыксинские и унларские башкиры занимались лесным делом, звероловством, пчеловодством, сеяли хлеб для себя на так называемых көйөк «пали, гари». Местная специфика ярко проявляется в свадебной терминологии, в терминах растений, животного мира, рыб, бытовой лексике и др.

Свадебный обряд

Свадебная терминология в основе своей является традиционно башкирской. Диалектная специфика проявляется в отдельных терминах обряда. Приведем эти термины: кыз суратыу «сватание девушки», башкоза «сват», башкоза йебәреу «послать сватать», тарту//кыз хақы — лит. мәнәр «выкуп за невесту», кыз тауары «свадебная одежда, которую покупает жених для невесты», Кыз тауарына укалы бишмәт, укалы камзул, йефәк шәл, күлмәк ала, баштан-айак кейен-терә «На свадебную одежду жених покупает бишмет с позументом, камзол, украшенный позументом, шелковую шаль, платье — с ног до головы одевает»; булйал куйыу — договориться о сроке и условиях проведения свадьбы; туйаш, туй күстәнәсе «свадебные гостинцы со стороны родителей жениха», аш сана, күстәнәс арбасы — повозка, нагруженная свадебными гостинцами», бөтөн туш «целая тушка мяса» или ямбашлар «несколько частей бедра», билтәмә «поясничная часть»; бер пот бал «пуд меда или кислушки», дәүшләмәләр «пироги с ягодной начинкой», каласлар «калачи», майаш, баурсаклар «баурсак», бер казак сәй «фунт чаю», и т. д. көрөгә эсеу — досл. «пить көрөгә, т. е. кислушку», көрөгә йапмасы асыу — обряд открывания, снятия покрывала с кадушки, наполненной кислушкой. Открывающий тамада дает деньги за право открытия и берет покрывало себе. Тәңкә салыу — отец жениха кладет серебряные монеты в первые бокалы гостей; туй ашы ашатыу «угощение на следующий день», туй озатыу «угощение на третий день, проводы гостей», киәү йегет «шафер», кыз йеңкә, йеңкәсе «старшая невестка девушки, ухаживающая за женихом и девушкой, которые сидят за специальной занавеской — шаршау//сымылтык».

Киәү сымылтыкка кергәс тә, кыз ух итеп каршы ала. Киәүнең билентә урап, сорнап, осон йәшергән билгау. Шуны шишергә тиеш кыз. Табалмаса, кинай, йә бетнәй ташлап китә. Уңканы шишә «Когда жених заходит за занавеску, девушка очень хорошо встречает его. Жених опоясан в несколько кругов поясом, концы которого искусно спрятаны. Девушка должна развязывать этот пояс. Если не найдет концов, жених бьет или совсем покидает ее. Смышленная девушка развязывает», Кыз озатыу «проводы невесты», килен төшөрөү «привоз невесты — снохи в дом жениха», терлек бирнә «приданое невесты», киленне ментәргә бастырыу «наступление снохи на подушку», тайансык — теленок или овца для развода скотины, которую дарят снохе. Она опирается (тайана), в ответ кладет рушник (башлы тастамал), малсана —

«повозка, нагруженная приданым (терлек, бирна)», малсана козасы — «молодой парень-кучер, малсана, который с кнутом в руке близко не подпускает к повозке, пока жених не даст выкупа», биренэ, бирнэ — подарки невесты, привезенные для жениха, свекра, свекрови и др. родственников, эшкәрле күлмәкләр — «вышитые рубахи», сүпләмле ыштаннар «пестрядинные штаны», күкрәк «нагрудники для старух».

Диалектная особенность в свадебных терминах, отмеченных в говоре, в большинстве связана с местной спецификой башкирской свадьбы (булай куйыу, кыз тауары, туйаш, ашсана, малсана, арсилар), частью отражает свадебные ритуалы мишарей (тарту, тайансык, биренэ, терлек и др.).

Некоторые термины родства и свойства

В терминах родства ярко проявляется местная диалектная специфика, характерная для восточного диалекта и северо-западных говоров. Особенность татарского языка преимущественно включается в термины свойства.

Некоторые термины, записанные в говоре: Атай, этэй «отец», инэй «мать», картатай, карттай, картай «дедушка», картый «бабушка», бабай, баба «1) родной дядя 2) дед», Бабайың йанына утыр «Садись около деда», Нейә бер бабаңны калтыртығыз? Барың әле! «Почему одного деда оставили? Ну-ка идите!», эбей «родная тетя, бабка», акпай «ласковая форма обращения к дяде, деду», агәбей «ласковая форма обращения к тете, бабке», ағай, абзый «старший брат», эне, энекәш «младший брат, братишка», түтэй, тутай «старшая сестра», сеңне, сеңнекәш «сестренка», апайым, туғаным «младшие сестры и братья и форма обращения к ним», бәбәй «ребенок, младенец», кентекәй картысы «бабка повивальная», туғантума, хәрентәш-ырыу «родня, родственники», кайната, кайным «свекор, тесть», кайнәм, кайнәм «свекровь, теща», әткәй «обращение к свекру, тестю», инэй, әңкәй — «обращение к свекрови, теще», кайнаға — «старший брат мужа, и форма обращения к нему», йеңкә, йеңкәсә — «жена кайнаға по отношению к килен», йәнаға — «младший брат мужа, деверь», кәйенсеңне «младшая сестра мужа, золовка», балтыз 1) «младшая сестра жены, свояченица» 2) «младший брат жены, шурин», бажа «свояк», ахирәт, дус «подруга, приятельница», әшнә «близкая подруга, наперсница».

Некоторые названия растений

В говоре развиты названия растений. Наряду с общепашкирскими терминами, как карагай «сосна», карагас «лиственница», карагат «смородина», курайеләк «малина», комалак «хмель», кымызлык «кислица альпийская», кесерткән «крапива», в говоре богато представлены местные названия растений, а также фонетические, семантические диалектизмы. Часть из этих терминов находит соответствия в мишарском языке. Примеры: ағас алма «яблоко», ағас алма ағасы «яблоня», йер алма «картофель», акбаш, ак сискә «1) подснежник, 2) ромашка», Аҡ сискәне кайсы йереңә бәйләсәң тә копарта «Если сделаешь компресс из подснежника, кожа вздувается», доул сискәсе «лютик», йаман үлән «маленькое растение, растущее под крапивой, листья прикладывают на опухоль», йөннөкәй//кыр кишере//саискан кишере «бутень, дикая морковь», кантууай «кондовая сосна», карагай мән-дәше «разветвленная сосна с толстой, рыхлой корой», көркә «шишка хвойных», крәш, чиреш «кряжистый», каракаин/әнәле каин «боярышник», кара йеләк «черника», кызыл йеләк «брусника», мүк йеләк «клюква», карға көпшәсе «разновидность купыря», куйан колак «свербига лесная», мешкә «гриб», күз мешкә «чага, древесный гриб для лечения от глаза», мәшкә-үлән//папайей//сар сискә//борканак//туздырак//бабайбаш «одуванчик», соло суган «семянной репчатый лук», сәрәтә «снить, съедобное растение», тыскан сыбык «чилига», шартлама «клубника», шоморт «черемуха», муйыл «дерево черемухи», энже үлән «ландыш», эт муйылы «крушина высокая с крупными черными ягодами», эт йемеше «бересклет», этлек тамыры — лит. этлек «бубенчик лилиелистный», әпрәм, әпрәкмән, әбрәкмән «лопух», кырмоук «репей».

Животный мир

Основу терминов животного мира составляет общетюркская лексика и лексика, характерная для тюркских языков Поволжья. Диалектная специфика в таких терминах чаще всего проявляется в виде фонетических вариантов, например: йәтсә — в других говорах ләтсә «ласка», лит. йәтсә, селәүсен — лит. һеләүһен «рысь», сосар — северо-восточн. һосар — лит. һыуһар «куница», көркә — лит. күркә «индюк», тәтелдәүгес — лит. тәтелдәүек «зук», кызыйғыс — лит. кызғатыу «кулик», әрлән — айск. әрзән, йерзән — кизил. алырзән

«хомяк». Помимо этого, в говоре бытуют и лексические и семантические диалектизмы.

атэт, ата кәсәк, әгәр — лит. арлан «кобель, пес», кәсәк — лит. эт «собака», йуша — лит. болан «олень», болан, сәхәт — лит. мышы «лось», олтыскан — лит. кәрнис «крыса». Бибек — лит. кезгет «чибис», тыскан күзәүгес — лит. сыскан типкес «лунь полевой», күк тәкәсе — лит. саралйын «бекас», сәпсек — лит. турғай «воробей», май сәпсек — восточн. д., майзыгис, майсыл «синица», бозсәпсек «трясогузка», тилсәңке//сабан турғай — лит. һабан турғайы «жаворонок», божор — лит. сел «рябчик», озан, кыр озаны — лит. кор «тетерев», көртлөк — айск., көрттөк «куропатка, тетерка», сыуалсан «глисты», селәү сөгәлйән «дождевой червь», айыры корт, каты корт «двухвостка, ухвертка», шәмсырак — лит. базлауык «светлячок», күселекүс, күземкүс, күсмәнкүс, етемүс «божья коровка».

Название рыб

Диалектная специфика говора больше проявляется в названиях мелких рыб: серзе, соло балык «мальки рыб» (ср. соло суған «семенной репчатый лук»), мөлә «мелкорослая рыба», «подросшие мальки рыб», эт балығы, этләс «вьюн», ташбаш, пискузук «пескарь», сыла балык, каты сырт «ерш», шүкә «щука», суртан «большая щука», ағас йаңақ «жерех», каршуа — гайнин. каршуға «раковина моллюска», сукмарбаш «головастик», ууылтык — лит. ыуылдырык «икра», кылыш, тәңкә «чешуя», шартлауык — демск. шартмак — кизил. шартылдак — лит. балык кыуығы «рыбий пузырь».

Бытовая лексика

Домашняя утварь. В терминах домашней утвари помимо фонетических диалектизмов (сәнтрә «полати», тәрзә пәрзәсе «занавеска оконная», уак та түәк «шурум-бурум», мис/пис «печь», гәрнис «карниз», шамбир «шарниры», и др.) в говоре бытует довольно значительное количество лексических и семантических диалектизмов, которые можно рассматривать в двух вариантах:

1. Слова, образованные на башкирском языковом материале с некоторыми местными семантическими изменениями: буйсике, тезмә сике «нары», сике «деревянная кровать», сике йәпма «тряпичный палас», петеүле йурған «лоскутное одеяло», кашиақ, түрйак — кизил. турбаш — сальют, түр өй

«женская часть дома, кухня», казанас, усағас «печь с казаном», караул ағас «столб около печи, подпорка печи», кыскыс «шипцы», созғак «совок», кәсәү — лит. торонбаш «головешка», потсиләк//ботлок «пудовка», бурташ//акшар «мел для побелки», киндеройа «ткацкий станок», ослок йеп//йебос «дратва», тегәр йеп «суровые нитки», кәштә — лит. урза «шест вдоль стены для развешивания вещей», кыйа шүрлек «косая полка в углу», шәм «свеча», ламбы «лампа», ламбы таскағы «шляпа висячей лампы», күзекәй ламбы «коптилка», сәй тустак, тустак «чашки чайные», кашаға «узкий занавес на матице, поверх печи» и др.

2. Диалектизмы, употребляемые в говоре, но необъяснимые на материале башкирского языка, куда входят и заимствования с трансформированной фонетической структурой и семантическими сдвигами: мөнәят — миас. мынайат — лит. өй йыһазы, өй кәрәк-ярағы «домашняя утварь», средн. гов. мынайат «дорогие вещи» < араб. бинайатун «здание, сооружение»/кәбәрке/гүлбис — лит. мейес арты «запечье, промежуток между печью и стеной». Слово кәбәрке встречается во всех северо-восточных говорах восточного диалекта, а также в среднем, демском говорах в различных значениях.

Диалектизм гөлбис, гүлбис — гайнин. гөлбич — демск. гөлбәс является заимствованием из русского голбец «подпол, подполье» возможно через посредство удмуртских гулбеч, губеч, голбеч. Кәнәпәй/кәнәбәй/кәнәфәй «скамейка со спинкой, жесткий деревянный диван». Термин бытует в том же значении в татарском (мишарском д.) языке, в демском, и северо-западных говорах башкирского языка, куда он мог быть занесен из татарского языка. В языке сибирских татар кунапил, кәнәпил — то же⁶². Слово как заимствование из французского языка употребляется и в турецком, азербайджанском языках. В других языках не отмечается. В словаре В. Даля канапе, канапка «диван, софа, скамья с прислоном, иногда мягкая обитая»⁶³. Кәнәпи отмечается в персидском языке в значении мягкого дивана. Любопытно, что термин кәнәпәй имеет такие же варианты и в венгерском языке: канапей, канапин в значении длинного дивана, скамейки со спинкой, деревянного кресла⁶⁴. Ф. Ю. Немет сопоставляет слово канапе с индоевропейскими языками. Проникновение данного термина

⁶² Тумашева Д. Г. Кәнбатыш себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек. — Казан, 1961, с. 138, 142.

⁶³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. — М., 1955, с. 84.

⁶⁴ Этимологический словарь венгерского языка. Будапешт. 1970, П т., с. 370.

в татарский (мишарский) язык и говоры башкирского языка возможно лишь из русских говоров, хотя он не употребляется в соседних пермских и чувашском языке. Однако представляется возможным сопоставление с чув. хама «доска, тес», кабард-балкар. таңа «доска, стойка, деревянный поднос», горн, мар. ханга «доска, тес, тесина и удм. кана 1) «небольшая полка для посуды, прибитая к стене», 2) «шкаф, буфет»⁶⁵.

Үлә 1) «большой совок из лубка», 2) «короб из лубка» или «санки лубковые», на которых катаются с горы дети. Термин в других тюркских языках не отмечается. Этимология слова үлә затемнена. Можно предположить два варианта его происхождения. По назначению предмета слово үлә может выступать мягким вариантом башк. и тат. улак «колода, корыто, желоб», чув. валак, вулак «желоб», мар. вал, вол «колода для водопоя», корыто, «выдолбленное из бревна». По материалу, из которого сделан предмет — лубковый, лубяной, термин может быть связан с корнем воль коми языка «сдирать, отдирать кору с дерева», удм. вольны «осочить, снять кору кольцом для сушки дерева на корню»⁶⁶, ср. мар. выле «камбий». Пурман/бурман — средн. фурман русск. диал. фурман «фургон».

Керәж, керәш 1) «кряж, бревно, 2) «неколкий, не раскалывающийся чурбак», средн. кубалаяк. керәш — то же русск. кряж; үэтэт — лит. шарак «колкий, быстро раскалывающийся», слово не находит соответствий в других говорах и языках.

Уша башы, уша буйы «лавочка вдоль деревянной основы печи», айск. уша «верхний выступ деревянной основы печи» средн. уша 1) деревянная основа печи, 2) специальные выемы, карнизы в печи. Термин уша отмечается во всех северо-западных (таныпском, нижнебельском, гайнинском), смежных с ними айском, среднем и татарских говорах (казанских, заинских, нагайбакских), а также в чувашском языке: чув. уш/уша пуҫси «лавка вдоль русской печи», уша юпи «столб около печи»⁶⁷. В марийском языке бытует в составе сложного слова: уша оңа «доска, на которой катают тесто» (деревянная) покрывка для ведра»⁶⁸.

Термин передает значение «деревянный» (доски, опоры, основы) и может быть связан с диалектизмами, бытующими

⁶⁵ Егоров В. Т. Указ. словарь, с. 291.

⁶⁶ Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. — М., 1964, с. 77.

⁶⁷ Чувашско-русский словарь. — М., 1961, с. 464.

⁶⁸ Марийско-русский словарь, с. 637.

в языке сибирских татар: усты, устылык, устан «основание печи, опечек» и казахском языке, устан, устын «деревянная опора, подпорка внутри глиняного дома»⁶⁹.

Одежда и украшение

Диалектная специфика говора ярко проявляется и в названиях одежды и украшений. Приведем лексические и семантические диалектизмы в терминах одежды и украшения, зафиксированные в говоре: бишмэт 1. «верхняя легкая одежда», укалы бишмэт «бишмет с позументом» 2. «теплая, стеганая верхняя одежда», дуплы тун «нагольная шуба», төлкөтамак, төлкөкайак, төлкөсирак тун — лит. баса тун «шуба из лапок, лисьих брюшин», бишмэт тун, бәрәнкап тун «полярковая шуба», колаклы пурек «шапка-ушанка», ситле пурек «шапка, отороченная мехом», мескен бүрек «шапка без меха», алмалы шәл «цветастая шаль», селтәр шәл «шаль-паутина», кәзәмир шәл «кашемировая шаль», калуш «резиновые калоши», каты калуш «кожаные калоши», балитәк «оборки на подоле», йағитәк — айск. йаға — сурян. йағалык — лит. һакал «нагрудник из кораллов и монет», муинтөп/муйтөп — айск. муйса «нагрудник, шейное украшение из монет», маңкайса «налобное украшение из двух рядов монет», ср. средн. маңнайса «шапочка, украшенная монетами, надеваемая под платок», хәйтә/хәйкә — кизил. кубалык., сальют., хәситә «нагрудное украшение из монет в виде широкой ленты, косо надеваемое через плечо», заказан. гов. хәсилтә «амулет на широкой тесьме, надеваемое через левое плечо»⁷⁰, колағалка «большие серьги из серебряных монет», бөтөн — лит. һумлык «целковая серебряная монета», тамбак тәңкә «выпуклая узорчатая тонкая металлическая бляха», бәйләм ойок «шерстяные чулки домашней вязки», мамығ ойок «простые фабричные чулки», селтермәкле палтак «кольцо с серебряными монетами», төймә, кытай «бусы», кәфен — лит. астар «марлевая подкладка под вату», Иң элгәре мамыкны кәфеннәйбес, аңдан кер тыш тартабыс та, срыбыс йурған «Сначала вату подбиваем марлей, потом одеваем верх и стегаем одеяло», астар — лит. эзеп «подшивка, кромка, которой подшивают край одежды».

⁶⁹ Диалектологический словарь казахского языка. — Алма-Ата, 1969, с. 356.

⁷⁰ Диалектологический словарь татарского языка, с. 464.

Семантические диалектизмы

Семантические диалектизмы, зафиксированные в говоре, проявляются в двух видах:

1. Слова, употребляющиеся в значении, отличном от других говоров и литературного языка: какшау 1) лит. «расшататься, измотаться», 2) говор «растеряться», Какшап калтым «Растерялся»; корок 1) лит. «лассо, петля на длинной тонкой палке», 2) говор «прямой длинный столб», кәриә 1) лит. уст. «деревня», говор «отруб, хутор», мейдан 1) лит. «площадь», 2) говор «зрелище», туғай 1) лит. «луг», 2) говор «полуостров, межречье», тустак 1) лит. «чашка, суповая миска» 2) говор «чашки чайные», ығышыу 1) лит. «медлить, копаться», 2) говор «упорствовать, упрямиться» и др.

2. Слова, имеющие, кроме литературного значения, дополнительные или переносные диалектные значения зайа 1) лит. и говор «понапрасну, зря, попусту», 2) говор зайа былгу — лит. әрәм булгу «пропадать», Тирәзәм зайа былты «пропало окно мое», т. е. разбилось; коршау 1) лит. и говор «составлять, собирать из частей в одно целое», 2) говор коршау «сооружать, строить, сделать», тормош коршау «строить жизнь», сабранйа коршау «сделать собрание»; кайыр, кабык 1) лит. и говор «кора, луб», кайыр суйдык «лыко драли», 2) говор «сезон работы по снятию коры», Кайырда йатабыз унар кән «Находимся на короразработках по десять дней»; кабык 1) «кора липы», 2) «работа по снятию липовой коры»; Кабыкталарыймы? «На разработках коры они были?», 3) говор «липа», Мына кабык сискә ата хәзәр «Вот сейчас липа цветет»; сокор 1) «яма», 2) говор «чашка чайная» в отличие от йәйпе «плоский» «блюде»; соло 1) «овес», 2) говор соло балык «малывки, мальки»; 3) «севок, посевной лук».

Фразеологизмы

Наряду с фразеологизмами, свойственными для восточного и южного диалектов (аш менәу «выбирать пищу, отвращение к пище во время беременности», ауырайак «беременность», ах итеу «души не чаять», бөтәу йара «незаживающая рана», фарк булгу «быть по горло сытым», зык кубып, зык төшөп «в шуме-гвалте, суматохе»; күкрәк, үзәк көйөү «появление изжоги», ут алыу «зажечь огонь, свет», эт күрмәгәне калмау «перенести нечеловеческие лишения»), в говоре бытуют довольно своеобразные фразеологизмы, характеризующие диалектную специфику говора. Примеры: Аргамак күүк «худой, поджарый», Башның ушын алыу «заморочить голову», Башның ушын алып иҫәнкерәтеп утыра «Сидит, голову моро-

чит», Ил бурдайы, ил кәсөгә «бродяга, недомосед», Исем-аты былмау — лит. яман аты сыкмау «Не порочить свое имя», Йар күүк булып «огромной толпой», канат йөнө йетеу «сидит на чемодане, чемоданное настроение», кешенең меңен табыу — лит. тырнак астынан кер эзләү «искать недостатки», күстәнәскә барыу «итди на угощение свадебное», кеше куштан «приветливый, ласковый», семәй тейәтеу — лит. һемәйтеу «посадит в галоши», шайтан ойасы «как чертово логово», күмер сүлмәге күүк «подобно чугуно для углей», сыйыр йөнөн санай «скупой», туң ағас «недотепа, садовая голова», тустағ эсеу «стать нареченными», теләсә кайа тел тығыу «всюду встревать, совать нос».

Часть фразеологизмов отличается от известных фразеологизмов грамматическими особенностями, например: көзән йәбешеу — лит. көзән йыйырыу «сводить в судороги», мәңке бакый — лит. ғүмер бакый «весь век, очень долго», өкөсә олодо — лит. бүреһе олоно «повезло ему».

Исследование лексики караидельского говора показывает, что основой словарного состава говора является общешкирский лексический пласт. В диалектной лексике говора проявляется историческая общность с лексикой среднего говора, а также в определенной степени отражаются контакты с говором мишарского диалекта, специфика которого выступает преимущественно в бытовой лексике — наиболее активной части словарного состава.

По наиболее характерным лексическим особенностям караидельский говор входит в северо-западную зону, которая имеет лексический пласт, общий с восточным диалектом башкирского языка, в историческом плане имеет связь со средним диалектом татарского языка и чувашским языком (алма «картофель», божор «рябчик», озан «тетерев», көртлөк «куропатка», сыба «верхняя легкая одежда», уша «лавочка около печи», әкәр/әгәр «пес, кобель», әрзәнә «дрова, заготовленный лес», ирлән «хомяк» и др.).

Образцы текстов

Купиаз ауылы тарихынан

Пирауай мынта сирмешләр, марилар былған. Кубубай Кубуғай/Кубай тигән мари килеп коршаған аул. Бер биш йөз йыл была. Аның тарихе дә бар ийе. Миңнәхмәт ағайда микән. Кәнте шунта булырға тиеш. Мынта урман былған. Урманның бер аланына килен аул коршаған. Аны Кубай айазы тип йөрөткәннәр. Кубай йазы йаланы бар. Сөйәш тигән башкырт жуып йебәргән марины. Сөйәш йаланы за

бар. Элек бу башкыр йере былғанға куып йебэргэннэр марини. Тулкэ мынтағы, хэзерге марилар түгел. Былар Миэкэдэн килгэн.

Бирскизэн 2 йыл элгэре утырған Көбөйаз. Төп башкырт нэселлэре: Йа°улыбай, Төнсура, Балташ. Балташ үзенэ бер нэсел, Йа°улыбай үзенэ бер. Эр берсе өстөн булырға тырышкан. Кистэн тотканнар. Шәйдулла бобайың кэртэ өстөрәп йөрткэн. Позартан петенесе суғышып кайта торғаннарийы.

Записано в 1961 г. от *Шайнурова Шайдулы*, 1898 г. рожд., малограмотн., и *Шайнуровой Кифаи*, 1901 г. рожд., жителей д. Кубиязово Аскинского р-на БАССР.

Иске Акпеләк ауылы тарихы

Беренсе Якуп килебутырған, Акбүләк карт, кий. Айау-сыз урманнык, йау булған. Йәйә, ук белән суғышкан башкырт. Бозайны сәйнәп каз кауырсыны йебештереп, укның башағын тәмәке кайнатып тыгып, каты нык эшлөгән укны.

Башкыртның жире зур былған. Бертем аулы кырк сакрым мынан, Кифазының йөз илле сакрымка сузылған жире элгэре. Бертем йылғасына Кифазыдан килеб утырғаннар. Безнең ата-бабайлар урыстан, татардан түлөткән йерне. Эрбөлүтсиәге сәкле башкырт үткәрмәгән мишәрне, Акбүләктән сыккан Шамырат, Козаш, тезелешеп Йүрзән буйына утырған башкырт.

Акпеләкнең нэселлэре: Шәмекәй, Акпеләк, Балтин. Шәмекәй нэселен азбарынта өс лары булуынан белеләр. Өс лары булмаса — Балтин.

Тау исемнэре: Йантык тауы. Элекен картатайлар кайрызан үлө эшлөгәннэр. Кабык созғак йасағаннар. Үлө белән тау шуғаннар. Йантык тауынан шуғанта үлөсә йантайып китә. Йамады тауынан шуғанта үлөсә йыртылып китә. Йамап алғаннар. Салтыба — суғыша торған тау былған байкылар белән. Байкы (Йуныс) аулы типтэр. Байкыбаш — мишәр.

Записано в 1966 г. от *Нурдаветова Хайриланама*, 1905 г. рожд., грамотного, жителя д. Акбуляково Караидельского р-на БАССР.

Глава II

ТАНЫПСКИЙ ГОВОР

Таныпский говор распространен в Балтачевском, Бураевском, Бирском, Татышлинском и близлежащих селах Аскинского р-нов.

Носителями таныпского говора являются потомки башкирских племен танып (ас танып), ирякте (ирэкте), таз, расселенных по бассейнам рек Быстрого Таныпа, Ара и Юга (Йок).

По справочнику, составленному Баш. ЦСУ в 1926 году, по Старо-Балтачевской, Бураевской, Кызыльярловской, Татышлинской, Кизганбашевской, Калмыковской, Московской волостям Бирского кантона насчитывалось 158 башкирских деревень¹.

В справочнике «Список башкирских деревень...»² по Старо-Балтачевской, Мишкинской, Чураевской, Верхне-Татышлинской, Верхне-Карышевской, Ваньш-Алпаутской, Кызыльярловской, Калмыковской, Бураевской волостям башкиры составляли 243 деревни. Здесь число башкирских деревень увеличено за счет мишарских, тептярских (Верхне-Карышевская волость — 33) и марийских деревень, которые считались башкирами. Так, в Мишкинской и Чураевской (совр. Мишкинский район) волостях по указанному списку насчитывалось 57 башкирских деревень, тогда как в современном Мишкинском районе имеется всего 3 башкирские деревни: Большие Шады, Кигазытамак, Калмазан, которые входили в состав Верхне-Карышевской волости.

В Бирском районе башкирскими являются населенные пункты Верхне-Лачынтау, Нижне-Лачынтау.

¹ Список населенных пунктов Башреспублики. 1926.

² Список башкирских деревень с разделением их на кантоны, волостные и сельские общества (1798 — 1865). — Без места издания.

В Балтачевском районе, по сведениям информаторов, в прошлом вотчинными башкирами было население 12 деревень: Старо- (или Кулуй) Балтачево, Новобалтачево (Усак), Староиликеево, Кумьязы, Старые Штанды, Мата, Минигазово, Тушкурово, Кунтугушево, Нижне-Сикиязово, Верхне-Сикиязово, Асавды — последние две в Татышлинском районе. Припущенниками считалось башкирское население деревень Тутагачево, Тыканово, Имяново, Сейтяково, Тучубаево и др. По данным информаторов, в прошлом тептярскими были деревни: Зилязикулево, Начар, Якший, Норка, Усман, Чурапан и др. Бывшими мишарскими являются деревни: Кундашле, Кашкале, Уразай, Янбай, Чукалы, Ялангач, Верхне-Карыш, Нижне-Карыш, Богодан, Ново-Тимка, Старо-Тимка, расположенные на юге Балтачевского района.

В Бураевском районе старинными башкирскими населенными пунктами считаются Старотазларово, Тазларово, Бураево, Чишма-Бураево, Тазтуба, Старокизганово, Кашкалево, Новокарагушево, Ванышево, Ваныш-Алпаутово, Каразиреково, Новоельдяково, Старобикметово, Большебадраково и др.

В Татышлинском районе башкирскими считаются населенные пункты Староакбулатово, Аксаитово, Бадряшево, Кумалак, Буль-Кайпаново, Старочукурово, Кальтыево, Таныш-Чишма, Гарейбашево, Шульганово, Старосикиязово и др.

В 1841 — 1842 годах танышские, иряктинские и тазларские башкиры составляли 10-й башкирский кантон Бирского уезда с несколькими волостями, которые носили свои племенные названия: Иряктинская (правильно: Иряктинская) волость — 12 деревень; Кар-Танышская волость — 13 дер., Танышская волость — 8 дер., Ельдятская волость — 6 дер., Тазларская волость — 8 дер.³ В Иряктинскую волость входили населенные пункты: Савелеева, Янгиз-Нарат, Тамакова, Нижне-Кунсуярова, Старая Чукурова, Аксеитова, Маметева, Новая Чукурова, Юрмазина, Нижне-Кудашева, Верхне-Кудашева, Ильметева и др.

В Кар-Танышскую волость Кайпановой тюбы входили: Минигазова, Тушкурова, Бушгарт-Кайпанова/Кальтеево, Старая Кайпанова, Кумиязина, Мещерово (смеш.), Старая Иликеева, Мата, Сикиязова, Старая Балтачева, Новая Балтачева, Кунтугушева и др.

³ 1841 — 1842 гг. — Ведомости 13 башкирских и 5 мишарских кантонных начальников Оренбургской губернской казенной палаты о численности башкирского и мишарского населения по 8-й ревизии в деревне, юрте, кантоне, уезде с указанием вотчинников и припущенников. — ЮАС, вып. 2. — Уфа, 1976, с. 270 — 276. Публикация А. З. Асфандиярова.

Таныпской волости, Кыр-унларской тюбы: дд. Имяново, Кашкалина, Старая-Кизганово, Даутларова, Карагушева (смеш.), Тузлукушева (смеш.).

Ельдятской волости, бураевой тюбы: дд. Чишма-Бураева (смеш.), Мустафина, Дусметева, Утяганова, Новая-Тазларова (смеш.), Сейтякова, Тойчибаева (смеш.), Старая Каргалина, Бураева (смеш.). Имян-Куперова (Кыр-унларской тюбы).

К Тазларской волости, тазларской тюбы относились деревни: Старая-Тазларова, Юмакаева, Варзитамакова, Минлина, Ваныш-Алпаутова, Каразирекова и др.

Мишари данной зоны по указанным ведомостям составляли 4-й мишарский кантон Бирского уезда.

В Таныпской волости мишарскими были дд. Богданово, Верхне-карышево, Зияликулева, Начарово, Ишмамметово, Кашкаева и др.

В Кыр-Унларской волости, унларской тюбы дд. Тимкина, Иштирякова, Чишмы, Норкино, Нижнекарышево, Старокугапова. В Кары-Таныпской волости Кары-таныпской тюбы мишарские дд. Янбаево, Ялангачево, Чыпчыково, Якшиевы и др.

В Таныпской волости дд. Султангулово, Бигильдино, Чукалино, Кундашлино, Атбашево, Качаново, Чишма-Уркеева, Абуталыпово, Деушево.

На территории таныпского говора кроме бывших тептярей, мишарей живет много марийцев, удмуртов. В прошлом население многих деревень являлось смешанным, впоследствии марийцы, удмурты в смешанных пунктах приняли мусульманство и перешли в башкиры.

Татарских деревень на территории говора было совсем немного. Число их сейчас увеличилось за счет мишарских населенных пунктов, которые расселены в основном в южной части территории говора.

По справочнику 1973 г. в Балтачевском районе насчитывается 51, в Бураевском — 64, в Татышлинском — 64 башкирских населенных пунктов⁴.

Этническая история племен танып, таз, ирякте уходит в глубокую древность истории башкирского народа.

Племя танып, имевшее два собственных рода сул или су-танып, кыр/кары/кара-танып, включало в себя еще роды казанчы, кайпан⁵. Племя танып является собственно башкирским «территориальным» племенем и не отмечается в составе

⁴ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление. — Уфа, 1973.

⁵ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974, с. 341.

других тюркских народов. Но этноним танып встречается в самой башкирской этнонимии и топонимии. Так, деревня Арсланово Мелеузовского района имеет народное название Танып-Арслан. Родовое подразделение танып отмечается в составе башкир сянкем-кыпчаков. У пермских башкир-гайнищев также имеется второе название ас-танып и название деревни Танып, что указывает на этническое родство этих двух групп башкир⁶.

В историческом прошлом таныпские башкиры, как и гайнищевы, интенсивно ассимилировали местные финно-угорские племена. Так, предание о происхождении уфа-таныщев повествует о том, что они являются потомками марийцев и раньше поклонялись змеям⁷.

По мнению Р. Г. Кузеева, племя ирякте исторически связано с каратабынскими башкирами, переселившимися с востока, с долины р. Миасс в XV — начале XVI в. на запад, на границы Казанского ханства. По данным татарских историков, в одном из ярлыков казанского хана ирэк употреблен в значении «крепость, укрепление». По мнению Р. Г. Кузеева, этноним ирэкте, ирэктелэр может означать «несущие службу в крепости»⁸. В языковом плане топонимы говора игетте «отданный в придание», Мағашты, Сеүәште, Асаузы, Эштәнде являются формами восточного диалекта, а структура этнонима ирэкте с афф. -те подтверждает принадлежность его к северо-восточной группе племен.

Сами иряктинские башкиры себя считают родственными с племенем тазлар. В народном предании это родство подчеркивается тем, что Таз бабай выдал одну из 12 дочерей за охотника Ирэкте.

Если исходить из специфики этнонимов северо-восточных башкир, связанных с названиями ремесел (ср. балыксы, кошсо, казансы, йылкысы), можно допустить версию, что ирякте означает «имеющие тамгу ирэк» или «выделщики овчины при помощи ирэк».

В связи с этимологией этнонимов таз («паршивый, безволосый») и ирякте небезинтересно вспомнить также аргиппеев (лысых людей) и иирков древнегреческого ученого V в. Геродота, которых историки называют предшественниками башкир и венгров⁹.

Тазларцы компактной группой осели по среднему течению Таныпа.

⁶ Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 347.

⁷ Там же, с. 347.

⁸ Там же, с. 319, 320.

⁹ Геродот. История в девяти книгах. — Л., 1972, с. 192, 519.

Этническая группа таз/тас имеется в составе казахов, киргизов, ногайцев, узбеков, туркмен и североалтайских кумандинцев. Имя одного половецкого князя XIII в. называлось Таз¹⁰.

Несмотря на пестрый в прошлом этнический состав (башкиры, бывшие тептяры, мишари, а также марийцы, удмурты), разговорный язык населения данной зоны относительно однотипен. Марийское и удмуртское население хорошо владеет местным разговорным языком. Несколько отличается лишь язык мишарей, который вместе с языком мишкинских, караидельских мишарей и других мишарских сел близлежащих районов выделяется татарскими диалектологами в самостоятельный говор западного (мишарского) диалекта¹¹.

По своим диалектным особенностям язык таныпских башкир имеет целый ряд местных языковых черт, которые способствовали образованию территориального говора, названного по его распространению в бассейне р. Танып «таныпский».

Таныпский говор с севера контактирует с гайнинским, с запада — нижнебельским, с востока — караидельским говорами.

В отличие от нижнебельского и караидельского говоров в таныпском, как и в гайнинском говоре, фонема а в начале слова является преимущественно открытым нелабиализованным звуком. От гайнинского и нижнебельского говоров он отличается систематическим употреблением й вместо ж в начале слова и слога. В отличие от караидельского и нижнебельского говоров здесь вместо интердентального ʒ указанных говоров преимущественно функционирует звук з в определенных словах (изэн — лит. ізэн — тат. идэн «пол», хозай «бог», Мэзинэ — лит. Мэзинэ — антропоним и др.).

Говор характеризуется факультативным употреблением мягкого свистящего звука с, напоминающего по своим качествам чувашский свистяще-шипящий с (с), который выступает вместо литературного с и татарского ч: себен «муха», сос «шустрый, проворный», төпсөк «последыш», сит «край, чужой».

В области грамматики специфику говора представляет глагольная форма возможности и невозможности на -й + ал, которая бытует также и в восточных говорах башкирского языка: барай ала — лит. бара ала «может идти», китэй алмай — лит. китэ алмай «не может уйти».

¹⁰ Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 355, 356.

¹¹ Махмутова Л. Т. О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР. — МТД. Казань, 1962, с. 69.

В говоре, как и в гайнинском, нижнебельском говорах употребительны сложные глаголы типа апкайтыу/алп кайтыу «принести», эпкитеу «унести», эпкилеу «принести» и др. Незавершенность или продолжительность действия выражается сложными формами на -а, -ып йат, характерная для литературного языка: бара йата «идет», эшлэп йата «трудится, работает». Специфику говора составляет преимущественное употребление в глаголах движения деепричастной формы на -п, -ып вм. форм на -а: барып йата, килеп йата «идет».

В говоре более употребительны формы личных местоимений безең вм. лит. безең, «у нас, наше», миэ/миэр/миэргэ «мне», сиэ/сиэр/сиэргэ «тебе» и др.

Фонетические особенности

Система гласных (вокализм)

Фонема а. В начале слога выступает как широкий нелабиализованный звук заднего ряда, например: Алга атла, алга атла, артта калсын эзлэрең «Шагай только вперед, пусть следы остаются позади». Батыр йарасыс былмас «Герой не бывает без ран». При раздельном произношении слова вне контекста, а также в позициях с согласными к, б, м, лабильными гласными у, о фонема а спорадически лабиализуется: Ка^орыш — гидроним и ойконим, ма^ол — лит. мал «скот», Ба^орый — антропоним, а^оур — лит. ауыр «трудный», ба^оур — лит. бауыр «печень»; Искоул — ойконим.

а — ы, и. Как и в других говорах, в отдельных случаях звуки ы, и литературного языка под ударением заменяется широким звуком а под влиянием прогрессивной ассимиляции: кабак — лит. кабык «кожура, кора»; акай күз — демск. акый — икс. акыш «глаза с большими белками»; йабага — лит. ябагы «весенняя линька»; кайка бил — лит. кайкы бил «выгнутая спинка».

ы, и — а. Употребление звуков ы, и вместо а литературного языка отмечено чаще в сложных словах: очиак — лит. осайак «жаровня на треноге», йамыйак — караидельск. йамыйак/<айак «посуда») «пиала», калый капка — калай капка «большие тесовые ворота», кашыйак — лит. кашайак «кухонная часть дома».

Фонема э. Гласный э образует звуковые соответствия со звуками и, е.

э — и. В говоре известная группа слов выступает как и в литературном языке, а также в других северо-западных

говорах с корневым гласным э: кэбэк «отруби, отход», кэбэн салу «метать стог», кэртэ «изгородь», кэрэк «надо», кэмэ «лодка», кэштэ «шест вдоль стены для подвешивания вещей», кэтмэн «кетмень».

Диалектную специфику таныпского говора, как и других говоров башкирского языка, показывают слова, в которых вместо литературного языка начального гласного и выступает широкий э: эпей/эпекэй/ипей — лит. башк. эпэй, икмэк «хлеб»; эрлэн — лит. ирлэн «хомяк»; тэкле — лит. тикле; чэкле — лит. сикле — послелог «до вплоть до»: ср. демск. и караидельск. сэкле — то же; чэрзе/чирзе — средн. караидельск. серзе «мальки».

е — э, э — е. В говоре группа слов не имеет твердой стабильной огласовки, выступая с широким гласным э, наряду с узким е, что указывает на смещение диалектных особенностей южного и восточного диалектов башкирского языка. Употребление широкого гласного э в начале слова более характерно для южного диалекта, гласного е — для восточного диалекта; эрэтэ — эрэтэ капка — южн. д. арата капка «ворота-перекладины»; в говоре зафиксированы следующие слова с начальным е/э/ вместо э других говоров южного диалекта. Некоторые слова в говоре употребляются в двух вариантах. Примеры: белкет — бэлкэй — кубалаяк. белэкэй — лит. бэлэкэй «маленький», этмэ — этмэ южн. д. этмэ «сак», эре/эрэ корт — лит. эре корт «трутень». В некоторых словах узкий гласный е перед ударным широким э переходит в э: элэмэк — средн. элемек «мошкара»; белэтэ — лит. белгертэ «дает знать» белэтмэй «не дает знать, не показывает», белэммэй, белэнмэй — лит. беленмэй «незаметно», эрэкмэн — лит. эрекмэн «репейник», лопух».

е — и: В говоре зафиксированы следующие диалектизмы, в которых вместо литературного и в начале слов выступает звук е: энес — лит. инес «подклад»; эреу — лит. иреу «таять, растворяться»; Эсмәғел/Эсмағыл — лит. Исмағил — антропоним, мечәу — лит. мисәу «запрягать в пристяжку»; делбегә — лит. дилбәгә «вожжи»; нергә — лит. ниргә «венец сруба».

и — е, ы: И наоборот, в некоторых случаях гласная и соответствует литературному е, часть из которых отражает особенность татарских говоров: имин — лит. имен «здоровый, безопасный, благополучный»; тигәнәк — лит. тегәнәк «репей». Примеры, отражающие фонетическую специфику говора: ғәйри — лит. ғәйре «до, по, кроме»; чиллә — лит. селлә «самая жаркая или самая холодная пора года»; ничкә — лит. нескә — караидельск. нәскә «узкий, тонкий»; чиракка төшөү — лит. сыракка төшөү «ловить рыбу ночью с факелами».

Диалектные соответствия широких гласных переднего ряда э узким гласным (э — и, э — е) и наоборот (и — э, и — е) составляют особенность тюркских языков Поволжья, переживших смещение тюркской шкалы гласных. На этой почве возникли диалектные явления, отражающие черты как самих говоров башкирского языка, так и смешения их с татарскими.

Сингармонические варианты

В говоре отмечается интенсивное опереднение гласных в словах, бытующих в других говорах с заднерядными гласными, многие слова с заднерядной огласовкой в процессе речи выступают параллельно с переднерядной огласовкой. Из 35 зафиксированных по «Анкете» вариативных слов 18 выступают с переднерядными гласными, 10 — с заднерядными, 7 — параллельного употребления. Отмечены случаи нарушения сингармонизма в заимствованиях и сложных словах: Комойазы/Кумыяз/Көмөйазы — ойконим; тыйак/тейак < теге йак «та сторона», калхуз «колхоз», кэмзул «комзол».

Из этих 35 слов 16 оказываются характерными для башкирского языка и его говоров ачиткы — восточн. д. асыткы «закваска, опара»; иртанчак — кубалаяк. иртансак — миас. кизил. иртәнсәк «утром»; димар/димәр — средн., демск. димәр «дымарь»; ләгүшкә — бурзян. лагушка «лагун для дегтя»; морйа — морйә «печь» — лит. мөрийә «печная труба»; тумар кизил. түмәр «чурбак», шака уйыны — кубалаяк. шәкәй уйнау «игра в бабки»; шәлтәу икс. «пояс для ношения топора»; средн. шалтау «чехол на поясе для топора»; багур/бәгүр «багор»; әжәгәй — средн. нәжәгәй — юшатыр., нижнебельск. нажагай — восточн. д. һазагай, һазаган «зарница»; әнәу — лит. анау «вон тот»; сигән/сиган — лит. сифан, кизил. сегән «цыган»; Шулған/Шүлгән, Иштанды/Эштәнде — ойконимы.

9 вариантных слов представляются характерными для татарского языка и его говоров: бүчкә «бочка», әтәй/әтә «отец», кайнам «свекровь, форма обращения к ней», мәгәйен «навняка», мәж (килеү) — лит. мыж (килеү) «кишеть, копошиться, возиться», хәйрән (калыу) «сильно удивляться»; әргән/орган «гармонь»; әйрән «айран», әшперәү — лит. ышырыу «сгребать, сдвигать» и др.

15 вариантных диалектизмов из указанного списка, которые оказались характерными для говора, отражают региональную и местную специфику произношения, часть из которых может быть связана с финно-угорскими языками: кырба-

лак — средн. кербөлөк «валек для стирки белья»; доңкош/доңгош — гайнин. дөңгөж — лит. иңкеш «шмель» йужағач (< йүкә + ағач) «липа»; ишағал (ишек + ал) «преддверие, часть двора перед дверью»; катук «катушка для ниток»; тош/төш «баурсак», ышчағы (< эш + сағы) «время работы»; сәмәй/самай «самый»; тәлпән/талпан «клещ»; тәрәләү/таралыу «разойтись», Сабанатуй тәрәлеппеткән кей! «Сабантуй разошелся ведь»; эшкәп/ышкап «шкаф»; шәпшәкер «чехарда»; әрәтә «перекладина», Арнаш/Әрнәш — топоним; Кәлтәү — Калатау — ойконим в Татышлинском районе.

Виды огубления и разогубления

(лабиализации и делабиализации)

К видам лабиализации и делабиализации можно отнести остаточные фонетические явления, когда в определенном круге слов краткие гласные ы, е частично или полностью лабиализуются и, наоборот, гласные у, ү, о, ө частично или полностью подвергаются делабиализации.

у — о — ы; ү — ө. Группа слов употребляется с более древними гласными у, ү¹² вместо татарского слабо огубленного о, ө. Это соответствие является формой полной лабиализации. Слова с гласными у, ү выступают характерными для говоров башкирского языка, часть является литературной нормой: суң — лит. һуң — тат. соң «поздно», бутау — лит. бутау — тат. ботау «мешать»; йүгән — лит. югән — тат. йөгән «узда», йүгерәү — лит. югерәү — тат. йөгөрәү «бежать». Часть примеров выступает как диалектная особенность говора или представляются древними заимствованиями: ахук — лит. акык — тат. ахак «сердолик»; махмур — лит. бакмыр — тат. махмыр «похмелье, закваска»; андус — лит. андыз «девясил», сурау — лит. хорау «спрашивать»; сул/сол — лит. осол «способ, умение, лад»; Сул белә эшләй «Со знанием работает»; Ср. чув. сәл — то же; бүгәйлә — лит. бөгәйлә «изгиб, гнущее приспособление». Диалектизмы һурау, бүгәйлә отражают особенность восточного диалекта.

о — ы, ө — е, ө. В группе слов узкие негубные гласные ы, е литературного языка выступают в огубленной форме о, ө. Примеры: богау — лит. быгау «кандалы, железные пути»; поскак — лит. быскак «морозящий»; поскак йаңғыр «тихий морозящий дождь»; коңфорау — лит. кыңғырау «колоколь-

¹² Гарипов Т. М. Об историческом развитии тюркского вокализма. — В кн.: Языковые контакты в Башкирии. — Уфа, 1972, с. 66.

чик, ботало»; шома — лит. шыма «гладкий»; шомакай көпшә «дягиль»; ондор — тат. ындыр — лит. ырзын «гумно, ток»; көйөк — лит. кейек «зверь»; кыр көйөкләре «дикие звери»; төйәү — лит. тейәү «нагружать»; өшөрөү/ эшереү — лит. ышырыу «сгребать, сдвигать». Как видно из примеров, башкирские и татарские краткие гласные ы, е выступают в говоре в виде кратких слабо лабиализованных гласных о, ө.

Явление делабиализации, в разной степени отмечаемое во всех северо-западных говорах, в таныпском говоре имеет еще свои специфические особенности. Если делабиализация в словах башкырт «башкир», былмады «не было», была «будет», быгай «кажется», бетен «полностью», мынса «баня», кетеү «стадо», тырна/торна «журавль», тилегән — лит. төйлөгән «коршун» и др. в той или иной степени отмечается по всему северо-западу, в том числе и таныпском, то примеры, приводимые ниже выступают как местные фонетические явления. Часть из них имеет общность с особенностями говоров восточного диалекта.

а — у, ә — ү. В следующих словах вместо этимологических губных гласных у, ү в начальной позиции выступают гласные а, ә: йак — лит. йук «нет»; кубалык. йак — то же; ал — лит. ул — указат. местоимение «тот, этот», средн., аргаяш. ал — то же; Ал йактан маладис! «Насчет этого молодец» (Бадряшево); аклау/оклау — лит. уклау «скалка» (Бураево), пауфка/пәуефкә — северо-восточн. буфка «пуговка», кәксәү — айск. күксәү — кизил. күкһәү/күххәү «хронический кашель», Әле кәксәү генәмен «Еще совсем больная я» (Кумиязово).

Губная гармония

В таныпском говоре действие закона губной гармонии систематически распространяется на два, на три слога, а в некоторых случаях и на сложные слова, например: өлкөкөнне — лит. элекке кенде «позавчера»; көлкөнөчлө «смешной, смехотворный!» Корголдобаш, Осло тау — топонимы д. Н.-Сикиязова; йонсоу «мучиться, измотаться»; көйсөз «без настроения» и др. В некоторых случаях в результате лабиализации звуков кратких узких гласных ы, е в начале слова, подвергаясь закону губной гармонии, образуют новую вокализацию, не свойственную ни башкирскому, ни татарскому языкам: ондор «ток, гумно», көйөк «зверь», өшөрөү и др. Данное явление говора более характерно для гайнинского говора, где оно охватывает больший круг слов, которое можно рассматривать,

на наш взгляд, как реликтовую особенность древних башкирско-чувашиско-булгарских языковых взаимодействий.

Явление лабиализации узких гласных *ы, е* выступает во всех тюркских языках Урало-Поволжья, особенно в диалектах чувашского языка¹³. Возникновение данного явления исторически связано с региональной спецификой, вызванной взаимодействием местных финно-угорских языков с чуваше-булгарскими языками¹⁴.

Так, башкирские гидронимы с делабиализованными гласными гидронимов Иегән (средн. г.), Ийык (на северо-востоке), Ик (на западе), Эйек (на юге республики) в таныпском говоре выступают с огубленными гласными. Йок «Юг» — правый приток Таныша, ср. зап. сиб. тат. ык «течение», ыгу «течь»¹⁵. Корень таныпского йок восходит к мар. йогы «течение, поток», фин. йоке, венг. йо (в письменных памятниках и названиях рек) коми йу, «река», хант. йоган означает «река»¹⁶, чув. йух «течение». В. И. Лыткин допускает, что марийский глагол йогы может быть заимствован из древнечувашского йох, йух «течь». Таким образом, таныпский гидроним йок с огубленным гласным и без протетического гласного выступает самым древним и близким к субстратному источнику йог/йогы.

Система согласных (консонантизм)

Фонемы б, п. Как и в литературном языке, для таныпского говора характерно употребление фонемы *б* в начале слова: балас «палас»; биэлэй «варежки»; бесэй/бесэкэй «кошка»; бирес — лит. бирес «жесткий нарост; наплыв на дереве»; бира «совесть, мораль». Однако функция фонемы *б* несколько ограничена за счет его глухой пары *п*. Многие слова в говоре выступают параллельно *б/п*: бешереу/пешереу «варить»; пишмэт/ бишмэт «бешмет»; папабаш/бабайбаш «одуванчик»; пыжю, быжю «вянуть»; бофка/пәүефкә «пуговка»; борголдатыу/поркоратыу «пылить, разнести запах; в пух и прах».

¹³ Сергеев Р. П. Диалектная система чувашского языка. Автореф. докт. дисс. — Баку, 1973, с. 9 — 10.

¹⁴ Серебренников В. А. О некоторых отличительных признаках Волго-Камского языкового Союза. — Языковые контакты в Башкирии. — Уфа, 1972, с. 8 — 9.

¹⁵ Тумашева Д. Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. — Казан, 1961, с. 230.

¹⁶ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. — М., 1970, с. 334.

б — п. Употребление б вместо п в интервокальной позиции более стабильно. В говоре бытуют слова со звонким б в интервокальной позиции, отражающие особенность и башкирского, и татарского языков, а также местные фонетические диалектизмы; кәбестә — лит. кәбестә «капуста»; тәбәшәк (средн., демск., караидельск., миас.) — лит. тәпәшәк «низкий»; сәбәкәй — тат. чәбәкәй — лит. сәпәкәй «хлопок; ладушки»; тәбе — тат. тәбе — лит. тәпе «деревянная ударная ловушка для мелких зверей, крыс»; сеперке — лит. һепертке — тат. себерке «метла».

п — б. Если первый компонент словосочетания оканчивается на глухой согласный, начальный б второго компонента склонен к оглушению. Данное явление выступает характерной особенностью южного диалекта и литературного языка. При этом конечный п первого компонента может выпадать. Примеры: Алып пир «подай»; барыпылмай «невозможно сходить»; йөрөпылмай «невозможно ездить»; Китепеткәннәр «Ушли все до единого»: теget паз «яма для перегона дегтя».

п — ф. В говоре отмечены случаи употребления п вместо литературных ф, что отражает специфику башкирских говоров, например: тупрак «почва», калпак «шляпа», керпек «ресница», пилтә — лит. милтә «фитиль», йапрак «лист», пәрзә «занавеска», тирзә пәрзә «оконная занавеска»; бака йапрак «подорожник большой»; пәлән — лит. фәлән «такой-то, тому подобное»; ат пәлән түгелме? «Не лошадь ли?».

м — б, п. Следующие слова в говоре зафиксированы с сорным м вместо б литературного языка и др. говоров: майтак — лит. байтак «порядочно»; мәке — лит. мәке — тат. бәке «прорубь»; мукра — тат. букра — баш. лит. укра «бычачий овод»; мәжмур — лит. мәжбур «принуждение»; түм-түңәрәк — лит. түп-түңәрәк «круглый-круглый»; гөлмич «голбец», ымылжыу — ыбылйыу «пресный, приторный»; мөрә — лит. бөрә «почка»; ср. мишар. мөрә — то же.

Фонемы г, ғ, к, к. Озвончение звуков к, к в начале слова в говоре происходит в определенной группе слов, звонкое произношение которых характерно также для демского и караидельского и северо-восточных говоров: гөбә «высокий деревянный сосуд», гәрниз «карниз»; гәрәй — кирәй — этноним; гомбағыш «подсолнух»; ғыпыу — лит. кыпылдатыу «звуко-подражательное, стрелять, уничтожать»; Алп чығып, алп чығып ғыпыдылар ғына «Выводя по одному, пускали в расход», ср. кизил. кыпытыу, древне-тюркск. кыпыу/капыу «хватать, похищать, красть, таскать»¹⁷.

¹⁷ Древнетюркский словарь, с. 420, 445.

Для башкирских говоров характерно озвончение в интервокальном положении звуков к, к, выступающих в конце первого компонента и в начале второго компонента, например: күгүләң «спорыш», карағарға «черная ворона». Эта особенность является нормой орфоэпии литературного языка¹⁸.

В таныпском говоре, так же как в литературном языке, преимущественно озвончаются конечные к, к первого компонента и начальные к, к второго компонента сложных слов и словосочетаний: бер гилке «некоторое время»; бәлә-ғаза «несчастье», кыр казы «дикий гусь», сарыу ғайнау — тат. сарыу кайнау «изжога, быть желчным»; ана ғаралы — лит. орфг. ана кара эле «вон смотри-ка»; ағ әбей — вежливая, ласковая форма обращения к тете, тиг утырыу «сидеть спокойно, тихо»; колағ алка «серьги», биг эсе «очень жарко».

к — г, к — ғ. Диалектной особенностью таныпского говора является употребление в интервокальной позиции глухих согласных к, к в некоторой группе слов, что отражает черту древнетюркских языков кыпчакского типа. Из современных языков данное явление выступает характерной особенностью уйгурского, узбекского и др. языков. Примеры из говора: бүтәкә — лит. бутәгә «мятлик кистовидный»; демск. бутәкә — то же; әкәр «самец, кот, кобель», ср., демск., карайдельск. әгәр «кобель»; тәкәрлек 1) «улитка» 2) «бекас», демск., карайдельск. тәгәрлек, «бекас»; берекеу — лит. берегеу «соединяться, спаяться»; Сүзләрегез берекәме? «Нашли общий язык»? дикөт «деготь»; сакалдырык — лит. һағалдырык «подбородник; подвязка под подбородком»; демск. ҫакалдырык — то же; чакы — лит. сағы «время его», камакош/камағош «твердое небо», ср. оренбург, тамаккош — то же; әтрәкәләм — лит. әтрәгәләм «сброд»; Тутакач/Тутағач — ойконим.

Глухие к, к единично зарегистрированы и в других позициях слова: кизеу — лит. гизеу «странствовать, бродить»; Ил кизегән кортқалар бар «Есть вездесущие, много выдавшие старухи»; тәлкәш — лит. тәлгәш «гроздь, кисть», закс «загс», кәрес «гарус».

к — х. В говоре отмечаются остаточные явления, отражающие особенности кыпчакских языков, в частности ногайского, когда вместо начального согласного х выступает глуккозаднеязычный к, например: катын «женщина», кәзер «сейчас», кәзәр — послелог дат. п. «вплоть, до»; кафаланыу — лит. хафаланыу «мучиться, терзаться»; Кадичә, Кадика, Кәниф, Кәнифә, Кәтифә, Көрмәт — антропонимы. Употреб-

¹⁸ Киекбаев Дж. Ф. Башкорт теленең фонетикаһы. — Өфө, 1958, с. 97.

ление начального к, к в таныпском говоре относится к древним реликтовым явлениям как татарского, так и башкирского языков.

Заднеязычный согласный к является исконным звуком башкирского и татарского языков в отличие от чувашского, в котором начальному к указанных языков выступает х.

Л. З. Залаяетдинов, исследуя язык булгарских эпитафий и сопоставляя их с современными диалектными фактами татарского языка, отмечает, что заднеязычный звук к был характерным и для языка собственно булгар, а в языке сувар преимущественно употреблялся звук х¹⁹.

Фонемы д, т. В башкирском литературном языке позиция начального т довольно устойчива, что отражает особенность кыпчакских языков. Однако в говорах башкирского языка, ик-юшатырском, демском, айском, миасском говорах, в том числе и таныпском, отмечается явление озвончения начального т в определенном круге слов. При этом в круг данного явления вовлекаются в целом однотипные слова с некоторыми диалектными добавлениями. Примеры: дары «просо», дуға «дуга», дегәнәк «репей», делбегә «вожжи», дүнгәләк «кольцо», дулка «втулка», думбик «лилия водяная», дәғә «подкова»; дом башкырт «настоящий башкир»; Без ней дом башкыртбыз «Мы самые что ни есть настоящие башкиры»; дилебәрән — лит. тилебәрән «белена»; Дилебәрән ашап ике бала дилергән «Наевшись белены, двое детей одурели»; дүзә/түтә — лит. лит. төйзә «обух»; дөскөлдәтеу — лит. төңкөлдәтеу «бухать, стучать».

Фонемы ж, й. В говоре в начале слова и слога преимущественно выступает й, как в южном диалекте башкирского языка: йапрак «лист», йасау «делать, мастерить», йер йеләк «клубника», мөрийә «печь», йырғанак «овраг»; Йыллар картайа, йер жуырыла «Годы стареют, земля истощается».

Спорадическое употребление мягкого ж вместо й является результатом влияния на таныпский говор соседних нижнебельского и гайнинского говоров.

з — й. В говоре зафиксирован вариант фонемы з, мягкий звук з' со свистящим призвуком ж, который выступает вместо литературного й в следующих словах: з'игерме «двадцать», з'иңгә «невестка», з'ирек «ольха», з'эй «лето», з'иңеу «побеждать», з'имеш «плод», з'итешеу «поспеть, достать», з'ил «ветер», з'^жиыштырыу «убирать», з'^жиморлануу — лит. йомарлануу «образование завязи»; алз'^жыу «выжить из ума».

¹⁹ Жәләй Л. Татар теленең фонетикасы буенча материаллар. — Казан, 1954, с. 75.

Как видно из материала, диалектный звук з систематически выступает в позициях с гласным и, даже в слове йомарлану фонема о первого слога переходит в и. Иными словами, для функционирования з^ж, очевидно, необходимо наличие мягкого переднерядного гласного. Это говорит о том, что этот диалектный вариант звука з по своей природе, очевидно, являлся чрезвычайно мягким.

Л. З. Залялетдинов необоснованно рассматривает диалектное соответствие з — й наряду с историческим фонетическим переходом д/з — з — й, происходившим когда-то в древнетюркских языках²⁰. Однако указанный процесс, имеющий общетюркский характер, охватывал главным образом середину и конец слова и не касался анлаутного явления з — й.

Диалектное соответствие з — й анлаута слова в виде самостоятельного процесса выступает преимущественно региональным фонетическим явлением, проявляющимся в таких языках с комплексом древних черт, как чувашский, якутский, хакасский, тувинский, шорский и, очевидно, был в диалектах булгарского языка, о чем свидетельствуют данные диалектов татарского²¹, башкирского и карачаево-балкарского языков.

Соответствие з — й характерно, главным образом, для говоров мишарского диалекта, в котором отмечается также и дз: — й: дзыйылыш, дзиң, дзиңи²².

В чувашском языке начальный глухой с (с') выступает вместо общетюркского й, ж, дж(ч)²³, т. е. вышеуказанное диалектное соответствие з — й в глухом варианте (чув. с — глухой переднеязычный щелевой звук) в чувашском языке носит регулярный характер, например: селен «змея», сер «сто», сур «весна, лето», симес «плод», сирем — двадцать, сере «перстень».

Диалектное соответствие з — й таныпского говора можно было бы квалифицировать как результат прямого взаимодействия с языком мишарей. Однако здесь возникает необходимость учета двух существенных фактов, позволяющих рассматривать данное явление в более широких исторических рамках.

Во-первых, диалектное соответствие з — й с более широким охватом слов выступает в нижнебельском, демском гово-

²⁰ Залялетдинов Л. З. Средний диалект татарского языка. Автореф. докт. дисс., с. 8.

²¹ Диалектологический словарь татарского языка, с. 136 — 141.

²² Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов, с. 64.

²³ Матвеев Т. М. Краткий обзор чувашских диалектов. — В кн. Материалы по чувашской диалектологии. 1. — Чебоксары, 1960, с. 34.

ре, в меньшей степени — в среднем, единично — в кизильском, кубалакском говорах юго-восточной Башкирии.

Во-вторых, в тех же юго-восточных говорах башкирского языка отмечается аналогичное же реликтовое фонетическое явление чувашского типа, т. е. вместо звонкого мягкого з здесь выступает глухой с, соответствующий, как и чувашский с, звуку й других западных говоров: сенсек — йенсек «голень», сумарт — йумарт «щедрый», сэтэш — йэтэс «дужка», танып, сәңгәсәй — ик-юшатыр. йәңгәсәй «солдатики» и др.

Таким образом, реликтовые фонетические соответствия, в различных вариантах бытующие в говорах башкирского языка (з — й, с — й), в говорах мишарского диалекта (з — й, дз — й) носит регулярный характер в чувашском языке, хотя и в нем не всегда начальный с соответствует общетюркскому й: сәмкә «лоб», сәп «бить, ударить», сар «войско», сара «голый», сәтан «плетень», сәтра, сәтрака «кустарник, хворост», сәпата «лапоть» и др.²⁴

Фонемы з, з. Интердентальный звук з не характерен для говора в той степени, как в нижнебельском, караидельском говорах, где он выступает во всех позициях слова. Употребление з в таныпском говоре ограничено функциями звуков з и д. Он выступает здесь факультативно вместо звуков з и д, преимущественно параллельно с ними, в интервокальном положении и в соседстве с сонорным р. В результате в говоре возникает диалектное соответствие с данным звуком.

з — з. В интервокальном положении и в сочетании с сонорными в отдельных словах выступает интердентальный з. Азау теш — тат. азау «коренной зуб»; казан — тат. казан «котел», хәзер — тат. хәзер «сейчас»; тәрзә/тәрзә «окно».

з — д. Фәризе — тат. Фәриде — антропоним, казак — тат. кадак «гвоздь», суларза «в водах», бизрә — бидрә «ведро», чәрзе/чәрде «малек», Йерзе эрчегәннәр, чыгырзатып йандырганнар. Элгәрзән шулай «Землю очищали, с треском палили. Издавна так было» (Бадряшево).

з — з, д. Фонема з является одним из активных звуков говора. Она употребляется вместо башкирского интердентального з, а также, в некоторых случаях, вместо татарского д. Соответствие з — з, д, выступающее в большой группе слов является диалектной особенностью таныпского говора: Изел башк. лит. Изел — тат. Идел — гидроним; изән — лит. изән — тат. идән «пол»; казак — казак — кадак «гвоздь», йөзәтеү — йөдәтеү — йөдәтеү «мучить, надоедать»; бозай — бойзай —

²⁴ Егоров В. Е. Этимологический словарь чувашского языка, с. 202 — 208.

бодай «пшеница»; йозрок — баш. лит. йозрок — тат. йодрок «кулак» и мн. др.

Фонема с (с'). Фонема с в говоре выступает вместо башкирских h и ç. Диалектной особенностью говора является наличие в речи старого поколения мягкого свистящего звука с', варианта мишарской аффрикаты ц, но без первого элемента т. Он выступает вместо башкирского с и татарского ч. Данный звук по артикуляции сближается с чувашским ç. Обозначим его условно с'. Примеры: төпс'өк «последний», өс' «три», с'ит «край; чужой», сукыр с'ебен «мошкара», Ос'ло тау — ороним д. Сикияз; Башка с'ыккан ике улым бар «Есть двое сыновей, живущих самостоятельно, отдельно».

Звук с' таныпского говора позиционно не ограничен, однако употребление его не регулярно, он выступает наряду с мишарским ч и башкирским с.

Поскольку среди таныпских башкир в прошлом растворилось много марийского населения²⁵, звук с' говора можно также допустить как субстратное явление, так как в восточном наречии марийского языка, который распространен на территориях Татарии и Башкирии имеется аналогичный мягкий с', например: порс'ын «шелк»²⁶, ср. демск. барса «цветастый».

с' — с. Зачастую мягкий свистящий с' таныпского говора невозможно отличить от обычного с литературного языка, в результате в говоре целый ряд слов в потоке речи выступает с обычным с: сос «проворный», өс «три», сәсеү/с'әс'еү «сеять», күс/күс' «рой», сукыр себен/с'ебен «мошкара», үскәс' «когда вырастет», с'үмес «ковш», чана үрәсә «грядки саней».

с — с (ç, h). В некоторых случаях, наоборот, башкирский или татарский с заменяется мягким свистящим с': Калтас'ы — Калтасы — ойконим, с'өрс'өгән — тат. сөрсөгән — башк. һөрһөгән «вяленое с душиком (о мясе); с'арымсак — тат. сарымсак — башк. һарымсак «чеснок»; тас'ырайтыу — тат. тасрайтыу — башк. таһырайтыу «гаращить»; кес'ерткә йылан — лит. кеһэртке «ящерица»; казак с'урғыс' — тат. кадак сурғыч — лит. каһак һурғыс «клещи, гвоздодер»; кыс'кыс' — тат. кыскыч — башк. кыһкыс «щипцы»; көс' — демск. көс «мальки», пас'ас' «подчес». Бытование в говоре мягкого свистящего звука с' можно рассматривать и как реликтовое явление, отражающее исторический процесс перехода общетюркского ч в с башкирского языка через ступени мишарского ц и таныпского с': ч>ц>с'>с.

²⁵ См: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 347 — 348.

²⁶ Современный марийский язык. Фонетика. — Йошкар-Ола, 1960, с. 18.

Приведем звуковые соответствия, отмеченные в отдельных словах, которые также характеризуют диалектную специфику говора:

й — ү: эзмәйер — лит. эзмәүер «громадина, дылда», рәйеш — лит. рәүеш «образ».

й — л: йәтсә — юго-восточн. г. әләтсә «ласка»; йапак — лит. лапак «низкий»; йапак ызба, йапак түбәле «изба без каркасной крыши» (Бураево).

й — н/г, г: мейә/мыйа — лит. миңә «мне»; сейә/сыйа — лит. хиңә «тебе».

л — н: шил — лит. шин «шина»; конжыл (сыйыр) — лит. конажын «грехлетка» (о корове).

м — н, н: мукта — лит. нукта «недоуздок»; с'амға — лит. саңғы «лыжа»; пос'каклы с'амға «лыжи, сбитые мехом».

Неустойчивость согласных звуков

Выпадение л, р. Сонорный л склонен к выпадению в позиции перед глухими согласными, а также в конце слова: килсап — килсап<киле сап «ступа»; «толкуша»; йуғатыу в. йуғалтыу «потерять»; Сине йуғаттым ис «Тебя потеряла ведь», йығытыу в. йығылтыу «уронить, свалить»; Йығытып муйнын кыйғайттылар «Уронив, шею скривили»; бы чак «это время», бы чакта «в это время»; ишағал/ишағатәп «крыльцо». Сонорный р выпадает в конце слова: гомбо — демск. гомбор, гомборзаткыс «ботало».

т. Неустойчивость глухого т отмечается реже: ишелмәй/ишетелмәй «не слышно»; кәберкә — кәберткә «запечье», башкыр/башкырт «башкир». Только в северо-западных говорах отмечено употребление в ед. числе самоназвания башкир, без аффиксального т, совпадающего с русским произношением. Примеры: Гел шошо башкыр ғына, мишәр былмады «Всегда вот эти только башкиры, мишарей не было»; Башкыр белән типтәр кыйышканда башкыртлар калач ашаткан зимнә-мергә «Во время споров башкир с тептярами башкиры калачом угостили землемера».

к. В говоре сохранилось довольно много слов с древней формой на к в конце слова, который в современном литературном языке часто выпадает, например: абак — лит. аба «ба!» — междометие неожиданности, боғалак — лит. боғал «лассо», буак — лит. быуа «пруд», казнак — др. говоры казна «наличники нар, основание печи», чырак — лит. сыра «лучина», лайлак — лит. лайла «слизь, слизистый», лайлак ағач «слизистое дерево».

й. Среднеязычный и зафиксирован в конце слова в словах: шиштай/шиштау — др. говоры шишта — лит. һырғауыл «столб для лазания на сабантуе», барабай — лит. бараба «сойка», калай/кала/кали капка «большие тесовые ворота», сэмрэй гош — лит. сэмре кош «птица-самруг».

Геминатные (или удвоенные) согласные, характерные для татарского языка, в таныпском говоре, как и в башкирском языке, выступают с одним согласным, например: шунан — татар, шуннан «после этого», тейака — лит. и лит. теге якка «туда», быйака — лит. был якка «сюда», «в эту сторону», артынан — тат. артыннан «вслед за ним». Слово ашшаулык — кизил. ашшаузык «скатерть» в говоре употребляется, как в ик-юшатырском говоре, в форме ашаулык, ср. также аргаш., салъют. ашаузык — то же.

Морфологические особенности

Имя существительное

В говоре большое распространение имеет словосочетание типа изафет-1, выступающего вместо литературных форм изафета-2. Примеры: Айагочта каты карагайлык эйе (лит. аяк осонда) «На задворках был темный сосновый бор»; Танып арйакта йелэк бар (лит. Танып аръягында) «За Таныпом ягоды есть»; Суғыш дәүердә күрдек инде (лит. һуғыш дәүерендә) «Во время войны пережили уж»; Тәрзә төпкә су төштө «На подоконокник накапала вода».

Многие словосочетания такого типа переходят в разряд сложных слов.

Некоторые словосочетания употребляются в форме второго изафета в противовес литературному первому изафету. Например: бала кешесе — лит. бала кеше «ребенок», кыз кешесе — лит. кыз кеше «девочка»; шайтан ашыгы — лит. шайтан ашык «щиколотка»; кыл жыланы — лит. кылйылан «волосатик», Кыл жыланы, саздагысы, тәңгә кереп, тәнне черетеп өргәп йата, тейләр «Волосатик болотный впившись в тело, там размножается, говорят, разлагая тело».

В винительном падеже существительное имеет, как в демском говоре, аффикс -ны/-не: Тере тайны алдым «Живого жеребенка взял»; Чирекне бәрдем, инэй! «Я как грохнул, четвертной бутыл, мать моя!».

Вместе с тем в говоре спорадически отмечается собственно таныпская форма -ды/-де, отражающая особенность восточного диалекта: йерде әрчегәннәр «Землю очищали»; Бүрәнә-

ләрде алты йул алып кайтам «Бревна привозил в шесть рейсов (в день)»; Айак кейемнәрде тегеп чығара «Обувь всякую шьет».

Словообразование имен существительных

-лык/-лек, -нык/-нек, -дык/-дек, -зык/-зек. Аффикс временно-пространственного значения кроме основного варианта -лык и -нык спорадически выступает в вариантах -дык/-тык/-зык, характерных для восточного диалекта. Эти диалектные варианты представляют собой пережиточные формы, указывающие на то, что носители говора когда-то, по крайней мере в тот период, когда осваивалась территория говора и формировалась его топонимия, говорили на восточном диалекте башкирского языка. Кроме того в говоре вместо -дык отмечается диссимилятивный вариант -тык караидельского говора.

Примеры: ачыклык «открытое место», карағайлык «бор», бесәннек «покос», соңғолок «послед», ыңғырчаклык «холка, где лежит чересседельник», буйзык «боковина телеги», голдорзок «ботало», гөрзөк «залежь», безбелдек «позвоночник» (д. Бураево), урындык «стул», йыуынтык «помой», суғымтык «скот для убоя».

-ма/-мә. Слова с аффиксом -ма являются преимущественно лексически ограниченными старообразованиями: жима 1) «сборка» 2) «резинка» <жий «собирать», күсмә — күсмәкүс — демск., караидельск. күсемкүс, күсембей «божья коровка», шарлама — демск. шарламак — средн. шарлак, шарлатма — кизил. шаршы «перекат на реке» и др.

-ай/-эй, -ый/-ей. Аффикс является характерным для всех северо-западных говоров. В основном придает значение уменьшительности, имеет просторечный оттенок, присоединяется также и к именам собственным. Примеры: кикерэй — лит. кикерек «гребешок петушиный», матай «мотоцикл», Низай Низамутдин, Абсай Абсалям, Мирғәй Мирғали, Уразай Уразмет, Нурлы Нурлыгаян, Хәблей Хәблислам, Хәбей Хәбибулла — собственные имена мужчин.

-ак/-эк. Аффикс интересен тем, что имеет древний элемент к, г который во многих говорах и в литературном языке выпадает. Говор в этом отношении сближается с демским и некоторыми говорами восточного диалекта, где также бытует значительное количество слов с данной формой. Примеры из говора: чырак «лучима», лайлак «слизь», казнак «основание,

наличник», сике казнағы «наличник нар», боғалак — лит. боғал — восточн. д. боғал, боғалак «лассо».

-аш/-эш, -ыш/-еш. Пережиточный диалектный аффикс, также характерный для всех говоров башкирского языка, отмечается, главным образом, в антропонимах, топонимах, в названиях родовых подразделений. Слова с данным аффиксом выражают уменьшительно-просторечное значение: Фазлыш < Фазылша — антропоним; Фазлыш кутары «хутор Фазлыша»; кайпыш — кайпуш — кайпыч < кайпан — этноним и топоним; Йомаш — топоним. Во многих словоформах аффикс сростся с основой и свободно не выделяется: Бәрдәш/Бәдрәш, Беләш, Сикәш, Карыш, Кесәш, Уйлыш, Уаныш — топонимы и этнонимы говора.

В том же значении аффикс бытует в чувашском языке²⁷ и в говорах татарского языка.

Аффикс -аш, -эш, -ыш/-еш отличается от аналогичных аффиксов взаимно-совместного залога (алыш, биреш, көрәш) и от аффиксов имени действия (барыш, ултырыш) литературного языка, равнозначный аффиксу имени действия на -ыу/-еу.

Некоторые топонимы с аффиксом -аш, -ыш осложняются формой на аш + лы, еш + ле: Мағашлы, Тәтешле.

В местных финно-угорских, а также в венгерском языках аффикс -с(ш), ц(ч)²⁸ образует прилагательные и уменьшительно-ласкательные имена и является довольно продуктивным. Так, таныпский топоним Мағаш в указанных языках означает «высокий». К слову добавляется идентичный аффикс прилагательного -лы/-ле, -ты/-те, подтверждающий качественную характеристику слова. Деревня Мағашлы в самом деле расположена на высокой горе. Топоним Бәзрәш также осознается носителями говора как прилагательное. Народная этимология толкует топоним Бәзрәш как Бизрәле кыз > Бизрә күз.

-ык/-ек. Пережиточный аффикс, в некоторых словах выступает вместо -ыу/-еу и других аффиксов: йырык — лит. йырын «русло, место, путь дождевых потоков»; Йаңғыр йырыкларын ачып жибәрдем «Расчистила пути дождевых потоков»; чабык «зарубок»; Шушы чабыкны кара! «Взгляни на этот зарубок!» бастырык — лит. басырау «слёга». Аффикс -ык/-ек и его фонетические варианты восходят к древнему

²⁷ Андреев Н. А. Имя существительное. — МГСЧЯ. 1. Чебоксары, 1957, с. 55 — 56.

²⁸ Майтинская Л. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков. — В кн. Основы финно-угорского языкознания. — М., 1974, с. 337.

аффиксу *к*, который активно функционирует в алтайском, тувинском, хакасском языках, напр., тув. алдаг «ошибка, промах», д¹ажык «разлив, половодье», башк. форма Йайык < Йәйелгән «раскинутый, разлитый», кадаг «гвоздь». В говорах башкирского языка сохранились отдельные слова с этим аффиксом.

-ка/-кә. Уменьшительный аффикс образует имена существительные по характерной особенности предмета. Примеры: шыртлака/шартламык — гайн. шартлама — средн. шартлауык, шартланбаш «клубника»; чалка чалый «старый, холостяк»; чобарка «заяц русак»; йәйеңкә «блюдец»; кәкерскә «загиб, извилина, загогулина»; Нөркә — ойконим. Название Нөркә «(село) расположено в болотистой ложбине», финно-угорского происхождения, ср. мар. нөрә «сырой, влажный», удм. нюр «болото, сырость, влажность», фин. норо «ложбина»²⁹.

-кай/-кәй. Аффикс активно функционирует в уменьшительно-ласкательном значении. Некоторые слова с этим аффиксом лексикализировались потеряв значение ласкательности: йөннөкәй «дикая морковь», баллыкай «клевер», ипекәй/эпекәй «хлеб», йоморкай — караидельск. йөмөркәй «елец, рыба»; көлөкәй «жеребенок», сасыкай — вид съедобного дягиля.

-чак, -чык, -ча. Уменьшительный аффикс, употребляется для образования слов, обозначающих маленький, мелкий предмет. Аффикс выступает вместо других форм, например: Эт борынчык «плод шиповника», ср. демск., ик-юшатыр. этморон — то же; тапчык «стружки», ср. демск., караидельск. табык «щепка»; сызгырчык — лит. һызык «шкварки»; айск. һызгырсык — то же; борончак — демск. моронса — лит. морондок «намордник»; көлдөкчә — лит. көлдөксә «шесток»; ләмчә — лит. ләм «ил».

-та/-тә. Специфический пережиточный аффикс зафиксирован в отдельных словах: шишта/шиштау «шест»; шырамта «мочалка для мытья пола»; кисәүтә «кочерга». Формы слов на -та/-тә встречаются и в литературном языке: көйәнтә «коромысло», ошта «мастер», кәртә «изгородь».

Сложные слова

В говоре, как и в других северо-западных говорах, развито словосложение способом изафета-1. Данная особенность отражается и в местных топонимах: Эн тау, Үрсәкмән тау,

²⁹ Лыткин В. И., Гуляев С. Краткий этимологический словарь коми языка. — М., 1970, с. 211.

Иык тау — оронимы д. Имян; Мулла киөк, Муса киөк, Бабай төбөк, Күзмө бүлөк — топонимы д. Кумияз; Тора тау — ороним д. Кансиярово. Примеры из лексики говора: корт бакча «пасека», лампа май «керосин», муин төп «ожерелье из монет», тәрзә төп «подоконник», инә кәнтәй «собака-самка», айагоч «задворки».

Диалектным является словосложение, когда вместо литературного первого изафета в говоре как и в нижнебельском выступает форма изафет-2: кыз кешесе «девочка», бала кешесе «ребенок», кул баласы «дитя» и др.

Парные слова, как и в литературном языке, образуются из парных, близких по значению, синонимичных слов: агайне «мужчины родственной группы», туған-тума, карын-даш-ырыу «родственники». Специфику говора составляют диалектные сочетания парных слов: йәш-үсмер — средн. йәш-үстөрмә «молодежь»; эт-кош «бродяги-оборванцы»; фәлән-фәстән «и тому подобное»; кан-сүл «кровь-сукровица»; Кан-сүлгә батып суғышканнар «утопая в крови дрались»; күрше-куланнар «соседи», ср. миас. күрше-колан — кизил. күрше-күләңке — демск. күрше-күлен — лит. күрше-күлән — то же.

Имя прилагательное

Формы интенсива прилагательных кроме общеизвестных редупликативных форм типа кап-кара «черный-пречерный», йәм-йәшел «зеленый-презеленый», аппак «белый-пребелый», образуются при помощи усилительных частиц, в которых отражается диалектная специфика говора. В роли усилительных частиц в говоре употребляются чом, тас «сплошь», каты «твердый», әче/ачы «кислый», зәэр/ зәһәр «сильный, ядовитый», әләк/хәләк «гибель», бетеп «окончательно» и др. Примеры: чом ак «белый-пребелый», каты матур «очень красивый», каты тәүффиксыз «очень невоспитанный», әләк зур «очень большой», зәңкей кара (<перс, зәңки «негр, чернокожий»), шоморт кара «черный-пречерный»; бетеп сулакай «совсем левша», Бик каты зирәг ейе «Был очень сильно способный, т. е. талантливый»; Ачы каты буран «очень сильный буран».

Форма -рак/-рәк употребляется и для ослабления и для интенсификации качества: киңчә «широкий», киңчәрәк «более широкий», әзерәк «чуть меньше»; суңырагырак «позже», бигерәк соңсоз «слишком недотеха».

В говоре употребляются диалектные прилагательные: печтек «маленький», пытырык «грязный, неаккуратный», мөктөй «мрачный, неразговорчивый», шапшак «здоровый», шапшактай бала тапкан «Здоровенного ребенка родила»;

Шапшак кебек терелеп киткән «Совсем стал здоровым»; пыс-кут лампы «лампа-коптика»; шаталак «открытый, веселый, любящий балагурить», ср. айск., кизил. шаталак — то же, эжәме «худой, худосочный», дәү «большой».

Прилагательные активно употребляются в образовании топонимии говора: Үле Танып «мертвый Танып, старица», Қор Тәпәреш «старица Тәпәреш», Искырт <Иске йорт «старое поселение».

Словообразование прилагательных

-лы/-ле, -ны/-не, -ды/-де, -ты/-те. В говоре активно функционируют формы прилагательных с аффиксом -лы/-ле, -ны/-не: Ыылкылдыклы тун «доха», Алмандай исемне «с именем Алмандай»; шәпле атна «весенняя неделя выхода на игрища»; көлкөнөчле йыр «веселая песня». Аффиксы восточного диалекта -ды/-ты в разговорной речи не встречаются, можно лишь отметить в застывших словосочетаниях и топонимии: канатты броу «большой бурав» ср. кизил. кубялак. Канатты бырау — то же; Мағашты/Мағашлы, Иштан-ды/Эштәнде, Асаузы — ойконимы говора: Сеүәштә йылғасы (Аксаитово); Игәтте йалан, Игәтте йылға «поляна, река. Слово Игәтте означает «земли, отданные в приданое».

-ма/-мә, -малы/-мәле. Аффиксы являются активными. Форма на -малы/-мәле выступает вместо литературного -ыр-лык/-ерлек: жималы ойок «чулки с резиной»; танауга тыкмалы дарыу «лекарство для носа»; шак катмалы «сног-шибательный»; ис китмәле «поразительный»; ачылмалы тирәзә — кизил. асмалы «открывающееся окно»; Кереп әйбер алмалы былмадык «не были в состоянии войти и взять вещи».

-ма/-мә: шыгузырма тәрәзә «раздвигающееся окно»; ишмә беләзек «витый браслет».

Аффиксы -ма/-мә и -малы/-мәле наибольшую активность употребления имеют в среднем, затем в демском говорах и смежных с ними зонах, а также в определенной степени характерны для литературного языка. Указанные аффиксы активно представлены в огузских³⁰ и чувашском³¹ языках. В мишарских говорах он отсутствует. По утверждению Л. З. Залаялетдинова аффикс -малы/-мәле в древнем татар-

³⁰ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, с. 124.

³¹ Андреев Н. А. Указ. работа, с. 86.

ском языке также не употреблялся, а в нурлат-кайбицкий говор вошел из чувашского языка³². Следовательно, аффиксы -ма/-мә, -малы/-мәле, активно употребляющиеся в говорах башкирского языка, отражают древнюю специфику башкирского языка, общую с чувашским и огузскими языками.

-мыш/-меш. Огузский аффикс -мыш зафиксирован в нескольких словах: этенмеш «упрямый», көчләнмеш халык «подневольный народ»; Көчләнмеш халык ич калтасы йаклары «подневольный народ (согнанный) ведь калтасинские люди»; кыркмыш тай «жеребенок-стригунок».

-чак/-чан, -чыл. Аффиксы со значением склонности предмета к какому-либо действию. Аффикс характерен для всех говоров башкирского языка. Диалектная особенность проявляется во взаимозаменяемости функций этих аффиксов: йөрөмчәк — лит. йөрөүсән «ходкий, любящий ходить»; укыучан «склонный к учебе»; йырлаучан «умеющий, любящий петь»; сүзчән — сүзчел «разговорчивый»; уйынчыл — лит. уйынсак «любящий играть, шутить»; йауапчыл — йауапчан «умеющий отвечать, надежный».

-ык/-эк. Аффикс с некоторым оттенком просторечности более активно выступает в демском, среднем, отмечается и в других говорах: тупик — лит. тупак «тупой», Кәмәнең бер башын тупик итергә кирәк «надо один конец лодки сделать тупым»; дымык — лит. дымлы «влажный, сырой»; өзөк — лит. өзлөк мал «истощенная скотина». Некоторые диалектные формы зафиксированы в лексически ограниченных прилагательных:

-тай: йаматай — лит. яман, ямакай «плохой»; -тәш: йәптәш — лит. йәпле «удобный, покладистый»; -тек: белтек — лит. бөләкәй «маленький»; -мәт: телмәт — лит. телсән «языкастый»; -мач: кызмач — лит. кызыу «вспыльчивый»; -пет: әрпет — лит. әрпеш «неряшливый»; -ар: комар — лит. комһоҙ «жадный»; ср. лит. комарлану «жадничать».

Местоимение

Личные местоимения мин «я», син «ты», ул «он» имеют следующие падежные формы:

Осн.	{ <table border="0"> <tr><td>мин</td></tr> <tr><td>минең</td></tr> <tr><td>миңә/миә/миәргә</td></tr> <tr><td>мине</td></tr> <tr><td>минән/миәрдән</td></tr> <tr><td>миндә/миәрдә</td></tr> </table>	мин	минең	миңә/миә/миәргә	мине	минән/миәрдән	миндә/миәрдә	син	ул
мин									
минең									
миңә/миә/миәргә									
мине									
минән/миәрдән									
миндә/миәрдә									
Род.	синең/-н/	аның/-н/							
Дат.	сиңә/сиә/сиәргә	аңа/аңар/аңарға							
Вин.	сине	анан/аңардан							
Исх.	синән/сиәрдән	аны							
Мест.	синдә/сиәрдә	анда/аңарда							

³² Заллетдинов Л. З. Указ. автореф. докт. дисс., с. 19.

Форма миә, сиә кроме северо-западных говоров употребляется с заднерядной огласовкой лишь в караимском языке: майа/маа, сайа/саа³³.

Древний словоизменяющийся аффикс -ар/-эр, присоединяющийся к личным и некоторым указательным местоимениям, в настоящее время выступает лишь в составе с другими аффиксами пространственных падежей. Аффикс -ар/-эр характерен в основном для мишарских говоров татарского языка (аңар) аңарға, шуңар (шуңарға), (миңэргә, сиңэргә).

Отдельные виды местоимений дательного падежа с формой на -ар встречаются в кумыкском (буғар), караимском (анар), тувинском (мынаар), хакасском (минзер, аныңар) языках.

Личные местоимения без «мы», сез «вы» в родительном падеже кроме формы на -ең имеют диалектную форму на -ең-ен-ем, подобно башкирскому, ногайскому и огузским языкам: безен/безең/безем «у нас, наш»; сезең/сезен «у вас, ваш». Примеры: Безен чакта жиын тибәйтәләреие «В наше время говорили жиын»; Безең килен килде «Наша сноха пришла», Беземгә шул «Нашим, конечно».

При присоединении аффикса притяжательности к указанным местоимениям в аффиксе -неке элемент н также выпадает, что характерно для башкирского разговорного языка: Безеке кебектер инде «Видимо как наш». Йер безеке, тей Кайпан «Земля наша, говорит Кайпан».

Форма притяжательности, характерная для гайнинского говора, спорадически выступает и в таныпском говоре: Минек бала чэй эчереп тора «Мое дитя чаем угощает».

Вопросительные местоимения в говоре полностью совпадают с формами, бытующими как в других говорах башкирского языка, так и в литературном языке. Наибольшее количество синонимов дает вопросительное местоимение «что»: ни, нимә, нәмә, ниәмә, нәстә, нәмәстә, нәстәкэй, нәрсәкэй. Баллар нәмә эшләп йата икән? «Что-то делают дети?», Нимәгә эләктең «За что зацепился?», Ни хәл? Нәстә хәл? «Как самочувствие?», Нәмә бу, бу нәстә? «Что это?» Ниәмә укмаштырасың икән? «Что ты собираешься соорудить». Нәмәстә өчөн йазасығыз? «Для чего записываете?»

Кроме того местоимения нәстә, нәрсә употребляются в значении «вещь»: Арбадыр йә шундый нәрсә ясап йөрдө. «Телеги и тому подобные вещи делал»; Мәғәзиндә нәстә жимерелеп ята «В магазине полки ломаются от вещей».

³³ Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. — М, 1964, с. 215.

Ас ушсыз, бер нәмә дә белмәй. Теләсә нәстә корсаң да килеп керә «Горнастай бестолковый, ничего не понимает, заходит хоть в какую ловушку».

Местоимение кайсы имеет еще древнюю форму кай, «который, какой», употребляющееся в среднем, демском, и в других говорах. Примеры: кай уакыттан бирле? «С какого времени?»; кайларда булдың? «В каких краях был?».

Вместо литературной формы нигә/ниңә в говоре выступает ниә, нейә? «зачем?»: Нейә алай әйттең? «Зачем так сказал?», Нейә кәрәг ул? «Зачем нужно оно?»

Местоимение ничек? «как?» имеет еще и более древний вариант нәчик? Нәчик тейләр? «Как называют?»

Указательные местоимения быу, бу, шул «этот» теге «тот», в пространственных падежах, как и в татарском языке, употребляются в сложной форме с аффиксом -ар: шуңа/шуңар, мыңа/мыңар, тегеңә/тегеңәр. Примеры: Тегеңәргә салкын тейгән «Он простудился»; Суык нәстә эчергәннәр аңар. Шуңа шулай былған «Его напоили чем-то холодным. Поэтому он в таком состоянии».

Местоимения бу, быу в сложных наречиях делабиализуются, как в башкирском языке у>ы: быйак «эта сторона»; быйака<был якка «на эту сторону».

Местоимение теге «тот» в форме на те участвует в образовании сложного наречия тейак «та сторона». Примеры: Ар тейағына күмегез «Похороните на той стороне Ара».

Указательные местоимения анау, мынау характерные также для литературного башкирского, ногайского, казахского, каракалпакского языков, являются сложными и состоят из двух местоимений: Ана ул «Вон он», мына ул «вот он», мынауна «вот здесь», анаунда «вон там», мынаулай «вот таким образом», анаулай «Вон таким образом»; Мынаулай итеп салыр ейем «Вот таким образом положил бы». Мынауна керзе «Вот сюда залез». Былайтып кына селтәйем тигәйнем «Вот таким образом хотел замахнуться».

Наречие

Наречия образа действия. Диалектная специфика говора проявляется в первую очередь в наречиях образа действия, большая часть которых имеет соответствия в башкирском языке и его говорах, например: түтә «прямо, кратко»; Түтә-зән — түтә барышыла «Кратчайшим путем можно добраться»; майтак «порядочно»; оторо «против»; Кортка оторо кыла-нырға йарамай «Нельзя раздражать пчел», угата «чересчур», Угата йакшы, матур «Чересчур хорошая, красивая», кәнде, кәндей «точно, именно», Кәнде тау битенән йулы бар «Точно

по склону горы есть дорога»; Кәндәй чәлләдә төшөрәләр йүкәне «Именно во время самых теплых дней снимают луб», әлләней «слишком», Бездән әлләней оло кеше йүгиндә «Слишком уж старых (старше нас) людей нет уж»; дом «совсем», Дом сыйырсыз кыйын «Совсем без коровы плохо»; Колхоз дом арта қалмай «Колхоз совсем уж не отстает».

Наречия образа действия образуются морфологическим и синтаксическим путем.

-зан/-дан: ырыһаған «с умыслом»; Ирыһаған сүләндерә «С умыслом заводит разговор».

-зәй/-дәй: Бүтәнсәзәй йүк «Другого нет».

-тай/-тәй: шапшактай «порядочно, вполне»; Шапшактай таза «вполне здоров», тәмәнтәй әйтә «предположительно говорить, на мушку брать».

Многие наречия образуются способом грамматического изолирования или лексикализации различных словосочетаний: сочетаний существительных с послелогами, с числительными, сочетаний местоимений и т. д. Наиболее распространенными и составными наречиями образа действия являются: башы белән досл. «с головой, совершенно, совсем»; Башы белән йоклай алмазым «Совершенно спать не могла»; Башы белән баш эшләмәгән «Совершенно, совсем не догадался»; Бер шәптә «сразу, неожиданно, в момент»; Бер шәптә үлә «сразу умирает»; Бер шәптә күтәрелеп китә ул бүсер «Неожиданно, вдруг начинаются схватки грыжи».

Наречия башы белән, бер шәптә распространены по всем северо-западным говорам.

Наречие былайтып/мынаулайтып (<итеп) «вот таким образом» характерно для всего башкирского языка.

Некоторые наречия грамматикализировались в форме интенсива; Йәтрәк аласың «Быстро берешь»; Йәтрәк барып кил «Быстренько сходи»; шап-шактай «вполне»; ток-томалға/топ-томалға «ни с того, ни с чего» и др.

Наречия меры и степени или нумеративные наречия образуются из сочетания числительных и нумеративных слов: Бер терит — лит. бер мәртәбә «один раз», өч терит «три раза», бер күләм — лит. бер ни хәтле «один прием, определенное количество»; Бер күләм йоклабалдым «Один прием поспала». Бер күләм сүләшебутырдык «Порядочно поговорили»; күләм — лит. тулайым «в целом»; Күләм алғанда «Если взять в целом».

Наречия места. Распространенными наречиями места в говоре являются составные наречия быһак «эта сторона», тейак «та сторона», арыак «противоположная сторона», которые характерны для башкирского народно-разговорного языка. Примеры: биакә чык «Сюда перейди», Тейакта тора

«В той части живет», Арьяктан чыгып килә «С той стороны идет», Мынауында кереп китте «Вот сюда вошел».

Наречия, обозначающие направление действия, образуются из указательных местоимений и послелога дательного-направительного падежа табан, который в говоре имеет диалектные формы таба, табатын, табантын: Тегелэй таба «по направлению туда», былай табатын «по направлению сюда». Бер таба йөрмәс ием! «Никуда не ходила бы».

Диалектным синонимом к слову йак «сторона» выступает слово тош, которое имеет также значение «место». Примеры: Түбән тошта, аулдан читтә Йок «В нижней стороне, за деревней река Юг».

Наречия времени образуются при помощи аффиксов:

-ртын, -ртен: соңортон «после»; элгәртен «давно», Элгәртәннән беләбес «Издавна знаем». Күп йыллар элгәртен «Много лет назад»; Элек-элгәртәннән таш алалар Калыярдан «Издавна берут камень для стройки из Калыяра».

-лай/-лэй: Кышлай — лит. кыш буйы «в продолжении зимы», жэйлэй — лит. йэй буйы — «в течение лета».

-лектә/-лыкта: көзлектә — лит. көзгөнөн «осенью», йэйлектә — лит. йэйгөнөн «летом»; Корт йэйлектә, тәрәзә ачык былса, кереп балын урлай «Летом пчела, если окно открыто, залетает и ворует свой мед».

-нак: Байагынак — лит. байа, байагы «давеча»; Байагынак капка төптә сүләшеп тордо «Давеча у ворот стоял разговаривал».

Составные наречия

В говоре активно употребляется наречие чак «время» в составе местоимений: бычакта «теперь», берчак «однажды», улчакта «тогда», Бычакта арыш белә бодай бергә йетә инде «Теперь пшеница с рожью вместе поспеваает». Берчак йоклап киткәнбез шәпкә эчендә «Однажды заснули в ржаной копне»; Анда байлык чакы шул «Тогда было богатое время»; Өлкөкөннә «позавчера» (<элекке + көннә), Даул өлкөкөннә былды «Буря позавчера была».

Глагол

Изъявительное наклонение. Парадигма спряжения глаголов настоящего времени барыу «идти», сүләү «говорить»:

1. барамын/-барам
2. барасың/-сын
3. бара

1. барабыз/-с/
2. барасыз/-сыгыз
3. баралар

1. сулэйем	сулэйбез/-с/
2. сулэйсең/-сен	сулэйсез/-сегез
3. сулэй	сулэйләр

Отрицательная форма бармау, сүләмәү

1. бармайым/бармаймын	бармайбыз/-с
2. бармайсың/-сын	бармайсыз/-сырыз
3. бармай	бармайлар
1. сүләмәйем	сүләмәйбез/-с
2. сүләмәйсең/-сен	сүләмәйсез/-сегез
3. сүләмәй	сүләмәйләр

2-е лицо ед. ч. положительной формы параллельно с окончанием -сың sporadически имеет архаическую форму -сын. Үтәсең нә, гөмөрөм, әй үтәсең, Саргайтып та әрәм итәсең. Саргайтуың белән куймайсын үтереп үк йөргә кертәсен. «Проходишь, жизнь моя, проходишь, напрасно заставляешь пожелтеть (состариться). На этом не останавливаешься, заставляешь умереть и лечь в землю».

Активной формой 2 лица мн. ч. является -сыз/-сез. Наряду с ним бытует и форма -сығыз/-сегез: Кайа барасығыз? «Куда идете?» Китәсегездәме инде? «Уже уходите?».

Отрицательный аспект глагола настоящего времени имеет единую с литературным языком форму -май, -мәй: Йаныңа бармай ишетмәйем «Не подойдя ближе к тебе не слышу»; Былай бармай «Так не пойдет».

Прошедшее время

Давнопрошедшее время имеет две формы. 1. -ғайны/-гәйне, характерную для литературного языка: 2. форму на -ғанейе/-гәнейе, характерную для других северо-западных, а также для демского говора. Первая употребляется активнее. Примеры: Өс басыуға бүленә торғайны «На три поля разделялась (пашня)», Бик каты эчә торғайны «Очень сильно пил раньше», Синән сурайым тигәйнем «Хотела у тебя спросить», Кадика йеңгәйне, читкә дә алып чыккайны «Тетю Кадику увозил и в другие места», Бизрә-бизрә жиә торғайнык малинаны «Ведами собирали малину». 2. Магазингә барғанейем «Ходила в магазин», «Сигез өйлә кунак чакырғаныйык «В то время восемь пар гостей позвали». Шушы тоштағы бөтөн ауллар бара торғаниек Ирәкте жиынына «Все окрестные деревни ходили на Иряктинские игрища».

Наряду с формами на -ғайны/-гәйне и -ғаныйы/-гәнейе в говоре sporadически отмечается мишарская форма на -(а)дыр-ейе. Кайтып киләдрейек «Мы шли домой».

Прошедшее категорическое время.

При определенных стилистических условиях к глаголам прошедшего категорического времени присоединяется форма -кәй, которая восходит к частице кый (<куй) «ведь» и передает эмоциональную насыщенность речи. Например: Үлеп киттекәй картыкайым «Скончался ведь мой старичок», Жимерелеп беттекәй эчләр «Животы все надорвались»; Баланы шулай-шулай үстерә-үстерә хәлләрем беттекәй «Из сил выбилась ведь, выращивая детей».

Будущее время на -р

Будущее время на -р имеет аффиксы -ар/-әр, -ыр/-ер. Если основа глагола оканчивается на р, во 2 лице ед. и мн. числа аффиксальный -р склонен к выпадению, что характерно для народно-разговорного башкирского языка. Например: Барымын на ул «Я — то пойду», Биремен сиңә мылтыкны! «Вот дам я тебе ружье!» Өйне йыштырыбыс та китербес «Уберемся в доме и пойдем»; Йуғатып бетеремен ләсә «Растеряю ведь я все».

Залоги

Понудительный залог, помимо литературных форм имеет диалектные формы, отмечающиеся в отдельных глаголах.

-а. кызығау — лит. кызғану «ревновать»; озрау — лит. озрау «встретить»; Фәтихне озрадығызмы? «Фатиха встретили».

-(а)т. Данный аффикс присоединяется к собственно понудительной форме -дыр. В результате образуется специфическая сложная форма понудительного залога -дырат, которая отмечена в двух глаголах: былдырату — лит. туззыруу «распространять пыль, запах»; туздырату — лит. туззыруу «привести в беспорядок, растрепать, разбросать и т. д.»

Форма глагола на -дырат туздырату отмечалась в караидельском говоре. В таныпском говоре зафиксировано 2 глагола.

-ш. Аффикс взаимного залога выступает не только в функции возвратного залога, но также и в переходных и непереходных глаголах, когда глагол обозначает постоянное действие. Примеры: Җорт сағышты в. сакты «пчела ужалила»; бармак сәнсешә «Палец колет»; бозау тшнәшә «Теленок жует»; Сәй әзерәк эчештегезме? в. әзерәк эстегезме «Чай пили»;

Йақшы ғына йоклаштығызмы? в.м. йокланығызмы «Хорошо спали?», Утырышың әйдә в.м. ултырығыз «Рассаживайтесь-ка».

Некоторые формы сложных глаголов

В говоре наблюдаются формы сложных глаголов, образованных при помощи вспомогательных глаголов алыу «взять», ятыу «лежать», ултырыу «сидеть», которые характерны для говоров южного диалекта. Особенностью является то, что основной глагол в отличие от южного диалекта, выступает лишь в одной форме деепричастия на -ып/-п вместо двух форм на -а/-ә, и на -ып/-еп, например: барып йата — южн. д. бара йата «идет туда», килеп йата — южн. д. килә йата «идет сюда»; эшләп йата — южн. д. эшләбата «работает, находится в процессе работы».

Сложные глаголы с вспомогательным глаголом ал «взять» также однотипны с аналогичными формами южного диалекта: әпкитәү «унести», әпкилеү «принести», апкайтиу/алпкайтиу «привезти»; алп төшөрөү «спустить». Примеры из контекста: Бер сүзне мечәб алпкитеп теңкәгә тейә «задевает такую ахинею, что слушать тошно»; Кызлар алпкилеп тора суны «Девушки приносят воду»; Текәннән утыртып алпкайти-тык «Из Тыканова привезли»; Әлдә эчебутырам әле «И так пью».

Сложный глагол шак катыу «остолбенеть, поражаться, сильно удивляться» в говоре выступает как свободное словосочетание, в котором первый компонент — заимствованное слово шак принимает различные аффиксы: Шағыма каттым «остолбенела»; Шағыңа катарсың «остолбенеешь»; Шаклар да/шак та катмалы «поражительный»; шакларым катты «остолбенела» и т. д.

Неспрягаемые формы глагола

Инфинитив выражается единой для всего говора формой на -ырға/-ергә. Спорадически его фонетическим вариантом выступает -арға/-ергә. Диалектная специфика проявляется в том, что в глаголах, основа которых оканчивается на р, второй аффиксальный -р выпадает как и в башкирском народно-разговорном языке, подобно глаголам будущего времени на -р: барымын на ул. В результате образуется диалектная форма -ыға/-егә. Примеры на все формы: Таза тоторға кәрәк «Надо содержать в чистоте»; Уйларға башың йетмәйме? «Не хватает что ли сообразительности?», Бүрәнәләре булғап, тау

түбән тәгәрәтеп йебәрегә «У них были бревна, чтобы скатить вниз по горе». Әрнеүенә түзәргә былмай «Нельзя выдержать боль», Өй бит ул, өйә башлагас, өйәргә кәрәк «Это ведь дом, начал строить, так надо до конца», Инәсен күрегә барғаннар «мать своего повидать ездили», Су керегә Йокка китәләр «Купаться идут на р. Юг».

Функции инфинитива спорадически передаются формами причастия на -ыр/-ер, и архаическими формами -мак, -макчы, например: Типтәрләр урманға ут төрткән йер алыр өчөн «Тептяри раньше лес поджигали, чтобы там поселиться»; Аларның килер эше йук «Они не думают приезжать»; Ничек йатыб йатмак кирәк! «Как можно (бездушно) лежать!»; Үзем бармакчы булдым «Сама решила поехать».

Имя действия, как и в литературном языке оформляется аффиксом -ыу/-еу: Илле йыллары өлгәре бәрәңгене утырталарыйы, утау йук, күмеу йук «Лет пятьдесят назад посадят картофель, ни пропалывания, ни окучивания».

В говоре встречается также пережиточная форма имени действия на -ыш/-еш: Кайа барыш? — Урманға барыш «Куда путь держишь? — В лес».

Форма на -ыш/-еш спорадически выступает также вместо причастной формы на -ған/-гән, например: Донйа алмашынды хәзер. Бөтөнәй үзгәреш «Мир изменился теперь. Полная перемена». Однако основными причастными формами выступают литературные -ған/-гән, -ыр/-ер, -чы/-че: Син белгәнне чөйгәлгән «То, что ты сейчас узнал, люди давно уже повесили на гвоздь». Түшәреңә йабынырыңа йук «Нет даже на то, чтобы постелить, укрыться».

Деепричастия имеют единые с литературными однотипные формы на -а/-ә, и -ып/-еп. Чәккетә ата да куйадыр ейә «Стрелял наповал»; Керә-чыга йөрөйөм «Частенько захожу». О функциональной роли деепричастий на -ып/-еп см. сложные глаголы.

Аспект возможности и невозможности

В отличие от других говоров в таныпском говоре форма деепричастия на -ай/-әй является единой для двух аспектов.

Аспект возможности и невозможности реализуется через вспомогательный глагол алай — лит. ала «может». Примеры: Алай ала «Может взять», Алай алмай «Не может взять», Кайтай алмай «Не может вернуться домой».

В остальных говорах башкирского языка аспекты возможности и невозможности не имеют специальной формы, как

в таныпском говоре, лишь в северо-восточных говорах восточного диалекта выступает отрицательная форма невозможности на -ай/-эй + амай: барай амай «не может идти», но: бара ала «может идти».

Таныпская форма возможности и невозможности на -ай/-эй находит соответствие в чувашском языке, в котором и положительные, и отрицательные формы имеют аффикс -ай/-ей: Ситейеперми? «Сможем ли прийти?», Сентерейме? «Не сможет победить»³⁴.

Служебные слова

Послелог. С именительным падежом выступают послелог *күбек* «подобный», *белә/беле* «с» в значении «вследствие, по причине», *тигентен* «по». Примеры: *Мал күплек белә йемеш былмай* «вследствие размножения домашних животных ягоды пропадают»; *Муйын тигентен* «по шею», *тубык тигентен* «по колено», *эт күбек* «подобно собаке»; *Ауыл күбек түгел* «Не похоже на деревню».

Дательным падежом управляют диалектные послелог *чиңке*, *чәкле*, *тәкле*, *чикле*, «до, по», которые употребляются в караидельском сәкле, тәклей; демском, среднем сиклеге, тиклеге, сикеле, тиклек и других говорах башкирского языка. Примеры: *Атның тойагына чиңке* «до бабки лошади»; *ун йылға чәкле тордо* «Жил до десяти лет»; *Аның йеренә тәкле бар* «У него есть вплоть до земли»; *Төшкә чикле бетерделәр кәбәнне* «До обеда закончили стожить»; *Аңа чикле дә тимерлектә эшләдем* «И до того работал в кузнице».

С исходным падежом употребляются послелог *ғәйри* — лит. *башка* «кроме, помимо»; *элгәре* — лит. *элек* «раньше», *хәзәре* — лит. *алып* «с»; *Мына шушы тирәдән ғәйри* «Вот с этого места». *Эрбәлүтсиәдән элгәре* «До революции»; *Чыңғыздан хәзәре китерәдер эйе* «Начиная с Чингиза помнил все (имена ханов)». Некоторые послелог, как *чәкле*, *табатын*, *ғәйри* употребительны и в других северо-западных говорах.

Частицы

Утвердительные частицы. Наиболее активными выступают частицы *бит*, *ис/ич*, *ласа/ләсә*, *та*, *ла* — лит. *лабаһа*, *бит* «ведь, же». На севере говора к ним добавляется частица *кый*,

³⁴ Егоров В. Г. Глагол. — В кн. МГСЧЯ. 1. — Чебоксары, 1957, с. 183 — 184.

кей, кэй, которая изредка встречается и на юге в речи отдельных носителей. Примеры. Йырғанак кына эйе бит «Только ручейком была ведь»; Чокор булғанга ошай бит. «Похоже ведь, что тут яма»; Әле бигерәк әрәхәт бит. «Теперь ведь очень хорошо жить». Барғаннар ич, инәй! «Ходили ведь они, мама!», Сине йугаттым ис! «Тебя потеряла ведь», Сиңә ич! «Тебе же!»; Алайым әле «Возьму-ка»; Колхуз хәйерче түгел ләсә! «Колхоз ведь не бедный!» Мында йук ласа «Здесь нет ведь»; Кукуруз ласа! «Кукуруза же»; Асаузы сыуы йомшак та! «Вода Асавды мягкая же»; Картыкайым үлеп киттекәй! «Старичок мой помер ведь!»; Мынысын бында салдык, кый «Это сюда положить решили ведь».

Усилительные частицы. Роль усилительной частицы бик «очень», «чрезмерно» ограничивается активным функционированием наречия каты в роли частицы, которое во многих случаях заменяет частицу бик: каты карағайлык «Очень (густой) сосновый бор»; Каты көрәшсе «Очень (сильный) борец»; Каты буран «Очень (сильный) буран», Каты ачлык «Сильный голод», Бик каты матур «Очень сильно красивая», Каты каушадым «Сильно растерялась».

Некоторые частицы и слова-частицы как: әләк — лит. һәләк «гибель» в значении «страх, ужас»; зәәр — лит. зәһәр «яд» в значении «сильно»; зерә русск. зря в значении «очень, чрезмерно»; дом/дәм; шыр «сплошь, полностью»; тач — лит. тас «в точь-в-точь», которые широко представлены во всех говорах башкирского языка, употребляется чаще всего для интенсификации качества или действия. Примеры: Дәм//шыр урман «сплошной лес», дәм//чәм/чым кара «черный-черный; шау//шыр тоз — кизил. шур тоз «сплошь соль»; шыр йалан теүә яланғач³⁵ — кизил. сер йаланғас «совершенно голый». Полисемантическая частица шыр широко употребляется во всех говорах восточного и южного диалектов, например, ик-сакмар: шыр урман, шыр тоз, шыр һыу, шыр май и т. д. Примеры из контекста танып. говора: Дәм сыйырсыз калдылар «Совершенно без коровы остались», Зәһәр әйбәт кенә Зарафетдин карт «Очень уж хороший старик Зарафетдин»; Әләк аур бетертем утауны «Ужасно тяжело было закончить прополку»; Әләк йәптәш «очень удобный, подходящий», Зерә матур уйнай, керәшен! «Больно хорошо играет, кряшен!» Тач Әхмәт бабай «Точь-в-точь дед Ахмет», Тач кызыл «красный-красный», тач//бетеп балчык «сплошь глина».

³⁵ Башшев Т. Г. Научный отчет. 1954, с. 148.

Некоторые наречия в роли усилительных частиц преимущественно выступают в сочетании с отдельными словами. Например: чи башкырт «настоящий башкир»; зэңкей кара «черный-пречерный»; Зэңкей кара булып кайтты «Черный-пречерный вернулся домой», лычма/лыкма сыу «насквозь мокрый»; лыч май «сплошь масло»; лыш/лышт йатыу «плашмя лежать»; дөм күрмэй «совершенно не видит», шөррә ачыу «открыть настезь».

Вопросительные частицы -мы/-ме имеют диалектный вариант -ма/-мә, которые систематически выступают в говорах восточного диалекта. В таныпском говоре -ма/-мә отмечается спорадически, как пережиточное явление, например: Исән-сау йатасызма? «Живы-здоровы?» Улма? «Он, да?»

В качестве вопросительных частиц употребляются вопросительно-утвердительные слова эйеме?, э'эме?, а'ымы? «да ведь?»

Междометия

Наряду с общеизвестными и литературными формами в говоре употребляются собственные диалектные междометия. Кроме того в говоре активно применяются модальные слова, слова-междометия, выражающие отношение говорящего к высказываемой мысли и несущие определенные эмоциональные нагрузки (атай «отец», инэй «мать», малай «парень» и др.). Приведем междометные слова, зафиксированные в говоре: Абак! — выражает крайнее удивление или отвращение: Атай, аттай, ытый! — многозначное, многовариантное междометие, выражает недовольство, досаду, испуг, сожаление и др. Употребляется и самостоятельно, и в сочетании с другими междометиями эй, ай, эй: Эй аттай, эй ытый! Ср. караидельск. Эй аттан! — ик-сакмар. эй эстә — лит. эй эттә. Бәлеш, бәрәч, бэй! — междометия-синонимы, выражают удивление, досаду; Бэй, халыкны сөйөндөрә, бәрәч! «Ну как же, народ радуется, что ты думаешь!»; Бәлеш! Ир яны бер ялғыз «А что, мужская душа только о себе!». Менәкей, менағай, мынағай — междометие негодования, возмущения. Варианты менағай, мынағай характерны для караидельского, демского говоров. Таныпская форма менәкей является новообразованием < менә + кый — утвердительная частица. Междометия для детской речи также характерны для башкирского общенародного языка: А-ай, а'ый, кәкәк «грязно, грязь», түпәй! «поп», Мә'-мә'! — угроза; Мә'-мә' итәм «Побью!», Элэй-элэй! «Больно!».

Междометия, употребляющиеся для зова и отгона домашних животных:

ЗОВ	ОТГОН
лошади: боһ-боһ! бох-бох-бох! —	на! кузәй
коровы, теленка: тпрукәй-тпрукәй!	тпрей-тпрей! тпрушә! тпрәс!
овец: бәс-бәс-бәс!	уәс! вәс! төт-төт!
При поении коров: чөмөр-чөмөр!	
коз: кәзә-кәзә-кәзә!	Кзә!
гусей: дгәд-гәд-гәд!	гөшш! гөж!
гусят лил-лил-лил!	кшә! гөш!
кур: кет-кет-кет!	көш!
собаки: бөәһ-бөәһ!	с'әбә! чәбә!
кошки: пес-пес-пес!	прәс!

Лексические особенности

Исторические пласты диалектной лексики

Лексика таныпского говора своими корнями тесно связана с общенародной лексикой башкирского языка. Диалектные лексические пласты, бытующие в говоре, обнаруживают общность с диалектной лексикой говоров восточного и южного диалекта. На территории говора и смежных районах живут мишари, марийцы, значительная часть последних была ассимилирована в составе таныпских башкир.

С севера говор взаимодействует с гайнинским говором. В северной части говора, в населенных пунктах Булькайпаново, Бадряшево, Аксаитово, Жеремже и др. Татышлинского р-на отмечаются черты, общие с гайнинским говором: тимерзәг арба «телега» — «ходок», бөкә «пирожки», такыл «струганок», рәшке — лит. эрәшә «черные мясные мухи», ср. гайн. рышкы, эрешке «крупные мухи»; шырамта «мочалка», чал «чалый», чима «спички», чүңке — гайн. чүмке «тупой» (о режущих инструментах), әншүр — гайн. әнчүр, өнчөрө «мальки; вид мелких рыб», умый «ладный, хороший» и др.

Кроме территориальных контактов говор исторически связан с гайнинским говором, в котором бытует диалектный пласт лексики, общий с таныпским, караидельским и другими северо-западными говорами. Некоторые диалектизмы из этого пласта: ишаға/ишағал «преддверие, крыльцо, двор, открытая часть двора»; йуша «олень»; катынща — караидельск. катымша «вмешивающийся в женские дела», кул «ложбина»; меле «мальки», терлек «приданое», хәйкә «женский нагрудник из монет, косо надеваемый через плечо»; чат-

лы койрок «двухвостка», чырыш 1) закрученный, кряжистый; 2) упрямый».

В таныпском говоре бытует лексический пласт, общий с северо-восточными говорами восточного диалекта. Так, слово балдыз в говоре, как и балдыз в северо-восточных говорах, и как чувашское пултӑр, употребляется в двух значениях: 1) в лит. значении «младшая свояченица»; 2) в лит. значении кӑйнеш «младший шурин»; ир балдыз; кыз балдыз. Куш-йӑулык «головное покрывало из двух французских платков»; пытыш «медлительный, копуша»; айск. бытыш — то же; сайгак «доски потолка»; аргаяш., сальют., миас. һайгак «потолок», средн. һайгак «матица»³⁶; ср. мишар. сайгак «настил под кровлей сараев для хранения сена». В литературном языке һайғау «жерди»; Значения слова сайгак, һайгак, һайғау семантически сопоставимы. Сиртмә — средн. һиртмә — северо-восточн. г. һиртмәк «гибкая черемуховая жердь, служащая вместо пружины для люльки»; тимер сиртмә «железная пружина»; ср. аргаяш. һиртмак, зап. сиб. тат. циртмәк «петля». Сәмбәрә (танып., айск., миас.) — сәмбәр (аргаяш) — зәмбәй, зәмбәрә (миас.) «ободок сита»; ср. зап. сиб. тат. цәмпәр «обруч» тупый (танып., айск., гайн.) «женская круглая бархатная шапочка, украшенная впереди монетами и надеваемая под платок»; токон (айск., караидельск., гайнинск.) «теплый хлев для мелкого скота»; туш — северо-восточн. г. душ, душкын, тыуыш «наледь, вода, выходящая на поверхность льда»; түшпау (северо-западн., северо-восточн. г.) «супонь»; чағыр күз «серовато-бесцветные глаза с чуть заметными лучами»; в айском, кизильском говорах сәгер, миасском сағыр «голубовато-зеленоватые глаза»³⁷, в демском, среднем шағыр «белесые глаза»; әзмәүердәй — восточн. д., средн. г. әзмәүерзәй «здоровенный»; Әзмәүердәй малайы бар «Здоровенный сын есть у нее».

В говоре бытуют диалектизмы, характерные для юго-восточных говоров. В этой группе есть слова, которые отмечаются в отдельных говорах татарского языка и говорах северо-востока. Примеры: гөргөлдәк — кизил., кубалаяк., инзер., нугуш. көргөлдәк — айск. гөрзәмеш³⁸ «игра в прятки, когда мающийся закрывает глаза и кричит гөр-гөр-гөр, пока остальные прячутся»; көйөү (кизил., аргаяш., нижнебельск.) «сердиться, ругать»; Бик каты көйдөләр «Очень сильно ругали»; көшкөләнәү/көшөләнәү/көшкәннәү «подлизываться,

³⁶ Словарь башкирских говоров, т. 1., с. 260.

³⁷ Указанный словарь, с. 174, 195,

³⁸ Там же, с. 60.

подхалимничать»; кизил., айск., кубалаяк., миас., көшкәндәү «ластиться, кокетничать». Данное слово бытует также в караидельском, нижнебельском, а также в заказанских говорах татарского языка. Көчөгән, көсөгән «орел степной»; кизил. көсөгән «орел-могильник»; күшәрелеү: күшәрелеп кан акты «кровь текла как вода»; ср. кизил. күшәрелеү, миас. күшеү «нахохлиться, взерошиться от взмокания»; древнетюркск. күшәр «наполняться водой»³⁹; талаусыз «бестолковый, безобразник»; Йулны кыйма, талаусыз «Не переходи дорогу, бестолковый»; кизил., кубалаяк., миас. талау! — слово зложелания, применяемое к скотине; зап. сиб. тат. талауай «грубый, неотесанный»⁴⁰. Некоторые диалектизмы таныпского говора имеют изоглоссы в кизильском и в гайнинском говорах, например, төнәү — гайнинск. төнәү «спать, заснуть»; ср. кизил. дөнәү дет. иронич. «заснуть»; төнәү в литературном языке «сесть на насест» (о курах); чигәләү «завязать узлом, сделать узел»; гайнинск. чигәләп бәйләү «завязать на мертвый узел»; кизил. и лит. сигәләү «клепать», казан сигәләү «заклепать котел».

Лексика таныпского говора, характерная для говоров восточного диалекта, выявляет помимо ареальной лексики также диалектизмы, указывающие и на этноисторические связи таныпских башкир с зауральскими башкирами (балдыз, кушйаулык, тупый, гөргөлдәк, талаусыз и др.).

В таныпском говоре выявляется диалектный пласт, связывающий его с говорами южного диалекта. Анализ лексики данной категории показывает, что ее необходимо рассматривать, подразделяя на две группы:

1. Первую группу составляют диалектизмы, которые имеют соответствия в первую очередь в контактирующем демском или в среднем говорах южного диалекта. Некоторые диалектизмы этой группы отмечаются в смежных нижнебельском, караидельском говорах и включаются, таким образом, в северо-западную зональную лексику. Многие из них отмечаются в татарском языке и его говорах, но составляют лексико-семантическую специфику северо-западной зоны. При подаче лексического материала будут указаны говоры, в которых отмечается данный диалектизм: Арыш инәсе — миас. арыш инәһе — демск., средн. арыш анаһы — лит. арыш атаһы «спорынья»; Аса — демск., средн. аса «иней», нижнебельск.: «снег, прилипший на ветвях деревьев». Арсий — демск., караидельск. «мужские родственники невесты, сопро-

³⁹ Древнетюркский словарь, с. 330.

⁴⁰ Тумашева Д. Г. Указ. работа, с. 197.

вождающие ее в дом невесты»; Ике арсий алып килдем: йезнәм белән түтәйем, ике энем «Двух арчиев привезла: зятя с сестрой, двух братьев младших» (Кумиязово). Диалектизм бытует в демском, караидельском, нижнебельском говорах. В мишарских говорах татарского языка он означает «женщин и девушек, сопровождающих невесту в дом жениха»⁴¹; дүмгәк, түмгәк — демск. түңгәк, түмгәлэк — караидельск. дөмкәк, түмсәк — средн. түмсә «кочка»; ср. ик-сакмарск. түң «небольшой холмик»; йоморкай — демск. йоморокай — караидельск. йоморошка «пескарь»; в говорах южного диалекта йоморса, йоморошка, йөмөркәй в кизильском, кубалаякском йоморо сабак «елец»; Көс' — нижнебельск кестей — демск. көс, көсөй, көскө — сакмар., кизил. көрөк* «мальки». Мөкәс'ләү — демск. мөкәйләү — караидельск. мокайлау, моканнау «ползать, ходить на четвереньках».

Слово мөкәйләү, мөкәс'ләү «ползать» являются производным от демского диалектизма мөкәй «улитка», нижнебельск., юшатыр, тәкә-мөкә — то же, которые могут выступать древними реликтами башкирских говоров. Мөжөрәү «изнуриться, раскиснуть»; Мине саклабутыра-утыра мөжөрәп китте «карауля меня, совсем раскис, задремал»; средн., сакмар. мөзөрәү, мөжөрәү, мөзөнөү, мөзөрөнү «изнуриться», сакмар. мөзөрөңкө, мөжәм «изнуренный»; муйынса (нижнебельск.) — демск., средн. муйынса «шейное украшение из монет; ср. айск. муйса «нагрудник из монет, кораллов и позумента»; томса — демск., средн. томса, «хмурый, неприветливый»; түбән ауыз — демск. түбән ауыз «подуст рыба»; с'өйлөк бауы — демск. средн. сөйлөк — юрматынск. сөйлөк бау «супонь»; с'үпләм — демск. средн., караидельск., айск. сүпләм «браное шитье»; с'өңкөлдәү, с'өркөлдәү «болтать, много говорить, ворчать», ср. средн. сөңкөлтәү, демск. сөңкөлдәү «ворчать»; с'әнс'ә бармак — демск., средн. сәнсә, сәнсәкәй — средн. сәнтәкәй — лит. сәтәкәй «мизинчик».

Таким образом, диалектизмы первой группы сближают таныпский говор с демским говором, на долю которого приходится большинство общих лексических корней. Некоторые из специфических диалектизмов этой группы на почве башкирских говоров сохраняют более древнюю семантику (аса, арсий, көс' мөкәс'ләү, муйынса, с'үпләм и др.).

2. Вторую группу составляют лексические диалектизмы, которые в большинстве бытуют в южных говорах южного

⁴¹ ДСТЯ, с. 49.

* Фонетические варианты көс<көс<көз — көрөк отражают реликтовое явление ротацизма р — з в башкирских говорах.

диалекта, наиболее специфические из них как жолагалка, тәбә, тәбиә, с'иннек, с'әрмә, с'әрзе, әтмә характерны для всего южного диалекта. Примеры: аукка «на короткое, близкое расстояние». Ат чаптырыулар аукка була, озакка була «Гонки бывают на короткое, близкое расстояние и на далекое, длительное расстояние» (Жумиязово); бер аук «некоторое расстояние, некоторое время». Слова в том же значении отмечаются в демском, ик-юшатырском говорах, например: Сабыр атлар аукка ла озонга ла китте «Беговые лошади пошли и на короткую, и на далекую дистанцию»⁴². В словаре В. В. Радлова взято только одно значение аук (тобольск. курамин. казан.) «короткое время, мгновение»⁴³. В современном татарском языке слово аук отмечается лишь в словосочетании бер аук «некоторое время». Без йемеше — сакмар., бурзян. без ағасы «Боярышник». Слова без йемеше, без ағасы являются пережиточными, их заменяют в сакмарском энә ағасы, энәлек, в бурзянском йәмшегән, энәлек, в таныпском бояр йемеше. Бира «порядок, обычай»; Элекке маймылдан йаралган бира белә килдег инде «Жили себе по старинным обычаям»; сакмар. бира «совесть, мораль, порядок, дисциплина»; бираһыз, пираһыз «бессовестный, невоспитанный»; Таныпское слово бира и по звуковой структуре и по семантике полностью совпадают с сакмарским. По особенностям фонетики таныпского говора здесь должен был бы быть начальный п, но глухой вариант отмечен в сакмарской зоне. Куз кешесе — ик-сакмар. кешелек «зрачок»; казанлык — демск. казанлык — ик-сакмар. казан өйө, казан йак «угол дома, где стоит печь, казан, т. е. кухня». Жолагалка (танып., караидельск., сакмар. «серьги»; комайак «песчаный берег, пляж»; ср. сакмар., нугуш комайак «песчаное дно»; Муллабаш (с. Бардыш. сакмар. г.) «одуванчик после цветения». Терлек (танып., караидельск.) «приданое», юшатыр. терлек «достояние»; средн. терлек «то, что необходимо для существования, прожития»; Тәбә 1) танып., нижнебельск. «кушанье из рубленой печени, смешанной с яйцами»; 2) демск. «просяные лепешки»; сакмар. тәбе «омлет»; ик-юшатыр. средн. тәбиә «просяные лепешки, блины»; шәлейә — лит. яры «кожа тонкая»; Бичәсе шәлейәгә калды «Жена его осталась кожа да кости», сакмар. шәлейә «тонкий, прозрачный (о коже)». В айском говоре слово дало значение, шәлейәһез калыу «остаться ни с чем»; С'иннек — южн. д. синнек «хлев»; С'әрмә «сундук, сума сплетенная

⁴² Толковый словарь башкирского языка.

⁴³ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. — СПб., 1893. Т. 1, кн. 1, с. 69.

из лыка, с крышкой»; ср. сәрмә 1) караидельск., средн. ик-юшатыр. «кожаная сума», 2) сакмар «шерстяная сума»; с'әрзе — гайнинск. чөр — караидельск. средн. серзе, сержей — демск. сырйы — сакмар. сырпый «мальки рыб». Этмә I. 1) танып. и южн. д. «силоч для ловли птиц»; 2) танып. «рыболовная снасть», 3) демск. «снасть для ловли горнастая». Этмә II танып. «перепонка лап водоплавающей птицы»; сакмар. этмәк — демск., караидельск. йэтмә — то же.

Таким образом, таныпский говор связан с говорами южного диалекта весьма специфическими, довольно древними слоями лексики. В то же время в говоре наблюдается самобытное дифференцированное развитие некоторых диалектизмов в семантическом плане, не отмечаемое в других тюркских языках, например, аук, этмә. Заслуживают внимания диалектные изоглоссы, общие с сакмарским говором.

Поскольку таныпский говор находится в центре функционирования северо-западных говоров, в нем большое место занимает диалектная лексика, характерная для северо-западной зоны. Северо-западные говоры имеют чрезвычайно специфическую, зональную лексику, которая не отмечается ни в башкирских, ни в татарских говорах. Почти все диалектизмы, приводимые ниже, составляют специфическую лексику северо-западных говоров. Примеры: Акбабай — ласковая форма обращения к старшему брату отца; агәбей — ласковая форма обращения к старшей сестре отца. Сложные слова акбабай, агәбей (значение по современному состоянию языка: «белый бабай», «белая эбей» т. е. «хороший, прекрасный») первоначально могли состоять из двух терминов родства: ага, обозначающего старшего родственника и вежливого, почтительного обращения к нему, и бабай, эбей старших родственников отца или матери. В тюркских языках термины ага и апа обозначают старших родственников по мужской и женской линии, например, чаг. ака «брат и сестра старшие», чув. д. агай, аги «старшая родная сестра и тетя»⁴⁴, ага «тетя, младшая сестра отца». В турецких диалектах бытуют подобные же словосочетания агабаба, агбаба «дед, тесть, свекор» и аганене «бабушка»⁴⁵. Однако и компонент ак в значениях «белый, чистый» в сложных словах акбабай, агәбей не исключается как термин, ибо слово ак активно участвует и в образовании титулов и антропонимов: Апайым — 1) ласковая форма обращения к младшим братьям, сестрам. 2) вежливая форма об-

⁴⁴ Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка, с. 23.

⁴⁵ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974, с. 116 — 117.

ращения к людям младше себя. Форма *апай* с указанными значениями пока не зафиксирована в других тюркских языках⁴⁶. Значение «старшей сестры» передает в говоре форма *апа* — лит. *апай*; *белтек* — лит. *бәләкәй* «маленький», *Йамыйак* // *күбәтә* — лит. *сеүәтә* 1) «маленькая деревянная чашка»; 2) говор «пиала»; *йоморо* «чашка»; *йәйеңкә* «блюдец». *Кыйышыу* — лит. *маташыу* «возиться»; *ләпек* — лит. *бысрак*, *баткак* «грязь уличная, грязный»; *Кап-кара* *ләпек булырбыз* «Выпачкаемся еще в грязи»; *пети* — лит. *имсәк* «сосок, грудь»; *саулык* — лит. «овцематка»; *саулык бәрән* «овечка — ярка», *септер* — лит. *һейзек* «моча», *шап-шактай* «большой, крупный», ср. лит. *шап-шактай* «порядочно»; *әжәме* «худощавый, маленького роста», *Үзе әжәме генә*, *белтек кенә*, *шап-шактай бала тапкан* «Сама худенькая, маленькая, родила крупного здорового ребенка»; *шырамта* «1) лыко, 2) мочалка». Северо-западная диалектная лексика не ограничивается специфической зональной лексикой, характерной лишь для данной зоны. Значительная часть северо-западной, в том числе и таныпской лексики охватывает гораздо более обширную территорию, в которую включаются лексические изоглоссы северо-восточной Башкирии, а также нижнекамского бассейна вплоть до впадения Камы в Волгу, т. е. северных говоров среднего диалекта татарского языка. Данный диалектный пласт можно назвать северной ареальной лексикой, бытующей на данном языковом ареале, независимо от того является ли она собственно башкирской или татарской лексикой. Специфика ее в немалой степени связана и с контактом с другими языками, а также особенностью северной природы, ее растительного и животного мира, и обусловлена хозяйственно-бытовым укладом всего населения этого края. Часть этой ареальной лексики, как, например, *күчмә*, *ләчтә*, *пипей*, *тош*, *уша*, *әпә*, *әрдәнә*, имеет соответствия в мишарских и чувашских говорах и марийском языке, которая должна представлять наиболее древний лексический пласт. Примеры из данного пласта: *Астар* — лит. *әзеп* 1) *танып*. «подшивка подола женского платья»; 2) *демск.* *оборка* из другого материала на пояс женского платья»; 3) *нугуш*. *подклад* платья»; 4) *ик-юшатыр*. *марлевый подклад* под вату теплой одежды»; ср. *заказан-балтач.*, *камышлинск.* «*подошва*, *подметка*»; *заказан.* — *атнин.* «*нижний ряд досок крыши*»*; *диңгез* — лит. *нигез* (северо-западн., *демск.*, *заказан.*, *мамадыш.*)

⁴⁶ *Севортян Э. В.* Указ. словарь, с. 54 — 57.

* Материал по татарским говорам взят из «Диалектологического словаря татарского языка». — Казань, 1969.

«фундамент, основа, завалинка». Ирен-йаргыч (<«ирен «губы» + йаргыч «заставляющей трескаться») «порезник»; Иренйаргыч тәмне була, иренне генә йара, тиермәй генә ашайсын «Порезник бывает сладкий, вкусный, только губы трескаются, нужно не задевая губы (очистив) кушать». Отмечается слово во всех северо-западных, демском говорах башкирского языка, а также в усть-камском, калышлинском говорах среднего диалекта тат. языка. Камағаш — демск., караидельск., нижнебельск., нагорн., камышлинск. камаш «твердое небо». Ләчтә (северо-западн. средн. заказан.) «сырой водянистый»; Пипей (северо-западн. айск., юрмат., темник.) «гусенок»; Пешек сағызы — лит. сайыр «живица»; Пешек сағызын эчә торған чыпчык бар «Есть воробей, который пьет живицу»; Слово пешек, восходит к общебашкирскому корню: бешә — средн. мешә «молодая сосна»; бешәлек «молодой сосняк»; ср. нугуш. бешәреү — лит. йәшәреү «зеленеть (о соснах)»; саз үләне «лютик едкий»; сасыкай «болиголов»; Сабағын әрчеп ашайсын, тәмне була, исертә «Стебель болиголова очистив кушаешь, вкусный, пьянеешь»; сөт үләне «сот желтый», С'әрби ағачы «акация желтая». Термин сәрби ағачы характерен для всех северо-западных говоров, отмечается в аргаяшском, миаском и в др. говорах (сәреүәр ағас, сәрби ағасы) восточного диалекта и заказанских говорах татарского языка. В огузских языках сәрби ағачы употребляется в значении «кипарис», аз. сәрв. тур. серви/ селви, к. калп. сәрби, туркм. серви ағаҗы <ар. саруун «кипарис». Су йефәге «улотрикс»; шәреш/ с'әреш — лит. борош — южн. д. кәреше кряжистый, крепкий»; эт тегәнәге «череда, золотушная трава»; тартыу (северо-западн. заказанск-мамадыш, заказанск-балтач.) «свадебные деньги, даваемые родителями жениха родителям невесты»; тош (северо-западн.) — төш (мамадыш., усть-камск., зай-кряш., чистопольск.) «свадебное печенье»; лит. төш («плодовая косточка»). Үшән (северо-западн., караидельск., айск., демск., заказан., нагорн.) «тяжелый, ленивый»; с'апырыш/ чапырыш «наискосок; левша», ср. усть-камск., нагорн.-тархан., мелекес. чапырыш «косой, косолапый»; с'елгый (нижнебельск., мамадыш., лаеш.) — сылгый (демск.) — сылгый// йафак (караидельск.) лит. кауырһын «большое хвостовое перо», чәбе (северо-западн., заказан. мамадыш) — сәбе (средн.) «изгородь, частокол»; әпә (гайн., дубьяз., камышл., дрожжан.) — әпе (демск.) — әпәпә (чист., мишк.) «немой»; Әрдәнә северо-западн., демск., средн.) ср. мамадыш., заказан., зай-кряшен. әртәнә «поленница дров».

Таныпский говор взаимодействует с говором мишарского диалекта, который в основном примыкает к говору с юга.

Однако это взаимодействие нельзя представлять как результат прямого общения мишарей с таныпскими башкирами. В диахроническом плане мишарскую лексику необходимо рассматривать, разделив на два пласта.

1. Лексический пласт, общий для башкирского языка и мишарского диалекта, связанный с такими историческими факторами, как общие предпосылки развития этнической истории двух народов и древнекыпчакские этнолингвистические контакты⁴⁷.

Данный лексический пласт в отличие от татарского литературного языка выступает характерным для всего башкирского языка и мишарского диалекта в целом. Поэтому этот пласт древней лексики входит в словарный фонд башкирского литературного языка. Примеры: Ардаклы* «уважаемый, почитаемый, любимый»; Арка сөйәге — караидельск. арка сөйәк — икск. арка һөйәге — мишар. аркасүк «позвоночник»; бағыу «смотреть, растить, воспитывать»; бүтәгә «желудок птицы»; инсә — башк. иңһә «затылок, плечи»; йаурын «плечо»; йәмне «красивый»; күкрәк/ күкрәксә (северо-западн., южн. д. мишар. д.) «расшитый цветными лентами нагрудник, носимый старухами под платьем»; кес'ерткән «крапива»; кәпәс' (башк. лит.) «круглая шапка без ушей» — бурзян., кизил. — то же, мишар. «тюбетейка», ср. чув. д. кепеҫ «тюбетейка»⁴⁸. Кашпау — башк. кашмау «женское головное украшение», танау «нос»; кәрендәш «родственник, родня»; с'ерге — мишар. церге «кошма, войлок для пола»; лит. (серге — юго-восточн. сергетыш «чепрак из белой кошмы — попоны, покрытой красным сукном, украшенной аппликациями»); с'еркей — башк. серәкәй «комар» и др.

2. Диалектная лексика, возникшая в результате тесного контактирования нескольких языков (башкирского, мишарского, марийского и др.), и постепенное смешение, нивелирование языка таныпских башкир, что также входит в настоящее время в диалектную особенность таныпского говора.

Ниже дается список таныпских диалектизмов, характерных для северо-западных и мишарских говоров. Некоторые из них имеют изоглоссы в других говорах башкирского, татарского и чувашского языков. Примеры: Алма (северо-за-

⁴⁷ Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 126 — 127; 424; Н. Ф. Немет. Венгерские племенные названия у башкир. сб. АЭБ, т. IV. — Уфа, с. 451 — 452. Р. Г. Мухамедова. Татары и мишари. — М., 1972, с. 11 — 17.

* Материал по мишарским говорам взят из «Диалектологического словаря татарского языка» и полевых записей автора.

⁴⁸ Сергеев Л. П. Диалектологический словарь чувашского языка, с. 30.

падн., мишар. д., заказан.-балтач., глазов.) «картофель», чув. сир улма, яз. зап. сиб. тат. йер алма — то же. Айбағыр (заказан.-балтач., елабуж., нагайб. — кряш.) — айбағыр (мишар. д.) «подсолнух; семечки»; айу камыры — мишар айукамыр «шиповник»; бөкә «пирожки»; казан бөкәсе «вареники»; демск. бөкөрөй «пирожки»; караидельск. бөккән «пельмени» мишар. бөкмә «пельмени»; йебәләй үлән — мишар. зибәләй үлән «мятлик»; кугут — мишар. кугыт «зелень, весенняя мурава»; ср. юго-восточн. г. күгүлән — то же; Мал кугут ашай «Скотина ест весеннюю зелень»; күзәнәк — мишар. кузанақ «родник»; паләк — мишар. пал'ак «тарақан», сеңер «резина, резинка»; сеңер итек «резиновые сапоги»; сөңгә (караидельск., чисто-польск. «жалю пчелы»; улан (северо-западн.) — мишар ылан/олан «дитя; уланнар «дети»; сорсоз (хвалын., заказан., нагорн.) — демск. сөрсоз — юго-восточн. һөрһөз «невоспитанный, беспардонный, нахальный»; Минең улым с'орсоз түгел алай «Мой сын не такой уж невоспитанный».

Таким образом, анализ диалектной лексики общей с мишарскими говорами на общем фоне взаимодействия двух языков помогает, во-первых, выявить общий башкиро-мишарский лексический пласт, связанный с древними этнолингвистическими контактами, во-вторых, в северной ареальной лексике определяются далеко на западе изоглоссы башкирских диалектизмов реликтового и субстратного характера. Известно, например, что на территории Чувашской АССР до последнего времени сохранились названия сел башкорт — чув. Пушкорт (современное Большое и Малое Карачкино Ядринского района). Язык жителей-чувашей этих деревень существенно отличался от других чувашских говоров и в области лексики, фонетики и топонимики, что отмечают в своих исследованиях и Н. И. Ашмарин, и чувашские лингвисты⁴⁹.

Следовательно, языковое взаимодействие на северо-западе БАССР не носило лишь односторонний характер влияния, воздействия татарских говоров, идущего по направлению с запада на восток, а отражалось в виде субстратных реликтов «башкиризмов», «чувашизмов» и финно-угорских диалектизмов в говорах татарского и мишарского и других контактировавших ранее и контактирующих в настоящее время языков⁵⁰. Эти реликты могут выступать как диалектная

⁴⁹ Корнилов Г. В. К вопросу об участии отдельных башкирских родов в этногенезе смежных с ними народов. — АЭБ ч. IV. — Уфа, 1971, с. 298 — 300.

⁵⁰ Мухамедова Р. Г. К вопросу о расселении татар-мишарей — МТД. — Казань, 1962, с. 92.

особенность не только того или иного говора, татарского⁵¹, чувашского⁵² языков, но также составлять диалектную специфику, в данном случае, говоров башкирского языка.

Местная диалектная лексика

К собственным диалектизмам относятся слова, не зафиксированные в других говорах, или слова, имеющие специфические фонетические, а также семантические особенности. В говоре бытуют весьма самобытные диалектизмы, которые составляют лексическую специфику таныпского говора. Многие из этих диалектизмов находят соответствия в других тюркских, финно-угорских и русском языках. Собственные диалектизмы отмечаются во всех тематических классах и разговорной речи, например: безелдәүек «непоседа, вертушка», посташ «грязнуля», пытырык «неряшливый, неаккуратный», гайнинск. пытырыу «разбрасывать» пытыш «медлительный», мөктөй «хмурый, мрачный»; тәлтүгеч/тәлтөүеч «трясогузка» ср. тур. далгыш «плавание под водой», далгыч кушу «нырок»⁵³. Следовательно, тәлтүгеч «птичка, ныряющая в воду». Күләм — лит. тулайым «в целом, в общем, обобщение»; Күләм әйткәндә «Если сказать в общем», ср. тур. күл «целый, весь»⁵⁴. Дөң, төң күзе «мозольные уплотнения на ногах лошади»; ғырын «одновременно, в промежутках»; Унынчыны бетереп чыга, ғырын көтөү көтә «Кончает десятый класс, одновременно пасет стадо»; в древнетюркск. кур «ряд, очередь, последовательность, раз»; кур — кезик «очередность, последовательность»⁵⁵, ср. заказан. кряш. словосочетания кором-кырыч вакыт «период напряженной работы, страда»⁵⁶; тур. курук «время, пора, эпоха»⁵⁷; чапырыш сапырыш «наискось, наискосок»; Ср. азерб. чәпәкә «косо, вкось, наискось»⁵⁸, тур. чапрашык «скрещенный, сплетенный, пересеченный»⁵⁹; чай кошо — название хищной птицы (сокол?), Чай кошо тө

⁵¹ Бурганова Н. Б. «Говор каринских и глазовских татар» — МТД. 2. с. 26 — 36. Махмутова Л. Т. «Некоторые наблюдения над лексикой касимовского говора татарского языка» — там же, с. 224, 227, 231 — 233.

⁵² Сергеев Л. П. О марийских лексических изоглоссах в чувашском языке. — ВФУЯ, вып. IV, Ижевск, 1967, с. 177 — 185.

⁵³ Турецко-русский словарь. — М., 1945, с. 129.

⁵⁴ Указ. словарь, с. 375.

⁵⁵ Древнетюркский словарь, с. 47.

⁵⁶ Диалектологический словарь тат. языка, 1969, с. 204.

⁵⁷ Турецко-русский словарь, с. 371.

⁵⁸ Азизбеков Х. А. Азербайджанско-русский словарь. — Баку, 1965, с. 393.

⁵⁹ Турецко-русский словарь, с. 169.

өгәннән бәлкәэй, канатлары түгәрәк, чай-ча, тип кычкыра, бәрәнне дә эләктереп алпкитә «Птица чай меньше степного орла, крылья округлые (не лохматые) кричит чай-чай, может ягненка унести в когтях», азерб. чайғарталы «скопа»⁶⁰, азерб. диал. чайдачапан — название птицы⁶¹, древнетюрк. чағры «сокол»⁶² узб. диал. чай⁶³, тув. шөөш кииш, тур. чайлак «коршун»⁶⁴, торфалар. шээшкис «белокрылый коршун»⁶⁵.

Термин чай кошо, очевидно, был характерен для языков древнеогузских племен. В настоящее время он сохранился в различных значениях в огузских диалектах и самих огузских языках. Диалектизмы говора, имеющие соответствия в этих языках, могут указывать на древние связи говоров башкирского языка с огузскими языками.

Таким образом, некоторые специфические диалектизмы таныпского говора восходят к огузским (турецкому, азербайджанскому) языкам и их диалектам. Элементы огузских языков наблюдаются в некоторых диалектных явлениях, как форма безең/безен, регулярно выступающая вместо литературного беззең, татарского безнең «наш»;

Некоторые диалектизмы говора имеют общие корни с финно-угорскими языками: эртәнә «распиленные, сложенные в ряд дрова на зиму», ср. мар. артана «поленница дров»; коми д. арт «ряд, порядок»⁶⁶, эпә «немой»; мар. апай — то же⁶⁷; пылдырау/пылтырау «растрепаться»; ср. мар. пылдырий «легкомысленный, ветреный»⁶⁸; печтек «маленький, крохотный»; мар. пачката «малюсенький»; пычырик «мало, немного»; пыскут/пыскыш (лампа) — нижебельск. пескеттин — лит. һукыр шәм «лампа-коптилка, мигалка»; ср. мар. пыси «подслеповатый»; көс'өгән төчөгән «орел степной», мар. кусуган «беркут», кәйсе «снегирь», удм. кайсы, коми кальсы «клест», мар. кыслы, киса, чув. касайа «снегирь».

⁶⁰ Азербайджанско-русский словарь, с. 389.

⁶¹ Диалектологический словарь азербайджанского языка. — Баку, 1984, с. 433.

⁶² Древнетюркский словарь, с. 136. *М. Кошгарий*. Девону яғотит-турк, 1960, I ч., с. 397.

⁶³ Узбек халк шевалари луғати, 1971, с. 292.

⁶⁴ Турецко-русский словарь, с. 112.

⁶⁵ *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. — Улан-Удэ, 1971, с. 231.

⁶⁶ *Лыткин В. И., Гуляев В. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. — М., 1970, с. 34.

⁶⁷ Марийско-русский словарь. — М., 1956, с. 30.

⁶⁸ *Лыткин В. И. и др.* Указ. словарь, с. 116.

Термины растительного мира

Поскольку термины растений башкирского языка разработаны не полностью, и не до конца систематизированы народные названия растений, есть необходимость дать подробный анализ и перечень их.

Основу лексики растительного мира говора составляют башкирские термины: андус «девясил высокий»; балтырған «борщевник»; бүре йемеше «крушина»; бүре йүкәсе «волчье лыко», дары «просо», зелпе «бересклет», кайын йеләге «земляника», карағай «сосна», карағат «смородина черная», карағас «лиственница», курай йеләге «малина», комалак «хмель», кузғалак «щавель», кесерткән «крапива», кузлут «жабрей», курпы «отава», муйыл «черемуха», мук йеләк «клюква», курай «курай».

Помимо этого в названиях растений отмечаются фонетические и морфологические диалектизмы, связанные с исторической фонетикой башкирского языка, как: бүтәкә — лит. бүтәгә «мятлик кистевидный», зирек — лит. йерек «ольха», зәрәтә — лит. зәржә «снуть», дәлгә, тәлкә — лит. тәлгәш «гроздь»; лыс — лит. ылыс «хвоя», ср. чув., удм., коми лыс — то же; мәшкә — лит. бәшмәк — северо-восточн. мәшкәк «грибы»; сыршы — лит. шыршы «ель», туйыз (гайнин., карaidельск., демск.) — туйыз, тузыйыс (средн.) «береста», ср. кубалаяк. туйыс, северо-восточн. төйөс «туесов»; шомакай — лит. шыма көпшә «дягиль».

В лексических диалектизмах значительное место занимают сложные слова. Примеры: Айыу ағачы «бузина», айу камыры — лит. гәййемеш «шиповник»; арыш инәсе — лит. арыш атаһы «спорынья»; бака йапрағы или (үләне) — лит. йул япрағы «подорожник большой»; баллыкай — лит. яз сәскәһе «медуница», ср. демск. баллыкай «молочай синий»; байарка, без йемеше — лит. энәлек «боярышник»; бүләк — лит. кулкы «роща, лесок среди поля», бүре йемеш «крушина слабительная», эт йемеше, эт муйылы — лит. эт шоморто «крушина ломкая, ольховидная»; шәрзәк — см. бүләк, исле үлән «пижма, дикая рябина», Исле үлән сыршы йапраклы, сары чукмарлы чичкәсе, йорт арасында үсә «У пижмы листья на ель похожи, цветы как желтые шарик, растет на подворье»; йел-даул чичкәсе — лит. ағыулы лютик «лютик ядовитый»; йорт үләне — лит. бәпкә үләне «спорыш»; йөн-нөкәй — лит. куянтубык «бутень»; йукағач «молодая липа»; сөйән «старая липа»; күкбаш — лит. күк умырзайа «синий тюльпан, подснежник»; сарыбаш — лит. һары умырзая

«горицвет»; каз үләне «гусятник, гусиная трава», карабай «ромашка»; корт үләне «мелиса, медовка, маточник, пчельник»⁶⁹. Корт үләне тип корт бик яратканга әйткәннәр «Пчелиной травой называли потому, что пчелы ее очень любят». Ырмаук — лит. сырмалсык, һырмауык «вьюнок полевой»; лапылык 1) «мусор, сор», 2) «валежник»; папабаш//бабайбаш «одуванчик после цветения»; сары чичкә//сөтүлән «одуванчик во время цветения».

Термины метеорологии, местного ландшафта

Местная метеорологическая и топонимическая терминология имеют значительное количество фонетико-морфологических и лексико-семантических диалектизмов. В целом природа и явления природы играли и играют весьма важную роль в хозяйственной жизни народа. Особенности природных условий отмечались и затем обобщаясь, откладывались в сознании народа в виде примет, поговорок и прибауток, например: Март алты көн. Беренсе көнө әйбәт булса, йыл әйбәт була. Зәүзә тыўмай йәй булмай, кауыс туўмай кыш булмай «Пока не родится май, не наступит лето, пока не наступит ноябрь, не наступит зима».

Из 106 опрошенных терминов по астрономии, явлениям природы и ландшафту 15 фонетических и морфологических диалектизмов, связанных с историческим развитием фонетики таныпского говора: буран: сырғак буран — бурзян. һырат — лит. һырма буран «буран с липким снегом»; тымызык — карaidельск. тымыйык — лит. тымык «тихий, спокойный (день)»; рашкый/рашки — лит. ырашкы «осенне-весенний холодный дождь со снегом»; зыкы — лит. һыкы «мелкая пороса в трескучий мороз, затрудняющий скольжение саней»; йәшеннәү — лит. йәшнәү «сверкать (о молнии)»; ису — лит. уйһыу «низменный», инкеш — лит. иңкеу — то же; постақклау — лит. бысқақлау «моросить»; салыу, чалыу — лит. һалыу «раскаты зимней дороги»; әжәғәй — нижебельск. нәжәғай — средн. нәжәғәй — демск. назағай — северо-восточн. һазаған — лит. һазағай, «зарница»; шарлама — лит. шаршы «перекат на реке, быстрина»; типкен — лит. типһән «уровень, граница волн реки»; с'ирәм — лит. сизәм «верхний травяной слой земли, зеленый покров, зеленая трава, целина»; чомғол//тоба — лит. сөм, сөңгөл, тоба «омут»; әрәшә — лит. эрәшә «медовая роса».

⁶⁹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. — М., 1955, с. 316.

Лексико-семантические диалектизмы: атау «пустошь, негодная земля»; боз — лит. борсак «град»; гәрзән — лит. кыртыш «дерн»; әрпет (буран) — лит. һырма (буран) «липкий буран»; күбәләк кар — лит. ябалак кар «снег хлопьями»; аса, асаткы «иней, снег на деревьях»; сикертмә//сикәлтә «ухабы»; бөркөү — лит. томора «духота, безветрие»; көйәнтә йолдоз «малая медведица»; иләк йолдоз — лит. өлкәр «стожары»; кыр каз йулы — лит. кош юлы «млечный путь»; йәлән — лит. аклан «поляна лесная»; каш — лит. кабак «косогор»; Элгәрге йыл — лит. элекке йыл «прошлые годы»; өлкөкөн — лит. тәнәгән «позавчера»; ойоу, бөтөрөлү — лит. өйөрөлмә «воронка»; сеңгәләк, баткак — лит. күтер «трясина»; сыйа — лит. өйәр «весенняя подснежная вода, снеговые оползни»; үлсу, кул — лит. култык «залив».

Термины животного мира

Диалектные особенности в названиях животных сводятся к фонетическим и морфологическим вариантам: көйөк — лит. кейек «дикие звери»; керпе — лит. терпе «еж», әрлән — лит. ирлән, алырзан «хомяк»; бөгәлйән, бөгәлс'ән — лит. бөгәлсән «овод»; кысна — лит. кысала «рак»; доңгож — лит. иңкеш «шмель»; өн — лит. өң «логово»; ср. юго-восточн. г. эн — то же; рәшке — лит. эрәшә «мясные мухи»; чәшке — лит. шәшке «норка». Однако и в лексико-семантическом плане таныпский говор имеет местные особенности, составляющие его специфику. Так, в говоре нет литературного термина орғасы, вместо которого употребляется для мелкого рогатого скота: саулык «матка, самка», для крупного рогатого скота: тана бозау «телка»; үгез бозау «бычок». Коложын, конжол сыйыр — лит. тана һыйыр «корова-трехлетка первого отела»; Йуша 1) «олень, 2) лось».

Многие термины животных употребляются в форме сложных слов, что будет показано в примерах: Атат, атәт < ата эт — лит. арзан «кобель, пес»; кечерткә йылан, кәртә/кәлтә йылан — лит. кеңәртке «ящерица»; кусы тиен — лит. әлгәнийәк «бурундук»; Кусы тиен белкет була, йәргә төшә, сыртлы, кара-сарғылт төстә сырты «бурундук маленький, сходит на землю, полосатый, спина черно-желтоватого цвета»; кара койрок, ас — лит. ас «горностай»; олтычкан — лит. кәрнис «крыса»; су тычканы — лит. көшөл «крыса водяная», су үгезе, — лит. һыу боғаһы «выпь водяная»; йабаға таудан «весенняя линька»; өйөгөү — лит. карығыу «случка собак»; (кәзә, сарык) кычкыра — лит. бакыра «блеет»; сыйыр акыра —

лит. бакыра «ревет»; дэү кигәүен — лит. зур күгәүен «большой слепень», күчмәкүч/сатучы «божья коровка»; букра «1) жук большой; 2) бычачий овод», конғоз/кондоз «бобр»; с'үмес бака — лит. сүмесбаш «головастик», тәкәрлек — лит. кускар «улитка»; каткан (кызыл) таракан — лит. еңгәсәй «солдатики»; каты корт, каты кабак «двухвостка»; чабата таракан «черный таракан»; пәләк, пәләк таракан «рыжий таракан».

В говоре много разновидностей названий ястреба: күгәрчен (таук) карчығасы «ястреб голубиный»; чыпчык карчығасы — лит. кыйғыр «сокол-белогорлик»; тычкан карчығасы — лит. сыскан типкес «лунь полевой»; сары сандуғач була, зур, кычкыра ғына (лит. һарығош «иволга»). «Бывает желтый соловей, больше размером, лишь кричит»; соро сандуғач белкет, ул сайрай «серый соловей — маленький, он поет».

Приведем фонетические и морфологические диалектизмы, отмеченные в названиях птиц: барабан — лит. бараба «сойка» баркылдык — лит. баркылдак «дрозд»; аксәпчек, с'әпчек, с'әберчек «трясогузка»; йәдәс — лит. йәтәс «дужка»; төнәк — лит. төнәгес «насед», кызғыч — лит. кызғатыу «кулик», тәкәрлек — лит. тәгәрлек «чибис», кауды — лит. каузы «аист»; төчөгән — көсөгән «орел степной», чөртләү — лит. көртләү «квохтать», чөртлөгән таук «курица-наседка».

Лексико-семантические диалектизмы: бүксә — лит. берләтәү «зоб», ср. юшатыр. бүсә — то же; божор — лит. сел «рябчик»; көртлөк — лит. кор «куропатка»; кылыч койрок — лит. кылғойрок «шилохвост»; кыртәкәсе/кыр кәзәсе — лит. һаралйын «бекас»; кәйсе — лит. кызыл түш «снегирь»; Озон борон — лит. көйөлдө «кулик»; тәлтүгеч — лит. аксәпсек «трясогузка»; упкын кошо — лит. һөзһөт «удод», чай кошо «сокол».

Названия рыб и рыболовства

Название рыб и рыболовства характеризуются некоторыми специфическими фонетическими и морфологическими диалектизмами, как: азау — лит. ажау «голавль»; кысна — тат. кысла, башк. кысала «рак»; берөж — лит. берөз, берөз «пешня», сөгән — лит. һөүән «морда, закладываемая на быструину»; Сөгән тар, озон була «снасть суген узкая и длинная бывает»; сөзгөч — лит. һөзгө «сак»; уылдык — лит. ыуылдырык «икра», калкма/калкыуғыч — лит. калкыуыс «попла-

вок», чирмә «корзинка, свитая из лыка», лит. сәрмә «свадебный шерстяной мешок с гостинцами».

Лексико-семантические диалектизмы отмечаются главным образом в названиях рыболовства и мелких рыб, но некоторые названия рыб параллельно передаются русскими терминами: шүкә «щука», шүкә баласы «щуренок», хэйрүс/бэрзе «хариус»; сузак «судак»; икра/уылдык «икра»; сак/сөзгөч «сак», эт балыгы/йурш «ерш»; тамак «вид мешкообразной сети»; Тамак басып салабыз «грузилами ставим тамак», ғомбо «ботало», чат — лит. корға «крыга»; такмак «грузила невода»; кушма «два привязанных вместе корыта, используемых для ловли рыб», корок — лит. кыуал «удилице», балык яңғыратыу — лит. шанғыратыу «глушение рыбы»; жира короу — лит. йөрә һалыу «ставить переметы».

Отдельные лексико-семантические диалектизмы: кәгет — (средн.) — южн. д. күкйөн «рыба синец», мелем/чэрзе — лит. селбәрә «мальки»; йоморокай//кушбаш — лит. ташбаш «пескарь»; шартлауык — лит. кыуык «пузырь», йоморокай — лит. боғарса, бөгәрсә «елец», көс' — демск. көсөй «мальки».

В говоре сохранились своеобразные названия ловушек и приемов ловли диких зверей: бүре азбары «шалаш, куда закрывалась собака или овца для приманки волка»; төлкө кыуышы «шалаш для заманивания лисиц»; какчыр — лит. сәсә, һөңгө «острога для взятия медведя в берлоге»; әтмә «приспособление для ловли мелкого зверя, как крот и др.»; тәбәлдерек, тартма «приспособление для ловли норок».

Хозяйственно-бытовая лексика

Хозяйственно-бытовая лексика в целом нивелирована и является однотипной для говоров северо-запада. Однако и в них отмечаются местные диалектизмы, с заметными расхождениями в значениях слов.

Земледельческие диалектизмы

Аш тупсаға утырыу — лит. иген быуынға ултырыу «образование коленчато-трубчатого стебля»; аш эч алыу — лит. иген ем алыу «молочная спелость»; кырлача//айыу «суслон из 10 овсяных снопов»; шапка «суслон из ржаных снопов», камыл төбә «жниво», шепкән «рыжик посевной/ (из семейства бобовых)»; тәпәч — средн., кизил., кубалаяк. тәпәс «цеп».

Сенокосение: токон/пчәннек — лит. чабынлык «сенокосное угодие»; күбә күбәләу — лит. ясмалау, эйерәу «собирать

в валки»; ч'үмәлә — лит. күбә «копна»; сүрә — лит. һөйрәтке «волокуша»; калак — лит. яныуыс «точильный брусок для косы», корпо — лит. курпы «отава», пакус төбө — лит. сүкер «стерня».

Пчеловодство: балауз: тома балауз «прополис», сурдак — лит. һурнак «пчелы, нападающие на чужой улей»; эрә — средн. эре — караидель. эрей — лит. һороғорт «трутень»; калайлау — айск. калайзау — лит. мисәтләү, һылау «запечатать (соты)»; күрек (демск., средн.) — лит. төтәткес, өрзөргөс «дымарь»; сөңгө (караидельск.) — лит. каяу «жалю»; сикә «пыльца цветочная»; тумар умарта — лит. түмәр умарта «колодочный улей»; дадан умарта «рамочный улей», мыр — лит. нор «черви, болезнь пчел».

Дворовые постройки: каралты/кәртә-ғаралты «дворовые постройки»; ызба — лит. өй «изба», но: куш өй «изба из двух парных изб, соединенных чуланом»; ләпәк ызба, ләпәк башлы ызба — лит. һукалак өй «изба с плоской крышей»; диңгез/нигес — лит. нигез «основание, фундамент»; бүрәнә кайызлау — лит. яндау «обтесать бревно с двух сторон»; ырмау алыу — лит. һызлыклау «пазить»; ишағал 1) «крыльцо 2) двор, открытая часть двора»; ләпәг азбар — лит. лапаш «навес»; рәт капка — лит. индек «ворота, перекладыны»; кала/калай/кали капка — лит. оло капка «большие тесовые ворота»; читән — лит. текмә «тын»; чәбе — лит. ситән «плетень», чәбе чабыу — лит. ситән үреү «плести плетень»; кәртә — лит. кәртә «жерди»; шиштау — лит. бакан, кыуал «столб прямой, высокий для лазания во время сабантуя»; шиштау бағана — лит. маяк «маяк»; калакун — лит. дуңғырзақ «ботало», конғорау — лит. кыңғырау, сыңғырзақ «колокольчик»; колдорлок — лит. шөңгөр «бубенчики».

Дом, домашняя утварь: тезмә, түр сике «нары»; кашиак//кәберткә — лит. қазаннык «женская часть дома, где находится печь, котел, посуда»; матча — лит. өрлөк «матица»; кәштә 1) лит. һыулык «водосточный желоб»; 2) лит. урза «перекладина у стены под потолком для подвешивания вещей», ср. мар. кашта «перекладина, шест»; мар. лапка кашта «плоская перекладина в домах»; мөрийә/пис — лит. мейес «печь»; койоуло мөрийә «старинная печь, литая из глины, без кирпича», мөрийә башы — лит. мөрийә «печная труба»; йуллык 1) «верхний передний выступ, заслон перед дымоходом», 2) лит. төтөн юлы «дымоход», ыскут — лит. сокалта, сөкәлтә «печная ниша»; уша башы «деревянная основа печи с выступом», кыскыч — лит. йәмкә «щипцы»; бүкән — лит. ултырғыс «стул, табуретка», ағас силәк — лит. сапсак «кадка»; сурнай «медный чайник», туз силәк/күнәк — лит. төйөс, тырыз «туесок», сыу

лагуны — лит. лахан «лохань», мис — лит. кэструл «кастрюля», калай — лит. тимер «железо», әпей калайы «лист для выпечки хлеба», өсәк «сусек», кызау «высокая большая корзина для хранения зерна», көзәк/көзәл «стремя»; көзәл бауы «ремни стремян», орчок — лит. мөләү «палочка для выкапывания корней», әлгеч — лит. келә «крючок дверной», келә «поперечная железная накладка, петля для запора замка», тешкә бер койма — лит. рәшәткә «решетчатый забор».

Одежда и женские украшения: Кара бишмәт — лит. кәзәкей «старинная женская верхняя летняя одежда», куш-йаулык «старинное женское покрывало из двух французских платков», кушйаулыкны киләннәр бөркәнәп йөрөйләр ейе «Кушьявлыком покрывались молодухи, снохи». Әзрәче — лит. әзрәс «шелк адрас», ызма «тесьма», әлеп — лит. әзеп «подрубка, подбивка подола другим материалом», бишкәрле/чүптәрле «бранный», бишкәрле шаршау «браная занавесь». Элинур «красочно вытканная полосатая ткань для мужского пояса»; элинур билбау «алинуровый пояс». Киндеройа — лит. киндер урыны «ткацкий станок», киестек < киез + итек «валенки», күн итек — лит. итек «сапоги», түшлек «старинный нагрудник из коралла, серебряных монет и позумента»; калпак «старинный головной убор, впереди украшенный монетами, позументом, сзади заламывается, обвисая хвостом», муйынтөп — лит. эмәйлек «ожерелье из монет», хәйкә — лит. хәситә «узкий нагрудник из монет, позумента, надеваемый наискосок через одно плечо», тәймә — лит. муйынсак «бусы», мәржәм ана тәймәсе «коралловые бусы», кул бауы «браслет из бус», маңгай тәңкә «налобная повязка с серебряными монетами», шәлнә, инәлек «брошь-булавка», шык «узенькая цветная накладка, тесьма на платье», нугай курайы «короткий курай, на котором играли раньше женщины».

Термины анатомии человека и болезней

Основные термины анатомии человека совпадают с общепашкирской. Однако в говоре представлены диалектные названия отдельных частей тела и органов. Фонетические и морфологические диалектизмы отражают диалектную специфику говора. Характерной особенностью лексико-семантических диалектизмов выступает то, что большинство местных названий образованы за счет внутренних ресурсов языка, описательным способом, и представляют собой сложные слова или застывшие словосочетания.

Лексико-семантические диалектизмы: пот — лит. аяк «ноги в целом», айак — лит. аяк «нога ниже щиколотки», тубык, тез башы — лит. тубык «колени», тез асты — лит. бөгәр «подколенный изгиб»; чәндер сөйәге — кизил. сәнсек — лит. йенсек «голень», чәндер — лит. бәкәл «лодыжка», ср. демск. сәндер «пах»; орчок баш, шайтан ашык — лит. шайтан ашык «щиколотка», ач бөйөр — лит. бөйөр «мягкая часть бока, талия», бала кабырға — лит. бағын «ложные ребра», арка сабак сөйәге — лит. умыртка «позвоночник», йелкә мейе/песей йелеге — лит. арка мейеһе «спинной мозг»; орчок сөйәге — лит. оса һөйәге «тазовая кость»; койрок сөйәге — лит. коймос «копчик»; пот куышы — лит. сандыр «пах»; капкач сөйәге — лит. түмһәкәй «лобковая кость»; йен, кызыл үңәч — лит. кызыл үңәс «пищевод»; тыңкыш танау «гундосый», печпелдек күз — лит. бысый күз «больные веки глаз», камағош, камшырык — лит. аңкау «твердое небо». Пальцы рук регулярно имеют только 3 названия: баш бармак «большой палец»; урта бармак «средний палец»; и чәнчә бармак «мизинец». Однако в говоре спорадически сохранились диалектные варианты названия указательного пальца: ата бармак — лит. һук бармак; гайн. атбармак, имеющие, по всей видимости, связь со словом атау «называть, указывать». Как реликт зафиксировано еще одно название указательного пальца: карак бармак досл. «цель, прицел-палец, от древнетюркского карагу «передний дозор» (ДТС, с. 424).

Названия болезней и народные способы их лечения

В говоре более употребительно слово чир «болезнь», тогда как в литературном языке активно выступают синонимы аурыу//сир.

Фонетико-морфологические диалектизмы, биресләнеү «нарост на кости, отложение солей»; буылма — лит. быума «эпилепсия»; чебешке — средн. г. шебешке, себешке — караидельск. себешке «цыпки, потрескаться», паралис — лит. фалиж «паралич», чағыр күз «водянистый цвет, бесцветные глаза».

Лексико-семантические диалектизмы: арка чығыу — лит. бөкөрө «горб», кәксәү — лит. сибек «слабый»; катыу — лит. дәмөгөү уничижит. «сдохнуть», ср. мишар. кату «умереть», восточн. д. катыу алыу «сильные боли в груди, не дающие вздохнуть»: кычынғыч — лит. бетсә «чесотка»; тайу — лит. сығыу «вывих»; йаман әсбе, кара әсбе «дифтерия»; кызыл әсбе «скарлатина», икесенең дә үләне бар: кара әсбе үләне,

кызыл эсбе үләне «У обеих болезней есть травы: трава дифтерийная, трава scarlatinная», кызамык «корь», кызамык булса күзен ачалмай «При кори глаза не может открыть»: кызылча — лит. һыу сәсәге «ветрянка», кызылча чий кутыр була «При ветряной оспе образуются болячки». Колак бауы «свинка, паратит», Колак бауы булган «Болеет свинкой»; Куйан кастасы — демск., средн. куйансык «вид эпилепсии»; Кирелеп-сузылып, иснәп, гүүләп китә, Куйан тәпәйе белән тырнап-тырнап имнәйләр «Больной начинает потягиваться, в голос зевать (перед приступом). Лечат, царапая заячьей лапкой». Кызыл тимерәү — лит. коро тимерәү «сухой красный лишай»; Уйнашсы тимерәү «кочующий лишай, меняющий место»; күпкәк досл. «вздувающийся, вздутие» — несварение или засорение желудка, кишечника». Күпкәк булса, баланың эче күбә, артка кайышып йылай. Игезәк бала тапкан катыннан эченә типтерәләр ейе «Күпкәк былган, күпкәк имнәйем», — тип «Если у ребенка вздутие живота, он плачет, сгибаясь назад. Приводят бывало женщину, родившую двойню. Она, приговаривая «заболел вздутием, лечу вздутие» (тихонько) пинает пяткой в живот». Телгә ак төшөү «стоматит»; Кара песей койрогон балга манып бутайларыый аузын «Хвостом черной кошки, макнув в мед, смазывали рот». Бүсере калкса, бүсер ташы чайкатып эчерә ийек; «Если начинается приступ грыжи, то, смывая грыжевый камень водой, поили ею». Сары булса, сары гәрәбә тактырып, чайкатып эчереп, сары самауырға каратыб ултырып куйалар «Если заболевает желтухой, надевали на шею желтый янтарь, его мыли в воде и поили этой водой, заставляли смотреть на желтый (медный) самовар». Кендекәй, кендекәй әбей — лит. кендек инәһе «повитуха»; Кисеү — лит. толғак «родовые схватки». Озак бәбәйләмәй йөрөсә, айғыр малға соло ашаталар, арт итәккә салып. Минең үземне шулайттылар. Ай йөрдөм артык. Кендекәй әбей куллап алды. Уланалды китмәгән ейе, йыртып ебәрде, су шыбырдап китте, уланны сүрәп тә чығарды. Сигез кила туды. Туғач та бармағын имергә тотондо. Хәзер бер ситһыр да йегерме кила булып йөрөй «Если женщина в срок не рождает, то кормят жеребца овсом, положив его в задний подол роженицы. Со мной так делали. Я переходила (более) месяца. Повитуха вытацила руками. Воды еще не пошли, рванула, воды пошли и тут же вытацила ребенка. Родился восемь кг весом. Как только родился, принялся сосать свой палец. Сейчас весит 1 центнер 20 кг». Которған эт тешләсә, кырк думнан тәрәзә (а)ша әпей жиыб алып ашаталар «Если укусит бешеная собака, из сорока домов через окно собирали куски хлеба и кормили (укушеного)».

Термины родства

Термины старшего поколения, т. е. родственников старше отца и матери, образуются способом словосложения. Диалектная особенность таныпского говора заключается в первом, определяющем компоненте сложных терминов. Основной компонент остается общий с башкирским языком, давая лишь местные фонетические варианты. Примеры: этэй — лит. атай «отец», но ата-бабайлар «предки», инэй (восточн. д. демск., средн.) — лит. эсэй «мать»; Этэ-инэ «родители», Этэң-инэң бармы? «Родители у тебя есть?». Наблюдается разграничение терминов старших родственников по отцовской и материнской линиям, например: зурэтэй «дедушка, отец отца», зурнэй «бабушка, мать отца»; картэтэй «дедушка, отец матери»; картнэй, картый «бабушка, мать матери». Но сейчас это различие стирается, заменяясь общими для обеих линий терминами зурэтэй, зурнэй. В говоре бытует также термин олэтэ «дедушка», Олэтэләре бар «у них есть дедушка» (Имяново). Выделяется также термин старших братьев и сестер отца. Если слова бабай «дядя, старший родственник», эбей «тетя, старшая родственница», то зур бабай «дядя, старший брат отца», зур эбей «тетя, старшая сестра отца». При почтительном, ласковом обращении к старшим родственникам прибавляется определение ак «белый», акбабай «любимый дядя», эгэбей «любимая тетя». Другие термины: абызый//ағай — лит. ағай «старший брат». Зафиксирован вариант абыздый (Сикиязово); түтэй — лит. апай «старшая сестра», туғаным, сеңел — лит. һеңле «младшая сестра»; апай «все младшие родственники говорящего», бичэ, катын — лит. катын «жена, женщина». В таныпском говоре отмечается лексико-семантическая дифференциация терминов свойства, возникшая в результате диалектно-языкового смешения; кайната — лит. кайны «свекор»; түтэй, апа — лит. кайынбикэ «старшая сестра мужа»; кайнигэч — лит. кайынбикэ «старшая сестра жены»; йанаға — лит. кәйнеш «младший брат мужа, деверь»; кәйнеш «все другие младшие родственники мужа»; Килен кәйнеш тупрағынан йарала «сноха рождается (формируется) на почве родственников мужа»; балдыз «1) свояченица младшая, 2) шурина»; күчер йегет, киәү йегет — лит. кейәү егете «шафер».

Термины, характеризующие человека

Колакбай — лит. һаңрау «глухой»; посташ «грязнуля», самка «дурак», мөктөй, томса «хмурый, мрачный»; хирес — лит. әүәс «способный, склонный»; укырға бик хирес «на учебу

способный»; эбэлэк, сәүсәлэк — лит. түземһез, еңел, яндырай «горячий, легкий, взбалмошный». Пупалау — лит. һужалау «уметь кое-как объясняться или писать на каком-либо языке». Эзерэк мин дә пупалағайным «Я тоже немного пробовал писать», чалышыу — лит. сәкәләшеу «спорить», чөркөлдәу — лит. сөңкәлдәу «неторопливо разговаривать, вести беседу»; ыжбайыб утырыу «рассесться, развалиться», этәннәу — лит. кыйшаннау «егозить, вертеться».

Мифические существа. Суеверия, поверья

Эждаға — лит. аждаһа «дракон», дуфиресе — нижнебельск. дәүпәрейе — лит. дейеу пәрейе «див», папа//бөкәй — лит. бапак «бука», сәмрәй кошо — нижнебельск. сәмрәу кош — лит. сәмре кош «птица самруг», су зәхмәте суғылған «от воды болезнь пристала», йердән тиенгән «болезнь от земли», белемче, күрәзәче — нижнебельск. багучы — лит. күрәзәсе «знахарка», ызба иәсе — лит. өй эйәһе «домовой», муча йәсе «хозяин бани», мал иәсе «хозяин скотины».

Семантические диалектизмы

Большинство семантических диалектизмов были рассмотрены при анализе диалектной лексики по тематическим классам. Здесь будут показаны некоторые характерные диалектизмы, семантические особенности которых будут проявляться во-первых, в их отношении к литературному языку, во-вторых, в отношении к соседним и другим говорам. Последнее имеет особо важное значение, указывающее на самостоятельное развитие диалектизмов говора в лексико-семантическом плане.

Диалектизмы, дающие семантическую оппозицию по отношению к литературному языку, некоторые из них могут совпадать по значению с таковыми других говоров: Балчык — сакмар. балсык — лит. тупрак «почва, земля», кара балчык «чернозем», кызыл балчык «глина», ак балчык «белая глина, белило», бишмәт говор «костюм», лит. «короткая теплая одежда»; йегәрле говор «крепкий, выносливый», лит. «расторопный, трудолюбивый»; көпшә говор «дуло», лит. «купырь; растение»; кәберлек говор «кладбище», лит. «могильник»; тәймә говор «бусы», лит. «пуговица»; тәнәу говор и лит. «сесть на насест для ночевки»; говор «отказаться, отречься», Бер тәнәгәниң бит инде! «Ведь один раз отречься!».

Диалектизмы, отличающиеся по своей семантике от таких же слов других говоров: буй сике «скамья» — караидельск. «нары», йалчы «тоненькая деревянная пластинка для продевания нити основы через бердо» — демск. йалсы «деревянная пластинка-вилочка для вязания рыболовной сети»; катлама «лепешка, сваренная в масле» — демск. «молочная пресная булка», мәшкә говор и лит. «гриб земляной и древесный», говор «пробка»; Шешәгә мәшкәсен тә тыкмаған «Пробку даже не заткнул в бутылку»; сукрак 1) говор «кочковатый, высохшая неровная грязь на улице». 2) кизил. сукрак «грязь на улице, ошметки грязи»; төплөкәй 1) «шаньга», 2) караидельск. «осадок, остаток, выжимка»; чүрәкә «гири стенных часов», ик-сакмар. сөрәкә «деревянный шар для игры в сәкән» и др.

Фразеологизмы

Некоторые известные фразеологические единицы отличаются от литературного языка по семантическому смыслу. Примеры: Йен өзөлөү, йен кибеү — лит. тамак кибеү «сильная жажда» средн., северо-восточн. дин кибеү — то же; Йән кыйу — лит. йәнгә тейеү «надоедать, мучить»; Кәрәкмәгән артык бакый «лишняя обуза»; Караңгы сырай биреү «показать неприветливость, встретить хмуро»; Моң булмау «не нуждаться»; Тактаға моң түгелбес «Не испытываем нужды в досках»; Сызырап та бирмәй «И в ус не дует», Табанға төшөү «довести, вывести из терпения»; Тоз күз — лит. күзе тоңған «Не видеть, уставиться бессмысленно»; Хәл эчендә булгу — лит. хәл естөндә «быть перед смертью, дышать на ладан», Шағына катыу — лит. шак катыу «остолбенеть»; Шағыма каттым «я остолбенел»; шапшак кебек, шапшактай — лит. буһалактай «здоровенный, крепкий»; Илкынғансы ашау-әсеү «наестся до отвала»; Ирык-шырык йөрөү «кое-как ходить».

Слова, имеющие образные, метафорические значения

Бүксә/бүтәкә — досл. «зоб»; «карлик, недоросль»; комалак «хмель», «хвостун»; Комалак булып кабара, шалкан булып ярыла «Поднимается подобно хмелю, раскалывается как репа»; куллы досл. «имеющий руки» — лит. озон куллы «вороватый, длиннорукий»; фиргәүен досл. «фараон», «злой, своевольный», хөрәсән соотв. «лень раньше родилась»; хөсөт «черная душа, злоумышленный»; чағыу «ябедничать».

Иословицы, поговорки, народные приметы

В таныпском говоре зафиксированы следующие пословицы и поговорки.

Бала булса шук булсын, шук булмаса йук булсын «Ребенок должен быть озорным, если не озорной, лучше, чтобы не было». Бәхетленең кунағы дөрөн-дөрөн «У хорошего человека гости все (в один день) дружно приходят». Ил күреүе — илле сум, йел йотоуы — житмеш сум «Повидать свет — пятьдесят рублей, глотать ветер — семьдесят рублей».

Имән йафрағын коймаса, ирләргә ауыр, кайын яфрағын коймаса катыннарга ауыр «Если дуб вовремя не сбрасывает листья — для мужчин тяжелый год, если береза не сбрасывает (вовремя) листья — для женщин»; Йафраҡ ағач төбөнән сарғайса йыл әйбәт, очтан сарғайса ауырлык була «Если листья желтеют с основания — год хороший, если с верхушек желтеют, год тяжелый будет». Искегә тейсәң исең китәр «Возьмешь за старое, ума не хватит (наладить)», Мал иәсе тасторна «Даже скотина похожа на хозяина»; Оралмағанға оло ағач күтәрмә «Не можешь ударить, не поднимай большую дубину». Сыйыр туласа, атны уза «Если корова взбеленится, лошадь обгонит». Тиг утырғанчы, тун итәгенңе уыб утыр» «Чем сидеть сложа руки, три подол своей шубенки (станет мягче — будет польза)». Тора белгәнгә донйа мамык, тора белмәгәнгә тамук «Если умеешь жить, мир покажется пухом, не умеешь жить, покажется адом». Уттан калмай, бурдан ғына кала «Огонь все уносит (из дома), только вор не может все унести».

Таким образом, анализ таныпской лексики в сравнительно-историческом плане выявил, что основу лексики говора составляет общебашкирский лексический пласт, который охватывает все тематические классы. Кроме того в говоре выделяется диалектный пласт, указывающий на ранние территориальные контакты говора с демским и средним говорами южного диалекта. Наиболее ранний диалектный пласт составляет лексика, общая с говорами восточного диалекта, которую можно охарактеризовать, как субстратную. Лексический пласт, общий с юго-восточными говорами башкирского языка, может указывать на самые ранние этно-исторические связи таныпских башкир с юго-восточными племенами.

Анализ собственной лексики таныпского говора по тематическим классам в семантическом и фонетико-морфологическом плане показал, что говор сохраняет в себе весьма самобытную, специфическую лексику, не встречающуюся в других башкирских и татарских говорах. Часть этих специфических диалектизмов находит соответствия в чувашском, в огузских языках

и огузских диалектах тюркских языков, а также в языке древнетюркских письменных памятников.

Образцы текстов

Илекәй белән Җолой-Балтас ауыллары

Илекәйләр башкортлар. Күс'еп тә китәләреҗе Түбән Сәүкеязға. Элгәре Илекәйне Искаул тиб йөрөттөләр. Балтас'ны Җолой тейләр ейе. Җолой белән Илекәй йер өс'өн кыышқан, суғышқаннар. Икесе көрөшкән с'акта Илекәй аяак салған, хәрәмнәшөп йөңгән Җолыйны. Илекәй сүзе дөрөс булған, дөрөс былсада хәрәмнәшкән. Үләр с'кта Илекәй әйткән: «Йер-суымны хәрәмнәшебалдым. Мине икенс'е йөргә күмең, узебезең йөргә күммәң», — тигән. Арнын айрагына күмгәннәр, бер мөгөшкә. Җәбере хәзер дә бар.

Записано в 1973 г. от *Фаткуллина Фатхи-нура*, 1900 г. рожд. из с. Старобалтачево, и от *Басимова Мулланура*, 1882 г. рожд. из д. Кумиязово Балтачевского р-на БАССР.

Имән ауылы

Без башкыртлар, төптән башкырт килгән. Типтәр былмады, бетнәй башкырт. Безен ата-бабайлар, зурәтәйләр килгән Йөрүзәннән, Бәрзәш, Шамырат йаакларынан. Шуның өсөн беҙең Имән башкырт исемен күтәрә.

Имәннең йерләре күп булған. Псләк байары йере, Патлуп мишәрләре, Насарлар, Кизгән, Ишмәмәт, Нөркә йерләре беҙеке булған. Имән карт, Әмер карт, Усман карт килеп утырған. Алар теләсә кайа утырып йөрөгән, — тип сүләй ейе әтәй. Ул менә, балам, элгәре башкортта йер күп булған. Изел, Ағизел, Каризел буйлары башкыртныкы былған. Башкырт элек-электән суғышып йөрөгән ук белә. Безнен Иык тауда акуплары бар. Бүрәнәләре булған таутүбән тәгәрәтеп йебәрергә. Иык таудан ук пелә атышып йатқаннар. Җансиәрдәге Торатауға төкле атышқаннар. Инәй сүләй ейе, картәтәй усал булған, камс'ысы сөйдә генә иде, дип. Элгәре бит йөзгә йеткән кеше. Имәндә нәселләр: Мотошлар, Сакалар, Памайлар, Тартайлар, Җәрмәннәр.

Записано в 1973 г. от *Садретдинова Сабира*, 1897 г. рожд., грамотн. на «тюрки» из д. Имяново Балтачевского р-на БАССР.

Бүләгарт Җайпан ауылы

С'иләбе йактан Җайпуш/Җайпыч тигән кеше килгән. Тау-за карағай урманы булган. Урман халыкка бүләк (лит. урман) итеп бирелгән. Тау артына күс'еп утырғас, Бүләк арты Җайпан тип йөрөткәннәр. Хәзер Булҗайпан. Тушкыр, Җайпан, Җиғазы исемне картлар булган әлгәре.

Бер с'ак, (әлгәре заманда былган бул хәл) Җиғазы бабай Тушкыр белә Җайпанны кунакка сақырған, тип сүләй иде бер карт. Җайпан, Тушкыр Җиғазы бабайға кунакка киләләр. Җиғазы ат суйып кунағ итә. Шунан суң Җайпанға китәләр. Ул да ат суйып кунағ итә. Шунан Тушкыр бабай с'акыра, ул ат суймай. Үзе хезмәтс'ес'е Кучуктан озаттыра Җайпанны. Җайпан үс'егеп кешеләренән Кучукны үтертә, үс'ала инде. Башын кистереп алып шишмәгә, гәүдәсен күлгә салдыра. Шунан кала Кучук күл, Кучук шишмә. Җиғазы картының йере күп булган. Килгән халыкка энәу йердән мынау йергә тәкле алығыз, тигән. Бүтән халк йерләрен алып беткән, үзләре с'окорда ғына тороп калған. Җиғазыда төп башкыртлар, сәжәрәләре бар ейе.

Записано в 1973 г. от *Шагиева Тагира*, 1881 г. рожд., из д. Булҗайпаново, Татышлинского р-на и от *Мифтахова Хаблислама*, 1906 г. рожд., грамотн., из д. Нижне-Сикиязово Балтачевского р-на БАССР.

Мағашты ауылы

Иң олосо башкорт аулынан — Мағашты. Искаулға Мағаштынан күчкәннәр, Илекәйгә. Мағаштының ике исеме бар: Алмантай, Җабырға аул. Алар иске Җайпаннан килә, мари-лар була. Анда Җайпан исемле башкырт была. Ул йерләр мари йерләре была. Йер безеке тей Җайпан. Җайпан белән мари суғыша, гауға китә. Сүдйә Җайпанға бирә йерне. Алмантай исемне мари ахутник пыла. Был тере сусар тотоп бирә зимнәмергә. — Ней кәрәк? — Йер кәрәк! — Сайлабалың! Мағашты йерен ошаталар. Элек тау башында была аул. Сыуға ҡытлык. Йанып китәләр. Тау җабырғасына күсчәбутырлар. Шунан Җабырға ауыл.

Записано в 1978 г. от *Мифтахова Хаблислама*, 1906 г. рожд., грамотн., из д. Нижне-Сикиязово Балтачевского р-на БАССР.

Глава III

НИЖНЕБЕЛЬСКО-ЫКСКИЙ ГОВОР

В ареал нижнебельско-ыкского говора входят башкирские населенные пункты Дюртюлинского, Илишевского, Краснокамского, Туймазинского, Янаульского районов БАССР, а также бывшие башкирско-тептярские села соседних с Башкирией районов ТАССР Агрызского, Азнакаевского, Актанышского, Мензелинского, Муслюмского и др., которые до 1919 г., т. е. до образования БАССР, составляли Бугульминский, Елабужский, Мензелинский, Сарапульский уезд Уфимской губернии.

Указанные населенные пункты расположены по нижнему течению главной артерии Башкирии — реки Белой (башк. Агизел), а также по бассейнам рек Ык (Ытк), Сюнь (Ҙөн, Сөн), База (Базы), Буй (Бөйә), Пизь (Без, Пез, Пеж). Название говора дано по названиям наиболее крупных рек этой зоны.

Носителями говора являются северо-западные башкиры, которые в историческом прошлом составляли нижнебельскую (племена йәнәй, гәрә, йылан, каршын, тырғыз и др.) и ыкскую (буляр, бейләр, юрмый) этнографические группы.

По диалектным особенностям в нижнебельско-ыкский говор входит язык северных башкир из племени еней, расселенных в Агрызском и других р-нах ТАССР, а также из племени уран, живущих по бассейнам рек Буй и Пизь в Янаульском р-не.

По исследованиям Р. Г. Кузеева в XVII — XIX вв. ыкские башкирские племена занимали следующие земли. Племя бейляр было расселено компактной группой в верхнем течении Ыка и нижнем течении до впадения Ыка в Каму и р. Мензели — в Ытк. Племя буляр имело земли от правобережья Ыка с поворота реки на северо-запад прямо на восток до реки Сюнь. Племя Юрмый заселяло компактной группой среднее течение р. Ык.

Земли нижнебельских башкир находились: у енейцев — в междуречье Сюни и по двум сторонам Белой у впадения ее в реку Каму. Гарейские башкиры занимали вместе с енейцами территорию от устья Белой до правобережья Буя. Земли еланских башкир были в бассейне р. Базы и на правобережье Белой по нижнему течению Таныпа. Кыргызские башкиры маленькими группами были расположены по бассейну Сюни вплоть до ее впадения в Белую. Обширные вотчины башкир-канглинцев были протянуты от правобережья р. Усени, озер Кандракуль, Асылыкуль на северо-восток, по бассейну Чермасана, переходя через Белую до р. Бирь. Племя каршын заселяло бассейн р. Кармасан¹.

Таким образом, в XVIII — XIX вв. все долины рек Ыка, Белой, начиная от г. Уфы и до ее впадения в р. Каму, частью правобережные закамские земли были преимущественно заселены нижнебельско-ыкскими башкирами².

И в настоящее время старое поколение этих районов различает национальную принадлежность каждой деревни, знает, откуда пришло переселенческое население³.

В историческом плане племя еней имеет этническое родство с древневенгерским (древнемадьярским) племенем *йенег йено*⁴, а племена бейляр, буляр, юрмый по происхождению связаны с древними булгарами⁵.

Название этнонима уран отмечается в составе османских турок⁶.

На данной территории нижнебельские и ыкские башкиры находились в контакте с южными и восточными башкирскими племенами, о чем свидетельствует наличие у них большого количества тамг, общих с кыпчакскими капка «ворота» П, эскэмбиэ «скамейка» (П—П), элеп «алиф» /, усергенскими әуернә «крестовина» +, X, казаяк «лапка гуся» (≤), сәнәк (∨, ∧, √), катаякскими чукуш «молоток» (—|) тотка «скоба» С, [, урак «серп» С, тәкә мөгөзә «рога барана» (ʔ)⁷.

¹ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974. — Приложение: см. карту 13.

² Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 335.

³ Полевые записи автора в Актанышский, Мензелинский, Муслюмский, Янаульский р-ны.

⁴ Немет Ю. Ф. Венгерские племенные названия у башкир. — В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. IV. — Уфа, 1974, с. 254.

⁵ Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 324 — 325.

⁶ Кузеев Р. Г. Указ. работа, с. 354.

⁷ Там же, с. 334, 190 — 191, 293 — 294, 368 — 373.

До настоящего времени на территории говора бытуют этно-топонимы, связанные с племенами южных и восточных башкир: Кыпчак, Катай, Табын, Миннярово, Тамьян, Сынгрян и др.

Вместе с тем, по многим тамгам («капка», «әүернә», «сәнәк»), и прежде всего по своим диалектным признакам, говор имеет много общего с соседним демским говором. Здесь, как и в демском говоре, носители говора в прошлом делились на башкир-вотчинников (асабалар), хозяев земли, и припущенников (типтәрләр, этәмбәйләр), арендующих земли у башкир-вотчинников.

Башкирские и тептярские населенные пункты этой зоны в большинстве своем делились на две части (оч «конец»): башкирскую (башкырт очо) и тептярскую (типтар очо). Тептяри состояли из башкир-припущенников и из пришлого татарского населения.

В группу тептярей влилось также большое количество марийцев (чирмеш), удмуртов (ар) и других представителей финно-угорских народностей. Часть из них селилась вместе с башкирскими деревнями или по соседству с ними и впоследствии, приняв мусульманство и подвергшись языковой ассимиляции, переходило в башкирское сословие⁸.

Об их былой этнической принадлежности можно судить лишь по старинным кладбищам (чирмеш зыяраты*), которые местным населением считались священными и целительными, по микротопонимии, а также по родовым подразделениям деревень, сохранившимся среди населения: арлар очо (д. Вояды Янаульского р-на), чирмеш кулы (д. Ябалаково Илишевского р-на) и мн. др. деревнях.

В настоящее время на территории говора значительное число марийских, удмуртских и др. финно-угорских населенных пунктов отмечается в Краснокамском (24 мар.), Янаульском (12 мар., 21 удм.), Дюртюлинском (11 мар.) р-нах. В Илишевском (4 мар., 1 удм.), в Туймазинском — 4 чуваш., 2 мордов. деревни⁹.

Башкирско-тептярские населенные пункты Актанышского, Агрызского, Мензелинского и других восточных р-нов ТССР до образования БССР входили в Бугульминский, Мензелинский, Сарапульский, частью Елабужский уезды Уфимской губернии.

⁸ Уйфальви К. «Башкиры, мещеряки и тептяри». — Известия ИРГО, т. XIII, вып. 2, СПб., 1877, с. 118 — 120.

^{*} Если они не представляют отголоски преданий о древнейших «чудских захоронениях» — См. Катаров, 1899, с. 1 — 4.

⁹ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление. — Уфа, 1973.

Так, по 5 ревизии (1797) в одном Мензелинском уезде было 13 башкирских волостей: 1) Байлярская волость салагушской тюбы, в которую входило 11 деревень с башкирско-тептярским населением, 2) Енейская вол. тугузской тюбы — 5 дер., 3) Байлярская вол. мушугинской тюбы — 12 дер., 4) Саралинская вол. — 31 д., 5) Байлярская вол. тураевской тюбы — 8 дер., 6) Байлярская вол. калмашевской тюбы — 9 дер., 7) Булярская вол. богадинской тюбы — 28 дер., 8) Иряктинская вол. адельбинской тюбы — 8 дер., 9) Гарейская вол. такталачукской тюбы — 8 дер., 10) Енейская вол. адельбинской тюбы — 3 дер., 11) Гарейская вол. — азякульской тюбы — 10 дер., 12) Киргизская вол. — 6 дер., 13) Енейская вол. богадинской тюбы — 6 дер., в которых вотчинных башкир числилось 11609 душ обоого пола, тептярей — 6958 д. о. п.¹⁰

По подворной переписи 1912 — 1913 гг. Статистический отдел Уфимской губернской управы в Мензелинском уезде отмечает 20 башкирских волостей, в которых общая численность башкир была 154 324 чел., в том числе в Актанышской волости 8867 чел., Семиостровской — 17 417 чел.¹¹

В период образования «Большой Башкирии» в «Проекте Правительственной комиссии» было предложено провести западную границу Республики, «от впадения р. Белой в Каму прямо на юг по реке «Ик» (Ык)¹².

Но в декрете об образовании ТАССР особо указывалось, чтобы вопрос о западной границе Башкирии оставить пока открытым до волеизъявления трудящихся этих районов. В результате башкирские населенные пункты Мензелинского уезда были включены в состав ТАССР, и башкиры этого уезда были подвергнуты татаризации. Однако и до настоящего времени население Актанышского, Агрызского, Мензелинского и др. р-нов различает башкирские, татарские, бывшие тептярские деревни, а также прошлый национальный состав деревень. Старое поколение помнит, в какой деревне, у кого хранились записи родословия деревни — шежере, знает родоначальника или первопоселенца деревни, происхождение родовых подразделений деревни, их тамги. Так, жители деревни Аю Мензелинского р-на различают у себя башкир, мишарей и ясашных татар, т. е. казанских людей. А деревни Бикбулово (Бикбау), Калмырзино (Калмырза, Ханмырза), Старо-Балтачево, Шари-

¹⁰ Экономические примечания к генеральному межеванию 1829 г. — ЦГАДА, ф. 1355. д. 929. По материалам, выявленным *Асфандияровым А. З.* Дн. 1, с. 36 — 43.

¹¹ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии: ч. II. — Уфа, 1914, с. 254.

¹² *Раимов Р. М.* Образование БАССР. — М., 1952, с. 389 — 390.

пово, Тлекеево, Курмашево, Мрясово, Чат, Уразаево, Жияш, Ирмяш и др. население называет башкирскими.

По языковым особенностям татар нижнебельско-ыкской зоны была защищена диссертация казанским диалектологом А. Ш. Афлетуновым, который в частности пишет, что «татары западной и юго-западной части БССР слабо восприняли влияние башкирского языка», что «именно башкирский язык подвергся влиянию татарского»¹³. Такое необоснованное утверждение вызвано незнанием диалектных особенностей говоров не только самого башкирского, но и говоров татарского языка. Имеется также статья Л. Т. Махмутовой, в которой данная зона рассматривается в составе Мензелинского говора татарского языка.

Нижнебельско-ыкский говор характеризуется следующими диалектными особенностями, которые позволяют выделить его как самостоятельный говор в системе северо-западного диалекта башкирского языка.

В начале заимствованных слов систематически выступает интердентальный (межзубный) *з* или *д* вместо общетюркского и башкирского *з*: *завут* «завод», *дзимнәмер* «землемер», *Зәйнәп*, *Зәки*, *Зифа* — антропонимы. В словах тюркского корня *з* употребляется как в башкирском языке: *кызыл бызау* «красный теленок»; *Без үзөбөз Базы буйы* «Мы сами с долин Базы». Данная особенность более характерна для речи башкир старшего поколения.

Л. Т. Махмутова рассматривает эту особенность главной особенностью мензелинского говора среднего диалекта татарского языка и с этой точки зрения правомерно объясняет ее влиянием башкирского языка¹⁴. С точки зрения башкирского, данный говор в этом отношении полностью объединяется с башкирским языком и отражает особенность его говоров, в первую очередь — демского, а также среднего¹⁵.

Говор характеризуется преимущественным употреблением мягкого звонкого шипящего *ж* в начале слова, иногда и слога вместо башкирского литературного *й*: *Жә, жарар!* «Ну ладно!». *Донжа* «Мир» и др. Однако параллельно наблюдается и явление «йеканья»: *йаңы/жаңы* «новый», *йөрөй* «ходит», *йук/жук* «нет».

¹³ Афлетунов А. Ш. Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР. — Автореф. канд. дисс. — Казань, 1961, с. 4.

¹⁴ Махмутова Л. Т. О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР. — В кн.: МТД, 1962, с. 57 — 76.

¹⁵ Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. — М., 1979, с. 108, 189 — 190.

Вместо башкирского с во всех позициях выступает мягкий глухой шипящий ш, спорадически наблюдается чистая аффриката тч (д. Аю), оба звука условно обозначим ч: бичә «жена», пчән «сено», бәрәч! — междометие удивления.

В системе гласных начальный гласный а выступает сильно огубленным звуком, близким к о. Говор также характеризуется ярко выраженным явлением редуции, стяжением и выпадением гласных: йоңке — лит. өйәңке «ветла».

В говоре строго соблюдается закон губной гармонии, который действует целиком на все слово; болоннок «низменность», кортчолок «пчеловодство», коросон «пусть высохнет».

В области морфологии говор выделяется регулярным употреблением словосочетаний типа изафет — 2 в отличие от соседних гайнинского и таныпского говоров: колак алкасы — др. гов. колагалка «серьги» и довольно самобытными формами словообразования: жилхый, жиләпәй — лит. елғыуар «легкомысленный»; жәрдис, жәрдекәй — лит. йөрөмтәл «любящий ходить, бродить».

Нижнебельско-ыкский говор с севера контактирует с гайнинским, с востока — таныпским, с юга — демским говорами башкирского языка и несет диалектные особенности этих говоров.

В говоре выделяется лексика, общая с указанными говорами, особенно с демским: асаба «вотчинник», аса «иней», асалы палас «домотканый ковер с яркими ромбическими узорами», йарпташ — демск. йарма таш «ручная мельница» и др.

Фонетические особенности

Система гласных (вокализм)

Фонема а. Одной из характерных особенностей нижнебельско-ыкского говора является употребление в начале слова сильно огубленного варианта фонемы а. По артикуляционно-акустическим качествам его можно представить как широкий звук о с призвукон а, поскольку огубление количественно превышает над качествами обычного а даже на простой слух, обозначим его о^а: о^азаш — лит. азаш «тезка», о^абый «старший брат», о^ахирәт «подруга».

В закрытых первых словах огубление а усиливается еще больше, а в сочетании с губными фонемами у, ү фонема а произносится как русское о: бока «лягушка», боғана «столб», йобаға «весенняя линька животных; весенняя шерсть живот-

ных», моңғай — лит. маңлай «лоб», коушоу — лит. каушау «растеряться», йоуз — лит. яуыз «злой, вредный», коузан — лит. кау «прошлогодня сухая трава».

Такое огубление начального а в открытых и закрытых слогах, а также возможность позиционного перехода фонемы а в губной широкий о в соседстве с губными фонемами характерно для демского, а также караидельского говоров, с которыми исследуемый говор имеет общность и по другим диалектным явлениям, хотя караидельский говор в настоящее время не контактирует с ними.

а — ы. В начале и конце некоторых слов употребляется гласный а вм. узкого ы: азау теш — лит. азыу теш «коренной зуб»; сазламак — лит. һазамык «болотистый»; ычкылак — лит. осколок «икота».

а — ы (у, о). В ряде случаев соответствие а — ы образуется на почве делабиализации звуков у, о в ы, затем под влиянием регрессивной ассимиляции происходит расширение звука ы в а: аклау — оклау — ыклау — лит. уклау «скалка»; Артаул — Ыртаул < Урта ауыл — топоним в Янаульском районе; чаптарлы — чуптарлы — северо-восточн. суптарзы «с браным шитьем»; калак кыңғырауы — гайнин. колак коңғороу «бубенчик»; йак — йок — йук — лит. юк «нет».

В отдельных случаях соответствие а — ы приводит к нарушению обычной фонетической структуры и семантики слова без видимого основания (ычкылак, колак/калак, см. также соответствие ә — е).

ы — а. Некоторые слова в говоре употребляются также со звуком ы вм. а: кызана — казана — лит. казна «основание, облицовка нар»; ыңкау — лит. аңкау «твердое небо»; бығызлау — демск. боғазлау, боғазлауык, буғаз — восточн. говоры бугаззау — лит. боғаз «горло»; йалаңгыч — лит. ялангач «голый». Талкыйым, ник бөгөлөсең — лит. талкайым «ивушка моя, почему гнешься» (из песни).

Явление сужения широких гласных носит спорадический характер и проявляется в ситуации, когда носители не следят за своей речью. Исключение составляет слово йаңы — лит. яңы — тат. яңа «новый», которое выступает как в башкирском литературном языке. Явление сужения широких гласных, наиболее характерное для соседнего гайнинского говора, является древним реликтовым, остаточным явлением.

Фонемы ә, е, и. В определенной группе слов этимологический ә первого слога в татарском языке перешел в звук и: башк. кәбәк — тат. кибәк «отруби»; башк. кәрәк — тат. кирәк «надо» и др. В нижнебельском говоре сужение ә и выступает диалект-

ной особенностью и распространяется на слова, которые в башкирском и татарском языках употребляются с широким звуком *э*.

и — э. На данное соответствие зафиксированы следующие слова: Иклимэ — лит. Эклимэ — женское имя; ср. в гайнинском Ыклимэ; бипкэ — лит: бэпкэ «гусенок»; сике — тат. лит. сәке; озон сике «нары»; тирзэ — тэрзэ «окно»; чирмэ — башк. лит. сәрмэ уст. «толстый шерстяной мешок для продуктов»; кипәнэ «пузатый, брюхан» ср. лит. башк. кәпәйеу «быть вздутым, вздуться»; чичкэ — лит. сәскэ «цветок»; киштэ — лит. кәштэ «шест, подвешенный под потолком»; киштэк — лит. кәштэк «ластовица рукава». Такие слова как кибән//кәбән «стог», кибәк//кәбәк «отруби», киртэ//кәртэ «жердь, изгородь», кирәк//кәрәк «надо», шикәр//шәкәр «сахар» в говоре употребляются параллельно, т. е. и в татарской, и в башкирской форме.

Некоторые слова на соответствие *и — э* выступают характерными для башкирской орфоэпии: инэй — тат. эней «мать», сике «нары», сискэ «цветок».

э — и, е. В некоторых словах наблюдается обратное явление, т. е. фонема *э* употребляется в говоре вместо *и, е*: тэк — лит. тик «так»; тэк тор! «не вертись, стой спокойно!»; тэк кенэ «просто так»; эшәкэ — лит. эшәке «грязный», «вредный»; Аның эшәкәлеге! «он очень вредный»; кәлжәмэ — лит. кәйjemэ «картофельная лепешка»; өлкэ гөн — лит. элекке көн «прошлый день, позавчера»; беләнде — лит. беленде «выяснилось, стало известно»; беләнмэй — лит. беленмэй «не заметно»; белэтэ — лит. белгертэ «дает знать»; Әгержә/Әгерже «Агрыз» — топоним.

е — э, и. В говоре единично отмечаются соответствия *е — э, е — и*: чүбек — лит. сүбәк «кудель, пакля»; чүбек жәймәсе «тряпичный палас»; эпей, эпекэй — южный д. эпэй, эпәк, эпәкэй «хлеб, хлебушко»; ден гibeу — средн. тен гibeу — демск. дин гibeу «высохнуть в горле»; энес/энетш — караид. энес — лит. инес «подклад у рубахи».

и — ы, е. Характерным диалектным явлением выступает соответствие *и — ы*, когда зафиксированные ниже слова систематически употребляются с гласным *и* вместо литературного *ы*: ашик — лашик — лит. ашык «бабка, длинная путовая кость в конечностях лошади»; акрин/экрин — лит. экрен «тихо, медленно»; балликак — демск. баллыкай «клевер»; кайниш/кайныш — лит. кәйнеш «младший деверь»; Пиж/Пиз — Без/Без — гидроним в Янаульском р-не; Туртик — Туртык — топоним там же.

Сингармонизм

В нижнебельско-ыкском говоре закон небной гармонии выдерживается довольно строго, за исключением фонемы и, выступающей в говоре индифферентно, т. е. и с гласными заднего, и с гласными переднего ряда. (См. соответствие и — ы.)

Диалектную специфику говора представляют сингармонические варианты слов, употребляющиеся с заднерядной огласовкой или «твердые» варианты. Зафиксированы следующие слова: аз «мало», ачы «кислый, горький»; игар — лит. игәр «охотничья собака»; кайниш — лит. кәйнеш «младший деверь»; паке — лит. бәке «ножик карманный»; сажара — лит. шәжәрә «шежере»; тош — демск. төш «косточка, семя плода»; хасис — лит. хәсис «презренный»; чабаланыу — лит. сәбәләнеу «проявлять нетерпение, биться, отмахиваться»; чыкалашыу — чикәләшеу — лит. сәкәләшеу «придираться, привязываться, препираться»; шишма/шишмә «родник».

В «твердом» варианте употребляются и некоторые антропонимы, которые зафиксированы в различных точках говора: Файша, Махмутжан, Шарғыя и топонимы: Шулған/Шүлгән.

В динамике речи в словосочетаниях и сложных словах предпочтение также отдается «твердым» вариантам: ала кая в.м. әллә кайза «неизвестно где»; ала качан в.м. әллә касан «неизвестно когда давно»; а°ул бла в.м. ауыл белән «всей деревней»; а°уз тамнары бетте в.м. южн. д. ауыз тәмнәре «во рту потерялся вкус»; буун в.м. бөгөн «сегодня»; имән бармак — ик-юшатыр. имән бармак «указательный палец»; йаумай алы в.м. йаумай әле «еще дождь не идет»; жуғалы в.м. йук әле «нет пока»; киласы йылға «на будущий год»; ксаккайын < кисек кайын в.м. киҫек кайын «береза с отрубленной макушкой» — название деревни в Янаульском р-не. Бурьтау в.м. Бүре тау «Волчья гора» — назв. горы в Илишевском р-не; быр иш — бер иш «одинаковый»; урман быткач < бөткәс «когда кончился лес»; тубан оч < /түбән оч «нижний конец деревни»; тығочта < теге очта «на том конце»; сайғак-палан < сайғак-фәлән «пол и подобное»; кыш-кыны < кыш көнө «зимой»; Менәрейем, тау биык в.м. тау бейек «залезла бы, гора высока» (из песни).

Указанные «твердые» варианты слов и словосочетаний в большинстве случаев отмечаются лишь в нижнебельском говоре и не характерно для других говоров башкирского языка. Бытование таких специфических, нехарактерных для башкирских и татарских говоров «твердых» вариантов слов указывает на то, что говор испытал сильное иноязычное, в данном случае, возможно, финно-угорское влияние. Об этом говорят

некоторые другие явления, как спорадическое появление среднеязычного твердорядного к вм. к — аффрикаты тч, изредка наблюдается также нетюркский строй предложения типа: эч бара эйтэбес вм. эс китэ тиб эйтэбес «говорим, что понос»; Эйбэтме йэшэйбес? «Хорошо ли живем?»

«Мягких» диалектных вариантов слов, характерных для говора зафиксировано сравнительно немного: Эккүз < Аккүз — ойконим в Актанышском р-не; Экшәм < акшам «вечерний намаз»; гәз < газ, зөгес < загс, кәлүш < калоши; кечеткән/кычыткан «крапива»; Ижәу/Ижау < Ижевск; изә чигү — лит. ыза сигеү «мучиться»; йәлпәк — лит. ялпак «плоский»; сүүенеү — лит. һуыныу «охладиться»; сүүенгәч тәмне была балык «холодная рыба вкусна»; телкәу — лит. тылкау «толковать многократно»; тәге — лит. тагы «еще»; хән мәчете былган, ханы за киткән «ханская мечеть была, и хан уехал» (Минниарово); шүләйтәп/шүләйттереп «таким образом».

Губная гармония

Закон губной гармонии регулярно проводится в пределах двух и более слогов и данной особенностью говор не отличается от башкирского языка, но противостоит татарской орфоэпии. Примеры: богоз «горло»; шунда торормон инне «здесь буду жить»; тотороксоз ғына «несдержанный, невыдержанный»; озонборон «длинноносый» т. е. «комар»; өчмөйөшлө «треугольный»; сөт өстөсө «сливки».

Дифтонгические звуко сочетания и монофтонгизация

Бинарные звуко сочетания, состоящие из широких гласных а, ә и среднеязычного й(ј) в говоре систематически образуют разложимые дифтонги — ай, әй. Данное явление выступает характерной особенностью северо-западных говоров. Эта особенность выступает как одна из различительных признаков башкирского языка в целом. Лишь гайнинский говор в этом отношении стоит особняком. В нем широкие гласные а, ә всех видов дифтонгических звуко сочетаний переходят в узкие гласные ы, е, о, ө. Примеры из ниже-бельского говора с звуко сочетаниями ай, әй: Алай «так»; Алай тимәйләр «Не так говорят»; шундай «такой»; жиңәй/жинәй — лит. еңгәй «обращение к жене старшего родственника»; псәй «кошка»; туктай «останавливается»; эшләй «работает»; бармай «не идет»; күрмәй «не видит»; калмай «не остается»; сүммәй — лит. һүнмәй «не затухает».

Дифтонгические звукосочетания *өй* в говоре преимущественно употребляются в виде монофтонга *ү*. Явление монофтонгизации типа *өй > ү* выступает одной из характерных особенностей всех северо-западных говоров. Примеры из говора: *үрө* вм. *өйрө* «крупной суп»; *үрәнеү* вм. *өйрәнеү* «научиться»; *сүләү* вм. *сөйләү* «говорить»; *түмә* вм. *төймә* «бусы» и др.

Явление протезы и эпентезы

Некоторые слова принимают дополнительные протетические и эпентетические гласные. Кроме таких литературных форм как *күреше* «сосед», *карышы* «против», а также и характерных для всех говоров форм *эрэхмэт* «спасибо», *эрэт* «ряд», *укыра* «овод», *дыраж* «черный шмель», *биренә* «подарок родителям жениха», в говоре отмечены следующие формы протезы и эпентезы: *эчегән* — лит. *сегән* «цыган»; *эчереү* — лит. *сереү* «гнить»; *эчэй* — лит. *сэй* «чай»; *өтөрмән* — лит. *төрмә* «тюрьма»; *жомоға* — тат. *жомға* — лит. *йома* «пятница»; *жауылык* — лит. *яулык* «платок»: *алып* вм. *алп* «великан»; *Алып тигән кешеләр былған*. *Чыршы урманнарын күткә курай* *казала тиеп сурьбалып йөргәннәр* «Были великаны. Еловый лес считали колючим кустарником и выдергивали их»; *төләкәш* вм. *тәлкәш* «кисть»; *йуышкын* — лит. *йушкын* «накипь, осадок»; *жалыкыу* — лит. *ялыкыу* «надоеть» и др.

Редукция, выпадение гласных, стяжение слогов

Одной из характерных особенностей говора выступает сильно развитое явление редукции, когда в динамике речи краткие звуки *о, ө, ы, е* редуцируются вплоть до полного их выпадения*. В свою очередь выпадение гласных вызывает стяжение слогов, в которых имеются полугласные: среднеязычный *й* и губной *у*.

Некоторые слова, стабилизуясь в редуцированной форме, принимают новый фонетический облик. Так, по всему говору слово *өйәңке* «ветла» бытует в форме *йөңке/йөңке* с широкими ударными губными *о, ө* общетюркского или русского типа. Примеры на редукцию или выпадение *ы, е, о, ө* в начале слога в динамике речи: *лыс* — лит. *ылыс* «хвоя»; *иолды/иолды* вм. *өй алды* «завалинка»; *йолларға чығыб утырып* «выйдя и поси-

* При редукции и выпадении губных *о, е* первого слога губы лишь занимают артикуляцию губных, но звук не произносится, огубленность переходит на следующий негубной гласный: *ксо, йолды, йошоу* и т. д.

дев на завалинке»; иошоу/ иошоу в.м. ойшоу «скататься, свалиться»; чколок в.м. очколок «икота»; тәннәү в.м. этәннәү «возиться».

В первых закрытых слогах: домал в.м. дуамал «взбалмошный, сумасбродный»; ксо в.м. коса «рвет его»; тчө в.м. төчө «пресный» и т. д.

Примеры на редукцию в середине слова: зәнлә от зәнелә «цинга»; тырс от тырыз «берестяной сосуд»; тырпша — турпыша «дерюга»; уңке от унике — лит. ун ике «двенадцать».

Примеры на редукцию и выпадение гласных в конечной позиции в отдельных словах, словосочетаниях: асал палас в.м. асалы палас «безворсовый ковер»; Баҙ буйлары «долины р. Базы»; мөшкәр от «мошкара»; шәр — лит. шәре «вода, выходящая на поверхность льда»; Лас/Ласы — гидроним в Илишевском, Калтасинском р-нах; бетәс туге в.м. бөтәсе түгел «нескончаемый».

В динамике речи в некоторых словосочетаниях, сложных и простых словах, происходит стяжение звуков в соседстве с полугласными й и у. Последние подвергаются выпадению: бәбәм в.м. бәбәйем «дитяtko мое»; Бикбул < Бикбаул < Бикбау + ауыл — ойконим в Мензелинском р-не; Иосбал < Иособ ауыл — ойконим в Илишевском р-не; Чүмбикә < Сәйөмбикә — антропоним; тибәтебәтәм < тибәйтебәйтәм < тип әйтеп әйтәм «так говорю»; мин белмәм < белмәйем «я не знаю»; кизгата — кейез гата «валенные галоши, короткие пимы».

Сложное слово ак тутакай в результате стяжения гласных и выпадения согласных имеет форму аккай «старшая сестра, тетушка».

Система согласных (консонантизм)

Фонемы п, б. По употреблению фонем п, б говор не отличается от демского говора, где значительное количество слов выступает с начальным п. Особенностью говора являются случаи сохранения начального п так называемого алтайского типа, который ныне характерен для алтайского, чувашского языков. В группе слов вместо регулярного башкирского и татарского начального б в говоре спорадически появляется глухой п. При этом при эмоции, когда говорящий не следит за своей речью, начальный глухой п возникает чаще.

п — б. Зафиксированы следующие слова на данное соответствие: пар/бар «иди»; пәрәңге/бәрәңге «картофель»; пер/бер «один»; путалма! «Не мешайся!»; Пичура! — лит. бисура «ки-

кимора»; порос < брус «косяк»; Пулат в. Булат — ойконим; Пиз/Пиз/Пиж — гидроним в Янаульском р-не.

п — м: пәке «колодец»; ср. тат. бәке, башк. мәке «прорубь»; пиннек — лит. минлек «веник».

п — ф: В говоре наблюдается кыпчакская тенденция замены заимствованного звука ф глухим п в начале слова, в результате чего образуется диалектное соответствие п — ф: папар «фонарь», пирме «ферма»; памилжа «фамилия»; пин «фин»; пин суғышы «финская война»; пински йәшел йорт «финский зеленый дом»: ләпкә, лафка «лавка, магазин»; Нурисапа в. Нурисафа; Пәткулла в. Фәткулла — аптропонимы; оло баш пәткулла, пәткулла башы «головастики» Илишевский р-н; пәтига < фәтиха «благословение». Слова калпак «женский головной убор, украшенный бисером или монетами»; керпек «ресницы» также употребляются с глухим п, как в литературном языке.

м — б. В некоторых словах фонема б заменяется сонорным м: мотау — лит. ботау «очищать от веток»; майтак — лит. байтак «порядочно»; мәндә — лит. бәндә «раб божий человек»; мис — лит. мейес «печь»; мәмәк — лит. бәбәк «бутон, цветочная головка»; ак баллы мәмәк «белая кашка, вид клевера»; тәсмирләп — др. говоры тәсбирләп «дотошно, внимательно»; тәсмирләп карамағас «поскольку внимания не обращали».

б — п, ғ — к. Данное реликтовое соответствие, хотя и зафиксировано в единичных примерах, ценно как историческое явление. Примеры: шабак < шапак — лит. шәфәк «вечер»; бибей — айск. бипей — демск. бипеш — лит. бәпкә «гусенок»; ышкабы < ышкап «его шкаф»; чебик — чепик «чибис»; тәбе — лит. тәпе «мышеловка»; курғытуу/курктуу «напугать»; чигә — лит. сикә «щека»; аңғау — лит. аңкау «твердое небо»; ағыр чиктә/ахыр чиктә «в конце концов»; уағыт — уахыт — уакыт «время».

Озвончение согласных в интервокальном положении характерно для чувашского языка.

Фонемы г, ғ, к, к. Группа слов употребляется со звонким г, ғ, вместо к, к, как в демском, среднем и других говорах башкирского языка: гөпшә — лит. көпшә «купырь»; гөлкәй/көлкәй — сев. восточн. колкай лит. колон «жеребенок»; гөжнә — лит. көжнә «корзинка»; гарнис «карниз», гөбө — юго-восточн. көбө «высокая кадка»; ғомбағыш — лит. кәнбағыш «подсолнух»; ғоңғор-ғоңғор — лит. қаңғыр-кыңғыр «издавая звон».

к — г. Но слова тәгәрмәс, тәгәрлек систематически употребляются с глухим к: тәкермәс «колесо»; тәкарлек «чибис». В заимствованиях из русского языка согласные г, к смягчают

последующий гласный; гәрес «гарус», гәз «газ», кәлхуз «колхоз», кәлхузник «колхозник», кәрәуат «кровать», кәмзул «камзол».

к — х. Соответствие к — х, характерное для кыпчакских языков, отмечается и в языке крещеных татар и, видимо, объясняется взаимодействием говора с последним. Зафиксировано в следующих словах: кыйалый — лит. хыйалый «сумасшедший»; кәтер — лит. хәтер «память», кәтердән чыккан «забыто», кәзер — лит. хәзер «сейчас, теперь»; Кәдичә — лит. Хәдисә — антропоним; ожмак — лит. ожмах «рай».

Но некоторые слова употребляются как и в других говорах башкирского языка со звуком х: хәрәндәш «родственник»; хатын «женщина».

Фонемы д, т. Определенная группа слов, как и в других говорах, употребляется с начальным д: дары — лит. дары «просо», даган — лит. таган «стожар», дебет — лит. дебет «пух», кәзә дебете «козий пух»; дүңгәләк — лит. дүңгәләк «кольцо железное»; дәүмәл — лит. дәүмәл «величина»; шушы дәүмәллек «вот такой величины».

д — т. Некоторые слова с звонким д дают диалектное соответствие: дез — лит. тез «колени»; дымык — лит. тымык «спокойный, спокойно»; дүшәм — лит. түшәм «потолок»; дус-таган — лит. туҫтак «чашка»; дисбе — лит. тиҫпе «четки»; сандый — лит. һантый «глупый».

Слово ти «говорить» регулярно употребляется с глухим т.

Фонема 3. Главной диалектной особенностью ниже-бельского говора является функционирование интердентальной фонемы 3 во всех позициях слова:

Бакчага керзем бер үзем	В сад зашла одна
Бөгәрләнгән бер йөзем	И увидела завязь изюма
Бөгәрләнгән йөзем күбек	Подобно завязи изюма
Мин бер өйзә бер үзем.	Я одинока во всем доме.

Физиологические качества фонемы 3 говора не отличаются от 3 литературного языка. Лишь произношение этого звука, подобно демскому говору, более легкое, без особого напряжения кончика языка.

3 — 3. В говоре фонема 3 заменяет любой звук 3 литературного языка: собственно тюркский в данном случае башкирский и татарский, а также заимствованный. В действительности в говоре в прошлом звука 3 не было. Видимо, звук 3 начал входить в речь носителей лишь в результате интенсивного языкового взаимодействия и с вводом татарского литературного языка. Об этом говорят факты народно-разговорной речи.

Примеры: Казан сигез йөз чакрым барзыр «До Казани наверное восемьсот верст есть»; абзый — башк., тат. абзый «старший брат»; кәзә — лит. кәзә «коза»; ыризык — лит. ризык «пища»; камзул — лит. камзул «камзол»; гүзәл — лит. гүзәл «прекрасный»; гәзит «газета»; магазин «магазин».

дз — з — з. В отличие от башкирского языка, в котором слов с начальным з нет, кроме слова зур и его производных, в нижнебельско-ыкском говоре звук з часто выступает в начале слова вм. з. При этом фрикативность начального з слабеет, увеличивается взрывность, смычность, и на простой слух з приближается по произношению к звуку д. Примеры: дзур — зур «большой»; дзәңгәр — зәңгәр — лит. зәңгәр «голубой»; дзиңкеү — зиңкеү — лит. зиңкью «звенеть в голове от удара»; дзәңлә — зәңлә пчәне — кизил., миас. зәңгәлә/сәңгәлә үләне «цинготная трава»; дзыйарат — зыйарат — лит. зыарат «кладбище»; Дзаирә — Заирә — лит. Заһира, Дзакир — Закир — лит. Закир — антропонимы и др.

Н. Ф. Катанов, побывавший в свое время в Белебеевском уезде¹⁶ и слышавший именно нижнебельский начальный з, описал его как башкирский з, но назвал аффрикатой дз.

Если иметь в виду, что в составе нижнебельско-ыкских башкир растворилось значительное число представителей финно-угорских народов, то можно полагать, что диалектное соответствие д — з в начале слов в говоре возникло в результате взаимодействия разносистемных языков. Ср. язык тептярей среднего говора башкирского языка, где отмечается соответствие д — з; дэвидущий «заведующий»; дагыс «загс» и др.

з — з — д. В интервокальной позиции внутри слова, а также между словами звук з говора и башкирского языка соответствует звуку д татарского языка. Например: коза-козағыйзар — башк. лит. коза-козағыйзар — тат. кода-кодағыйлар «сватья», казак — башк. казак — тат. кадак «гвоздь»; эзәмнәр — башк. эзәмдәр — тат. әдәмнәр «люди»; бозак — башк. бойзай — тат. бодай «пшеница»; Мында зары (тат. дары) басууы «Здесь поле, засеянное просом»; Мулла зофа кылған «Мулла дал благословение»; фаный зонйа «бренный мир»; таза зегет «чистый деготь» Эй, зусларым, дусларым! «Эх, друзья мои!».

з — з. В интервокальной позиции в некоторых словах отмечается звук з наряду с основным вариантом з. Данное явление обратного перехода з > з особенно характерно для языка яна-ульских, бакалинских и других башкир. Примеры: бозай —

¹⁶ Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. — Казань, 1903, с. 50 — 75.

лит. бойзай — тат. бодай «пшеница»; изэн — изэн «пол»; И, хозай! — хозай! «Боже!»; Казан — Казан, Минзэлэ — Минзэлэ, Бэзрәш — Бэзрәш — ойконимы; Ағизел — Ағизел — р. Белая; Мәзинә — лит. Мәзинә — антропоним.

Фонема ж. Для нижнебельского говора, как и для гайнинского, характерно систематическое употребление в начале слова нередко и в начале слога фонемы ж, которая конкурирует с фонемой й в тех же позициях. Данное явление исторически закономерно, так как часть носителей говора — бывшие енейцы, как и гайнинцы — имели этническую связь с булгарами, в языке которых наблюдалось систематическое «жекание»¹⁷. Примеры из говора: Казан йағына гупцы барғаным жук «В Казань вовсе не ездил еще»; Жәшен атты «Молнией убило»; Йаңғыр жауа «Дождь идет»; Әбжәлил йағында «В стороне Абзелилова»; Фамилжа «фамилия»; «Бужонный» исемне былды кәлхуз «колхоз был имени Буденного.

з — ж — й. В говоре фонема ж в позициях с переднерядными гласными имеет тенденцию переходить в з. Эта диалектная особенность, наблюдаемая в единичных словах и в других говорах, в нижнебельском говоре имеет наибольшее распространение. Данное явление своими корнями связано также с соответствием з — й. Оба соответствия отражают историческую особенность болгарских диалектов, что наблюдается и в балкарском диалекте карачаево-балкарского языка¹⁸.

На деле любой ж говора указанной позиции может произноситься через з: зөрмә (йөрәмә) мәшәкәтләнеп «Не ходи не беспокойся»; зизе (йете) азан белә өшкөрттөләр «Семью молитвами азана лечили»; Зитмеш (йетмеш) икесе, менәтрә! «Семьдесят два, вот так!»; кайта торған зирләр (йерләр) түгел «Место, откуда нельзя возвращаться»; Зәмилә — Жәмилә, зылыу — жиылу лит. йыйылыу «собираться, сборы»; Зәркәй — Жәркәй — лит. Йәркәй — топоним; зук — жук — йук «нет»; Зук-зук-зук! Нәмәзәй сүз, бәй! «Нет-нет-нет! Что за разговор!»

Из отдельных, диалектных явлений говора можно отметить употребление сонорного н вместо м и й.

н — м. Слово бармак «палец» в говоре систематически выступает в форме барнак. Подобная форма пурнах бытует в чувашских диалектах, в литературном языке пурне, в турецких диалектах барнак.

¹⁷ Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. — М.: Наука, 1979.

¹⁸ Алиев У. Б. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев. — ВДТЯ — Баку: 1963, с. 69.

Берән-сәрән — лит. берәм-һәрәм «одиночно», в мишарских говорах берән-сыран; шаукын — лит. шаукым «отражение, влияние»; Жен шаукынына элэккән «Попала под влияние нечистой силы».

н — й. Это историческое соответствие выступает в слове канчы — лит. кайсы «ножницы», которое в такой форме употребляется в северных говорах татарского языка, в ногайском — канышы.

с — ч — ш. В говоре отмечается спорадическое употребление башкирского звука с вместо татарского ч. Слово этәс — тат. этәч «петух» регулярно выступает в башкирской форме. Некоторые примеры варьируют с ч: себен «муха»; тат. чебен.; көс-көс-көс! — тат. көч-көч-көч — слово призыва собаки; сүс — сүч — чүч «кудель»; икенсе — икенче «второй»; борсак — борчак «горох»; сырағыу — чырағыу «выводить»; сәйнәүгес — чәйнәүгеч «ворчун»; кесерткән — кечерткән «крапива» и др.

Спорадическое употребление звука с отмечено во всех районах говора, в которых проводился сбор материала. При этом звук с чаще всего выступает в мягком, более свистящем варианте, как с' (с) чувашского языка. Употребление звука с вм. ч характерно также для некоторых мишарских говоров.

с — ш, ш — с. В говоре отмечена также замена шипящего звука ш звуком с и наоборот: сөкәтсес — демск. шөкәтсез. «некрасивый; несуразный»; уксу — лит. укшыу «тошнить»; шипелтәү — лит. сипылдау «пищать»; Үрзәкләр шипелтәшә «утята пищат»; шелек — лит. селек «чилига»; шиләк — лит. силәк «ведро».

с — й. Данное историческое соответствие зафиксировано в слове саңак: балык саңағы «жабры», которое соответствует литературному яңак «щека»; в татарском саңак — то же.

Ассимиляция.

Явление ассимиляции по звонкости

Часть зафиксированных ниже примеров отражает характерную особенность башкирского народно-разговорного языка и орфоэпию литературного языка.

нб > мб. Под влиянием губного согласного, сонорный н переходит в м: йамбаш — лит. янбаш «бедро»; комбуйы — лит. көн буйы «весь день»; ачы балны тәпәм белән... — лит. тәпән белән «кислушку в целой кадке...»

зд, зд > зз: беззә — бездә — бездә «у нас»; беззең — безең — бездең — тат. безнең «у нас»; жиззән — тат. жиздән «из меди»; калхузза — тат. колхозда «в колхозе»; кыззар — кыззар — кыздар — тат. кызлар «девушки»; Беззәге директор Нәзеүер Ғәлиев хәзер Әбжәлилдә эшләй «Наш директор Називар Гале-

ев сейчас работает в Абзелилове» (Тазеево); Безең бызау бызау кейе бызаулазы «Наша телка одногодкой отелилась» (Илишево); Әллә ауылығыззан кузылармы? «Из своей деревни выгнали что ли?» (Бикбулово).

к, т > г, ғ. В словосочетаниях и сложных словах, при слитном произношении начальные глухие согласные к, т второго слова в интервокальной позиции озвончаются в г, ғ, так же, как в башкирской орфоэпии. Например: катынғыз «женщина»; Ҡызғала тауы «гора Девичьей башни» (Старомуштино); кыр ғазы «дикий гусь»; үзе генә ғайтқан «один только приехал» (Аккузеве); суң герзе — лит. орфогр. һуң керзе «поздно поступил».

Другая часть примеров на ассимиляцию по звонкости выступает как диалектная особенность самого говора. Примеры:

жд > жж: әжжәға, әжжәһа от аждаһа «дракон»;

зл > лл: саллык от сазлык «болотистое место»; Гел саллык анда «Там сплошь болотистые места» (Аю).

лд > лл: буллырзы — лит. булдырзы в значении кәрәкте бирзе «измучить, принести страдания»; Ул буллырзы инне суғыш «Война уж принесла страдания».

нл > лл: миллек — милек от минлек «веник»;

нд > нн: инне — ине от инде «уж» — многозначное модальное слово; карағаты за күб инне «и смородины у нее уж много»; Имтекеләр инне — лит. интекеләр инде «Порядочно мучались уж»; Алмазы инне — лит. алманы инде «Не взял уж»; Инне ничек түзәргә — лит. инде нисек түзәргә «Как уж терпеть».

Ассимиляция по глухости

В Янаульской зоне говора бытует явление оглушения предыдущего звонкого согласного перед последующим глухим согласным. Оглушается в основном звонкий з, редко — ҙ.

з > җ: туғыстан — лит. туғыззан «с девяти».

з > с: бес в.м. без — лит. без «мы»; бестә — бездә — башк.

з > с > ч: беззә «у нас»; Бестә булты «У нас было» (Вояды); Бестә бар ул кас чебене «у нас есть эта мошкара»; киестек в.м. киез итек — тат. киез итек «валенки»; бес кысчакта «когда мы были девушками»; тос сал! — тат. тоз сал «посоли»; Йөссукә < Йөзсукә — башк. Йөзһука — ойконим Юссуково.

Диссимиляция

Диалектной особенностью нижнебельско-ыкского говора выступает явление диссимилятивных звуко сочетаний лт, мт,

нт, рт, которые представляют остатки или реликты древнетюркского языка. В говоре это реликтовое явление систематически проявляется в звукоподражательных словах со звуко-сочетанием лт, рт: йалкылтау — лит. ялкылдау «блистать, пламенеть»; йемелтәү — лит. емелдәү «мерцать»; йолтоз йемелтәй; лакылтау — лит. лыкылдау «много говорить, болтать»; мышкылтык «быстро устающий от тучности», но: мышкылдығын чығыу «уставать, упариться».

Со звуко-сочетанием рт: бытыртау — лит. бытырлау «говорить скоро»; дөбөртәү — лит. дөбөрләү «греметь, громохатать»; күк дөбөртәй «гром грохочет»; шатыртау — лит. шатырлау «грецать»; тамаклар шатыртап катты «горло пересохло»; гобортатыу «издавать звук ударом по воде»; мыштыртык «медлительный»; лыпыртык — демск. лыкыра «грязнуля, неряха» и др.

В остальных разрядах слов диссимилятивные звуко-сочетания мт, нт, рт выступают спорадически, за исключением отдельных слов, которые стабилизались в такой форме, например: балтырған гөпшәсе «борщевик»; йарымтык «человекообразное существо, стопы которого, якобы, направлены назад»; ашамтык «еда»; әртәнә — тат. әрдәнә «поленница дров».

Примеры, которые выступают вариантами основной формы: балтак/балдак «колыцо»; үлте/үлде «умер»; маңкай/маңгай «лоб»; фунтамин/фундамин «фундамент»; бартисә/барзисә «если пойдет» и др.

Диссимилятивные звуко-сочетания мт, лт, нт, рт нижнебельско-ыкского говора являются главной диалектной особенностью на востоке караидельского и на юге среднего говоров башкирского языка, которые в историческом прошлом имели контакты с нижнебельско-ыкским говором и составляли единый этнолингвистический ареал.

Вставка и вытеснение согласных

В говоре отмечены слова, в которых наличествуют первоначальные согласные, которые обозначим знаком +. Примеры.

+ г: жегерләү/жөгөрләү — демск., средн., караидельск. эрләү — тат. ирләү — башк. иләү «прясть»; кибегеү — лит. кибеү «высохнуть, иссушиться»; кибегеп, тамак чатнап «иссохнув, переживая жажду...»; кибеген үлә аузы кибеп «иссохнув, умирает, во рту высохнув» (Илишево).

+ ғ: жуғыртак — лит. юртак «рысак»;

+ и: айчык — тат. ачык — башк. асык «открытый»; айчлык — лит. аслык «голод»; айчы — тат. ачы — башк. асы/әсе «кислый».

+ р: мөртлөк — башк. бөтнөк — тат. бөтнек «мята»; кортлау — лит. котлау «поздравлять, обмывать»; бирнә кортлау «благославлять приданое невесты».

В некоторых словах выпадают согласные г, ғ и сонорные л, н, р. Обозначим выпадение знаком — .

– р: атау — сурян. атрау — лит. утрау «остров»; в динамике речи: шыпы ғабы «спичечная коробка»; утыттым — лит. ултырттым «посадил»; тилбегән/тилбизән/тилбергән «белена».

– т: башкыр — лит. башкорт «башкир»; Мында башкырлар барыйы за типтәрләр барыйы «Здесь были башкиры да тептяри» (Актаныш).

Морфологические особенности

Морфологические особенности нижнебельско-ыкского говора во многих моментах совпадают с особенностями демского говора южного диалекта, тесно взаимодействующего с исследуемым говором. Вместе с тем в говоре выявлены специфические формы и их функционально-семантические особенности.

Имя существительное

Падежные формы имен существительных совпадают с таковыми демского говора. Так, в формах родительного падежа параллельно с основной формой появляется, как и в демском, форма -нын/-нен: Малайымның/малайымнын «У моего мальчика»; Атайымнын/әтәйемнең «У отца моего». Парадигма склонения слов бойзай «пшеница» и кеше «человек».

говор	лит. яз.	говор	лит. яз.
И. бозай	бойзай	кеше	кеше
Р. бозайның/бозайнын	бойзайзың	кешенең/кешенен	кешенең
Д. бозайға	бойзайға	кешегә	кешегә
В. бозайны	бойзайны	кешене	кешене
Т. бозайзан	бойзайзан	кешезән	кешенән
П. бозайза	бойзайза	кешезә	кешелә

Примеры из текста: Безнең, был Тәжәй калхузының, һәр ауылының үзенеке барейе тамгасы «У нас, у Тазеевского колхоза, у каждой деревни была своя тамга». Сарығынын жөнөн алды «Остриг, снял шерсть своей овцы». Сөз күрәсегезме кайтканын сарыкларнын? «Вы видите возвращение овец?»

Формы винительного падежа совпадают с формами демского говора: Бозайны биг әз генә чәчтеләр «Пшеницу сеяли очень мало»; Башкырт жирне биләп килде «Башкиры владели землей»; Безне тәүзә айырзылар «Вначале нас отделили».

Предложный и исходный падежи, как и в демском говоре имеют формы аффиксов с начальными согласными -д, -з, -н, -т; -да, -дан; -за, -зан; -на, -нан, -та, -тан.

Отличие от литературного языка лишь в том, что в этих говорах формы -за, -зан выступают и вм. лит. -на, -нан: Ун ике кешеээн тамға алғаннар «От двенадцати людей взяли тамги (подписи)», Шунан йацазан ойошток «Затем снова соединились».

В остальных случаях формы исходного и предложного падежей одинаковы с литературным языком: Сафиуллиндэн кереп сораштырысың «У Сафиуллина, зайдешь, спрашиваешь»; Аш пешерәм кунакка каз итенән, сарыг итенән «Варю суп для гостя из гусятины, баранины»; Трактыр артынан «Вслед за трактором»; суңынан — лит. һуңынан «позднее»; буйзан-буйға «от края до края, по всей длине».

Особенностью говора выступает более предпочтительное употребление 2-го изафета наряду с первым изафетом, в этом отношении говор стоит ближе к литературному языку, нежели другие северо-западные говоры. Примеры: курай йеләге «малина», мүк йеләге «клюква», бал калағы — лит. балғалак «чайная ложка»; эмей баласы — лит. имсәк бала «грудной ребенок»; ишегалды — танып., караид. ишегал, ишағал «двор, открытая часть двора»; чүбек жәймәсе — лит. сепрәк балаҫ «тряпичный палас».

Аффиксальное словообразование имен существительных

Из форм словообразования приведем наиболее специфические и характерные для нижнебельского говора.

-лауык/-лык. В говоре отмечены аффиксы -лауык/-ләүек, совпадающие по значению с распространенным аффиксом -лык/-лек и употребляющиеся наравне с ним: камырлауык — камырлык — камыр йемеше «боярышник»; сазлауык — сазлык «болотистое место»; тәкәрләүек — тәкәрлек «пигалица»; йарлауык — лит. яр, ярлау «обрыв»; силләүек — средн. һилләүек — лит. һил урын «тихое, безветренное место».

Афф. -лауык/-ләүек отмечается в караидельском, демском и других говорах, но наибольшее развитие он получил в среднем говоре южного диалекта¹⁹, что указывает еще на один факт единства специфических диалектных явлений нижнебельского говора со средним и другими говорами башкирского языка.

¹⁹ См. Миржанова С. Ф. Указ. работа, с. 115.

-кыч, ғыч/-геч/-ген -ауғыч/-әүгеч и др. Формы аффиксов со значением действия и характера действующего лица при-
сутщи для северо-западных говоров, но в говоре они более рас-
пространены и осложняются другими аффиксами: мотауғыч
«ботало»; калкауғыч — демск. калкыуғыс — лит. калкыуыс
«поплавок»; чәйнәүгеч, сүз йөрөткөч «сплетник»; батырғыч —
демск. батырмак — лит. батырғыс «грузило»; жырткыч «прой-
доха»; әйләнгеч — лит. әйләнсек «вертячка, болезнь овец»;
төртөнгөч — демск. төртөнгөс — кизил. төртөнгән «бродяга»;
керген — демск. керзәш «пришелец».

-ма/-мә, -май/-мәй, мат/-мәк, -малак/-мәләк, мас/-мәс
и др. Активный аффикс -ма/-мә и его осложненные формы
образуют имя действия с различными семантическими оттен-
ками, что соответствует разным аффиксам литературного язы-
ка, например: болама — лит. 1) бола «беспорядок» 2) боламык
«мешапина для птиц»; утырма — лит. ултырыу, ултырыш
«посиделки»; Утырмаға килгән йеремнән киәүгә чыктым «Вы-
шла замуж, познакомившись на посиделках»; төнәтмә «нас-
той, выдержанный в темном месте»; түрләмә «узкая занавесь
вдоль матицы и вокруг потолка»; кыстырма — кизил. калак
кыстырғыс «ставка для ложек»; карышмак — средн. карыш-
ма, карышмал — кизил. карышкыр «упрямец»; йәтимәк —
лит. йәтим, етем «сирота»; ойконим; тәгәрәмәй — лит. тәгәрмәс
«колесо»; кызмач, кызмый — демск. кызмаса, кызмата —
средн. кызмалы, кызырас — караид. кызма — лит. кызыу
«вспыльчивый»; тәкермәс — лит. тәкәрлек «чибис»; йырма-
нак, йырмалак, йырмағак — лит. йырғанак «канава, овраг».

-бай/-бәй, -бий/-бей, -пый/-пей. С данными пережиточны-
ми аффиксами, характерными для демского и северо-западных
говоров, в нижнебельском говоре зафиксировано наибольшее
количество образований, со значением свойства и качества
предмета; Бохбай «лошадка» < бох-бох! — призыв лошади;
Безнен бохбайның исеме Чәйкә бит? «У нашей лошади имя
Чайка ведь?»; кәзәбәй «обидчивый»; Аның кәзәсе тиз төкәй,
кәзәбәй генә ул в смысле: «У него характер изменчивый, как
у козы, он очень обидчивый» (Актаныш); кыстымбый — лит.
кыстыбый; мыштыбый — другие говоры: мыштым, мыштыр,
мыжмыр, мызыка, быжмыр, быжмыр «копуша, медлительный»;
чәтәбей, чәтертек — лит. тел биштәһе «болтуня, говорун»;
чәчбей — лит. сәсе еткән «с длинными волосами, лохмач»;
жиләпәй/жилхый — лит. елғыуар «ветропоп, вертопрах».

-тый/-тей, -дей/-дис. Аффикс образует слова, указывающие
на назначение предмета или характер предмета: сакалтый,
сакалтай — демск. ҫакалтай «жепский нашейник, сшитый из
черной мягкой ткани, украшенный серебряными монетами,

кораллами»; түштей — средн. түшлек, түшелтерек — лит. түшелдерек «нагрудник из разноцветных кусков материи, обшитый позументом, надеваемый пожилыми женщинами под платьем»; чүртей — гайн. чүрәкә — лит. сүрәкә «деревянный игровой шар»; чүртей суҕабыз «играем в деревянный шар»; жөрдөй — жөрдие — жөрдөкэй — демск. средн. биләмсе — сакмар. азман «недомосед, бродяга по деревне».

-ыгк/-ек, -тыгк/-тек, -сыгк/-чыгк. Аффикс тыгк-тек характерный в основном для демского и нижнебельского говоров. Образуют прилагательные, которые затем субстантивируются, т. е. переходят в имена существительные. Придают словоформам уменьшительные, пренебрежительные значения. Некоторые из них соответствуют аффиксу -лак/-лэк литературного языка: которок «подстрекательство»; Шунуң которогона карап йөрмә! «Не слушай его подстрекательств!»; кылтыгк, кылчыгк — лит. кыйшанлак «вертихвостка, кокетка»; ләпшек «курносая»; кыбырсыгк «вертушка, непоседа»; дерелтек — лит. дерелдәк «холодец»; Дерелтек пешерәм тойактан «холодец готовлю из ног овечьих»; лыпыртыгк — демск. лыкыра «грязнуля, неаккуратная»; мыштыртыгк — лит. мыштырлак «медлительный».

-ыш/-эш, -аш/-эш. Также являются аффиксами просторечного характера, выступают в основном при антропонимах и топонимах и др. именах существительных. Как имена действия афф. эти образуют названия игр: арка суғыш «пятнашки»; тчкан салыш — лит. үгез йөзөк «игра в прятании колечка и отгадывании»; др. формы: абыч, абышкай «братец»; Илеш, Татыш — ойконимы на территории говора: Ашайыш йылға, Эгэш, Тәнеч кулләре — гидронимы; Сазрыш от Сазретдин — антропоним.

-кай/-кәй; -как. Аффикс, выражающий значения уменьшительно-ласкательности, уважительности, жалостливости, как и во всех других северо-западных говорах, здесь получили чрезвычайное развитие. Примеры: хөкүмәткәй «правительство дорогое»; кәлхүзкәй «колхоз дорогой, родной»; хөкүмәткәйебез, кәлхүзкәйыбыз карай безне, рәхмәт инде «Наше правительство дорогое, наш колхоз родной, дорогой смотрит нас, спасибо им»; Ағачкайлары әле аның ниндәй! «Его деревянные изделия что стоят!»; Йаңгыркай ғына йаумасын инде, көнкәйләр генә йылы булсын! «Дождичка чтобы не было, денечки бы теплые стояли!»; Йәш чакайлары үтте «Молодые годочки прошли»; бичаракайым «бедненький мой».

Некоторые формы с аффиксами -кай/-кәй, -как, утеряв свои основные значения, служат формой обращения или словообразования: төплөкәй «ватрушка», тешекәй «овца двух лет»;

энекэй өйдө йук «братишки нет дома»; Инэкэйләр Миңзәләгә киткәннәрейе «Мать и другие уехали в Мензелинск»; тутакэй «сестра», картыккай «бабушка», баллыккай, баллыккак «клевер» и др.

-кач + ай/-кәч + әй. Сложные формы, характерные для нижебельского говора, являются слиянием двух уменьшительно-ласкательных аффиксов, что служат для большего усиления значения их: апкачай — апыкачай — апакачай от апай, апайым — формы обращения к малышам, а также к лицам младше себя; бәпәчәй — бәпечәй от бәпәй «деточка»; бәпечәй — лит. бәпкә «гусеночек»; эпекәй — эпекәчәй «хлебушко», мескенкәчәйем «беденький мой».

В других говорах отмечаются лишь формы -кас/-кәс; колокас «жеребеночек», быйтыкас «кокетка», күкәс «рыбка», йөрәкәсем! «сердечко мое» (средний говор).

-ай/-әй, -ый/-ей. Аффикс просторечного характера возник на собственно тюркской основе для упрощения, облегчения и уменьшительно-ласкательности сложных антропонимов: Мокамай — лит. Мөхәмәткол, Мөтәкәй — Мифтах, Йомай — Иәғфәр, Сәхей, Сәхәү — Сәхәүтдин, Фәсхей — Фәсхетдин, Хөрмөй — Хөрмәтулла и т. д.

-ана/-әнә, -әнәк. Формирующим аффиксом этих сложных форм выступает -ан/-ән, отмечаемый еще в языке древнетюркских памятников в значении множества и увеличения. В говоре зафиксированы примеры: кызана — лит. казна, ширлек — северо-восток, казнак «наличники нар, печи»; кипәнә «брюхан, с толстым животом»; кәтәнә — средн. кәтәбәй, кәтмек, кәтәнә «малорослый, недоросль»; көйгәнәк — көйгәләк — көйәләк «нервный человек» и др.

Сложные имена существительные

Особенностью нижебельского говора является образование некоторых сложных слов по типу второго изафета вместо первого. В этом говор объединяется с демским говором. Примеры из говора: бал калағы — лит. балгалак «чайная ложка»; эмей баласы — лит. имсәк бала «грудной ребенок»; ишег алды — танып., карайд., ишегал, ишагал «двор, открытая часть двора»; йолды — иолды < өй алды «сени»; Сөн әржағы «та сторона Сюни»; ср. Танып бый йәк «сторона Таныпа»; бала жәймәсе «пеленка» (Бикбаулово); чүбек жәймәсе — лит. сепрәк балаç «тряпичный палас».

Весьма своеобразны парные слова, зафиксированные в говоре и обозначающие собирательное множество: бишек-сиртмә

«колыбели и тому подобные»; Бишек-сиртмәләрен төйәп кителәр «Уехали, забрав колыбели и другие вещи»; йанык-көйөк «горе-переживания»; Йанык-көйөк бетерде йөрәкәйләрне, апайым, балалар үссә, йандыра да көйдөрә «Всекие переживания прикончили сердце, взрослые дети приносят горе да переживания»; күрше-күкерт — демск. күрше-күрпе — лит. күрше-күлән «соседи»; Күрше-күкертесе дә найаннар «И соседи пройдошные»; карт-карый — демск. карт-кораба — лит. карт-коро «старики»; күпчекментәр — лит. ястык-мендәр «подушки»; хәрәндәш-ырыу — средн. хәрәнтәш-ырыу «родственная ветвь»; нәсел-әс-тыуа — демск. нәсел-әс-тыуа «родня, родственники»; Нәсел-әс-тыуасы якшы, әйбәт «Родня, родственники хорошие»; Нәсел-әс-тыуаң бармы Бикбауза? «Родственники что ли есть в Бикбаулове?»; каралты-келәт «дворовые постройки»; тәкә-мүкә «улитка», ср. юшатыр. мөкәтә — айск. әкәм-төкәм — то же.

Имя прилагательное

Говор, как и демский, богат синонимичными формами прилагательных. Одно из которых выступает диалектными: ләпек, лақый, пычрак «грязный»; мыштый, астыртын, эчле «скрытный»; ләчтә, чей «сырой, неудавшийся хлеб»; умый, йакшы «хороший»; томбойок, тешләк «молчаливый»; күшәүер, үшән, ялкау «ленивый»; кире, үзе сүзле, карышкак, үпрәм «упрямый»; ауыскал, жебек «мямля, неумелый»; жуалғы, шапшак «грязнуля»; кетмер, мөкәтә, бүксә «малорослый»; ырауанжан, рыйалы «халтурный»; уталый, тәртипсез «безалаберный» и т. д.

При этом некоторые из них могут переходить в разряд существительных и обозначать человека с указанным качеством мыштый, күшәүер, үшән, кетмер, мөкәтә и др.

Формы интенсива выражаются, кроме литературных, и отдельными усилительными частицами и словами: шау кызыл «очень красный, ярко-красный»; том кара «черный-пречерный»; жете сары «желтый-прежелтый»; чат каты «очень твердый»; зерә шәп «очень бодрый»; хәтәр жухый «очень льстивый, хитрый»; хайран жәмне «поразительно красивый»; уғата чайа «слишком бойкий».

Для ослабления качества выступают и аффиксы -ча, -са, -мык, -мак: калынча «немного плотный, толстоватый»; томса «пасмурный»; сазамык, сазламык жирләр «болотистые земли»; карышман «склонный к упрямству» и др.

Аффиксальное словообразование

-лы/-ле, -ны/-не, -ты/-те. Самый активный и продуктивный аффикс в говорах башкирского языка. В говоре с этим аффиксом образованы названия игр: Миләүшәлә — в других говорах: ак тирәк, күк тирәк; саклы — игра во время ледохода; тышка апчығышлы — галящего выводят на улицу; шәпәйле — игра в бабки.

Другие самобытные формы, образованные на материале диалектизмов говора: асалы палас «палас с ромбическими узорами»; чуптарлы шаршау «занавесь с браными узорами»; пешеле, пешле ағач — лит. беше «крепкое, не раскалывающееся дерево»; астылы-өстәло өй «дом с этажами»; дәмнө, дәмкәй йер «темное место в лесу»; экәйле — лит. экәмәтле «с причудой»; чатны-мотно была уәлерйән тамыры «валериана имеет разветвленные корни». В говоре зафиксированы и формы восточного диалекта на -ты. Ләүеште йылғасы — гидроним в Актанышском р-не; йыпты «низкий, низменный».

-сыз/-сез. Аффикс является отрицательным аспектом формы -лы/-ле. Но большинство подобных словоформ не имеет положительного аспекта. Примеры: хайасыз «бессовестный»; сөмсөз «мрачный, отталкивающий»; солсоз — лит. рәтһез «не умеющий ничего делать, не приспособленный»; парзымсыз, порзомсоз, фырзымсыз — лит. сабырһыз «несдержанный, невыдержанный»; Фырзымсыз тип тотороксоз, телен тыйалмаған кешегә әйтәләр «Человека несдержанного на язык, невыдержанного называют фырзымсыз»; жәмсеҙ! «противный!».

-ма/-мә, -малы/-мәле. По употребительности этих аффиксов говор объединяется с демским, средним говорами южного диалекта, хотя в значительной степени они отмечаются и в литературном языке, в других говорах башкирского языка. Примеры из говора с формами на -ма/-мә могут соответствовать различным формам других говоров и литературного языка: салынма йул — демск. ҫалыу, кизил. һалыу йул — средн. һалым йул «ухабистая зимняя дорога»; әйләнмә, боролма ағач — лит. борош ағас «закрученное, кряжистое дерево, дрова»; йарма кеүәс «квашня сборная, скрепленная обручем».

Формы на -малы/-мәле в большинстве своем соответствуют литературной форме на -ырлык/-эрлек, -кыс/-кес и др. формам: уш китмәле комалак — лит. иҫ китерлек «хмеля паразитально много»; хәзер күпчелек чәчелмәле жирләр — лит. сәсеүле, сәселгән «сейчас земли в большинстве посевные»; бер зә чызамалы түгел — лит. сызәрлык «совершенно нестерпимо»; ис китмәле — лит. иҫ киткес «удивительный, паразитальный» и др.

-лак/-лэк, -так/-тэк, -тык/-тек. В употреблении аффикса -лак/-лэк говор имеет диалектный вариант -так/-тэк, связанный с диалектной особенностью говора, когда звукоподражательные и образные слова после сонорных и р принимают аффикс с глухим началом т: чикылтак, чикылтык «крикливый», мыркылтык «ворчливый»; чәтертэк, чәтертек «языкастая, болтливая»; суйлак «ленивый», тешлэк «молчаливый».

-ый/-ей/-ий, -ой/-өй, -ай/-эй. Характерный для говора аффикс образует диалектные формы прилагательных: йоморой — лит. йоморо «округлый, шаровидный»; жоморой күл «круглое озеро»; йусый, жухый — лит. юха «хитрый, коварный, лицемерный»; жилхый — лит. елғыуар «ветренный, легкомысленный»; уталый «безалаберный»; төчөй, төчий «пресный, приторный»; дауай «скандальный»; лакий «грязный»; Дөнжаны лакий итәләр «загрязняют все, весь дом»; умый «хороший, приятный»; жабагай — лит. ябык «тощий», самый «глупый».

-тый/-тей, -тер/-тым. Аффикс показывает характер, качество предмета. Прилагательные с этими аффиксами переходят затем в существительные. Примеры на прилагательные: мыштый, мыштым — лит. астыртын «скрытный»; мыштый алар, бөтөнөсө! «Все они скрытные!»; печтер, печтей, печтекей, бөлөкәчтей — лит. бөләкәй «маленький».

-ык/-ек. Аффикс, как и в демском говоре, является более древним вариантом аффикса -ый/-ей. Некоторые формы совпадают с такими же демскими формами: тупик барнак — другие говоры тупый, тупыс бармак «палец без одной фаланги, тупой». Примеры из говора: кәтәк койрок — сонтор койрок «куцый, короткий хвост»; кәтәк барнак см. тупик барнак; катык — лит. каты «жесткий»; катык жир «жесткая земля»; кылтык «кокотливая»; терек — лит. тере «живой»; Терек хәлдә тотасың «В живом виде вылавливаешь»; тулык, тутырык — лит. тулы «полный»; тутырык бизрә «полное ведро»; тыртык — «худой, костлявый».

Единичные прилагательные с самобытными формами образования:

-ләш, -леш + кә: чирләш «болезненный»; тирлешкә — лит. тиргәшеүсән «ругающийся, бранчливый».

-тәш: жәптәш — лит. йәпле «подходящий, покладистый»; ср. средн. йәпһез «несговорчивый»;

-еш: иңкеш — средн. иңкес — гайнин. иңеш — кизил., бурзян. иңгел — демск. иңкәү — караид. иңгереш «уклонный, наклонный, пологий»;

-тач: йонтач — демск. йөнтәмәс — средн. йөнтәс. — караид. йөндәс — кизил. кубалаяк. йөнтәй, йөндөкәй — миас. йөнтәфкә — айск. йөнтәфәй «волосатый, ворсистый, пушистый».

-зыр: каузыр (танып.) — караид. каузан — бурзян. кауай «пустозвон».

-таш: посташ — лит. бысрак «грязный, грязнуля».

-че: үпкәче — лит. үпкәсел «обидчивый».

-ан/-ән: гүбән «толстый»; гүбән корсак «толстопузый»; төзән ағач «быстро раскальвающееся дерево, дрова», в противовес чалыш «труднораскальвающееся»; шәрәтән «голый»; Балалар шәрәтән төшсә суға жәйен жота шәрәтән баланы «Если дети голыми залезут в воду, сом глотает голого ребенка».

-ым/-ем: уйым урын — лит. уйһыу «низменное место»; салым йул — лит. һалыу «ухабиная дорога»; бәйләм ойок «самовязки, чулки вязаные».

Местоимение

Местоимения нижебельского говора многовариантны. Большинство из них совпадают с формами литературного языка и диалектными вариантами башкирских говоров. Только часть является формами татарского языка: бу «это», аңар «ему», шуңар «тому, этому», миңа «мне», сиңа «тебе» и представляют диалектную специфику самого говора.

Личное местоимение без «мы» в род. п. имеет шесть форм: беззең, безең, бездең, безнең, беззең, безең, безнең. Из них форма беззең — литературная, безең, безнең — характерны для среднего и демского говоров, безнең — форма татарская, остальные формы бездең, беззең, безең выступают собственно зональными.

Парадигма склонения личного местоимения без «мы»

говор	лит.
Осн. без	без
Род. беззең безең/безнең/бездең/ беззең/безең/безнең	беззең
Дат. безгә/безгә	безгә
Вин. беззе безне/беззе/безде/безне	беззе
Исх. беззән бездән/беззән/бездән	беззән
Мес. беззә бездә/беззә/бездә	беззә

Местоимение мин «я», син «ты» имеют в дат. п. формы миңә/миңа/миә «мне», сиңә/сиңа/сиә «тебе». Из них последние формы миә, сиә также выступают зональной особенностью северо-западных говоров, а также говоров и диалектов азербай-

джанского языка²⁰, являются литературной формой караимского языка (майа, маа)²¹. Эти формы, по мнению исследователей, могут представлять реликты древнетюркского хазарского языка.

Местоимения мин «я», син «ты» в исх. п. имеют два варианта: миннэн/минэн «от меня», синнэн/синэн «от тебя», которые представляют литературные формы татарского миннэн и башкирского минэн языков, например: Минэн кечерәктер күбек төйөлә «Кажется младше меня как будто».

Местоимение 3 лица ул «он» выступает еще в форме ал, которая характерна для языка катаяских башкир, ныне аргаяшского²² и среднего²³ говоров башкирского языка. Во мн. числе отмечены формы алар и аллар «они», последняя не зафиксирована ни в одном говоре башкирского и татарского языков. Примеры: Ал да былмады «И то не получилось»; Актанышбаш, Әжәкул, Уразай — алар башкорт «Актанышбаш, Азякулово, Уразаево — они башкирские»; Аллар үзләре эшләзеләр пчәнне «Они сами заготовили сено» (Бикбулово).

В дат. п. местоимение ул «он» употребляется чаще в форме аңа, реже — аңар: Күп аңа былаштылар «Долго с ней возились».

Все местные указательные местоимения говора являются формами литературного языка и башкирских говоров за исключением татарских форм: бу «это», шушы «вот это». Примеры: ана/әнә «вон», мына/менә «вот», шул «тот»; «этот», теге «тот», алай «такой», былай «вот такой», анауы «вон тот», мынауы «вот этот», анауылай «вон такой», мынауылай «вот этакий» и др.

Указательные местоимения с пространственными падежными формами могут образовать наречия места: анда «там», тегендә «дальше, там», мында «здесь», анауында «вон там», мынауында «вот здесь», тейакта «на той стороне», быйакта «на этой стороне» и т. д. Примеры из текста: Тегенэн апкайта белмәгәнбәз «Не догадались оттуда привезти»; Мынау шәмне ал «Возьми вот эту лампу»; Аңа бир, аңа! Ана шуңа! «Ему дай, ему! Вон тому!»; Жүг эле, анда аның қайғысы былмады «Нет еще, там не до него было»; Мынауында мәктүп тора бит? Шуның тейағында «Вот здесь стоит ведь школа? Вот на той ее

²⁰ Ширалиев М. Ш. Диалекты и говоры азербайджанского языка. — Баку: 1983, с. 96.

²¹ Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. — М., 1964, с. 215.

²² Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. — М., 1976, с. 123.

²³ Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка, с. 130.

стороне»; Безең тегендә бер йер, мында бер йер былды «У нас здесь земля, там земля была»; Анау шәлне алпкуй әле «Вон ту шаль уברי-ка».

Все характерные для говора **вопросительные местоимения** представлены в башкирском языке. Активными формами вопросительных местоимений являются: ней, нәмә, нимә, нейә-мә; нәмәкәй, нимәкәй, нейәмәкәй? «что?»; нейә, нигә, нәмәшләп, нимәшләп? «зачем? для чего?»; кайза, кайа «где?»; качан, кайчан? «когда» и др.

Особенность говора заключается в более широком функциональном употреблении местоимения нәмә, нимә в значении «что?», «какой?», «как?»; нәмә рәхәт? — лит. ниндәй рәхәт «какое удовольствие?»; нәмәзәй — лит. ниндәй «какой?» Нәмәзәй хәбәр икән бу? «Какое это известие, что за известие это?»; Менә нәмәзәй эш бу «Вот какое это дело»; Мин нәмәзәй жазыу беләйем? «Какое писание я могу знать?» Исеменң нәмә? «Как звать»; Апайның исеме нейәмә? Нейхәл, Гөлдахыйа? «Как дела Гулдахия, т. е. здравствуй»; Качан чыга муллабзый? «Когда выйдет старший брат»; Атаң кайза? «Где твой отец?» (Актаныш).

Неопределенные местоимения образуются, как и в других говорах, также при помощи неопределенного слова әллә: әлләмә, әллә нейәмә «неизвестно что»; әллә кайа, әллә кайза «неизвестно где»; Әллә качан «неизвестно когда, давно».

Наречие

Во всех разрядах наречий значительное количество составляют формы башкирского языка и его говоров, иногда с некоторыми семантическими отклонениями.

Наречия образа действия — богатый и разнообразно представленный класс с сугубо диалектными формами, часть из которых имеет соответствия в соседнем демском, гайнинском, среднем говорах, часть встречается в говорах татарского языка. Примеры: айыры — лит. айырыуса «в особенности, особенно»; Жир жиләге айыры күп булды быйыл «Клубники особенно много было в этом году»; алағайым, алағайымға «чересчур»; Алағайымға тулып китте «чересчур переполнилось»; ср. средн. г. алағайымка «зря, попусту»; артаба — лит. артабан «дальше, туда»; биртаба — др. гов. биртабан «близко, сюда»; ачамайлап — лит. асык «особо, специально»; Алайтып ачамайлап әйтмәйбәз «Так специально не называем»; зубайлан — лит. озак, иркенләп «долго»; Алайтып зубайлап ултырырға кеүәсем бар «Так долго рассиживаться у меня тесто есть» (Бик-

булово); албарзы — лит. алабарман «необдуманно, опрометчи-во»; ср. средн. г. албарзыға «попусту, зря»; пошаманға калып — лит. бойгоп «в печали, уныло»; Пошаманға калып, тиңсеэз чибәр бер кыз утыра тей «Сидит, говорит, в печали девушка несравненной красоты» (Калтасы); зарураттан — лит. зарураттан «по необходимости»; зарураттан алай-былай зару эчкеләй «По необходимости иногда попивает лекарство» (Илишево); рыйа — лит. ырийа «без души, недобросовестно»; Рыйа белә эшләй «Без души, без интереса работает»; ырауанжан — демск. ырауатал «неохотно, лениво»; ырауанжан кылына «неохотно возится»; Тач шунда йөрөйләр «Именно там ходят»; Тач йырак түгел «Точно недалеко».

Образование диалектных форм наречий образа действия происходит, как и в литературном языке, путем аффиксации, а также лексикализации различных грамматических форм имен существительных, прилагательных, деепричастных форм и др.

-га/-гә: алағайымға — лит. бигерәк, үтә «чересчур»; Алағайымға тулып китте «чересчур переполнилось»; токтотмалға — демск. ток-томан — лит. капыл, аңфармастан «вдруг, нечаянно»; Ток-томалға атыб үтересең «Нечаянно застрелишь еще»; тәк-дыуамалға — демск., средп. тәк зәрәгә, тәк зәрәгә — лит. юкка, бушка «зазря»; займыйға, үтечкә, көтәргә — лит. бурыска «взаймы»;

-лы/-ле: хәлле — лит. нык «сильно»; Хәлле жауған яңғыр «Сильно шел дождь»;

-зы: албарзы — лит. алабарман «несерьезно, легкомысленно, попусту» ср. средн. тигалбарзыға «из-за пустяка, зазря»;

-сыз/-сеэ: айхайсыз — лит. уйламағанда «нежданно-негаданно»; Айхайсыз муча кереп чыктык «Неожиданно вымылись в бане»; рыйасыз — хәйләһез «чистосердечно, добросовестно»; Рыйасыз эшләй «Работает добросовестно»;

-кот: тоңкот — лит. тонок «тускло, неясно»; Тоңкот кына күрә «Видит тускло, еле-еле»;

-ча/-чә: жиңелчә — лит. еңел һымак «как будто легко», ауырча — лит. ауыр кеүек «как будто тяжело», хәлчә — лит. байтак «порядочно, достаточно».

Специфическими формами наречий образа действия выступают в говоре

-ай/-айна: моғай, моғайна — лит. моғайын «наверняка»; Моғай Азнакайға китәләр «Наверняка едут в Азнакаево»; чалкай — лит. салкан «навзничь, на спине»; Арбаза чалкай барам «Еду в телеге лежа на спине»;

-ат: ыктымат — караид. ыксымат — лит. ыксым «как раз, в аккурат»;

-мач: айырмач — лит. айырып «ясно»; Тач айырмач белмәйем — лит. бик айырып белмәйем «Точно отличить не могу»;

-ман/-мән: чәтәмән, чатакырма йәбешеп — демск. сытырман — лит. сарт йәбешеп «крепко вцепившись»;

-тән: шәрәтән — демск. шәрә көйө — лит. яланғас «в голом виде»; Шәрәтән кереп китсә «Если в голом виде войдет в воду».

В говоре бытует много парных наречий-повторов, общих с литературными формами, с некоторыми фонетическими или морфологическими и семантическими местными особенностями. Примеры: алмаш-тилмәш — лит. алмаш-тилмәш «поочередно»; Алмаш-тилмәш бейей торған ейек кубызға «Поочередно плясали под кубыз»; алпан-тилпән баһып — лит. алпан-толпан баһып «шагая вразвалку»; аңкы-тиңке булыу — лит. аңкы-тиңке булыу «отупеть»; ср. тат. аңғы-миңге — то же; аунап-түнәп йөрөү — лит. аунап-түнәп йөрөү «где попало валяясь, ходить»; берләтә-бер — лит. берзән-бер «один раз только, единственно»; берләтә-бер барыу «один только раз сходить»; берән-сәрән — лит. берәм-һәрәм «редко, изредка»; Берән-сәрән генә тегә «Шьет только изредка»; Татарлар берән-сәрән ейе «Татар было редко» (Миниярово); бөтөн көйө — лит. бөтөнләй «полностью, сплошь»; Бөтөн көйө саз анда «Там сплошь болота»; әүеш-тәүеш итеп — лит. әүеш-теүеш итеп «как-нибудь, кое-как — сводя концы с концами».

Наречия-интенсивы также образуются способом словосложения и выражают меру и степень действия. Примеры: Бик дәһәр уңа торғайны муйыл «Очень сильно уродилась черемуха»; Дихәй читтә «совсем в стороне»; ср. демск. дихай «совсем, совершенно»; дихай йат «совершенно чужой, совсем дальний родственник»; зерә шәп «очень хорошо»; иссуғы, исчуғы һич йуғы «хотя бы»; Иссуғында «в крайнем случае»; ср. вост. д. исуғы, айск. иссуғы — то же; төптә — кизил. төптә «вовсе»; Төптә үпкә былмады «Вовсе обиды не было»; уғата — лит. бигерәк «слишком, чересчур, наоборот»; Бала-чаға уғата чая шул хәзер «Дети чересчур бойкие ведь сейчас»; уғата жәмне «слишком красиво»; уғата әйбәтләнә иде «наоборот, лучше становилось».

Наречия места и времени, местного и диалектного характера, отражающие особенности контактирующих говоров, наблюдаются редко, например: йалан — лит. гел «всегда, постоянно», оно отмечается и в мишарском диалекте татарского языка; бер шәптә — лит. күз асып йомғанса «моментально»; эта форма характерна также для соседнего гайнинского говора; ананары — лит. унан һуң «после этого»; в гайнинском ананар — то же; әчкәрзә — лит. эстә «внутри», в демском и ик-сакмарском әскәре — то же; ср. в говоре крещен. татар эчкәре «внутренний».

Большинство же наречий времени и места имеют общее происхождение с башкирским языком и его говорами. Примеры: байағынак — кизил. байағы — лит. бая «давеча»; Байағынак жаззырзым бит «Давеча записала же»; ғүмер, ғөмөр — лит. ғүмер буйы «всю жизнь»; Без ғөмер чэй эчтек «Мы всю жизнь пили чай»; жакты күззә — лит. якты күззә «засветло»; Жакты күззә барып кил «засветло сходи»; кышкыны, кышлыкта — лит. кышкыһын «зимой»; жәйлектә — лит. йәйгеһен «летом»; кичлектә — лит. кискеһен «вечером»; кышлыкта биәләйләр, чөлкәләр бәйләп бирейек суғышка «зимой вязали варежки, чулки на войну»; Жәйлек буйынча кайтмайлар «Все летнее время не возвращаются»; мыңчы — демск., средн., ик-юшатыр. гов. мыңарса «до сих пор»; Мыңчы кайтарый инде «До сих пор уже вернулся бы».

Представляют интерес также сложные наречия, образованные способом словосложения, которые широко бытуют в башкирском народно-разговорном языке: Артаба, артабатын «дальше, туда»; биртаба «сюда»; биртабатын «ближе сюда»; шуннан биртаба «с этих пор, с тех пор»; ар за-бир зә «туда сюда; и там, и здесь»; Ар за-бир зә йөрөй ул шунда «И там и здесь появляется он»; буйакта «в этой стороне; здесь»; те йакта «в той стороне; там»; бы жымда, бы тымда «здесь, в этих местах»; бы жымда ишелмәй — был тирәлә ишетелмәй «в этих местах не слышно».

Глагол

В говоре разряд глаголов является в основном общим с башкирским литературным языком. Диалектная специфика выступает в бытовании некоторых диалектных глаголов, т. е. глаголов-диалектизмов, которые будут рассматриваться в разделе лексики, в некоторых формах глагольных категорий, а также формах глагольного словообразования.

Изъявительное наклонение

Настоящее время. Отрицательный аспект глаголов 1 лица ед. числа настоящего времени оформляется формами -майым/-мәйем (бармайым, килмәйем), как в литературном языке, -маймын/-мәймен (бармаймын «не пойду», килмәймен «не приду»), как в других говорах башкирского языка.

В отдельных глаголах отрицание выражается в 1 лице ед. числа сокращенной формой на -мам/-мәм вместо -майым/-мәйем, что является местной диалектной спецификой говора: бел-

мәм — лит. белмәйем «не знаю»; Белмәм тип ҙер-ҙер калтырап, йалған сүз сүләп чак котолған «Весь дрожа, обманув, что ничего не знает, еле спасся»; Белмәм инде нишләмә кәрәк «Не знаю теперь, что делать»; өшөмәм — лит. өшөмәйем «не мерзну»; Мин әле өшөмәм «Я еще не мерзну»; эчмәм — лит. эсмәйем «не пью»; Андый нәстәне эчмәм «Такую вещь я не пью»; этмәм/эйтмәм — лит. эйтмәйем «не говорю»; этәлмәм/эйтәлмәм — лит. «не могу говорить, сказать»; Анысын этәлмәм «Того не могу говорить, сказать».

Вспомогательный глагол ти «говорит» в 3 л. ед. и мн. числах имеет формы тей/тиә и тейләр/тиәләр.

Парадигма спряжения глагола ти:

ед. ч.	мн. ч.	лит. ф. (орфогр.)
1 л. мин тейем/тимен	без тибез/тейбез	тим — тибез
2 л. син тейсен/тисен	сез тисез/тейсегез	тиһең — тиһегез
3 л. ул тей/тиә	алар тиәләр/тейләр	ти — тизәр

Прошедшее время. В говоре зафиксированы все формы прошедшего времени башкирского литературного языка. Так, прошедшее простое очевидное имеет формы на -ды/-ты, простое неочевидное на -ған/-қан, -гән/-кән. Примеры: Инсәгә күтәрәб апкайттым «Взвалив на плечи принес домой»; Даруға за таба алмазылар кымызны «Даже для лечения не могли найти кумыза»; Электән башкырт нык суғышқан, шуның өчен жире күп былған, Минзәлә йақларына тиңетән былған жирләр «Издавна башкир крепко боролся за свою землю, поэтому у него земли было много, до Мензелинских краев были земли».

Диалектные черты проявляются в сложных формах прошедшего времени, в которых наряду с литературной формой на -гайны/-гәйне, -кайны/-кәйне (киләм тигәйне «сказал, что придет», мында жибәрегә иткәйнеләр «хотели сюда послать») выступают и формы на -ганейе/-гәнейе, как и в соседнем демском говоре южного диалекта, а также в других северо-западных говорах. См. парадигму спряжения вспомогательного глагола тороу «быть, жить»:

ед. ч.	мн. ч.	лит. форма
1 л. торғанейем	торғанейек	торгайным
2 л. торғанейең	торғанейегез	торгайның
3 л. торғанейе-ей	торғанейе-нарейе	торгайны

Примеры из текста: Зиләйлүк көйләрен еббәрә торғанейек — лит. торгайның; «Песню Зияляйлук запевали бывало»; Этәй моңайып жырлап бара, без читкә карап көлөп бара торғанейек «Отец, бывало, печально затягивал песню, мы, отвора-

чиваясь в сторону, бывало посмеивались» (Мензел.); Пыский белә генә утыра торғанейек «Бывало, только с лампой-коптилкой сидели» (Янаул.).

Кроме того, сложные формы прошедшего времени образуются, как и в самом башкирском языке, и из других временных форм, напр., настоящего и вспомогательного глагола ейе — лит. ине «было, бывало»; кыз-кыркын Маңғазыға барабызейек қарға бутқасына, кәзә жуасына «Девушки, собравшись, ходили, бывало, на Мангазы на воронью кашу, за горным луком» (Дюртюл.); карчык тейе эчкәндә — лит. тей ине «называл старухой, когда выпивал» (Илиш.); Мал чирләсә, ширмеш зыйаратка аппаратларыый «Если заболит скотина, то водили, бывало, на черемисское (марийское) кладбище» (Илиш.); будущего времени + вспомогательного глагола ейе: Аппак булып күпереп торарейе қарабозай тәикмәге «Белым-белым и пышными получались блины из гречихи» (Актаныш.).

Будущее время на -р в говоре, как и в башкирском народно-разговорном языке, имеет два варианта, с широким и узким гласным: -ар/-әр, -ыр/-ер. Литературной нормой является форма на -ыр/-ер. Примеры: сыйырбыз/сыйарбыз «уместимся», узырмын/узармын «обгоним», кисер/кисәр «порежет» и др. (Дюртюли); утырымын «сяду», эндәшермен «позову», эретермен «растоплю» (Илиш.); В некоторых глаголах с корневым конечным -р (бар «иди», бир «дай», кер «входи», каптыр «застегни», пешер «вари») при спряжении аффиксальный -р будущего времени в живой речи может выпадать в 1, 2 лицах: барымын «пойду», барысың, «пойдешь», биремен «дам», биресең «дашь», биресегез «дадите», керемен «зайду», кересең «зайдешь», кересегез «зайдете» и т. д.

В единичных случаях зафиксирована в 1 л. ед. числа еще более стяженная форма на -ым/-ем вм. -ырмын/-ермен литературного языка: Анис бирем тигәйне «Обещала дать анис» (Мензел.); үлсәм-үлем, калсам-калым «Если умру, так умру, если останусь, так останусь» (Актаныш.); язарым — лит. язырмын «напишу». Формы типа язырым, алырым отмечены башкирскими лингвистами во многих башкирских говорах, а формы бирем, барым бытуют в говорах восточного диалекта башкирского языка.

Условное наклонение

В говоре бытуют две формы условного наклонения: 1) -са/-сә, общая для башкирского и татарского языков, например: Ул бүреуы азса, жоклатмай да «Если крапивница осложнится, совсем не дает спать»; Алайсаң/алиса/әлсә — лит. улайһа

«если так; в таком случае»; 2) диалектная форма на -ды/-де + исэ, характерная для соседних демского, таньпского и караидельского говоров, которая выступает диалектной особенностью северо-западного региона. Спряжение глагола бар «иди»:

ед. ч.	мн. ч.
1 л. бардисэм/бартисэм	барзыгисэ
2 л. бардисэң/бартисэң	барзыгызисэ
3 л. бардисэ/бартисэ	барзыларисэ

Бытует вариант, когда спрягается основной глагол, а исэ остается неизменным. Примеры: Бала йүтәлләде исэ, үгәйнә йафрағын кайнатыб эчерәбез «Если ребенок кашляет, завариваем листья мать-и-мачехи и поим». Әйттең исэ, мин белмәм тей «Если скажешь, говорит я не знаю».

Желательное наклонение

Желательное наклонение в говоре образуется путем слияния формы условного наклонения -са/-сэ с вспомогательным глаголом ейә/ыйы — лит. ине: былсайы — лит. булһа ине «желательно было бы», тибәтебәтсәйә — лит. тип әйтеп әйтһә ине «пусть бы так сказал».

Отрицательный аспект желательного наклонения выступает лишь в 3 лице форме -мағайы/-мәғәйә и выражает опасение, сомнение. Примеры: Китеп бармағайы «Как бы не уехал»; Тартардан былмағайы алар «Возможно из Тартара они. Как бы они не были из Тартара».

Новелительное наклонение

Новелительное наклонение имеет в говоре две формы: -ығыз/-егез как в литературном языке и диалектную форму -ың/-ең: Бар-бар барығыз, йөрәмәгез! «Идите-идите, не ходите!»; Чокомаң ул жирне! «Не копайте то место!»; Әйзәң әле, ашағыз әле «Давайте, кушайте пожалуйста».

Аффиксальное словообразование

В говоре значительное место занимает аффиксальное словообразование с использованием известных литературных аффиксов на основе диалектных глагольных корней, а также фонетических и морфологических вариантов аффиксов вместо литературных.

-ла/-лә, -да/-дә, -за/-зә, -на/-нә. Продуктивный аффикс и его диалектные варианты от именных частей и звукоподражательных слов образует много местных глаголов. Примеры: акшарлау — лит. аклау «белить»; моржамны акшарладым әле «Побелила свою печь»; ғыразылау «мелочничать; привязываться» от ғырази «мелочный»; жыйлау — лит. жыйылдау «жужжать, гудеть от быстрой езды» (о дороге); Юллары жыйлап тора «Дороги их быстроходные, укатанные»; сыкылау — лит. һыкы яуыу «падать, идти изморози, заиндевать»; туғылау — лит. тукуу «взбивать»; кул белә туғылайлар «взбивают руками, вручную»; текерләу — лит. тупырлау «издавать стукотню, шум; быть крепким»; Өйдә алты бала текерләп ятып торалар — лит. тупырлап тороп яталар «Шестеро детей шумно живут в доме»; ыхлау — лит. ыхылдау «ыхать»; Ыхлаған тауыш кына ишетелә «слышится только дыханье».

Аффиксы -да/-дә, -за/-зә, -на/-нә являются диалектными вариантами литературного аффикса -ла/-лә. Варианты -да/-дә, -за/-зә являются аффиксами восточного диалекта башкирского языка, -на/-нә — аффикс южного диалекта. Примеры из говора: лыбырзау — лит. епшеу «таять, мокнуть» (о погоде зимой); миндәу «болеть, мучиться»; ялтырзау — лит. ялтырау «блистать»; Ялтырзап тора, шак катарлык «Блестит поразительно» (Янаул.); майзау — восточн. д. майзау — лит. майлау «смазывать»; арба майзайык «давай смажем колеса телеги» (Янаул.); четерзәу — южн. д. селтерләу — восточн. д. сылтырзау, сылтырау — лит. сылтырау, шылтырау «звенеть, журчать»; челтерзәп ағып ята йырғанак «Со звоном течет родник» Янаул.; талымнау «выбирать пищу при беременности»; текемнәп карау — лит. текләп карау «уставиться, смотреть внимательно»; хитаннау — лит. сатанлау «хромать».

-лан/-лән, -лат, -лаш/-ләш. Образуют глаголы возвратного значения действия: азалану «увлекаться, влюбляться»; ачырғалану «нервничать, злиться»; борсалану — демск. борсалану — лит. борсолу «беспокоиться, тревожиться»; быжыклану — лит. мыжыу «капризничать»; очлану — лит. осноу «воображать, зарываться, терять чувство меры»; Тыймасаң, очлана башлай «Если не одергивать, то начинает зарываться, терять чувство меры»; шәрләнеу — лит. кырауытыу «заиндевать».

-лат/-ләт: ололатыу — лит. ололау «почитать, уважать старость»; Прсидәтел бик ололата, ней сорасаң шуны бирә «Председатель очень уважает стариков, что спросишь, не отказывает».

-лаш/-ләш: жоплашыу — лит. парлашыу «справиться»; бәләләшеу — лит. бәлә һалыу «скандалить, поднимать нарочитый шум, скандал».

-ай/-эй. Непродуктивный аффикс образовал глаголы состояния, некоторые диалектные формы соответствуют другим литературным аффиксам: аңрайыу «одурачиваться», ср. демск. аңрайыу — то же; бүртэйеу — лит. бүртенеу «покраснеть от недовольства»; ирэйеу «возомнить»; ср. демск. ирэйеу «чувствовать облегчение, свободу»; исэйеу «выздороветь»; муртайыу «ветшать, гнить»; ср. средн. муртайыу — «гнить»; бурзян. муртығыу «преть, обветшать, трухляветь»; сузайыу «растянуться во весь рост, развалиться»; ср. лит. һуйзайыу «быть долговязым».

-а/-ә, -о/-ө, -ы/-е. Пережиточный аффикс, образовал диалектные глаголы состояния: быдырау/бызырау «упрямиться»; средн. бызырайыу — то же; кызғау — лит. кызғану «жалеть, опекать»; мачау «сделать заплатку»; юнәу — лит. юнәлеу «заживать, стать здоровым»; Аяғым юнәмәй «Нога моя не заживает»; диңгеу «утомляться, отупляться»; ср. лит. баш. зеңкеу, средн. зыңкыу «шуметь, отупляться от удара»; дүнеу «отказаться, передумать» ср. средн. дүнеу «перевертывать, перевернуть», айск. дүнеу «отпираться, отказаться».

-ылта/-елтә, -ырда. Аффикс, характерный для среднего и караидельского говора, отражает фонетическую особенность указанных говоров. В данном говоре аффикс проявляется лишь в глаголах, образованных от звукоподражательных слов: быкылтау «ворчать»; кимылтау — лит. кыймылдау «шевелнуться»; кыбыртау — лит. кыбырзау «шевелиться, двигаться»; лыбыртатыу «таять, раскиснуть» (о зимней оттепели); мыркылтау «ворчать, быть недовольным»; Мыркылтама! «Не ворчи!»; тасырдау/тасырзау «грохать»; лит. таһырлау — то же; Тасырдап йөрөй «Грохоча ходит»; чикылтау — средн. сикылтау «кричать, визжать»; чикылтап йөрмә! «не ходи, не кричи»; чөкөлтәшеп — кизил. сөңкөлдәшеу «жить душа в душу»; ср. средн. г. сөңкөлтәу «ворчать».

Единичные диалектные формы глагола

-ек: ирекеу — лит. иренеу «лениться»; Ирекәм! «Лень берет»; — кәр: искәреу — лит. исләу; искә килеу «1) вспомнить; 2) придти в себя»; Азрак искәрзем «Немного пришла в себя»; -ырын: катырынып «не располагаясь, не раскрываясь, замкнуто»;

-ырған: пышырғану «распариться, разгорячиться»; тартылыу (Илиш.) — тартышыу (Актаныш.) — лит. тартыныу «стесняться, чувствовать себя неловко».

-ыл, -ыш: тартылыу (Илиш.) — тартышыу (Актаныш.) — лит. тартыныу «стесняться, чувствовать себя неудобно»; — ләштереу: читләштереу — лит. ситләтеу — восточн. д. сителтеу «отталкивать, обижать».

Некоторые сложные глаголы

Составные глаголы из вспомогательного глагола ал «бери, возьми» и основных глаголов, в устной разговорной речи сливаются в один сложный глагол с фонетическим изменением первого компонента: алып барыу > алпбар > аппарат «взять с собой»; Атасы малайын аппарата «Отец берет с собой сына»; алып килеу > алп кил > апкил «принести»; алып китеу > алпкит > апкит «унести»; алып кереу > алпкер > апкер/эпкер «занести, внести»; алып кайтыу > алпкайт > апкайт «отнести домой». Данное явление характерно для всего башкирского народно-разговорного языка.

Служебные части речи Послелого

В нижнебельском говоре бытует большой класс послелогов и послеложных слов, выполняющих функции их. Часть из них едина с башкирским или татарским литературными языками, но с сильными фоно-морфологическими диалектными особенностями, что позволяет рассматривать их в некотором смысле и местными формами, напр.: белә — южн. д. белә, белән — башк. лит. менән — тат. белән «с», күбек/күүек/күек/күк — башк. кеүек — тат. кебек «подобно, словно»; озай — демск. озай — башк. лит. озайына «в продолжении, на протяжении»; табатып — айск. табай — башк. лит. табан — тат. таба «по направлению к»; тикле, хэзәре, чаклы/чәкле/чакы — башк. тикле, кәзәрле, саклы — тат. тикле, хәдәрле, чаклы «до; с» и др. зн.; йары — тат. яры — сальют. сары/сәре — кубаляк. тары/тәре — лит. карай «по направлению к; до» и др.

Значительная часть фоно-морфологических диалектных послелогов находит соответствия в соседних и других говорах башкирского языка: озай — демск. озай «в продолжении»; сәйен — сакмар. сәйем «на каждого, у каждого», среднеурал. сәйен «до», терит — демск. терит «раз», тиңете/тиңелте/тиңелтен — айск., средн. тиңке «по, до»; тәүмәллеге — кизил. тәүмәлдеге — средн. тәүмәлек «с, как», шайы — северо-западн. шайы — восточн. д. шайы, шәйе — южн. д. шайы, шәйе, шәйеп «с; подобно» и т. д.

В говоре зафиксированы и собственные местные диалектизмы, которые не отмечены в других говорах: чике — лит. кеуек «как»; эттәре — лит. алып, хәтле, кәзәрле «с, до, по».

Послелогои делятся на несколько семантических групп, среди которых большой объем составляет группа сравнительно-уподобительных, временно-пространственных послелогов. Выделяются послелогои причинно-следственные, а также обозначающие совместность, кратность и др. Грамматическая функция послелогов заключается в том, чтобы управлять сочетаемым именем существительным в определенной падежной форме.

Некоторые характерные для говора послелогои, управляющие основным именительным падежом.

Белә — лит. менән «с». Очень редко выступает в говоре в форме белән. Послелог характерен для всех северо-западных, а также для говоров южного диалекта. Примеры, зафиксированные в говоре: Ат пелә жөрөй «На лошади ездит»; Энем белә бер жәштәйе «С моим братом одногодки были»; Тҗлыч пелә кап, чөшлө белә чабата үрәләрейе «Бердом ткали кули, кочедыком вязали лапти»; Пыскый белә утырды халык «С коптилкой сидел народ»; Минем атам белә Фазыл карт бер туғаннар «С моим отцом старик Фазыл родные братья».

Күбек/күүек/күүк — лит. кеуек «подобно, словно, как»; Форма послелогоа күбек и его варианты бытуют во всех говорах (демском, среднем, ик-сакмарском) южного диалекта, караидельском говоре. В других говорах чаще всего отмечается форма күк. Примеры из говора с наиболее активной формой күбек, күек: Ат күбек тәгәрләп киткән «Грохнулся словно лошадь»; Эт күбек аунап-түнәп эчеп йөрөй «Валяясь как собака ходит пьет»; Лимун сарысы күбек былғап «Стал желтым подобно лимону»; Эй, пичура күек утырам «Ой, сижу как кикомора».

Местоимения с послелогом күбек/күек/күүк управляются родительным падежом: синең күбек «подобно тебе»; шуның күек «как он».

Озай — демск. озай — лит. озайына «в продолжении, на протяжении»; Көн озай эсседә самсыратты «Целый день на жаре обессилели, отупели»; Көн озай кырза «Целый день в поле».

Сәйен/сайын — лит. һайын «на, у каждого, в каждом»; кеше сәйен алма, карагат «У каждого растут яблоны, смородина»; Өй сайын жөрдөләр «В каждый дом заходили».

Тиңелтен/тиңетен/тиңете — лит. алып, тикле «по, с». Бил тиңелтен былды кар «Снегу было по пояс»; Муйын тиңете суға кереп торған «Стоял по шею в воде».

Тәүмәллек/дәүмәлек — лит. зурлыкта «величиной с»; Зур йылан килә тей, ағай; Без буйына карай, куласа тәүмәллеге

булып уралып «Большая змея катится, говорит, в сторону Пизи, братец, свернувшись, величиной с колесо (Янаул.); Өй дәүмәлек «величиной с дом».

При конкретизации предмета послелог тәүмәллек требует родительного падежа: Шушыпың тәүмәллеге булты бестә бәрәңге «Вот в такую крупную величину была у нас картошка» (Жалтасы).

Шайы — лит. кеүек «подобно, как». Очень распространенный послелог, отмечается почти во всех говорах. Примеры из говора: Көйәнтә шайы итеп салды әтәй тамғаны «Отец клал тамгу в виде коромысла»; Әзәм шайы за күрмәйләр ата-инәләрен «За человека даже не считают своих родителей».

Некоторые послелогии, управляющие дательным падежом.

Чакы/чаклы/чикле/чике — лит. саклы «с, до». Послелог полисемантический: выступает и как временно-пространственный, и как сравнительно-уподобительный. Примеры: Аңа чакы/чаклы «до него; до того»; көзгә чикле «до осени»; Кайсылары жылға чаклы кейәүләй «Некоторые до года ходят жениховать»; әтәсе чике «как отец».

Табатын, таба — лит. таба, табан «по направлению к, до». Активный послелог в говоре, и в форме таба, табан характерен для башкирского языка. В башкирских говорах участвует в словообразовании наречий: биртабан «сюда, близко», артабан «туда, дальше».

В говоре послелог употребляется в сочетании с существительными и местоимениями в именительном, дательном падежах: Изел табатын «по направлению к Каме»; Тегеләй Изелгә табатын «Туда в сторону Камы»; Ташкичеүгә табатын «В сторону Каменной переправы».

Послелогии часто изменяются по падежам: Бер таба да житешеп былмай «Никуда, ни до чего невозможно успеть»; Елкә табатындағы тәңкәләренә хәзәре бирзем «Отдала даже монеты, которые были на накоснике».

Зафиксирован очень своеобразный послелог, управляющий исходным падежом: эттәре, соответствующий литературному алып «с» и кәзәрле «до, по». Выявлен в Янаульском и Мензелинском районах. Примеры: Яртысынан эттәре күренмәй «Видно только до половины»; Муйыннан эттәре булыр «Будет до шеи, по шею».

Отмечены послелогии, употребляющиеся с числительными, обозначающими кратность: терит «раз»; бер терит «один раз»; Ике терит дипутат былдым «Два раза был депутатом»; Пирвай терит «первый раз»; бер яры — лит. бер мәртәбә «один раз»; Ике яры торзолар «Два раза проживали».

Частицы

Наряду с общими литературными формами, как бит «ведь», әле «ка», ласа, лабаса «ведь» и др. зн., тач «точь в точь» и др. зн., -чы/-че «же, ведь»; чат — усилительная частица, в говоре бытует целый класс частиц, единых с другими башкирскими говорами и характерных для народно-разговорного языка.

По функционально-семантической значимости частицы бывают усилительно-экспрессивные, утвердительные, вопросительные, просьбы и повеления и др. Приведем некоторые частицы, характерные для говора.

Тач — усилительная частица, употребляется с различными частями речи в значении «точно, именно, слишком»: Тач айырмач ук белмәйем «Особо точно я не знаю»; Тач шунда йөрәйләр «Именно там они ходят»; Тач йырак түгел «Не слишком уж далеко»; тач әтәсе, гел әтәсе «точь в точь отец, вылитый отец».

Тең — демск. төң «совсем, кругом»; Тең бер үзе калды «Совсем одна осталась».

Гел — «совсем, сплошь»; Гел әтәй «вылитый отец»; Гел салдык, дүмгәклек «сплошь болото, кочкарник».

Кый — «совсем, кругом»; кый жәтим «совсем сирота».

-Чы/-че — утвердительная частица «же, ведь»: Күпче! «Много же!»; Бестә барчы «У нас есть же».

С прилагательными употребляются следующие усилительные слова-частицы: дәһәр, зәрә, имәнеч, том/тома, томана, уғата, хәтәр в усилительном значении «очень, сильно» и др. зн. Примеры: Бик дәһәр усал «Очень сильно злая»; Зәрә шәп карт «Очень сильно хороший старик»; Имәнеч зур йылан «страшно большая змея»; том кара — лит. дәм кара «Очень черный»; тома сукыр — лит. тома һукыр «совсем слепой»; томана назан — лит. тома назан «абсолютно темный, неграмотный, непросвещенный»; уғата чаялар «слишком смелые, очень бойкие»; хәтәр ушлы карт «очень память хорошая у старика»; Бик хәтәр гилым Рәхимйән бабай «Очень сильно ученый дед Рахимьян».

Некоторые усилительные частицы к отдельным прилагательным: чат кызыл — лит. сем кызыл «ярко-красный, очень красный»; том кара — лит. дәм кара «очень черный, черный-черный»; жете сары — лит. һап-һары «яркожелтый, очень желтый».

Междометия

Говор весьма богат междометиями и междометными словами. Наиболее активным выступает: ағай «брат, братец», выражает чувства удивления, досады, возмущения и др. зн. Примеры: Мен(ә) ағай, қызамықтың инәсе күзенә чыкты! «Корь поразила его глаз, вот, братец»; Мына бер нәмә тешнәде бит, ағай «Вот что-то укусило ведь, братец!» Белмәйем бит, ағай, жылай-жылай чүпләйем! «Не знаю ведь, братец, с плачем отбираю»; Йәнчелмәй бит, ағай «Не шмякнется ведь, брат».

ай — ик-сакмар. ай — лит. әй — форма обращения к приятелю; Миңа бир әле, ай! «Дай-ка мне, приятель».

ата-та-та! — междометия шутивого удивления; Ата-та-та! Сез әллә иртүк су керегә тотонғансығыз, ағай? «Ата-та-та! Вы, кажется, решили с раннего утра искупаться?»

Бәрә, бәрәч, бәрәш, батач, пәтә! — междометие выражает сильное удивление, досаду, испуг, возмущение и др. зн. Распространено по всему говору и других северо-западных говорах, активно употребляется взрослым населением. Примеры: Бәрә! Бу языбутыра мыней? «Бәрә, эта сидит записывает разве?»; Нейә, бәрәч! Килсеннәр, эшләсеннәр! «А что, пусть приходят, работают!»; Бәрәш! Казалып та килә бит танык! «Бәрәш, а танк прямо прет уже на нас».

какай/кәкәй/какай — лит. кәкәй в детском языке «кака, бяка».

менәтрә! — межд. говора выражает утверждение соответствует «вот так, вот тебе на». Аңа зитмеш икенче, менәтрә! «Ему семьдесят второй пошел, вот так!»

ыйа! — межд. выражает сильный испуг, неожиданность.

ыстағариф, эстәген! — межд. выражает досаду, возмущение.

әллә/әлләү! — межд. выражает боль.

чер-чер/чир-чир — межд. гур-гур. чәү! — межд. цыц!

Междометия, употребляющиеся при обращении с домашними животными: зова, призыва, отгона, понукания.

	для зова	для отгона
лошади	бах-бах, бох-бох!	на! нә!
жеребенка	гөлә-гөлә-гөлә!	гөлкәй! нә!
коровы	тпругәнәй! тпругәләй!	тпрукә!
теленка	тпрей-тпрей, тпрәй-тпрәй!	тпрушә!
овец	т ^ә әч-т ^ә әч! тәч-тәч!	фәс! тәт! тәчтәй!
коз	кәз-кәз-кәз!	каза! кәзә! кәзәкәй!
собаки	моһ-моһ-моһ!	чәбә! чоба!
щенка	көч-көч-көч!	чәбә!
кошки	пс-пс-пс!	прос! прәс! прәс!
гусей	дәгә-зәгә-зәгә, диги-диги	

уток	битш-битш, битч битч. бит-бит, биш-биш	
утят	лил-лил, лил-лил	көшш!
индюков	кур-кур-кур	кәшш!
кур	кет-кет-кет, ти-ти-ти	кшш!
цыплят	чеп-чеп-чеп	

Лексические особенности

Ареальная и историческая лексика

Территория нижнебельско-ыкского говора является самой крайней северо-западной частью Башкирской ССР, далее на запад выходит за пределы республики в Агрызский, Актанышский, Мюслюмский, Мензелинский р-ны Татарской ССР, где живут исторические башкиры.

Поэтому в этой зоне с самых древних времен, особенно после разгрома Казанского ханства, происходят тесные контакты и активные взаимодействия башкир с татарами, чувашами и финно-угорскими народностями, а также смешение и взаимовлияния их языков, в первую очередь башкирского и татарского. В процессе активных социально-этнических взаимодействий формировался территориальный разговорный язык с местными особенностями, которые ярко проявляются и в области лексики.

Общеизвестно, что башкирский и татарский языки являются самыми близкими тюркскими языками и, будучи близкородственными, в своей фонетике и грамматике имеют больше сходств, нежели резких отличий²⁴.

Так, большой объем лексики также является общим лексическим фондом двух языков, например: абайлау «заметить; почуять; почувствовать»; абзый, агай «старший брат»; алап «большой лубяпой короб»; аймылыш булыу «не встретиться, разойтись по пути»; алача «пестрядь»; бабай «старик, дед»; балауыз «воск»; балтырган «борщевник»; барнау — башк., барнау — тат. барнаул «старинная трехкопеечная монета»; богазлау «резать, забивать (скот)»; игенче «хлебопашец»; ир-ат «мужчины»; катыу алыу «рези в животе»; мокча «мешочек, сумка»; лапшыу «быстро запариться (о лошади)»; табак «чаша деревянная»; тибен «тебеневка, зимнее пастбище для лошадей»; тәпе «мышеловка»; уңай «удобный»; сарыу кайнау «из-

²⁴ Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. — М.: Наука, 1979, с. 196 — 197.

жога»; чәч «волосы»; сабак «стебель, ботва»; сап «дерево, рукоятка, черенок»; шаярыу «шалить, баловаться, шутить»; ығызығы «суматоха, сумятица»; ышык «прикрытие, укрытие»; элек «рапеше, прежде»; юдаш «спутник, попутчик»; әсәреу лит. әсәрләпеу «вдохновляться, возбуждаться» и многие др.²⁵

Кроме того, в говоре отмечается пласт лексики, который характерен для башкирского языка или употребляется в значении, характерном для башкирского языка, например: аладау «вахирь, дикий голубь»; аткарыу «проводить»; ср. башк. тунак аткарыу «угощение и проводы гостей»; башмак «годовалый теленок»; башкоза «сват, сваха»; башкоза йебәреу «послать свата»; болаңғыр — башк. болаңғырт «мутный, пасмурный»; иннек — башк. индек «ворота из жердей-засовов», ирмәк «забава, потеха; забавный, потешный»; йаһил «злой, коварный»; кумак — башк. комак «крыса»; оңкот «ненасытный»; ошак «ябеда», ошакчы «ябедник, допосчик»; өлкә көн — башк. элекке көн «позавчера»; томрап тору: кап-кара томрап тора күзләре «черные-черные глаза с поволокой»; түбә «родовое подразделение»; тәнән чиләге «деревянный сосуд для меда, кислого молока и др.»; ср. башк. тәпәп — то же; череки, черекей — башк. серәкәй «комар»; жауын — башк. яуын — тат. яуым «осадки» и др.

Говор имеет общий диалектный пласт лексики, характерный для всех северо-западных говоров, который выступает как единая ареальная лексика северных говоров башкирского и татарского языков*.

Здесь ограничимся приведением некоторых общих для говора и всего северо-западного ареала диалектизмов: Аяк сауыты «обувь», акма сир «туберкулез щитовидных желез»; апай «младшие братья и сестры и форма обращения к ним»; аса «иней на деревьях», пси жилеге караид. бесей йелеге «спинной мозг»; жабаға «весенняя линька животных»; ләпек, пчрак «грязь уличная»; үтләү, маимнау «переедание, несварение пищи»; ләчтә «сырой, неудавшийся хлеб», сар чичкә — караид. танып сары сискә «одуванчик в цвету»; зәңглә, зәңглә пчән — караид. зәңнә үләне «трава цинготная»; жир алмасы — караид., танып. йер алма, алма «картофель»; бака үләне — караид. бака йапрағы «подорожник большой»; күз кешесе «зрачок»; сүрүү «паперник», тәймә «бусы»; күбәтә «чашка деревянная»; картәтәй «дедушка», картый, нәнәй «бабушка»; песи

²⁵ См. также: *Гарипов Т. М.* Башкирско-татарские языковые параллели. — В кн.: Языковые контакты в Башкирии. — Уфа, 1972, с. 127 — 176.

* См. об этом подробнее в главе «Таныпский говор» с. 114 — 116 данной работы.

борчагы — караид. песи борсагы, емеше «алтея»; муин тәңкәсе, муинса — караид. муин тәңкә, муин төп «ожерелье из монет»; какай басу «впервые встать на ножки» (о ребенке); кыр кәзәсе — демск. кыр кәзәсе — таныш., караид. кыр кәзәсе «бекас»; чепик, шепик, тәкәрлек «чибис, пигалица».

Значительный пласт лексики объединяет нижнебельский говор с южным диалектом и его говорами, в первую очередь с соседним демским, который по таким ведущим диалектным показателям, как функционирование фонем *з, с* в прошлом составлял единый говор с нижнебельским. (О единых истоках демского и нижнебельского говоров подробнее см. разделы фонетики и грамматики.) Примеры из общего нижнебельско-демского лексического пласта: акшарлау «белить», асаба — демск. асаба «вотчинник», асалы палас — демск. асалы балаҫ «самотканый ковер с ромбическими узорами», атау — демск. сурян атау, атрау «остров», бакрач — демск. бакрас «медный половник», бажым «паз», бистә «ленивец», ср. демск. «лежебока», бисрәктәй — демск. бисрәктәй «здоровый, большой», брамат «бездельник, праздношатающийся», боғазлау, боғозлау, бығызлау «дыхательное горло», бороз — демск. бөрөз «ботало для отпугивания рыб», ғомбор — демск. ғомборзаткыс — см. бороз; зир-зәбәр — демск. зил-зәбәр — лит. пыран-заран «в пух и прах»; йарпмай — демск. йапма май — лит. тос май «нутряное сало», йарпташ — демск. йарматаш «ручная мельница»; жыру — демск. йыру «песня»; керген — демск. керзекәй «пришелец», көс, кес, көстәй — демск. көс, көсәй, көскө «мальки»; көтөк — лит. соптор «куцый, обрубленный»; кыр кәзәсе — демск. кыр кәзәсе «бекас» (птица); мөкөтә — демск. мөкәй — икск. мөкәтә «улитка», кыҫлаңкы — демск. кыҫлап «залежь»; эт шоморто «крушипа ольховидная», эпә — демск. эпә «немой» и др.

Диалектизмы говора, общие с другими говорами южного и восточного диалектов, связующим звеном среди которых являются демский и средний говоры, несущие лексические особенности и южного, и восточного диалектов.

При этом восточная лексика чаще проходит через северные районы. Так, в Янаульском районе отмечается большая часть восточных диалектизмов. Примеры из нижне-бельского говора: арчалау — айск. кубалаяк, арсалау — средн., ик-сакмар. әрсәләү «выгораживать, защищать»; берчү — средн. бөрсөү — северо-восточн. гов. бөрсөктәү «очищать»; тәлгәшләрен берчү «срывать с гроздьев, собирать»; бағуу (южн. д., северо-восточн.) «воспитывать, содержать, растить» и др. зн., бүтәкә (средн.) «низкорослый»; ғужы, ғуж — восточн. д. ғуж «жадный, обжора»; дәмкәй йер «темное место» — сакмар. дәмөрәйеү «темнеть»;

средн., икск. төм, «очень темный»; жөзлөк — демск., ик-сакмар. йөзлөк «наличники нар», жубалгы, салакы «грязнуля, неряха», ср. айск., кизил. йыбау, йыбыш — средн., ик-сакмар. йыбыткы «неряха», көркә — средн. көрпәс, көрпәсәй «пескарь», ср. средн. көрпәһыу «светлокориичневый». Название пескаря дано по его цвету. Кузна/гузна — демск. средн., ик., нугуш. кузна, кузма, күзмә «бабки, кость», камырлауык, камырлык — демск. камырлама — средн. камыраш «боярышник»; майма, маймуч, маймыч — средн., юрматы., нугуш. маймы, маймак, маймус «мальки рыб»; мөчә — южн., восточн. д. мөсә «1) тело, стан; 2) члены тела»; Мөчәсә бәләкәй «маленького телосложения»; Мөчәсә тигез тузы «родился нормальным»; сайгак «половица» — средн. аргаяш., салъяут. һайгак «потолок»; сөнтөймау «неметь, не чувствовать»; Кулларым сөнтөймай «Руки немеют» — средн. һөмтөймау «быть безразличным, бесчувственным»; һөмтөймасқа көнөң калмаһын «не попади в зависимость к бесчувственному»; тешләк — демск., средн. тешнәк «молчун, скрытный, упрямый»; тыңкыш (средн.) «гундосый»; туш, туыш (средн., восточн. д.) — аргаяш. салъяут. душ, душкын «наледь, вода, выходящая на поверхность льда»; ууа — ик-сакмар. ыуаба — лит. ыуа «суставной ревматизм»; чикәләшүү — южн. д. сәкәләшеү — восточн. д. сикалашыу «цепляться, придираться, привязываться»; чатлы койрок — демск. сатлы/сат/саталы койрок — ик-сакмар. сата койрок — кизил. саталы койрок «двухвостка»; чикылтау — средн. сикылтау «кричать пронзительно»; чиннек — южн. д. синнек «сеновал» и др.

Северная часть говора (Янаульский, Агрызский р-ны) контактирует с гайнинским говором и вследствие этого говор несет в себе некоторые общие лексические особенности с ним, например: гайн. буға «бык некастрированный», говор боғадай «как бык» (здоровенный); в лит. яз. буға устар. «бык, бычок»; бөкә «пирожок», диңкеү «выйти из нормального состояния, устать»; пчән — гайн. печип «трава», пәпәй — гайп. папай «ноги», тәтәй — гайн. тити «цветок», сәйнәүгеч «болтун, пустомеля», шишта (гайн. янаул., средн. кубалаяк.) «столб для лазания во время сабантуя» и др.

Собственная лексика

К собственной лексике мы отнесли не только своеобразные слова типа жөгөрләү, жиләпәй, пөчтөрөй и др., но и слова, которые до настоящего времени не были зафиксированы в других говорах башкирского и татарского языков. Поэтому дан-

ный разряд диалектизмов на сегодня условно будет считаться как собственная лексика говора.

Собственную лексику говора нужно рассматривать, подразделяя ее на две группы.

К первой группе относятся диалектизмы, которые были образованы на основе собственных слов говора и основ башкирского языка, значительную часть из них составляют сложные слова. Примеры: аяк сауты — лит. аяк кейеме «обувь», ак чэчкэ — лит. меңьяпрак «тысячелистник», алпамандыр «здоровенный, крупного телосложения, медлительный человек», в башкирском фольклоре алпа «богатырь, великан», ср. башк. и др. тюркские языки Алпамыша — главный герой эпоса под таким названием; арык/арик такта — лит. баһма «мосток, помост», от старинного слова арык «арык»; аталауыч/атауыч — лит. бешкэк «мешалка, мутовка для сбивания масла»; ат башы, ат башчысы — лит. кейәу егете «товарищ жениха, шафер»; болама — лит. болғау «мешанина, корм для скота»; йарма кеуэс — лит. кыршаулы икмәк күнәге «квашня, составленная из досок»; йарпмай — лит. карынъяу майы, тос май «нутряное сало»; йарпташ, йарматаш — лит. кул тирмәне «ручная мельница»; жөгөрләү — башк. иләү, тат. эрләү «прясть»; жиләпәй/жилхый — лит. елғыуар «ветренный, вертопрах»; кипәнә — демск. күпкәк «брюхан, с толстым животом» от башк. кәпәйеу «вздуться, раздуться (о животе); көчәңгеч — лит. тулғак «схватки родовые»; каз чебене, мүшке, мөшкәр — лит. һуқыр себен «мошकारа»; кызана, жөзлөк — лит. йөзлөк, казна «облицовка нар», ср. северо-восточн. казнак — то же; кыйғыроч — лит. юха «оборотень; хитрая коварная женщина»; мөкәтә//бүксә «низкорослый» о коротконогом человеке; мөнтәкләү — лит. мөйшәндәү «жевать беззубым ртом»; мүкләкә — лит. төп, тумрау «чурбан»; муртайыу — лит. бурһыу, сереу «плесневеть, гнить»; тешекәй — северо-западн. г. саулык — лит. инә һарык «овца, овцематка»; түрләмә «узкая занавесь, подвешенная под потолком вокруг степы»; сиртмә койрок — лит. сәпсек «трясогузка»; суырғыч «клевер»; чүмеч күте — лит. сүмесбаш «головастик»; шакмак «бабка»; Шакмак уйнайбызәйе «Играли в бабки», шатала сөйәге — лит. шайтан ашык «щиколотка», шыған «длинное прямое дерево, столб; ср. средн. шыйза, восточн. д. шыйзан — то же; ызбау < изеу бауы — лит. үңербау «завязка ворота рубахи мужской»; эпипапа, сары папай — лит. бәпембә «одуванчик в цвету».

Ко второй группе собственной лексики относятся диалектизмы, семантика которых для современного состояния языка не ясна, этимология затемнена. Некоторые диалектизмы из этой группы можно объяснить на материале других тюркских,

финно-угорских, арабского и персидского языков. К примеру диалектизмы аяк чүү, аяк чүүе — лит. аяк урауы, сылгау «онучи», из этого же корня, думается, образовано татарское слово чүэк «чувяки». Диалектизм аяк чүүе записано в Илишевском р-не. В киргизском языке имеется сложное слово боо-чү «всякие завязки». Если учесть, что в этом районе проживают башкиры из бывшего племени кыргыз, то слово боо-чү имеет определенное отношение к диалектизму чүү.

Не ставя цели выяснить первичную семантику и этимологизацию слов, ниже приведем список некоторых диалектизмов из данной группы: ачырғалануу — лит. өзгәләнеү «переживать, болеть, терзаться душой»; астейәк «вид мелкой рыбки, живущей на дне реки»; бисрәктәй — лит. эзмәүерзәй «здоровенный, большой», бистә «лежебока, тяжелый на подъем, ленивый»; бохбай ласк. детск. «лошадка», быдырау — лит. тишкәреләнеү «упрямиться, не слушаться», гөжнә/көжнә «маленькая корзинка для хозяйственных нужд», диңкүү — лит. ызалау, йонсоу «утомляться, изнуряться»; диңгеу — др. говоры дин кибеу — лит. сарсау «высохнуть во рту от жажды»; дуп < зоб, «базедова болезнь»; изәу — лит. һелтәу «бросать, бросить», жен. — лит. кызыл үңәс «пищевод», жәмәлкә — лит. йырганақ «овраг, вымытые водой ложбины» (калтасин.), күшәүер — лит. ялкау «лентяй», лыбырдатуу — лит. ебетеү «слякоть, оттепель», лыпыртык — лит. әрпеш «грязнуля», майтарыу — лит. бөтөрөү «заниматься»; Ни эш майтарасың? «чем занимаешься?», мачау — лит. ямау «делать заплатку»; мытуу, мүгеу — лит. йокоға китеу «уснуть, заснуть (о детях)», өрлөй, шәпей — янау. йәгүр, панук, шакмак — лит. йәкәл «бабки игральные» самый, самыкай, самка — лит. алийот, исәр «дурак, глупый», сегәрчин — лит. карағас «лиственница (дерево), умый — лит. якшы «хороший, хорошо»; хитаннау — лит. сатанлау «хромать», хөсүү — һозоу, күп ашау «жадно есть», ыс: ыс басуу — лит. йоко баһуу «ко спу клонить»; эч баруу — лит. эс китеу «понос»; әрбә «отава, выросшая на стерне», әрәшә/әшәрә — лит. кара карлуғас «стриж»; ауыл әшәрәсә «деревенский стриж».

Семантические диалектизмы

Характерной особенностью говора является наличие большого количества семантических диалектизмов, когда слова говора отличаются от других говоров и литературного языка по своему смысловому значению. Примеры: Азбар, абзәр 1. «открытый загон для скота», 2. лит. «хлев»; Айыл 1. говор «пряжка», 2. лит. «подпруга»; Аузсын 1. говор «рак полости рта»,

2. др. говоры «стоматит, цинга»; Ачыткы 1. говор «кислушка типа кваса, приготовленная из специально сделанного сусла» 2. др. гов. и лит. асыткы, әсетке «закваска»; дүнүү 1. говор «кружиться, вертеться»; Баш дүнүү «головокружение»; 2. др. гов. «отворачиваться, отказаться»; дүмгәклек 1. говор «болотистое место» 2. лит. түңгәклек «кочкарник»; жилән 1. говор «верхняя одежда стариков», 2. лит. елән «красочная верхняя женская одежда»; ирәйү 1. говор демск. «важничать»; 2. лит. «мужать»; кеүәс 1. говор квашня 2. говор тесто кислое в квашне; кеүәс басабыз «тесто месим», кеүәс изәбез «тесто затеваем»; кеүәсем бар «тесто мое есть, меня ждет»; 2. лит. квас; кетмер 1. говор «маленький», 2. др. гов. «проворный, шустрый»; карта 1. говор «толстая кишка скотины», 2. лит. «кишка лошади»; колга 1. говор «столб для лазания на сабантуе», 2. лит. «шест; прялка»; колгаға асканнар Сәлимне «Салима повесили на столбе»; кылтайу 1. говор «быть избалованным»; Бигерәк кылтайтып үстерәсең «Слишком избалованной растишь»; 2. лит. «быть обидчивым»; мэйзәндә 1. говор «в гостях, на людях»; Мэйзәндә, кеше алдында әйтеп салған «В гостях, на людях ляпнул» 2. лит. майзанда на площади; Ойан 1. говор «ишиас» (болезнь); Ойан ямбаштан тота, тамырларны тарта, йоко бирмәй «оян схватывает за бедро, тянет жилы (нервы), не дает спать»; 2. лит. ревматизм; отөк 1. говор «хваступ» 2. др. гов. «торопыга» 3. лит. «оборванец, замухрышка»; ср. аргаяш өтөк «хвастун»; түнүү 1. говор «соглашаться» (Янаул.) 2. говор «сотрясение»; Башың түнмәземе суң? «не сотряслась ли голова твоя?»; тыртый 1. говор «человек, который сует везде свой нос»; 2. танып. тыртакай «обидчивый»; үкән-түкән 1. говор «улитка», 2. лит. «водные насекомые; моллюски»; хәл булыу 1. говор поправиться, выздороветь 2. лит. появление силы; хәлле 1. говор «сильный, сильно»; «хәлле жауған йаңғыр «был сильный дождь»; 2. лит. «состоятельный»; хәлчә 1. говор «порядочно, достаточно»; хәлчә төшкән «порядочно выпало»; чебешке 1. говор деревянная чашка, ср. кизил. себеш сеүәтә — то же 2. лит. себешке «цыпки на ногах»; чиннек 1. говор «сенник» 2. др. говоры «сарай; дровяник»; «летняя кухня»; шәре, шәр 1. говор «иней»; Агачлар шәрләнәп тора «Деревья заиндевели»; Стена шәрләнгән «Стена заиндевелá»; 2. лит. шәре «наледь на реке зимой».

Тематическая лексика

Диалектные особенности в отраслевой лексике говора проявляются в лексико-семантических и фонетико-грамматических диалектизмах.

Терминология животноводства

Термины животноводства в башкирском языке разработаны достаточно тщательно и являются в основном общими не только для говоров башкирского, но в большей части едины и с татарским языком. Особенно это касается языка татар, многие века проживающих смешанно с башкирами на территории Башкирии. Здесь приведем некоторые лексико-семантические и фонетико-грамматические диалектизмы, зафиксированные в говоре: то^ана «нетель», конажын сыир «корова первого отела», чүп, чүбе — лит. сыу, сыуын «послед»; кәзә — лит. кәзә «коза»; кәзә бәрәсе «козленок»; бәрән сарык — лит. һарык «овца»; бәрәп йөнө «овечья шерсть» бүлтерек — лит. бүлтерек «козленок, ягненок позднего летнего или осеннего окота, сарык бүлтереклэгән «овца поздно окотилась»; тешәкәй — лит. инә һарык, кәзә — др. северо-западн. гов. саулык «матка овцы, козы»; ср. азерб. тиши «самка», башк. шешәк «овца, коза от 2 до 3 лет»; сарык бәкәче — лит. һарык бәрәсе «ягненок»; боғозлау — лит. боғарлак «гортань, трахея»; арка сөйгә — лит. арка һөйгә, умырткалык «позвоночник», жен. — лит. кызыл үңәс «пищевод», сирак сөйгә — лит. енсек һөйгә «берцовая кость», пәси жилегә — лит. арка мейеһе, йөлөк «спинной мозг»; оло карын, ак карта «большой желудок» (у жвачных); түбәтәй карта — лит. тазғарын «сычуг»; кырккарта — лит. катлы карын «желудок-книжка»; нәзег эчәк лайла гарта — лит. ас эсәк «тонкие кишки»; майлы/тук карта, туғәчегә — лит. тук эсәк «толстая кишка»; казылык — лит. казы «колбаса»; Атнаң қорсағ астын тутыраталар казылыкка «На колбасу используют брюшинное сало лошади».

Гөлкәй/көлкәй — караид. көлөкәй — айск. колокай — лит. колонсах «жеребенок», кыркмыш тай «жеребенок-стригун на втором году жизни», жабаға тай «жеребенок позднего приплода», алаша, пскән ат «мерин», йуғырту, йуурту «идти рысью»; йуғыртак — лит. юртак «рысак»; йөрәк қағып бару «есть, издавать звуки лошастью при беге», үңгәл, ыңғырчаклык — лит. мунда «холка», озон торокло, озон үзәкле «лошадь с удлиненным туловищем», кайшак бил ат — лит. кайкы бил ат «лошадь с вогнутой спиной»; үшәп ат — лит. ялкау ат «ленивая лошадь»; йылғыр ат «быстрая, шустрая лошадь»; лапшуу ат «не выносливая, быстро устающая лошадь»; кырыс, пырзымсыз ат «лошадь норовистая, с диким нравом»; питрач — лит. аяк мускулы «мускулы ног лошади»; тау тотмау, тау чабуу — лит. алып қасыу «понести»; чығынчылау, дулау «быть норовистым, упрямым»; өйәләу «завалиться и не мочь встать».

Камыт: бөйәте — лит. мөйәт «хомутина»; камытбау — лит. колакбау «гужи»; чөйлөк — лит. тамак бау «супонь»; ыңғырчак ызмасы — лит. ыңа бауы «подседельник»; бауырғалык «подседельный ремень»; аркалыгк «чересседельник», божора, дүңгәләк — лит. сыңға «кольцо железное», жөгән — лит. югән «узда», тәләкә — лит. айсык «псалии в удилах»; сакалдырык — лит. һағалдырык «подбородник», шлейә — лит. ышлыя «шлея»; кшәннәү «стреножить лошадь»; ка^олак кыңғырау — лит. сыңғырлак «колокольчик».

Названия болезней животных также совпадают с названиями башкирского языка: Аузы бозолоу, йәшшүр — лит. телбешмә «ящур», ак төшөү — лит. ак һалыу «бельмо», бабасыр, селәүчен «глисты», камащ чешүү — лит. ыргафк шешәү «насос», сакау, тамак төбә чешүү — лит. һакау «мыт», талаклау — лит. талак булыу «заворот кишок», тычкан, тычканнау — лит. сыскансык «колики», тубыр, тубыр булуу — средн. тубыры — 1. лит. акбаш «болезнь копыт»; 2. лит. ыуа «болезнь суставов ног»; Су төшсә, соло төшсә, тубыр была «От воды, и если овса много ест, то заболит болезнью суставов»: төкә — лит. төкә «большая опухоль на груди лошади», урын теш — лит. ур тешә «волчки», әйләнмә — лит. әйләнсек «вертячка» (болезнь овец); яман шеш, үләт чире — лит. түләмә «сибирская язва».

Некоторые термины по ботанике

Йоңқы/йөңке — лит. өйәңке «ветла», йукағач — лит. йәш юкә «молодая липа», сөйәм — лит. карт юкә «старая липа», курыз — лит. курыс «луб»; Иүкә төчөгәч, курыз төшөрөргә керешәсен «Когда липа наполнилась камбием, начинаешь сдирать луб, лыко», шеле — лит. һалабаш «лыко: мочало»; карағай, нарат «сосна»; сөгәрчен «лиственница», пешек, сағыз — лит. сайыр «живица», күркә — лит. тубырсык «шишка», пешәлек, нарат ужымы — лит. бешәлек «молодой сосняк, сосновая поросль»; тал кайрысы — лит. кабығы «ивовая кора», тал пипейе, бәбечкы — лит. тал көсөгә «цветы ивы», камырлык, камырлауык — лит. дунала, энәлек «боярышник», кара кайын — лит. эт муйылы «крушина слабительная», эт шоморто «плоды крушины», зәлпе, делпе — лит. зәлпе «бересклет», бүре йүкәсе, бүре чыбығы — лит. бүре юкәһе «волчье лыко», карағат «смородина», лит. — то же; шелек «чилига»; Шелег ағачында үсә гөлийемеш «Шиповник растет на колючем кустарнике»; шүре ағачы — лит. оскат «бузина», ағач алма — лит. алма «яблоня, яблоко»; һомбағыш — лит. көнбағыш «подсолнечник»; үлән, пчән — лит. үлән «трава», аңра кәзә сака-

лы, урыс кэзэ сакалы «козлобородник», мүк йеләге «клюква», тәләкәш, тәләгәш — лит. тәлгәш «кисть ягод», мәшкә — лит. бәшмәк «гриб»; кечерткән, кычыткан — лит. кесерткән «крапива», күзле кечерткән «крапива обыкновенная», суқыр кычырткан «пустырник», бөрмәкәй лит. эт эсәге «вьюнок»; эт тигәнәге, суқыр тигәнәк — лит. эт тегәнәге «череда», сырлан — лит. һырлан «липучка»; песи борчағы — лит. бесәй күмәсе «алтей», бәпкә үләне, чирәм — лит. йорт үләне, күгүлән «спорыш, горец птичий»; бака йафрағы, үләне — лит. юл йафрағы «подорожник большой»; баллы мәмәк — лит. тумырткабаш «клевер»; ак баллы мәмәк «белый клевер», ал баллы мәмәк «розовый клевер», мулла чалмасы, сары чичкә, сөтлө пчән, эппапа, папака — лит. бәпембә «одуванчик», әби-бабай «ромашка», әрекмән, төйгәнәк, тиөгәнәк — лит. тегәнәк «лопух, репейник», тилмейән, тилбизән, тиле пчән — лит. тилебәрән «белена черная», қаз үләне «гусиная лапка» лит. — то же; жөннөкәй, жонноқай, йөннөкәй — лит. қуянтубығы «бутень», машый «его клубень», куқы — лит. какы «сверби́га», кымызлык үләне, кымыз пчәне — лит. кымызлык «горец альпийский», кэзә сакалы, кырлы курай — лит. кырлы курай «порезник», балтырган гөпшәсе «борщевник», бәпечейе — лит. бәбкәһе «бутон борщевника»; зәңгәр чичкә «василек», ат кузғалағы — лит. ат колак «щавель конский»; гөпшә «купырь», шома гөпшә «дягиль», мара «дикорастущая конопля», комалак «хмель», аксырғак «чемерица обыкновенная», пөртлөк, бөтнөк, мөтнөк «мята»; кыяк пчән — лит. күрән «сока»; кәкүк түшәге, чишкәсе «венерин башмачок», кондорақ «полевица обыкновенная»; айу тукмағы — лит. екән «рогоз», ләүшә — лит. ылымык «водоросль», лыбырдык үлән см. бөрмәкәй, чыпчык сабыны — лит. һабын сәскә «татарское мыло, зорька», эсэнче пчән «овсяница луговая».

Географические названия

Географические термины едины с башкирской терминологией. Диалектная специфика сводится к фонетическим и грамматическим формам. Примеры: Йылға башы «исток, начало реки»; үлсу < үле су «старица», жылыу — лит. каран «полынья», туғай — лит. бөгәл «изгиб, лука реки», йылға туғайланып торған урыннары была «река местами имеет изгибы»; йылға теле, қолағы — лит. қолағы «залив»; Ашайыш теле — гидроним; кичеу — лит. кисеу «переход»; шарлауык — демск. шарламак — танып. шарлама «перекат реки»; божораланыу, бөтөрөлөү, қазан — лит. өйөрмә «воронка»; чоңқол — ик-сак-

мар. соңғор — лит. сөмбэй, тоба «омут»; күтер «трясина»; сазламак «болотистое место», диңгәк, түңгәк «кочка»; жырмалак, йырмағак — лит. гөрләүек «снежные или дождевые ручьи»; йарлауык — лит. ярлау «обрыв»; сиа бозо, шуа, дим, зим — лит. сыйзым, шыя «шуга», туш, туыш — лит. шәре «вода на поверхности льда зимой»; койо — лит. козюк «колодец», бәке, пәке — лит. мәке «прорубь», шишма, шишмә «родник, ручей», силләүек, сил урын — лит. һил «тихое, спокойное место», жайкын, йышкыннык, шырлык — лит. шырлык «чаща, чащоба»; Иңкеш — лит. иңкеү «низкий, низменный»; иңкеш урын «низменное место»; йер кашы, кашлыгы — лит. кабак «крутой обрыв, подьем»; тау кашы «выступ на горе»; чабыл тау «косогор», дөмнә йер, дөмкәй — средн. төмәләк — лит. караңгы ер «темное, низкое место»; йалан — лит. аклан «поляна»; ләпек, мәте — лит. мәте «илистая почва»; балчык — сакмар. балсык — лит. тупрак «почва»; салуу, салымма жул, сәндрәле жул — лит. һикәлтәле юл «ухабистая дорога».

Некоторые названия рыб и рыболовства

Приведем некоторые диалектные формы названий рыб: шүкә, чуртан «щука», шөшлө, чүрәкәй «щуренок», таш-баш — лит. кушбаш «голавль», тарак чабак «молодой лещ», корбан балык «лещ взрослый», су өстө чабағы — демск. йау сабағы «синец, плотва», чәтертән — лит. шырт балык «ерш», түбән ауз — лит. бурыш «подуст», пәрзе — лит. бәрзе «хариус», әтләй, эт балығы «вьюн», күтәрмә, ташпаш — лит. комтөрткөс «пескарь», чихон — лит. кылысбалык «чехонь»; көс, көстей «мальки», Фәтхулла, чукмарбаш, чүмеч күте «головастик», ыуылдык — лит. ыуылдырык «икра», балык саңағы — лит. яңағы «жабры», шартлаткыч — лит. кыуык «пузырь рыбий», чабак ауы «сеть мелкаячеистая», шүкә ауы «сеть крупно-ячеистая», калкыуғыч, калкма «поплавки», гөжнә, кәрзин «корзинка для рыб», домборт — лит. гөмбөр «ботало для запугивания рыбы», сак «сак», пител «витель», нагруз — лит. ерә «большой крючок с нагузом» и др.

Названия птиц

Кроме общеизвестных башкирско-татарских названий как акчарлак «чайка», бөркөт «орел», ябалак «сова», карчыга «ястреб», козгон «стервятник», карлығач «ласточка», сабан турғайы «жаворонок», сандуғач «соловей», в говоре отмечаются и диалектные формы некоторых названий. Примеры: пси яба-

лак — лит. өкө «филин», божор — лит. сел «рябчик»; Божорно чымылдык белә тоталарейе кырклап-иллеләп «Рябчиков ловили пологом, специально приспособленным для этого, по 40 — 50 штук»; көртлөк — лит. кор «тетерев», озан — лит. ата кор «тетерев», кыр тауығы — лит. инә кор «тетерка», үрзәк — лит. өйрәк «утка»; суна үрзәк «утка кряква», кәлтөрчә үрзәк, чүрәгәй үрзәк — лит. сөрәгәй өйрәк «утка-чирок», алачабыр — лит. аласабыр «утка пеганка» кушы «крохаль», кылыч койрок — лит. кылғойрок «шилохвост», тырна — лит. торна «журавль», кызнатау, кызыйғыс, кызғыч — лит. кызғатау «кулик», су үгезе — лит. һөдөһөт «выпь», кыр кәзәсе — демск. кыр кәзәсе — таныш. кыр тәкәсе — лит. һаралыйн «бекас»; шепик, тәкәрлек — лит. тәгәрлек «чибис», сиртмә койрок, чәберчек — лит. сәпсек «трясогузка», жиләк сыпчыгы — лит. әберсә турғайы «ягодный воробей»; кәкүк «кукушка», әрәшә/әшәрә «стриж», каз, үрзәк пипейе «маленькие гусята, утята», чебей — лит. себеш «цыпленок», кунакклауғыч, кунакклауыч, кунакчалык — лит. төнәк «насед».

Некоторые названия в хозяйственно-бытовой лексике

В хозяйственно-бытовой лексике также большинство названий является общей с башкирской терминологией. Специфика проявляется в деталях предмета и фонетико-грамматических формах. Примеры из терминов **сенокосения**: Пчән: кәрешкә пчән «вика», кыяк пчән «тимофеевка», сүсән пчән «овсяница луговая», исле пчән «мятная трава, растущая на болотистой местности, с голубыми цветами».

Чалғы: чалғы саплау — лит. салғы һаплау «насадить ручку», күлсә «кольцо железное», бастрык «деревянный клин»; Күлсә өстөнә бастрык салып чөй белә қағасың, сапны беркетәсең «Наложив на кольцо клин, прибиваешь гвоздь»; калак, янауғыч — лит. яныуыс «брусок точильный»; Артка киткән чалғы «коса, заправленная с наклоном назад».

Пакус — лит. бесән рәте «скошенный покос»; күбә — лит. эйерем «грядки собранного покоса»; чүмәлә — лит. күбә «копна»; чыбык, сүрә — лит. һөйрәтке «волокуша»; кәбән салуу, чыбык белә бастыруу «метать стог, накрыть жердями»; таған — лит. таған «стожары»; пакус сүкере — кизил. сүкер — лит. бесән төбә «стерня после косения», корпо, курпы — лит. курпы «отава».

Названия лесного хозяйства, записанные в д. Вояды и Карманово Янаульского р-на: матрус — лит. урман кара-

уылсыһы «лесник», кантауай ағач «кондовый, товарный лес», пшәлек — лит. бешәлек «молодой сосняк, сосновая поросль»; әрзәнә өйү — лит. утын әзерләү «заготавливать дрова», чөй — лит. шына «клин», түмәркә — лит. түмәр «чурбан», йукағачтан курыз суялар, төчөкләнгәч «когда молодая липа наполняется соком, сдирают кору, луб»; курысны телгеләп шеле ясайлар «разрезав кору, готовят шеле»; Шеле чобатаға китә «Шеле идет на плетение лаптей»; тәкермәс, тәгәрмәй — лит. тәгәрмәс «колесо», бүкәне «ступица колеса», аяклары, тәпәйләре — лит. тырнактары «спицы колеса», кыршау, туғым «обод колеса»; кызау «емкость для хранения ржи»; колаша «1) желоб для прохождения сыпучих и жидких продуктов; 2) водосток».

Некоторые старые названия орудий домашнего труда: киндер станы, киндер урыны «ткацкий станок»; кәләпкә жеп саруу — лит. еп урау «мотать нитку на вороб»; калун балта «топор-колун»; кукарский балта «плотничий топор», шәлтәү «чехол для плотничьего топора», йануғыч «точило для косы», йәмкей — лит. йәмкә «щипцы», канчы — лит. кайсы «ножницы»; почач — лит. сүбәк «очес», шырт «чесалка».

Название дворовых построек, принадлежностей дома: кәртә-ғаралты — лит. кәртә-каралты «дворовые постройки»; ләпәк башлы өй — лит. һукалак өй «дом с земляной крышей»; мөгөш, почмак «угол», сайғак, изән/изән «пол; половицы»; тәрзә — лит. тәзерә «окно», поросо < брус янағы — лит. янағы «косяк», мөржә — лит. мейес «печь»; қазан асты — лит. усақ «очаг», оло мөржә — лит. икмәк мейесе «русская печь», мич «нутро печи, где пекут хлеб», мич көймәсе «свод печи», гөлбәс, гөлбич — демск. гөлбәс — лит. мейес арты, һәндәрә «запечье, полати за печкой»; чылан — лит. солан «сени», ишағал — лит. капка эсе, ишек алды «двор, открытое место двора», лапас — лит. лапас, тубәлек «навес», арбаз, сарай «хлев», чиннек, «сенник, сеновал», кәлиткә, кәжүцкә «кладовка в чулане»;

Өй салу «построить дом», ырмау алыу «пазить бревно», бүрәнә чутлау — лит. сутлау «обтесать бревно», муча — лит. мунса «баня», чарача — лит. мунса алды «предбанник», төннөк «отдушина», миллек, миннек «веник», сөрәм, ис «угар, угарный газ»; лампы — лит. шәм «лампа», пыскый, пескеттин — лит. һуқыр шәм «лампа-коптилка»; койо (демск. средн. икск.) — лит. козок «колодец»; сиртмәле койо «колодец с журавлем» ср. айск. һиртмәле — то же; сике — лит. урындык «нары», озон сике «большие нары», ян сике «маленькие боковые нары», сәндәрә — лит. һәндәрә «полати», эскәмбиә «скамья», уша башы «полка, скамейка у печи», кисәү — лит. тәртешкә «кочерга», табағач — лит. таба тоткос «сковородник», әржә — лит. йәшник «ящик»;

Некоторые названия посуды. Приведем некоторые старые названия посуды, часть которых перешла на современную посуду. Записано в д. Бикбулово Мензелинского и Варяш Янаульского р-нов.

Кашиак, саут-сабалар «посуда», ағач табак «деревянная чаша», гөбө — лит. гөбө «высокий деревянный сосуд для сбивания, пахтанья масла», аталауыч — лит. бешкәк «сбивалка, пахталка», кисмәк — лит. сапсак «кадка, кадушка», мичкә — лит. мейескә «бочка»; лагун, лагушка «ушат; деревянный закрытый сосуд для дегтя»; тигәнә — лит. елпеуес «лоток для провеивания», тәпәп «красочно оформленная резьбой, узорами посуда с крышкой, типа большой кастрюли», сыу кисмәге «кадка для воды», буза бизрәсе «ведро для бузы», лакан «лоханка», йамайак/жамайак, чәркә тустаған — лит. тустак «деревянная чашка средней величины», күбәтә — лит. сеүәтә «самая маленькая деревянная чашка»; кеүәс — лит. икмәк күпәге «квашня»; жилпүч — янаул-тигәнә «сеяльница, веяльница», ыклау — аклау — лит. уклау «скалка», йалғаш «корыто», эт йалғаш — лит. этаяк «корытце для корма собаки», ат улағы — лит. улак «колода для корма лошади», читән, кәрзин — лит. мәрке «корзина», гөжнә «корзина для рыболова», пичтер «корзина из луба, применялась при посеве», тырыс — туз силәк — кизил. тырыз — лит. мозға «туесок»; шәшке (др. северо-западн. говоры, средн.) — лит. сынаяк «чашка чайная»; тәлицкәсе, тәрилкәсе «блюде», йоморо — лит. сынаяк өстө «чашка», чәйгүн — др. гов. сәйгүн — лит. сәйнүк «чайник», мис, мисте «кастрюля»; пчак «нож», сырты «ребро ножа», жөзө «лезвие ножа», пәке/паке — лит. бәке «ножик», бизрә «железное ведро», чиләк «деревянное ведро», йәмкей — кыскыч — лит. йәмкә «щипцы для углей», Самауыр; карфанка/камфарка «конфорка», тоткасы «ручки», челтәре «колосник», бороно — лит. моропо «крантик», баскыч, түбәтәй — кизил. түбәсәй — лит. баҫкыс «заглушка», йуышкын, йушкын — лит. юшкын «накипь на стенках самовара», — кула — лит. кула «ведерко для варки пищи в поле».

Некоторые названия пищи, продуктов. Кроме известных названий, как ит «мясо», сөт «молоко», май «масло», катык «кислое молоко», бутка «каша», йомортка «яйцо» и др., в говоре бытуют местные названия продуктов и способов их приготовления. Приведем некоторые местные наиболее характерные формы, зафиксированные в дд. Бикбулово Мензелинского р-на ТССР и Варяш, Вояды Янаульского р-на БССР. Многие из диалектных форм характерны и для других башкирских говоров, что соответственно будет указываться. Тамаклапуу средн. г. — лит. тамак туйзыруу «кушать, есть», хушлануу — лит.

тамак ялгау «перекусить, заморить червячка», — карын ачу, корсағ ачу — лит. — корһак асыу «проголодаться», сосла «густой сладкий напиток из ржаного салата, в виде жидкой кашеобразной массы», серкә «разбавленное водой сусло, сладкий напиток», ачиткы «кислый напиток, получающийся из серкә, типа кваса».

Үғыз, ыуғыз (демск., средн.) — ууыз, оуоз (янаул.) — лит. ыуыз «молозиво», уғыз ашы — демск. уғызаш «кушанье из молозива», акмай, әйрән майы — лит. акмай «сливочное масло», йарпмай — эчмәй — лит. эс майы «нутряное сало», сары май — лит. һары май, иретелгән май «топленое масло», әйрән — лит. турта «остатки после топления»; май сызғыртыу, эретеу «топить сало», сызык — лит. һызык «шкварки», (о)йотколок — лит. ойотко «закваска для квашения молока», ағәремчек — лит. ак эремсек «творог», — кызыл эремчек — лит. кызыл эремсек «творог, вываренный докрасна в своей сыворотке», сәт өстәсе — лит. һәт өстә «сливки, снятая сметана», касмак — лит. шекәрә, — қаһмак «пенка»; бурсыған, караид., демск. бурсыған, мөгәзегән қатык — лит. күгәргән «покрытый плесенью (о кислом молоке); ит сәрсүй — лит. бозолоу «портиться», ср. башк. һәр «вяленое мясо»;

Аш — лит. аш «мясной суп»; аш эчүй — лит. аш ашау «кушать мясной суп», шулпа — лит. һурпа «бульон мясной», үрә ашы, үрәле аш — лит. өйрә «суп крупяной», балтырган ашы «суп из борщевника», бәпчей ашы «суп из бутонов борщевника», умач — лит. ыумас «затеруха», бәчмәчә — лит. сокор сумар — см. салма; салма 1) вид клецек (кусочек теста отрывается и пальцем на ладони делается вмятина); 2) четырехугольная лапша», ачиткы, әпей башы — лит. әсетке «закваска, дрожжи», көрпә, көрпәс — лит. көрпә «отруби»; мөгәз, тәкә — янаул. бөкә — лит. бөйөрөк «пирожки»; тәйкмәк — лит. кабартма «лепешка из кислого теста», киомак — лит. коймак «оладьи», белен «блины», тош, төш — лит. бауырһак, «бауырһак кусочки теста, замешанные на яйцах и сваренные в топленном масле», кузикмәк «то же тесто, испеченное на сковороде», йока «лепешка из простого теста, выпекаемая на сковороде, затем смазывается»; гөләчә — танып. кәличә — лит. кәлсә «пресные булки».

Ләчтә әпей — демск. средн. ләскей — караид. ләскет — иксакар. ләс, ләс — лит. бысый, бысым «неудавшийся сырой хлеб»; кәксегән (средн.) — караид. кәрсегән — миас. кубалык. кәршегән — салъяут. аргаяш. кәрһегән икмәк — лит. артаған икмәк «перекисший хлеб»; — как койу — лит. как койоу «делать пастилу», карағат қағы «пастила из смородины».

Некоторые названия одежды, обуви. Приведем народно-разговорные формы названий материалов, одежды, обуви. При совпадении с литературной формой, последние не будут приводиться: тауар «товар, материал», сәтин «сатин», ситса «ситец», пумазый — янаул. пумажи — лит. бумазый «бумазая», пистау, постау — лит. бұстау «сукно»; пелүш — флюш — лит. плюш «плюш», кижемамык — лит. кизе «бумажная пряжа», кәшәмер, кәшәмир — лит. кешмир «кашемир», кәнифас «канифас», әзрәс — әзрәч «адрас», тирна «материал, похожий на бязь», элинур «вид ситца особой окраски», манчистр «старинный черный материал для верхней одежды»; әлеп — лит. әзеп «подвой», күлмәк гәүдәсе — лит. буйы, изеу капламасы — лит. капламаһы «планка на вырезе платья»; иңеч — лит. инес «подоплека (рубахи, платья)» итәк — лит. балитәк «оборка на подоле платья», итәкләп тегү «шить с оборками»; борәм, бөрмә — лит. бөрөү «борка», сыр «складка», сырлап тегү «шить со складками»; иңгербау — лит. үңербау «завязка воротника»;

Камзул, канзул — лит. камзул «камзол»; бишмәт — лит. кәзәки «легкая верхняя одежда»; әзрәч бишмәт «адрасовый бишмет», сырма — кизил. көпә «теплое, ватное пальто»; жилән «легкая верхняя одежда мулл», бәрәңкап — демск., караид. бәрән кабы — лит. күрпә «поярковая шуба».

Малахай бүрек — лит. малахай « меховая шапка», ышлапа — лит. эшләпә «шляпа»; шәл: маржа шәле — лит. шәлйаулык «малый цветастый платок с кистями»; чәлтәр шәл — лит. «вязанный платок».

Итек: итек баллағы, балағы — лит. куңысы «голенище сапог», табанасты — лит. табаны «подошва», кистек, киестек, киез итек — лит. быйма «валенки», хәшәп «глубокие лапти без завязки на деревянной подошве»; гәлүш, калуш «калоши»; чөлкә — лит. ойок «чулки»; базар ойок, чүбегойок, чүўойок — лит. еп ойок «простые чулки», бишенә — лит. ойок энәһе «вязальные иглы», шөлә — лит. шөшлө «кочедык»; киндержеп, тегәржеп, чалма жебе — лит. кул ебе, киндер еп «суровая нитка», кәтүк жебе «фабричные нитки».

Калпак «налобное украшение из монет», очло, йефәк калпак «шелковый колпак с хвостом», укалы калпак «колпак, украшенный позументом», әнжеле калпак «колпак, шитый бисером»; түшлек, түштек, түшелдерек — лит. түшелдерек «украшенный или вышитый тряпичный нагрудник, носимый под платьем на груди старухами»; сум, сумнык, бөтөн — лит. һумлык «серебряная рублевая монета»; түмә, гәрәбә — лит. мунсак «бусы», әмәйлек «нашейное украшение из монет, нашитых на черный материал», зәүәт — лит. дәүәт «узкое нагрудное украшение из монет и кораллов, надеваемое замужни-

ми женщинами косо через плечо»; хәситә «узкое нагрудное украшение, надеваемое через плечо, к которому пришивается кожаная сумочка-галисман с религиозной молитвой»; муинтәккә, муинса «рублевые или полтинниковые серебряные монеты, нашитые в один ряд на узкую планку и носимые на шее»; сырға «ожерелье из монет»; чыртлама, чертләмә, шертләмә — лит. сыртылдак «кнопка»; пәси күз, еңже — лит. һизәп «мелкие пуговицы», пүфкә, пуфка, пугымис — лит. тәймә «пуговицы крупные», элмәч — лит. элмә «петля», вешалка», йелбизәк — сакмар. йелбизәк — лит. зәр «блестки для украшения».

Названия по анатомии человека

При единстве таких древних терминов по анатомии в башкирском, татарском и других тюркских языках, как баш «голова», кәүзә «гуловище», кул «руки», аяк «ноги», күз «глаза», тел «язык», теш «зубы» и др., в говоре отмечаются лексико-семантические и фонетико-морфологические диалектизмы, характеризующие диалектную специфику говора. Примеры: гәүзә — лит. кәүзә «гуловище», мей, мий — лит. мейе «мозг»; арка сөйәге, аркүзәк сөйәге — лит. умыртка «позвоночник», пси йелеге, пәсей жилеге — лит. арка мейһе «спинной мозг»; баш: арт чүмеч — лит. соңка «затылочная кость», кабак, куак — лит. кауак «перхоть», колак кимерчәге «ушная раковина», бәбәнәге, йафрагы «мочка уха», жаңак, йаңак — лит. як «щека; челюсть»; чигә — лит. сикә «виски», маңгай (демск.) — лит. маңлай «лоб», танау «нос», күз кәшесе — лит. күз караһы «зрачок», чейле күз — лит. бысый күз «больные, слезящиеся глаза», алды теш — лит. алғы теш «передние зубы», кырый теш — лит. эт теше «клыки», азау теш «коренные зубы», ыңғау, аңкау — лит. аңкау «твердое небо»; бығызлау, боғазлау — лит. боғарлак «трахея, гортань», жен. — лит. кызыл үңәс «пищевод»; кул аркасы — лит. кул һырты «внешняя сторона руки», уч, уч төбә — лит. ус «ладонь», барнак — лит. бармак «пальцы»; тупик барнак (демск.) «палец с оторванной фалангой»; баш, баштый барнак «большой палец», имән, карак барнак — лит. һук бармак «указательный палец», урта барнак «средний палец», чәнтей барнак, чәнчәкәй — лит. сәтәкәй «мизинец»; Детские названия пальцев: 1. баш барнак 2. баланиәк 3. урта тиәк 4. убыр карчык 5. бәләкәй бәпчек.

Бот, пот сөйәге «большая берцовая кость», оча сөйәге «тазовая кость»; безләүек, орчок сөйәге — лит. коймос «копчик», тубык, төз — лит. тубык «колени», тубык капкачы «коленная

чашечка», теҗ асты — лит. бөгәр «коленный изгиб»; балтыр сөйәге — лит. енсек, сирак «голень», сирак — лит. аяк «нога», чәкән, шайтан тубығы, шаталай сөйәк — лит. шайтан ашык «щиколотка», бала яткылығы, соңғолок, ылан арты — лит. бала яткылығы «плацента»; үләксә, мәйет — лит. мәйет «мертвец, труп»; лит. үләкһә «падаль, мертвечина».

Названия некоторых болезней

Каста, чир, сыркау — лит. аурыу, сир «болезнь», булнис «больница», йоғошло чир — лит. йоғошло «заразная болезнь»; ак төшөү — лит. ак һалыу «бельмо»; ауыҙсын, ауырсын «болезнь слизистой ротовой полости, похожая на рак», жән короу — лит. кылтамак булыу «сужение пищевода», теш бакасы «флюс», зәңнә, зәңгәлә, зәңәлә — лит. сәңге «цинга», бума зәхмәте — лит. быума «эпилепсия», олауыр, олауруу, тилчә — лит. силсә «туберкулез щитовидной железы»; сары аурууы — лит. һары ауыруы «желтуха», сары сары «желтуха обыкновенная», кара сары «желтуха, тяжелой формы гепатит»; эч бороу — лит. эс китеү «попос»; бетчә, кычынғыч — лит. бетсә «чесотка», чобан, чыбан — лит. сикан «чирей, фурункул», кычыу, сары кычыу — лит. кысыу «болячки с коростой»; колак-бауы булуу «заболеть свинкой», әпсе, әспе: кызыл әпсе — лит. кызылса «корь»; йаман әспе, кара әспе «дифтерия»; кара әспе-зән кара янып, икөч көндә үлә бала «от дифтерии 2 — 3 дня болеет, чернеет и умирает ребенок»; телгә ак төшөү «стоматит»; Кара песей киороғон балға манып бутайларейе телен «При стоматите, обмакнув хвост черпой кошки в мед, обмазывали язык»; чабырткы, чебешке — лит. себешке — лит. себешке «цыпки на ногах и руках»; сергәү, сыткыч — лит. һыткы «прыщ, угри», сөйән — лит. һөйәл «бородавка»; йәшәрүү, йәш ит үрүү, төзәлеү — лит. уңалыу, йүнәлеү «заживляться, заживление»; йүнәү, терелеү, хәл булуу — лит. һауығыу «выздореветь, поправиться»; алмашынуу, саташуу, диуана, хыялый булуу — лит. акылдан языу «сумасшествие».

Термины родства и свойства

Терминология родства и свойства, во-первых, характеризуется прибавлением к терминам различных ласковых, уважительных форм обращения, как: ак «белый», бал «мед», сылу, чибәр «красивый, милый», иркә «нежный, ласковый», напр.: ағәбей, чибәр әбей, сылу әби «1. старшая тетушка; 2. бабушка»; актүтәй, сылу түтәй, чибәр түтәй, балтүтәй «сестрица, сестричка старшая».

Кроме этого, в терминах родства очень развито употребление уменьшительно-ласкательных аффиксов — -кай/-кэй: бабыкай «дедушка», эбекэй «бабушка», инэкэй, эңкэй «мама», тутакай, түткэй «сестричка старшая» и т. д.; — -ыч/-еч: абыч, абыш, абышкай «братец старший», бәпечэй «дитятко» и др.

Во-вторых, в терминах родства наблюдается возрастная дифференциация по линии «дядюшек», «тетушек». Так, из трех или четырех братьев самый старший называется младшими: мулла абзый или абызагай, а их детьми называется абызбабай, зур этэй, его жену абызэбей, зур инэй, затем средних: ак чибәр, сылу абызый, их жен — чибәр, сылу жиңгэй, дети их также называют ак, чибәр, сылу бабай, их жен — ак, чибәр, сылу эбей. Самых младших братьев отца называют бәләкэй, йәш абызый, их жен — бәләкэй, йәш жиңэй, а дети называют их — бәләкэй, йәш бабай, их жен — бәләкэй, йәш эбей.

Приведем некоторые термины родства, записанные в д. Бикбаулово, Тазеево, Карманово:

инэй, инэкэй; энэй, эней «мать»; этэй, атай «отец»; картэтэй, бабай, бабыкай «дедушка»; картинэй, картыгкай, нәнэй «бабушка, мать отца»; картинэй, картый, йыракай «бабушка, мать матери»; абызэтэй, зурэтэй «дедушка, старший дядя, старший брат отца»; абыз инэй, зур инэй «бабушка, жена дяди»; ак бабай, чибәр бабай, мулла бабай «дядя, следующие по возрасту старшие братья отца в отношении его детей»; абзый, абый, агай «старший брат», жиңэй, жәңәчэй «жена старшего брата»; эне, энекэй, мыртый, мырый «младший брат, для детей — абзый», килен «жена младшего брата, для детей — жиңәчэй»; түтэй, түтәкэй, түткэй оло, зур, ак, чибәр, сылу «старшая сестра»; жизнэй «зять, муж старшей сестры»; сеңне, сеңнекэй, сеңнекәш «младшая сестра», киәү «младший зять, муж младшей сестры».

Апайлар «родственники и родственницы младше себя; младшие братишки, сестры; форма обращения к людям младше себя»; олан — лит. бала «дитя, ребенок», башпала «первенец», төпчөк «последний ребенок»; тач атасы «вылитый отец», тач инәсе «вылитая мать», кендекэй, кендекэй эбей «бабка-повитуха»;

Бергума «кровнородственный», зат-ырыу, туған-тума, туған-тумача, хәрәндәш-ырыулар «родственная группа; родственники»; тамыр, чыбыгочо «дальний родственник, родственник корень, ветвь»; жиде ят соотв. «седьмая вода на киселе»; төп жорт, артым «отчий дом; родная деревня женщины», төшкән йорт «дом мужа»; карт-жоройлар собир. «старики», ауыл картлары «аксакалы деревни», кортка-сарткалар собир. «старухи».

Күрше күкерт, күрше-күлем — демск. күрше-күрпе собир. «соседи».

Бичә «жена», катын «женщина», тол катын «вдова», — ксыр катын «бездетная женщина»; көндәш, көнкөндәш бичәләр «жены одного мужа по отношению друг к другу в старое время».

Бианай — лит. кәйнә «свекровь», биатай — лит. — кайны «свекор»; кайнаға, биагай — лит. кайнаға «обращение жены к старшему брату мужа»; йанагай, жанагай — лит. кәйнеш «обращение жены к младшему брату мужа»; кайниш, кайныш — лит. кәйнеш «обращение мужа к младшему брату жены»; кәимбикә 1) «жена — кайнаға, при обращении снохи к ней»; 2) «старшая сестра мужа для его жены»; кайнығач — лит. кайынбикә «обращение мужа к старшей сестре жены»; кайынһеңле — лит. кайынһеңле «обращение жены к младшей сестре мужа».

Таким образом, в терминологии родства, как и в других классах лексики наблюдается смещение башкирских, татарских и мишарских терминов, происходит переосмысление и развитие значений их на почве говора.

Фразеологизмы

Наряду с общенародной фразеологией, которой богат нижнебельский говор (ағач тел «невоспитанный, не умеющий разговаривать», аяклы қаза «доставляющий горе, неприятности, обуза», аяк-күзлек күрүү «немного видеть, чтобы передвигаться самостоятельно», берәгәй әйту — лит. бер әйтеү берәгәй әйтеү «сказать метко», юкә чөй қағуу «похвалить преднамеренно», кот ботка китеуу соотв. «сердце ушло в пятки», салпы яғына салам кыстыруу «подначить, использовать слабую сторону человека», әмәлгә калғандай «кстати» и др.), в говоре значительно представлена местная фразеология или варианты литературных: Айағ ауызы басылғач, ай ауызы басылғач — лит. төн уртаһында «глубокой ночью»; айағ асты — лит. изән д. Илишево «пол»; арт(ы) — лит. ата йорто, туған ауыл «родной дом женщины»; артына китүү «поехать в отчий дом», ахыры-заман түндәге — лит. фетнә «маленький, злой, вредный человек»; айхайында да юк (средн.) — лит. уйында ла юк «и в мыслях нет, и даже не думает»; алпанша — средн. алпамыша — лит. зур кәүзәле, әрпеш кеше «человек большого неаккуратного сложения, несобранный, неряшливый»; демск. алпаниса «человек большого телосложения»; атлы — казак күүек досл. «как верховой казак» (о человеке, который загораживает свет); ач аруах — средне-урал. асарбак «полуголод-

ный, бедный»; ачтан казан астырма, туктан тукмач бастырма — лит. то же, погов. «не поручай голодному готовить суп (все съест), сытому делать лапшу (плохо нарежет)»; ачкернә — лит. асмәйел «ненасытный, жадный»; бабасыр — досл. «стрица — беспоконный, не дающий покоя» Бабасыр икәнсең! «Ну и стрица, беспоконный же ты!»; башак биреу, ясау, башаклау «ошпаренную мелкую солому смешать с мукой, картошкой и дать скотине»; билгә тиеу — лит. бил ауыртыу досл. «задеть поясницу, боль в пояснице»; ботай мунчаласы «полный беспорядок», губән — лит. йыуан «толстый как бочка»; ажизләнеу — лит. сараһыз аптырау «не знать как быть, не находить выхода из трудного положения»; ғәйрәт чигү — лит. бүгеу «надоест, получить отвращение к какой-л. пище»; әй, бу аштан ғәйрәтем чикте «әй, надоела мне эта пища»; зәңлә, зәңлә качыруу — лит. сәңге аурыуын имләу «лечить цингу, гнать цингу, выходя на зеленое поле ржи, кушать зелень, приготавливая: чирем-чором чирмешкә, чирем-чором чүплеккә, тазалығым үземә. Иске ауызға яң(а) аш, зәңлә кач! «все мои болезни черемису, все мои болезни на свалку, мне здоровье, старому рту — новое кушанье, цинга уходи, убегай!» (Бикбулово); Дыңғыр ташы — лит. нык «крепкий, крепыш»; ирле кеше — чинне кеше погов. «имеющая мужа в почете и уважении»; жир буйы жир — лит. күз күреме йер «расстояние, обозримое взглядом, далекое расстояние»; Жәмәзән яуы күүек — лит. соотв. Җырым сиреуе «Множество людей, народу»; йәшелгә буяу — лит. соотв. айыу майы һөртөу досл. «окрасить в зеленый цвет, украсть, стащить»; кабыға языу — лит. үлә языу «чуть не умереть (от жажды)»; кылбырзактан килү — лит. бик кабаланып килеу «очень торопливо идти»; кырккарта буғына тарта погов. — лит. бороңгоно кыуа «держится старого обычая, не хочет принять новое»; лискә — лит. иргәйел досл. лыска, собака мелкопородная; человек-карлик»; михдалайға төшөу — лит. — кайғыға төшөу «загоревать, не знать что делать»; мышкылтығын чыгуу «проявлять усердие, очень стараться»; праханда китерүү — лит. пыр туззырыу «разнести в пух и прах»; сырт кабартыу — лит. һырт кабартыу «сердиться, огрызаться»; табан таш булуу — лит. табан ташка әйләнеу, табанһыз калыу «остаться без ног, от долгого хождения отбить стопы»; туң ағас — лит. назан «невежественный, темный»; тырнаклы — лит. кулы озон, кулы кәкере досл. «когтистый; на руку нечист»; тәрхәндә жөрөу «быть свободным человеком», ср. гайнин. дархан жатыу стр. 284 данной работы; ут үрсәленеп тороу — лит. өлтөрәп тороу «быть приветливым, проявлять радушное гостеприимство»; чыжыу — лит. һызыу «смыться, исчезнуть»; чызай торған чама юк — лит. сызап булмау «нет никакого терпения»; челән чәүкәсе — лит. бик үтә

ябык «очень худой»; ыркым бирмәү — лит. игтибар итмәү «не обращать внимания»; ыс басуу — лит. йоко баһыу досл. «напустить копоти, чаду, клонить ко сну»; эч ачытуу — лит. йән әсеу «сильно жалеть, переживать за что-л.», әшнә аңа — лит. шул кәрәк «поделом ему» и др.

Образцы текстов

Тәжәй ауылы тарихынан

Тәжәй ауылына Кушбакты татары кушылған. Алар тип-төрләр. Тәжәй үзе башкорт ауылы. Йосоп, Тазый тигән агайне былған, башкортлар. Хәжәрәсе дә бар. Мәзиндә ейә хәжәрә. Муллабыз үлгәс, үзебез алп барабыз языуны. Зәкәрәйә беләзәрәйә төптән. Үлеп калды, бик хәтерлейе.

Безнең бы Тәжәй аулы жирне бик күп биләп килде. Төп нәселләр Бүләкләр, Норалылар.

Безнең бер бабай зур түрә булған. Минең затмы? Безнең затлар ни, мин Өлфәт, минең этәй Хөббөлғужа, аның этәсе Жаманбай, аның этәсе Норалы, аның этәсе Бүләк. Норалыдан таралған нәселләр: Шағәле, Шаһыүәле, Ирғәле. Тәжәй быларға жырағ әле.

Мал асразы безнең ауыл. Мал да иген. Бүтәнсә кәсебе булмады. Сит ауыл байы за килеп сәскән. Үзләренең ней хәтле йер, ә үзләре сайгак (изән) салған да балчык жәйгән, алабута басқан өй түбәсен.

— Жир сатып ашап, байларға мал карап, урағ урып, пчән чабып көн иткән халык. Ике ат асрайдык (асрай идек).

— Тей белә сүләшкәс, тей башкортлары тип йөрдөләр. Ауыл жирендә безнең шул бай тип саналды йегермешәр ат, биш-алты сауын сыыр, сарык тотқан кше. Андайсы чәк кенә (әз генә) кшедәйе.

— Һәр ауылның үзенеке барейә тамғасы. Бу очноң чүкеш тамға (—|), теге очта, куйан паруты — казайак тамөч чатлы (<).

Тәжәй бик йырағ инде ул. Тәжәйнең бер генә нәселе бар. Тәжәй тимерче былған тей торғанарейе. Бүләкнең ике баласы былған тейләрейе. Берсе Кайсәр, икенчесен белмәм (белмәйем). Языуы за бар ейә, кайазыр йуғалтқанбыззыр инде.

Йөркәйнең үзенең малайлары былған. Базтамакка барып бер малайы утырған. Жәннек бәк йафалағач, ул күчеп киткән кире.

Записано в 1976 г. от *Хузина Ульфата*, 1896 г. рожд., *Хузина Гильмуллы*, 1902 г. рожд. из д. Тазеева Илишевского р-на БАССР.

Син өйгә кереп торорсоң жәме? Бөгөп эпей алпкайттылар микән? Сөз күрәсегезме кайтканын сарыкларның? Қозаларың тапқанмы сарыкларын? Закиә сарығынын йөнөн алды. Бу уахытта жөн алалармы, диуана! Самай жөнө үсә торған уағыт бит әле. Дигәнәккә, сырланға бата бит ул анан. Нәмә сүләшсен? Тып-тын ишегалды. Хәзер мин дә кайтырмын.

Сафиуллиндән кереп сорапшырысың, мына мында, мынау өйнөң те йағында. Ике сарык килдәле. Ышкыны суйдык бер сарыкны. Тозлаймын банкыға тутырам, бер нәмә зә эшләмәй, йабып куйам тутырып.

Записано в 1976 г. от *Хузиной Фатимы*
1903 г. рожд. из д. Тазеева Илишевского р-на
БАССР.

Ябалак ауылы

Ябалак ауылы ике йөз илле — өчйөз йыллар элек, Сөн йылғасының өлөшөн балык тотмаға Ҷарапұл яғынан килгән кешеләргә арендаға бирелгән тигән языу укыдым. Суғыштан суң Иабалакта башкорт халкы дүрттән өч өлөшө тип йөрөтөлдө, дүрттән бер өлөшө типтәр, йаңа башкыртлар былды.

Ике зат парут: Мәхмүт паруты, башкырт, иң күбе, Нигмәтулла паруты, типтәр саузәгәр, зыйаратта ташы бар, дүрт хатыны былған. Юғароч күпергә чаклы башкорт, юлның те яғы, күпернең те яғы — типтәр.

Тирә-яктағы йылғалар Сары йылға, Қара йылға Сөнгө коя, Тәмне шишмә. Ул таба — Қарға тауы карға буткасына чығалар ейе, Қызлар тауы, Чабырлы тау, Камышлы кул, Тирән кул. Бу урында электән марилар йәшәгән былса көрәк, чирмеш кулы, Мари зыйараты былған. Имештер, ат сейәлмәсә, чирмеш зыйаратынан бер-ике урата торған былғаннар.

Мыннан дүрт чакырым Айыу ауыллары — Искайыу, Яңайыу бар, халкы буталған ясашный крәстиәннәр, мишәрләр, башкыртлар.

Записано в 1976 г. от *Гафурова Фатиха*,
1891 г. рожд., *Ибрагимова Исмагила*,
1888 г. рожд. из д. Ябалакова Илишевского
р-на БАССР.

Татыш ауылының тарихына қарата

Әлке заманда иң башта мында өч карт килеп утырған Татыш, Тәтәмәл, Тәнеч карт. Шулар килеп башта утырған донжа йаралғанда. Иске Моштода Ғәйнәтдинов Хәлуәлей сик-

сән тирәләрендә. Анда безнең шәжәрә булырға тиеш. Без ни башкырт тыг башкорт инде, парут юк безнең. Татышның милләте башкырт былған, шуның өчөн башкырт исемен күтәрә. Без туң (чей) башкырт түгел, без прастуй башкорт инде. Түлке татар түгел. Без шундай татар башкортто инде. Пүгәчәү заманында Питер таудан Җызгалатау белә атышканнар, ук белә атышканнар. Бу тауны, әйтеү буйынча, өйөп ясаган былғаннар, суғышыу өчөн биек булсын тип. Аралары дүрт-биш чакырым. Изел чыкмалы.

Укымыш былмағач, тамға ғына салдык. Безнең тамға — сәнәкнең чатына чапкан (\sphericalangle \sphericalangle), Яңы Татышта — эскәмбиә (\square \square).

Записано в 1976 г. от *Кашанова Шейхи-нура*, 1898 г. рожд. и *Шаринова Хафиза*, 1904 г. рожд., грамотного, из д. Татышева Калтасинского р-на БАССР.

Меңнәр

Мин үсмерзә Таһир тигән картта изе бу аулның шәжәрәсе. Туғыз өй башкырт барый мин йәш чағында. Дусай кичүе, крәшеннәр яғыннан Минзәлә яғыннан килгәнбезд. Ансын айырым ачык белмәймен. Хәзер аул үсте инде, дурайзы. Башкыртлар айырым урамда торзо, этдилнә йер биләп торзолар. Алар асаба былды, типтәрләр санны былмады (һаншға һукманылар), көн былмады типтәргә.

Башкыртның капка тамға II, типтәрнең әүернә тамға + < . Бөтөн аулгы бер форма тамға өйе. Закиржан абзый Шәүәлиев өйтә торғанөйе: меңнәр — вайыннай исем ул тип.

Мөчтөй (Наратлы) аулында кымыз ясағаннар. Зыяратлар бар, мулла укый алмаған ташлар бар. Чирмеш зыяраты бар, иске. Чирле малны зыяратка китереп әйләндереп чыгара торғаннар өйе ике-өч терит. Меңнәргә башкыртлар Җыркаинтүбә (Җормаш) ауылынан күчеп килгән.

Записано в 1976 г. от *Сафиуллина Мырталы*, 1887 г. рожд. и *Тимербаева Маккана*, 1898 г. рожд. из д. Менярова Актанышского р-на ТАССР.

Туртик ауылы

Безең мында башкырт әйтелә. Татарлар бар өйе Казан тегүчеләре, киестек (быйма) басырға, мөржә чығарырға йөрдөләр, азақ бетте алар.

Туртик бороңго. Башта Мицнебай карт килгән чаңға белән, турыдан турыға, шуға Туртик. Мин бөләкәй чакта Байсарға беренче булып Мөьмин карт килгән Бәзрәштән. Ҙазармаза (землянкала) ғына тора изе бер үзе.

Пыскый белән генә утыра торғаниек. Шул пыскый лампаға килеп айу тәрәзәзән карабутыра торғание. Зыяны тимәзе тейләрейе айуның.

Мында төрлө яктан килгән халк. Илжағынан, Башкириядан, Әйбеләктән килгән типтәрләр. Миндәлә яғынан килгән дә былды. Туртик бороңго. Илжағында урман беткәч, мында сауылдылар. Суы Уайазы. Алама башкырт, алама типтәр, сүләшмә! — тип тиргәшәләрейе карт әтәйләр. Без жир өчөн башкыртбыз. Ботоклар чи башкыртлар.

Записано в 1975 г. от *Минажетдинова Бадретдина*, 1894 г. рожд. из д. Туртикова Янаульского р-на БАССР.

Байсар ауылына карата

Мында донжа жаралағанда Байсар карт килеб утырған. Сажәрә былды, аулның сажәрәсе Хасанов Шархеттинда былған. Шул Байсарзан таралған халыклар мында. Жәнәйләр тип йөрөттөләр.

Әлек биг эре халк былған, алып тигән халк. Алыплар чыршы урманын күткә курай қазала тип сурыб алып йөргәннәр, имеш. Бәзнәң халыкны атлары-сукалары была күтәрәп кесәләренә салғаннар, тей. Сабан сөргәндә чабатасын қакқан жирдә тау йаралған, имеш. Нурыев Ғәлемәржән, туксан дүрт йәшле (ушлы, хәтәр ушлы карт) бар ейе, шул сүләй торғанейе.

Записано в 1976 г. от *Латыпова Шакиржана*, 1898 г. рожд. из д. Байсарова Актамышского р-на ТАССР.

Ачыткы ясау

Арышны алып шыттырасың, бороннатып қына. Бер-ике табаға салып киптереп мичтә, жарматашынан үткәрәсең, ул күк кенә он былып чыға. Ағач бизрәгә генә туғып қуя иек тә, әпейнең апарасын салайық.

Син әллә нәмәләр тиб улама! Мич башына утыртабыз. Күпереп менә ул. Ике көндә ачып чыға. Шул ачыбеткәч тона, тона ға төбәнә утыра. Шул тонокно ачыткы тиб эчәбез тамақ

кипкәңгә. Бу ачыткы буынға ғына төшә ул. Бәй, кызғылт жына, сарғылт була ул.

Шушы Хөрмәй хатыны белә кубызға бейей торганиек, алмаш-тилмәш, әле беребез, әле беребез төшөп. Беләкләрне өлешеп тә (әлешеп) бейезек.

Записано в 1976 г. от *Хурматуллиной Фейзы*, 1906 г. рожд., из д. Меннярова Актамышского р-на ТАССР.

Бикбау ауылы, Бикбаул, Бикбул

Беззән бер чакрым Калмырза (< Ханмырза). Бәләкәй генә калкыулыгы былған. Шул Искауыл, Иске йорт, Тау башы тип йөртөлгән. Ильяс тигән картның божорло урында тегермәне, кирпес завуты былған.

Калмырза калкыуында кәберлек ташы бар. Қазаннан килеп укып караньлар, укый алмазылар. Бик иске. Иске йорто қазыдылар Қазан археологлары, сөйәкләр, тимер-томор қазын алп киттеләр.

Калмырзаға гел башқыртлар. Калмырза за безнең нәселне Боғазызан килгән тейләр иде. Безнең йәнәй яқларында, Кама арьяғында да жирләр былды. Бикбау ике очтан тора: 1) башкортлар, асабалар урта тошо, 2) типтәр очо — теге як оч, қибла як. Типтәрләрнең төбә чирмеш, мында зыяратлары былған.

Бикбауның өч улы былған. Малы күп былған. Тиресе бик қалын, тирес арасыннан улақлары килеп чықты, мал ашата торған.

Мин үзем башқырт ейем. Минең нәселнең тамғасы — сәнәккә ике чапқан ∇^* . Мында булды өзәңге тамға \lrcorner , қайсыларының тарак тамға \lrcorner . Безнең анда бер йер, мында бер йер, йергә тамға салынған, көрәк белән саласың да китәсең.

Записано в 1976 г. от *Кулова Минажа*, 1890 г. рожд., башкира, *Сидикова Латифа*, енеец, тептяр, *Гараева Маснави*, 1909 г. рожд.; учителя, написавшего историю деревни, нашего шежере (родословную) деревни, из д. Бикбулова Мензелинского р-на ТАССР.

Глава IV

ГАЙНИНСКИЙ ГОВОР

Носители гайнинского говора расселены на территории Пермской области в Бардымском, Куединском, Чернушкинском, Уинском, Пермском и других ее районах. Свое название говор получил по наименованию одного из древних этнических родов башкир — гайна (гәйнә).

Основная часть гайнинских башкир компактной группой проживает в Бардымском районе (53 населенных пункта). В остальных районах Пермской области количество башкир числится в пределах до 1000 чел. в каждом. Общее число башкир в Пермской области к 1970 г. составляло 47812 чел. Из них язык своей национальности считало родным языком 10589 чел.¹ По переписи 1979 г. здесь отмечено 48752 чел. башкир, родным языком признало язык своей нации 14193 чел.² А по Всесоюзной переписи 1989 г. числится 52326 чел., из них язык своей нации считает родным языком 14936 чел.³ Приведем башкирские населенные пункты Бардымского района, записанные по сельским Советам: Акбаш (народное название Эмжебаш), Юкшур (Йөкшөр), Аклуши (Аклыш), Старый Ашап (Иске Ашап), Тундюк (Төңгөк), Барда (Кажмакты), Мостовая (Сүзде/Чүжде), Старый Чад (Кажмакты Чат), Повый Чад (Төңгөк Чат), Березники (Кайын ауыл), Ишим (Түбән ауыл), Чалково (Бакчауыл), Рамово (Рам), Бардабаш (Бардабаш), Бичурино (Озон ялан), Саркаеш (Сыркайыш), Учкул (Очкул), Яушкурово (Яуышкыр), Батырбаево (Батырбай), Брюзли (Бөрөжлө), Зиязилга (Сазыйлга), Нижняя Ис-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. т. IV. — М., 1973, с. 111.

² Вестник статистики, 1980, № 7, с. 61.

³ Действующий архив Пермского областного статуправления. — Пермь, 1990.

килда (Түбән Искилде), Сюзян (Сөжән), Елпачиха (Удик), Искир (Искер), Конюково (Әрәмауыл), Усть-Тунтор (Тауауыл), Краснояр Первый (Беренче Әржән), Краснояр Второй (Икенче Әржән), Кзыльярово (Утэй), Утяйбаш (Үтэйбаш), Куземьяр (Байауыл), Кудашево (Кодаш), Чувашаево (Жаматай), Верхне-Ашп (Юғары Ашп, Башапбаш), Новый Ашп (Яңауыл), Никольск (смешанное), Сармияды (Сәрмиәдә), Толоканка (Талканны), Верхне-Шлык (Эшлекбаш), Усть-Шлык (Эшлек-Түз), Новая Казанка (Казанка), Амировка (Әмир), Карманово (Карман), Константиновка (Күчтәнтей), Верхне-Константиновка (Юғары Күчтәнтей), Игатка (Игәт), Карагаш (Карагаш), Наратки (Нараткы), Ермея (Жермейә), Кувия (Күгейә), Уймуж (Уймыж), Федорки (Өчмөчтө, Өчмичте), Сараши (Сараш), Танып, Усть-Башап (Башап-түз), Ар-Башап — всего 31970 чел.

По географическому положению территорию пермских башкир краевед А. Дмитриев называет Прикамской Башкирией в отличие от Уфимской и Зауральской⁴.

В прошлом пермские башкиры составляли Гайнинскую волость, которая в числе других башкирских волостей входила в Осинскую дорогу и до 1552 г. подчинялась Казани. После падения Казанского ханства гайнинцы, как и другие башкирские племена, присоединились к Русскому государству.

В XVI в. с основанием г. Уфы и возникновением Уфимского уезда гайнинские башкиры вошли в его состав.

С 1781 г. гайнинцы стали зависеть от нового административного центра управления — Перми⁵.

Гайнинские башкиры вместе с племенами уран, танып, ирякты, ун составляют северную этнографическую группу башкир.

Племя гайна являлось одним из наиболее древних и крупных в составе северных башкир. Гайнинцы считают, что их предки «вышли из Булгар» и называют себя коренными башкирами, переселившимися с Мензелинских сторон⁶.

Другое название гайнинцев тархан (гәйнә-тархан), которое отмечается в древненемецкой этнонимии, в эпиграфических памятниках дунайских болгар и чувашских топонимах, восходящих, по утверждению Н. И. Ашмарина, к чувашским

⁴ Дмитриев А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. Прикамская и Осинская Башкирия и основание Осы. Вып. VIII. — Пермь, 1900, с. 54.

⁵ Там же, с. 55.

⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974. с. 341.

языческим именам и титулу, подтверждает древние башкирско-булгарские этногенетическис связи⁷.

Анализируя тамги, культовые поверья (культ журавля у гайнинцев и другие этнические атрибуты), Р. Г. Кузеев делает вывод о пребывании гайнинцев в булгаро-угорском окружении на Бугульминской возвышенности вместе с племенами юрматы, еней, буляр, кесе, усергян, бурзян, тунгаур⁸.

Гайнинские башкиры являются самой северной областью территориального расселения башкирских племен. Заселив в XIII — XIV вв. бассейны рек Тулвы и Сылвы с притоками, гайнинцы вошли в тесное взаимодействие с местным угорским населением: остяками (хантами) и вогулами (манси), у которых еще в XVI в. по р. Сылве были княжества со своими князьями.

В этническом взаимодействии с финно-уграми башкиры имели преимущественное языковое и культурное влияние на местное население, и постепенно происходил процесс ассимиляции их. Вместе с тем смешение с финно-уграми повлияло и на дальнейшее развитие этнокультурного, физического типа башкир этого района.

После покорения Казанского ханства Русским государством началось массовое заселение татар, и затем русская колонизация. Татары оседали главным образом по Сылве и ее притокам Ирени, Турке, Сыпа⁹.

На гайнинские земли татары селились с их разрешения и обязывались платить ясак правительству.

Казань постоянно осуществляла религиозный надзор над пермским краем и его населением, присылая миссионеров и мулл, снабжая религиозной литературой, открывая мечети и мусульманские мектебе.

В настоящее время дети пермских башкир и татар обучаются на татарском литературном языке, всю литературу и периодическую печать получают из Казани. Многовековое взаимодействие двух близкородственных народностей на одной территории способствовало ослаблению национального и языкового статуса между ними. Местное башкирское население четко отличает лишь русских и мишарей.

Но язык свой пермские башкиры принимают как собственный, иногда считают его башкирским. Тел безнең үзбезнең, Татар да теүел, башкорт та теүел «Язык у нас ни татарский,

⁷ Там же, с. 342 — 343.

⁸ Кузеев Р. Указ. соч., с. 344 — 345.

⁹ Дмитриев А. Критические заметки по истории Перми Великой: XVI в. — Пермь, 1893.

ни башкирский, свой собственный». Таты, жаматай безнеке тел, башкорт теле беле сүләшәбез «У нас язык жесткий, на башкирском языке мы разговариваем».

Действительно, язык пермских башкир весьма самобытен и значительно отличается от диалектов башкирского и татарского языков сохранением древних языковых черт. Это проявляется в первую очередь в грамматике и в фонетике.

Одной из главных диалектных особенностей языка пермских башкир — гайнинского говора в области фонетики выступает сужение широких гласных в позициях ударного закрытого слога, т. е. употребление узких гласных ы, е, и вместо а, э. Данная диалектная особенность регулярно выступает в дифтонгических сочетаниях ый, ей вм. ай-эй в конце слов: алый «вон такой», былый 'вот такой', шулый 'такой'; в дифтонгических сочетаниях ыу-еу, оу-өу вм. ау-әу, — кырау — лит. кырау «иней», жейеу вм. йэйәу «пешком», береу вм. берәу «один».

Преимущественное употребление узкого и вместо широкого ударного гласного э в конце слов: чекмин вм. сәкмән «чекмень», чеприк вм. сепрәк «тряпка», белчин вм. билсән «осот».

В области консонантизма гайнинский говор характеризуется употреблением мягкого щелевого шипящего ш (графически ч) вместо с: чып «истина», күгерчин «голубь», тач «точь-в-точь» и употреблением общетюркского с в исконно тюркских словах: син вм. һин «ты», суу вм. һуу «вода»; преимущественным употреблением мягкого ж вместо й в начале слова: жите «семь», жаурын «плечо», жигәрле «быстрый, деятельный». В грамматике характерно регулярное функционирование формы словосочетания типа изафет — 1, часто заменяющей другие изафетные формы: ишек теп сике «кровать около дверей», мич ара йак «часть дома, где находится печь»; употребление формы инфинитива на -ма, характерной для чувашского языка и формы на -маға, характерной для среднего говора башкирского языка; своеобразные формы категории принадлежности имен существительных: меңке кызныкы малай вм. минең кызның малайы «сын моей дочери».

Диалектные особенности в области лексики отражают древние и современные языковые контакты говора с говорами башкирского, татарского и других тюркских и нетюркских языков.

Гайнинский говор, связанный своими корнями с башкирским языком, в течение многих веков функционировал на северной периферии тюркских языков Урало-Поволжья. В результате ранней изоляции в нем сохранились такие локальные диалектные особенности, часть которых вообще отсутству-

ет в современных тюркских языках этого региона. Вполне возможно, что эти особенности развились на почве древних башкирско-булгарских языковых черт, некоторые рефлексy которых наблюдаются в отдельных говорах среднего диалекта татарского языка, а также в среднем говоре башкирского языка, который также сохранил древние языковые черты.

Гайнинский говор изучался автором в 1975 г. во время экспедиционного выезда в г. Пермь и Пермскую область в населенных пунктах Башкиро-Култаево, Ольховка, Уймулбаш, Уймул, Кудаш, Куземьярово, Барда, Тюндюк, Новый Ашп. Материалы эти послужили основой для монографического описания. Кроме этого, автор ознакомился с материалом диалектологической экспедиции сектора языка в 1973 г. работавшей в населенных пунктах Султанай, Танып, Краснояр, Бичурино, Ишимово, Елпачиха, Ольховка, Нижняя Искильда. В 1963 г. в 14 населенных пунктах Пермской области работала фольклорная экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР, собравшая значительный материал и по языку, который полностью включен в «Словарь башкирских говоров» (т. II, Уфа, 1970).

Фонетические особенности

Система гласных (вокализм)

Фонема *а* характеризуется как открытый, широкий, нелабиализованный звук заднего ряда, что объединяет его с говорами восточного диалекта и юго-восточными говорами южного диалекта.

а — ы. В некоторых словах звук *а* выступает вместо узкого *ы* в конечных ударных словах: *ағат* — лит. *акык* 'ағат'; *кабак* < — лит. *кабык* «кожура, скорлупа»; *кабык* «луб»; *чацга* — лит. *саңғы лыжи*; *жылау* — лит. *йылыу* «полыпя»;

В *анлауте* и *инлауте* слова зафиксированы следующие примеры: *алачын* — лит. *ыласын* 'сокол'; *манда* — лит. *бында* 'здесь'; *аңғай* — *ыңғай* — *сальют*, *кубалак* *ыңғай* постоянно, сразу и др. значение; *Айака аңғайна Асаларға утырып китәләр* «В ту сторону в Осу постоянно ездят»: *ауартыныу* — *ууыртыныу* — лит. *ауыртыныу* «страдать от болей»; *ауардым* — лит. *аурыным* «Я заболел»; *кыркаша* — лит. *кыркыша* «он препирается».

ы — а. Характерным для говора выступает явление сужения широкого *а* > *ы*. При этом данное явление не закреплено за конкретными словами и позиционно не ограничено: оно может выступить во всех позициях слова, в соседстве и с широким, и с узкими гласными, в ударных и безударных слогах, в *анлауте* слов.

В говоре функция узкого ы, таким образом, активизируется за счет употребления его вместо широкого а. Примеры, зафиксированные со звуком ы в конце слов, в ударных слогах: кыңкырыу — қаңғырыу — лит. кыңғырау «колокольчик», капкыч — лит. капкас «крышка», тағын/таған «1) столб, врытый в землю, 2) большие качели»; Тағынны ике йактан қағалар «Качели раскачивают с двух боков»; тағын тағыныу «качаться на качелях», былыр// былар «эти»; ыңғый/аңғай «постоянно»; ыңғый качам «всегда убегаю»; чытуыт — читауат «счетовод». Примеры, зафиксированные в начале слова: ыракы — лит. аракы «водка»; Ыклимә/Аклимә — лит. Әклимә — антропоним, кыйыулы читекләр «вышитые ичиги»; Кыраңғымы? — лит. караңғымы? «темно?»; нычар/начар «плохо»; ыйак/айак «нога». Иногда в результате сужения широкого а полностью меняется состав гласных слова, например: ылып — алап «котомка из лубка или бересты»; ыны — лит. ана «вон», ыны кый/эне кый < ана кый «вот ведь»; Ыныкый, кайсы сазда күрдемей баса (лит. Ана бит кайһы һазза күргәйнем әле) «Вот ведь, в каком же болотистом месте видела-то я»; Ыуыртсы да йөрөйсен «Хоть и больно ходишь»; ыстылыуый «столовая».

Примеры, зафиксированные в предупредной позиции в середине слова: Атыкайым — атакайым «батюшки»; артыба — лит. артабан «далее»; атыла — лит. атала «называется»; кашыға/кашиға — лит. кашаға «перед, выступ печи»; таштыбак — таштабак «тарелка»; чыныйак «чашки»; тамыша — тамаша «зрелище, удивление»; Тамыша икә кый! «Удивительно, оказывается!»; жылыта — лит. йылата «заставляет плакать»; узғырыу/узғару «проводить время»; карғылар — лит. карғалар «вороны»; Бәрхеныуыл/Бархынауал — антропоним.

Фонетическое соответствие ы — а имеет стабильное произношение лишь в отдельных словах как ыракы, Ыклимә, тағын, кыйыулы, ыныкый начала и конца слова. В остальных случаях оно проявляется в динамике речи и связано с просодическими явлениями речи.

В принципе гласный а в динамике речи может перейти в узкий ы в любом случае, в любом положении. Носитель говора может произносить в процессе речи слово и с гласным а, и с гласным ы как, например: ыйак — аяак, нычар — начар, йыл ды — йыл да; Хәр инде йыл ды ик ай инде «Сейчас уже год и два месяца».

Фонема ә. Переднерядный широкий звук ә функционирует, как и в литературном языке, в словах кәрәк «надобность, надо»; кәртә «изгородь, жердь»; кәбәк «отход зерна»; кәштә «по-

лочка»; кәм «меньший, меньше»; кәмчелек «недостаток, недостатка»; шәкәр «сахар» и др.

Кроме этого в говоре отмечен более узкий звук, чаще всего ударный, близкий к звуку е чувашского, караимского, карачаево-балкарского, кумыкского и др. языков. Условно обозначим его графемой э: йэмне в.м. йэмне «красивый», кәрәкмэй в.м. кәрәкмэй «не надо», сау булың эли в.м. эле «прощайте-ка, пока»; килсэ в.м. килсэ «если придет»; Такси беле дэ в.м. белән дэ «И на такси».

э — е. В некоторых словах звук э выступает вместо узких е, и: Мәнзэлэ — лит. Минзэлэ — топоним (систематическое произношение); энэй — инэй мать, эндәшеу — кизил. эндәшеу «отозваться, кликнуть»; дэгәнэк в.м. дегәнэк «куст шиповника», тәңкәгә тейеу — лит. теңкәгә тейеу «надоесть», дәстә — лит. тигтә «десяток», түгәл/түәл «нет, не» — отрицательная частица; үдә түгәл «не дома»; мен түәл «не я».

Соответствие э — е sporадически отмечается во всех говорах башкирского языка, например: Мәнзэлэ — в демском, энэй — в юшатырском подговоре, эндәшеу — в северо-восточных; дэгәнэк, тәнкәгә тейеу — в среднем говорах.

Фонема е(э). Звук е является самым активным звуком говора. Функция краткого звука е расширяется, как и звука ы, в первую очередь за счет звука э. В этом смысле здесь же можно было бы рассматривать его широкий вариант э, который описан выше. Звук е регулярно выступает в дифтонгических ей, еу в конце слов. Помимо этого звук е употребляется вместо э в начале и конце неразложимых основ слова, в результате слово получает совершенно новую фонемную структуру, иногда создавая диалектные омонимы.

э — ә. Переход э в е наблюдается чаще после узких гласных в ударных слогах. Примеры: белен/беле в.м. белән — послелог «с»; кибен/кебен — лит. кәбән «стог»; чирем — лит. сирәм «целина»; чибер — лит. сибәр «красивый»; мәктеп — лит. мәктәп «школа»; аркузек в.м. аркузәк < арка + үзәк «спинной мозг»; мешек — караидельск. мишәк «мешок».

В потоке речи: Кемге кем ушый «Кто кому нравится»; Энекий, белекей мешекләр беле алп киттеләр «Вон ведь маленькими мешками увозят»; Туй үткес «Когда прошла свадьба».

е — и. В некоторых словах в предупредной позиции е употребляется вместо безударного и литературного языка и других говоров. Переход гласного и в краткий е происходит в результате потери полнозвучия и редукции звука и: эсәр < исәр «глухой», белчен — лит. билсән «сосот»; нендей < ниндэй «какой»; нендей кеше «какой человек»; кесәк — ксәк — лит. киҫәк

«часть»; кечкедә — лит. кискелә «вечером»; кеч йары «к вечеру», тебәйтә, кый! вм. тибәйтә «Так говорит ведь»; кеске — кискеч досл. «резчик, клещи для сахара».

Звук и. Одной из диалектных особенностей говора является то, что в конце слов неразложимых основ в ударных слогах широкий гласный э, переходит в узкий и. Ограничение данного явления определенным кругом слов установить не удалось, оно отмечается в односложных, двусложных и многосложных словах; а также заимствованиях. При этом слова могут иметь еще и другие варианты произношения.

и — э: крин — лит. керән «хрен»; чеприк — лит. сепрәк «тряпка»; печин «трава», лит. бесән «сено», чекмин — чепкин — лит. сәкмән «чекмень», кэбин — кебин — лит. кэбән «стог», мелиш/милиш — лит. миләш «рябина», бели/беле — послелог белән «с»; безмин/бизмин — лит. бизмән «безмен»; белчин/билчин — лит. билсән «сот»; тегермин/тирмин — лит. тирмән «мельница»; кечерткин — лит. кесерткән «крапива», түгерик — лит. түңәрәк «круглый», Түгерик йөзлө кызы бели «с круглолицей девочкой своей»; бөрлөгин/мөрлигин — лит. бөрлөгән «костяника» и др. В потоке речи: Теритеп — куйғаннар < терәтеп 'Подпорку сделали'; Без барғанчи бөтмисме < бөтмәсме «Не закончится, пока мы придем?»

и — а. В некоторых словах и выступает вместо широкого а: чумир — лит. сумар «клецки», чыңырик — средн. кубалаяк. сыңарсак «мизинец».

и — ы. В группе слов и употребляется вместо ы литературного языка. При этом звук и нарушая закон небной гармонии, выступает в составе заднерядных гласных и согласных, например: клиш — северо-западн. говоры: кылыш «перхоть»; акрин/экрин — лит., әкрен «тихо», минча/мынча — лит. мунса «баня»; йасағанчи/йасағанчы «пока делали».

и — е. Примеры на соответствие и — е в конце слов: белиш — лит. бәләш — междометие удивления; Бәлиш! Кайан килен чыкты 'Ба, откуда появился!'; чүмич — лит. сүмес «половик, ковшик»; шәймик/шәймек «кочка»; дүрткил — лит. дүрткел «прямоугольный, квадратный»; ср. кизил. дүрткил — то же. Примеры, зафиксированные в начале слов: чирек/черик картуп «гнилая картошка»; миктәү — средн. гов. мектәү «измучиться».

Фонетические соответствия говора, связанные со звуками и, е, э показывают, что сужение гласных в гайнинском говоре проявляется в первую очередь в конечных закрытых ударных слогах. Этим процессом охвачены все широкие гласные под ударением. Сужение ударных широких гласных гайнинского говора должно иметь историческую связь с процессом передви-

жения шкалы гласных в тюркских языках Урало-Поволжья. Сохранение этого до сих пор действующего процесса способствовало, на наш взгляд, более ранняя изоляция говора от основной массы тюркских языков Урало-Поволжья и функционирование его в иноязычной среде.

Фонемы о, ө; у, ү. В говоре вместо менее огубленных кратких о, ө в отдельных словах употребляются сильные губные у, ү; вместо негубных гласных ы, е выступают о, ө и наоборот. Это явление встречается и во многих других говорах. Такие диалектные варианты слов, как сурау — лит. хорау «спрашивать», йумарт «щедрый», куба тал — лит. коба тал «бледно-желтая ива», бүгэрләнеү — лит. бөгэрләнеү «скрутиться», мүгеш — мөгеш «угол» бытуют и в других говорах. Для литературного языка являются нормой слова с гласными у, ү: гүмер «жизнь», улан «дитя», һуң, «поздно», йүгерев «бежать» и др. Эти варианты характерны и для гайнинского говора. Особенность гайнинского говора заключается в том, что данное явление охватывает больший круг слов, которые не отмечены в других говорах.

у, ү — о, ө. В говоре в следующих словах зафиксированы гласные у, ү вместо литературных о, ө: ушак — лит. ошак «ябеда», ушау — лит. окшау «быть похожим, нравиться»; кумалак — лит. комалак «хмель»; кумак — лит. — комак «крыса»; кутыру — лит. котороу «беситься»; кутыртыу — лит. котортоу «подстрекать, нарушать»; Кутырта да кутырта «Все время подстрекает»; бутук/ботук/боток «много, порядочно»; Бутуғы белерие «Многие знали бы»; Тузак — лит. тозак «силок»; тузак салыу «поставить силок»; томбуйык — лит. томбойок «лилия водяная»; күпшә — лит. көпшә «купырь»; бүгеү — лит. бөгөү «гнуть»; Кайын бүгәләр чанаға «Березу гнут для саней»; бүкләү — лит. бөкләү «складывать»; сүлек — лит. һөлөк «пиявка»; чүкелдәшеү — лит. сөңкөлдәшеү «беседовать, разговаривать»; шукмит/шөкмит «лопух»; жүлек/жөлөк «спинной мозг».

Диалектные соответствия у — о, ү — ө несомненно являются рефлексамии исторического перехода древнетюркских широких гласных о, о > у, ү и у, ү > о, ө на почве башкирского языка. В гайнинском говоре в группе слов сохранились гласные (если они не являются результатом вторичного перехода), близкие к древнетюркским звукам у, ү. Это явление может усиливать также иносистемное языковое взаимодействие. Так, гайнинский говор входит в тесное взаимодействие с севернорусскими «укающими» говорами¹⁰, и русские заимствования

¹⁰ Аванесов Р. Очерки русской диалектологии, ч. I. — М., 1949, с. 31.

здесь произносятся с сильной губной аттракцией: мултук «молоток», булнис «больница», убит «обед», кумбирт «конверт», стукан «стакан», кумунис «коммунист», субранйа «собрание», дупрус «допрос» и др.

Дифтонгические сочетания

В говоре бытуют позиционные диалектные дифтонгические сочетания с узкими гласными ыу/еу, ый/ей, которые не встречаются в других говорах и диалектах и других тюркских языках. Звукосочетания ыу/еу, ый/ей также связаны с вышеуказанными явлениями сужения широких гласных а, э в узкие гласные ы, е. Как уже было сказано выше, необходимым условием для перехода широких гласных в узкие является закрытый ударный слог. В данном случае конечные слоги замыкаются билабиальным полугласным у или среднеязычным й (j). При исчезновении позиционных дифтонгических сочетаний с конечными у и й широкие гласные восстанавливаются. Например: аша, ашағанда, но: ашыу «кушать»; такыллағанда, но: такыллыу «стругать».

Перейдя в узкие гласные, звукосочетания ыу, еу имеют тенденцию огубления, в результате чего в корне меняется фонетическая структура слова по линии гласных и иногда образуется диалектная омонимия: ажыу — ажоу — ожоу — лит. ажау «голавль»; бозыу — бозоу — лит. бызау «теленок» (См. об этом подробнее в пункте Лабиализация).

Сужение а, э в дифтонгических сочетаниях ыу/еу, ау/әу происходит регулярно как в глаголах имени действия так и в существительных и других словах. Примеры на глаголы: ашыу — лит. ашау «кушать»; Ашыу-эчеу йук «Не ест, не пьет»; Ашыуға бирмей «Нельзя кушать»; Карыу — лит. карау «смотреть»; Карыучылары йук «Некому смотреть»; кыстыу — лит. кыстау «теснить, принуждать»; чапкылыу — лит. сапкылау «разрубать»; тапыу «топтать, хлопать, бить» — лит. тапау «топтать»; тапыулашыу «драться»; Алар ғүмер буйына шундый, тапыулашалар «Они всю жизнь дерутся»; билеу — лит. биләу «пеленать»; димнеүче — лит. димләүсе «уговорщик»; он илеу — лит. он иләу «сеять муку»; Примеры на имена существительные, числительные и другие части речи: азыу теш — кизил. кубалык. бурзян. азыу теш — лит. азау теш «коренные зубы»; бозоу — лит. бызау «теленок»; айкак чылғыу — лит. сылгау «портянки»; шаршыу — лит. шаршау «занавес»; белеу — лит. беләу «оселок»; игеу — лит. игәу «напильник»; кейеу — лит. кейәу «жених, зять»; Кейеу кейеүләп йөрөй «Же-

них ездит жениховать»; жейеу — лит. йэйэу «пешком»; береу, икеу, өчөу, дүртеу, бишеу и т. д. — лит. берэу, икэу, өсэу, дүртэу, бишэу «один, два, три, четыре, пять» и т. д.; икеүлөп, өчөүлөп «вдвоем, втроем»; Йэ икеу, йэ береу була бурсык «Барсуков бывает или двое, или один (в норе)».

ый/ей — **ай/эй**. Соответствие с дифтонгическими сочетаниями ый/ей в основном охватывает глагольные и местоименные формы со звуко сочетанием ай/эй, в том числе отрицательную форму глаголов на -май/-мэй, характерную для башкирского языка. Единично отмечается на формах существительных. Примеры: Алый, былый, шулый, тегелей, калый — лит. алай «такой», былай «вот такой», шулай «такой», тегелэй «вон такой», калай «какой»; Иар^амый икэн алый «Нельзя оказывается так»; Былый-былый итәкләр салып... «Вот такие оборки нашивая... Шулый-шулый! «Да-да, так!» — Алый теүел! — Калый? «Не так! — А как?»; шуный — шунный «таковой»; Шуный нимәләр йөрөп тора «Такие люди (военные) проезжают»; йөрөгөлөй — лит. йөрөгөлэй 'похаживает'; Ухытаға йөрөгөлөй «Иногда ходит на охоту»; бетней/бетеней < бөтөннэй «полностью»; китмәстей — лит. китмәстэй «не склонный уезжать»; Китмәстей картлардан тулкы йук «Какой толк от стариков, которые не в состоянии уехать»; тибетей — лит. түбәтэй «тюбетейка»; көлөкөй — танып. көлөкәй «жеребенок»; Көлөкөйгә такмыйлар «На жеребенка не вешают».

Небная гармония и сингармонические варианты

В отдельных случаях закон небной гармонии нарушается аффиксами, внутри слова и словосочетания например: багабез «смотрим, растим», кағылсә «если заденет, заразится»; байнә — байағынак «давеча», машинә/машина, әждағы — лит. аждаһа «дракон», әхерзаман — лит. аждаһа «дракон», әхерзаман — лит. ахырзаман 'светопреставление'.

Небной гармонии не подчиняется вопросительная частица мы/ме, которая имеет еще фонетический вариант ми. Примеры: Бардыми? «Ходил?», Чолаңғамә? «В чулан да?» Йарыме? «Шубенка ли?», Алдымә? «Взяли ли?», Озакками? «Надолго?»

С гласными заднего ряда часто употребляются переднерядный гласный и, среднеязычный к, тогда как согласный к в башкирском языке употребляется только с передперядными гласными. Примеры из говора: Арик, Амир, Фатифа — антропонимы: чаа — лит. сейә «вишня», минча/мынча «баня», акрин/экрин — лит. акрын, экрен «тихо», чиган/чигән «цыган».

Примеры на твердые варианты с согласными к отмечены и в заимствованиях, и собственно тюркских корнях: казаки — лит. кэзэке 'мужской камзол с короткими рукавами'; карасин «керосин», камфит «конфеты», кумушка «самогон»; муклак — лит. мүклэк «комолая», машақатлы — лит. мәшәкәтле «канительный», кумак/күмәк «крыса», курка/күркә «индюк»; — кайт борук — лит. берүк «Пожалуйста, возвращайся».

В говоре с «твердыми» вариантами зафиксированы следующие слова: орғау — караидельск. танып. өргәү «развиваться, размножаться»; сурат/сүрәт «чучело»; сурат угыртыу «посадить чучело»; сазаф/сазап — караидельск. сәзәп «пуговка»; сазап печин «кошачья лапа, алтея»;

Кроме литературных форм йән «душа», йәбешәу «прилепиться», йән/жөн «шерсть», чептә «рогожа» и др. характерных и для гайнинского говора, мягкие варианты отмечены в словах: зиәрәт «могила», лит. «кладбище»; Зиәрәтен сырладым әли «Могилу (решетку) его покрасила»; зәмәнә — лит. замана «время, пора»; үкмәшәу — лит. укмашыу «слипнуться, скопиться»; кечетү — лит. кысытыу «чесаться», әтнә — лит. азна «неделя»; жемерләу — средн. йоморлау — лит. йыбырлау «шевелиться копошиться»; пешпелдәп — лит. бышылдап «шепотом»; Шүрәлиләр сүләшсә пешпелдәп, үрин генә сүләшәләр, тей «Говорят, что лешие говорят шепотом, тихо».

Некоторые слова употребляются в двух вариантах: эшәнеу/ишану «надеяться», бәйнә/байна «давеча», түш/туш «наледь», шаңга/шәңгә «шаньга», чегәнней/чыганний «капризничает, не слушается (о лошади)»; шулый шул/шүлей шул «так, такой конечно»; мә/ма «что»; Ма аны аласын? «Зачем его берешь?»; Мә кындыра бул! «Что он делает!»

Лабализация

Одним из видов лабализации, характерным для гайнинского говора, является легкое огубление узких кратких звуков е, ы.

о, ө — ы, е. В большой группе слов начальный ы, е произносятся с заметным огублением. Значение диалектного омонима, возникающего в результате огубления, можно узнать лишь в контексте. Зафиксированы следующие примеры: өт — лит. эт «собака»; Өтө бәйлүдә аңкы «Собака у них на привязи»; өрө — лит. эре «крупный», өрө чыпчык «большой воробей», гөл/гөлән — лит. гел «всегда», Гөл айаз былды «Все время было солнечно»; тез I — лит. тез «колени»; Тезәнә сук! «По колени ударь!» Тез II — лит. тез «нанизывать»; Тезәп китәр ине!

«Пойдет теперь нанизывать!» ...; того — лит. теге «тот»; төгө сары мөңнөк «та желтая тысячерублевая ассигнация»; көй(ә) ауыз — лит. кейә «леток»; көршән — лит. кершән 'крем', йорак — лит. йырак «далеко», Төшләмә! — лит. тешләмә «не ку-сай!»

В некоторых словах под действием губной гармонии огубляются остальные узкие гласные всего слова, например, сойок — демск. сыйык — лит. шыйык «жидкий», тойок — лит. тыйыулы «степенный, воспитанный»; йөлөк/ жүлөк «спинной мозг», лит. йелек «костяной мозг», төркө-восточн. д. терке «молодая сосна», көндөк — лит. кендек «пуп, ось»; көшнөй — лит. кешнэй «ржет», бөтөки/бетөки «маленький». Данное явление сближает гайнинский говор с чувашскими говорами¹¹, в которых оно выступает более последовательно и является диалектным показателем. «В верховом диалекте и в группе переходных говоров имеются особые «огубленные краткие гласные а^о, е^о, которые отсутствуют в низовом диалекте, здесь им соответствуют литературные а, е»¹².

Следующий вид лабиализации заключается в том, что в некоторых словах огубляются конечные широкие гласные а, ә, которые подверглись сужению. Как уже было сказано выше, широкие гласные а, ә переходят в ы, е в закрытых слогах конечного слога и дифтонгических звукосочетаниях, например: бозоу — лит. бызау «теленок», оклоу — лит. уклау «скалка»; олоу — демск. олау «соединять»; чалгы олоу «чинить косу»; йөгөн — лит. йүгән «узда»; корол — лит. корал «оружие»; төңгөк — лит. түңгәк «кочка».

В этих словах огублению способствуют и губные гласные первого слога. Однако огублению подвергаются и слова, не имеющие в своем составе губных гласных, например: сорхоу — лит. сырхау «больной», боғоу — лит. бығау «кандалы»; боғоу йозак, томоу — лит. тымау «насморк», короу — лит. кырау «иней».

Делабиализация

Явление делабиализации выражается не в такой широкой форме, как лабиализация, кроме тех форм делабиализации, которые характерны для литературного языка сыу «вода», тыуган «родной», кыуыш «шалаш», кыу «гнать» и др.

¹¹ Материалы по чувашской диалектологии, вып. 1. Чебоксары, 1960, с. 88, 90, 148.

¹² Сергеев Л. П. Диалектологический словарь чув. языка, с. 7.

В говоре зафиксированы делабиальные формы, встречающиеся в других говорах, в первую очередь южного диалекта: кэгәуен (средн.) — лит. күгәуен «слепень»; сукыр кэгәуен, озур кэгәуен; алғысы/ағысы (средн., аргаяш.) — лит. уныһы «тот его»; эн (кизил., ик-сакмар.) — лит. өң «логово»; Айыуны энендә генә аталар; Мәхәмәт (ик.-сакмар.) — лит. Мөхәмәт — антропоним; йак — йок — йук — лит. йук «нет». Форма йак характерно лишь для юго-восточных говоров.

Единство гайнинского говора с южными говорами наблюдается и по другим языковым явлениям.

Специфическими делабиальными формами самого говора являются слова: пастау — лит. бұстау «сукно»; артмурт — удмурт «удмурт»; дөбөр-шатыр/дөбөр-шатыр «грохот», самка/сомка «глупый».

Губная гармония

В говоре действие губной гармонии распространяется на многосложные слова и сложные слова: өлөкөкөн < элекке көн «позавчера»; корколоч — лит. кыркколас «шалашовка, кровохлебка», отпорон — ытпорон — лит. этморон «шиповник, плоды»; көз көзгө < күз көзгө «очки».

Явление губной гармонии расширяется за счет лабиализации кратких гласных ы, е, которые подвергают губной аттракции и другие слоги слова. (См. раздел лабиализации.)

Редукция

Одним из характерных диалектных особенностей говора является редукция узких гласных, что нередко ведет к частым их выпадениям. Редукция кратких гласных ы, е, о, ө происходит в инлауте слова, в предупредных слогах, например; белекей/белкей — лит. бәләкәй «маленький», олтыскан < олотыскан «крыса»; борлоп килә «идет обратно»; саңрак — саңырак — саңарак «носоглотка, твердое небо»; күлсә — күләсә «колесо»; мултук — молоток «молоток»; Сәлхә — Сәлехә — лит. Сәлиха — антропоним; ләпкәс — ләпекәс — ләпәкәс (йер) «низина, изменность», көлкөй — көлөкөй «жеребенок». В конце слова: мей — лит. мейе «мозг»; тәж — лит. тәже «тяжи». Ниже приводимый вид редукции и выпадения гласных, целых слогов, стяжения слов связан со спецификой речи носителей говора. Темп речи, мелодика ее, интонация речи таковы, что гласные и целые слоги полностью выпадают в конце и начале слов и словосочетаний: йок — йоко «сон»; Миңке йок сағырак

«У меня сон чуткий»; Йоклары бөттө «Выспались»; Йок та килә «И спать уже хочется»; чөйәк < өчайәк «тренога, сковорода на трех ножках»; йар — лит. яры, бүтән йарда «в другом месте»; әләндей < әллә ниндәй «какой-то»; әленыкый < әле энә кый «вон ведь»; Айбығас < алый булғас «в таком случае»; шуйтәй-шулытәйе < шулый итә ейә «делал так»; шуишуи! — шулый-шулый! «Так-так» кып-кынып < кыланып «делать что-либо»; Нәмә кынды? < кыланды «что делает»; Нимә кып булса да... «Хоть что-нибудь придумывая»... Мә кындырасың < кыландырасың «Что делаешь?» Мәстә кындырсын? «Что сделает?» Искер < иске йер «старая земля»; Искербаш — топоним д. Барда; әме? < ә-әме — лит. әйеме «да ведь».

Протеза. Эпентеза

Для говора, как и для башкирского разговорного языка, характерно наращение протетических гласных в начале заимствований: Эрәйсә — лит. Рәйсә — антропоним; әрәхмәт — лит. рәхмәт «благодарность»; ырызых — ырызых — ырызых — лит. ризых «пицца»; эрәхәт — лит. рәхәт «благодать, удовольствие»; әрәт — лит. рәт «ряд».

В говоре бытуют слова с протетическими гласными, которые являются орфоэпической нормой литературного языка, например: ыуак «мелкий», ычык — лит. ысык «роса».

Диалектной спецификой говора выступают формы протезы в словах: озур/озор/узыр/усыр — лит. зур «большой, старший»; улыр әтәй/озур әтәй «дедушка»; узәрнәй «бабушка»; эчәй — лит. сәй «чай», эчәй эчәу «чай пить»; кайын эчәйе «чага»; эчәй карчыға < чай! «сокол-белогорлик»; әшәп — лит. шәп «замечательный»; Укуйазы «Куяды».

Явление эпентезы (добавление гласных в середине слова) отмечается в словах: шоморот — лит. шоморт «черемуха»; өрөкөү — лит. өркөү «испугаться, пуститься прочь от испуга»; арытыу — лит. артыу «прибавиться»; Арытты «Прибавилось», биренә «свадебные подарки» лит. форма бирнә; кырыкыу — лит. кыркыу «резать»; кырык — лит. кырык «сорок»; кырыкар «по сорока»; шалабар — лит. салбар «шаровары»; үрәнәк — лит. үрнәк «образец»; Мидәхәт — лит. Мизхәт, Нигәмәт — лит. Нигмәт — антропоним.

Позиционные долготы гласных

В говоре отмечаются долгие гласные, возникающие в связи с выпадением согласных звуков.

Долгий гласный аа, әә возникает в результате выпадения звуков г, ғ между двумя гласными. Случай выпадения ғ, г в формах инфинитива на -маға/-мәгә: алмаа «взять», килмәә «прийти», төшмәә «сойти, спуститься»; в формах деепричастия на ғас/-гәс: тапмаас — лит. тапмағас «не найдя», қалмаас — лит. қалмағас «если не осталось; төшмәәс — лит. төшмәгәс «если не спускается»; на стыке двух слов, когда согласные ғ, г оказываются между двумя одинаковыми гласными: Тамаар йак < Тамағарйак — топоним; буун — бөгөн «сегодня». Выпадение г, ғ в корне слов: чыып < чығып «выйдя»; тее < теге «тот»; тее кеше «тот человек». В слове хәзер выпадает з и р: һәә/хәәр/хәр «сейчас»; һәә мынча инәм «Сейчас пойду в баню». В слове артабан «далее» с выпадением согласных б и н образуется форма артаа; Анартаасоң < анан + ары + табан + һуң «затем, после этого». Выпадение спиранта һ также образует долгие гласные в отдельных словах: зәәр < зәһәр в значении «очень, слишком»; кәәр < кәһәр «проклятье».

Система согласных

(Консонантизм)

Фонемы б — п. Фонема б употребляется в тех же позициях, что и в литературном языке. Бул бик бороңғо ауыл. Бетөн йере бары тик дүңгәк булған «Это очень старинная деревня, вся ее земля была покрыта кочками».

В отличие от многих башкирских говоров здесь местоимение бу/бул «это» имеет начальный б и в косвенных падежах: бынысы/боғосо/бығысы — др. говоры мыныһы «этот его»; быны/мыны — др. говоры мыны «этого»; бында/манда — др. говоры мында, манда 'здесь'.

Фонема б факультативно отмечается и в заимствованиях: батырун «патрон», бачпырт «паспорт», кербис «кирпич», бечтек/печтек «пестик (растение)». Данное явление выступает отличительной особенностью башкирского народно-разговорного языка.

п — б. Глухой звук п широко употребляется во всех позициях слова в том числе во многих словах, которые в литературном языке выступают со звонким б. Наиболее характерные случаи употребления глухого п вместо б:

1) Начальный исконно глухой п в говоре не озвончается в б, как в литературном языке, например: пычкы «пила», патша «царь», пастау — лит. буҫтау «сукно», пумала «помело», патмус «поднос». Эта черта присуща татарскому и другим кыпчакским языкам.

2) Звонкий б оглушается после глухого согласного, что характерно в целом для башкирского языка. Примеры из говора: ашлыкпаш «колосок», кортпаш «раковина ужомки», отпорон/этпорон «плоды шиповника»; ук пеле «со стрелой»; калак пеле «с ложкой»; сарык пәрән «ягненок»; Фәтик пар кый «Фатих есть ведь».

3) Диалектной спецификой является употребление глухого п вместо б литературного языка, что отражает специфику чувашского и многих восточно-сибирских языков. Из контактирующих языков данное явление характерно для марийского языка и «цокающих» говоров мишарского диалекта¹³. Так, в марийском языке звонкий б не представлен в исконных его словах¹⁴. Примеры на регулярное употребление п: палан — лит. балан «калина», палауз — лит. балауыз «воск», парпылдак — барбылдык — лит. баркылдак «дрозд»; пытпыт'ык/пытпылдык — лит. бытбылдык «перепелка», пәрте/пәрде — лит. бәрзе «хариус», петеш! — междометие испуга.

Спорадически отмечаются слова с глухим п: Парта/ Барда — ойконим; Партата тора «Живет в Барде», Пазик/Бадик — лит. Базик — антропоним; пичэ/бичэ «жена», пы/был — лит. был «это», пы төш «это место», пумазый/бумазый — лит. бумазый «бумаза»; пригат/бригат «бригада»; пинзин/бинзин «бензин».

п — ф. В отличие от татарского языка в инлауте глухой п, употребляется как и в башкирском литературном языке, в словах йапрак «лист», тупрак «почва», керпек «ресница», калпак «войлочный головной убор» и др.

м — б. Сонорный м употребляется вместо б в нескольких словах. Некоторые из них имеют оба варианта. Зафиксированы следующие слова: майнак/байна — лит. байна «давеча»; маса/баса — модальное слово, выражающее сомнение. В древнетюркском баса «еще, и»¹⁵; кирг. баса 1) «опять, еще»; 2) «да, так, конечно»¹⁶; Кайан килде маса әле ул? «Откуда же он пришел-то?»; Жимеше нимәдер баса «Плод его неизвестно что-то»; мешик/мечек — нижнебельск. пешек «живица»; мечек исләре «запах живицы»; мөрлогин — лит. бөрлөгән «костяника»; мөрө — лит. бөрө 'почка'; мөрөсөн алма «Не бери почки». Диалектный вариант майтак регулярно выступает во всех северо-западных говорах.

¹⁴ Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола. 1960, с. 74 — 75.

¹⁵ Махмутова Л. Т. Указ. работа, с. 68 — 69.

¹⁶ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.-Л., 1951, с. 369.

¹⁶ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. — М., 1965.

Фонемы к, к. Как и в литературном языке и таныпском говоре, в гайнинском начальные звуки к, к второго компонента сложных слов и словосочетаний регулярно озвончаются в позициях между звонкими и гласными, а также в интервокале, чего не допускает татарский язык. Примеры: дуңғыз ғатын «безобразница женщина!»; Ҡазлар ғайтты «Гуси вернулись»; шуларға гитте «К тем пошел»; алағарға «серая ворона». Помимо этого в говоре отмечается в отдельных словах озвончение литературных глухих к, к в интервокальном положении и в позиции с сонорным в корне слова, что создает диалектное соответствие г, ғ — к, к, аналогичное чувашскому языку, в котором это явление носит систематический характер: ағак — лит. акык «агат, сердолик»; бағыр — лит. бакыр «медь», игенче/ икенче «второй»; йоғо/йоко «сон», салғын/салкын «прохладный»; курғыу/куркыу «бояться».

Фонемы д, т. В говорах башкирского языка есть определенная группа слов, которые не имеют стабильного произношения. Из этой группы со звонким д в говоре употребляются следующие слова: дегәнәк «шиповник, растение»; дуғарыу — лит. туғарыу «распрягать»; дуғым — лит. туғын «обод железный»; дары «просо», каралды — лит. каралты «дворовые постройки»; дүдә — лит. тейзә «обух»; дүнгәк/дүмсәк — лит. түңгәк «кочка»; дүгерик/төгәрик — лит. түңәрәк «круглый»; дарбык/тарбык — лит. тарбак «растопыренный».

С начальным т употребляются следующие слова, которые совпадают с литературным т: жите — лит. ете «семь»; тей — лит. ти «говорит».

д/з — з. В некоторых заимствованиях вместо литературного з выступает д, который в нижнебельском говоре чередуется с интердентальным з: Примеры из говора: даман/зәмәнә — нижнебельск. замана «время, эпоха»; Далпачиха/Залпачиха/Йалпачиха «Елпачиха» — ойконим, название села; Мәндәлә/Мәнзәлә — нижнебельск. Мәнзәлә/Минзәлә — ойконим; дәһәр/зәәр нижнебельск. зәәр «яд»; «очень»; Дөлхиз/Дөлхизә — лит. Зөлхизә, Дәки/Зәки, Рәдинә/Рәзинә, нижнебельск. Рәзинә; Тәғдимә — нижнебельск. Тәғзимә — лит. Тәғзимә — антропоним.

Фонема з. В говоре интердентальный з выступает в интервокальном положении и в сочетании с сонорным в словах: коза «сват», козағый «сватья»; козок «прорубь»; казак/казак «гвоздь»; Изел/Идел/Изел — река Кама; Барза/Парта — Барда, Узик/Удик — ойконимы; әрзәнә/әрдәнә утын «поленница дров»; пәрзе/пәрте «хариус»; йозорок/йозорок «кулак».

Фонемы й, ж. Для говора характерно преимущественное употребление мягкого звука ж в начале слова: Жомошка

жөрөй «Поручение выполняет»; Жомғак жибәреу «загадки загадывать»; жинчек — лит. йенсек «голень»; жәйелмә — лит. йәймә «большая лепешка».

Однако многие слова в говоре употребляются параллельно с й: йылан/жылан «змея»; жыйыу/йыйыу «собирать», йән/жән «душа»; йөн/жөн «шерсть», йазу/жазу «написанное»; «бумага», аряак/аржак «та сторона»; алжытыу/алйытыу «заморочить».

з — й, ж. В говоре отмечается диалектное соответствие з — й/ж, когда вместо литературного й и диалектного ж в начале слова выступает з. Данное явление не закреплено за какой-либо группой слов или отдельными словами, может проявиться в любом слове. Представляется реликтовым явлением башкирского языка, так как в отдельных словах отмечается во многих его говорах. Примеры из гайнинского говора: зен-зэхмәт/зин-зэхмәт — лит. орфп. йен-зэхмәт «порча, болезни, насылаемые нечистой силой»; зиыла — жыйыла — лит. йыйыла «собирается»; зебеу — жебеу — лит. йебеу «мокнуть»; зигәрле — жиңәрле «проворный, быстрый», зиңгә — жиңгә — лит. йеңгә «жена старшего брата по отношению к его младшим родственникам»; зарар — жарар — йарар «ладно»; Залалетдин — лит. Ялалетдин — антропоним.

Мягкий звук л'. В говоре сонорный л имеет мягкий вариант, при произношении которого кончик языка прикасается не к верхним зубам, как при произношении обычного л, а к альвеолам. По артикуляции л' гайнинского говора напоминает л' узбекского языка¹⁷. Мягкий вариант л бытует в турецком¹⁸, гагаузском¹⁹ языках. Примеры из говора: л'апак «1) плоский; 2) клоп»; л'ашбык «плоский»; л'ыпын утырыу — лит. лыпын ултырыу «плотно сесть»; л'әпәшә «низкий»; л'ыбырзау/либырзау — лит. лыбырзау, лығырзау «ворчать»; л'ыбыра/л'ыбырык/лыждыр «медлительный, копуша; недотепа»; л'ибырык печин/л'ыбылдырык «гусиная трава»; мал'я/мал' «брусника».

Как видно из примеров, слегка палатализованный вариант л' выступает более всего в анлауте и в соседстве с согласным б или п, лишь в одном заимствовании отмечается в конце слова.

Мягкий звук т'. В говоре отмечается мягкий вариант фонемы т', который по артикуляции приближается к аффрикате ч. Поэтому в некоторых словах этот звук выступает вместо ч. Примеры зафиксированы в следующих словах: т'ит'и, т'ичкә

¹⁷ Кононов А. Н. Грамматика узбекского языка. — М.-Л., 1960, с. 33.

¹⁸ Его же. Грамматика турецкого языка. — М.-Л., 1956, с. 32.

¹⁹ Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. — М., 1964, с. 61.

«цветок»; бет'еки/пет'ик «маленький»; кыт'ык — лит. кытык «щекотка»; Кыт'ыкклап уйнатың, тей эле уы «Он еще хочет, чтобы с ним в щекотки играли»; т'ылпылдау «болтать»; Т'ылпылдама «Не болтай!»; т'элтеует «грязогузка»; үт'үк «утюг»; үт'үкләү «утюжить»; бант'ик «бантик»; шөт'им «залежь»; т'үни «пимы»; мот'ока/пыт'ык — сакмар. байтык, байтыс «кокетка».

тч — ч. Артикуляционная близость мягкого т' к аффрикате ч вызывает внутридиалектное соответствие т' — тч — ч, которое отмечено в некоторых словах: тчыкыкклыу — чыкыкклыу «икать»; тчыңылик бармак — чыңырык бармак «мизинец»; тчыкылик печин — чыкылик печин «спорыш»; Тчыкылик печин чабып ашатабыз чебешләргә «Косим траву спорыш и даем курам».

Мягкий т' отмечается в диалектах чувашского²⁰ и в других тюркских языках. В кумыкских диалектах мягкие согласные л', т', р' выступают как самостоятельные фонемы²¹.

Фонемы с, ч. В говоре вместо литературного с систематически выступает очень мягкий шипящий ш', как в татарском языке, т. е. ч без аффрикаты. Примеры: чичкан — лит. сыскан «мышь», чичен — лит. сисен «раздевайся», чөчкөрөү — лит. сөскөрөү «чихать»; чычкак — лит. сыскак «понос»; чорфотоу — лит. сорфотоу «метнуть вверх»; чулак — лит. сулак «однорукий»; чечк(ә) эчәк «тонкая кишка».

Однако в говоре бытует и звук с литературного языка. Звук с гайнинского говора в некоторых случаях палатализуется и поэтому его можно назвать мягким вариантом литературного звука с. Гайнинский с систематически выступает в глаголах условного наклонения на -ғас/-гәс и в некоторых других словах. Примеры: Алибуғас' — лит. улай булғас «в таком случае»; Айактан йазғас' «коли лишился ног»; чығып киткәс «когда вышел»; налук салғас «когда обложили налогом»; әтәй үлгәс' «когда умер отец».

с' — ч. Зафиксированные ниже примеры употребляются с палатализованным с': с'ыдамсыз/чыдамсыз «нетерпеливый»; бүтәнсә/бүтәнчә «иначе, по-другому»; с'ак/чак «время»; үсем с'ағында «в молодости»; эс' «нутро»; эс'-курамта «внутренности»; с'ирак — лит. сирак «голень»; күстәнәсләр «гостинцы»; с'ыр/сыр «краска»; йенс'еү/йепс'әк — лит. йепшеү «сырой, мокрый; слякоть».

²⁰ *Сергеев Л. П.* Диалектная система чувашского языка. Автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. — Баку, 1973.

²¹ *Керимов И. А.* Очерки кумыкской диалектологии. Автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. — Баку, 1967, с. 8.

Неустойчивость звуков

Для говора более характерно выпадение гласных и согласных звуков. Вставка согласных звуков отмечается реже. Кроме слов йомортка «яйцо», себертке «метла», чыбырткы «кнут», которые характерны для литературного языка и его диалектов в говоре зафиксированы следующие диалектные формы вставки или наличия согласных, которые не отмечаются в литературном языке или в других говорах.

+ м: йомборо — лит. йоморо «круглый, шарообразный»; бу-ам — лит. быа «пруд»; мимей — айск. имей «грудь женская»; эскэмбиэ — лит. эскэмйэ «скамья».

+ й: кайнагай — лит. кайнага «старший брат мужа, деверь»; шүрәлей — лит. шүрәле «леший».

Выпадение звуков.

-л: жүнеу — лит. юнәлеу выздороветь; Булнистә жүнәде «В больнице выздоровел»; бу/бул это; у/ул он; шу/ шул, а/ал то, тот; а тышта «на том месте»; У да йук кы «И его ведь нет»; У йак «та сторона»; У көннө «в тот день»; Суғышта үлде у да «И он на войне погиб»; ай < алый; шуи < шулый так, такой; айбығас < алый булғас «коли так, в таком случае»; Бездә жуғ айбығас «У нас нет его в таком случае; шуи теп шулый итеп «вот таким образом»; бире/бир — лит. бирле — послелог с, от.

-н: икә — лит. икән «оказывается»; микә — лит. микән «ли»; Барамикә? «Пойдет ли?»; беле/бели — лит. белән — послелог с; ат пеле «на лошади»: жеп пеле «с веревкой». Ишана! — кизил., сакмар. нишана «глупый».

-р: анатыба/анартаба < анан арытабан «затем»; кымыска/кымырска — лит. кырмыска «муравей»; утытыу — лит. ултыртыу 'посадить'; бабаға утытканнар «обрезали»; читкетмә — другие говоры, сыртылак, сыртылдак «кнопка».

-т: ишелеу — лит. ишетелеу «слышаться»; Ағысы ишелмәй «Этого не слышно».

Морфологические особенности

Имя существительное

Категория принадлежности

В словосочетаниях формы изафет -2 имена существительные не оформляются аффиксами ы/-е, а регулярно употребляются в нулевой форме по типу изафета -1. Данное явление выступает как одна из характерных грамматических особен-

ностей гайнинского говора, отличающая его от других говоров башкирского языка, в которых это явление выступает спорадически. Примеры из говора: Башкирия хатын в.м. Башкирия катыны «женщина из Башкирии»; ауғыс ай в.м. ауғыс айы 'август месяц'; Ауғыс ай бетеп жауа «Весь август месяц идут дожди»; Габдул бичә в.м. бичәсе «жена Габдула»; Әмир бичә «жена Амира»; Ит ис чыкканға бардымей «На запах мяса ходила было»; Түбәңге чолан ишекне ачма «Пе открывай дверь нижнего чулана».

В словосочетаниях такого типа аффиксы принадлежности не употребляются и в косвенных падежных формах. Примеры: Урыс ауылға в.м. урыс. ауылына «в русскую деревню»; урыс арада в.м. урыс. араһында «среди русских» үү эчкә в.м. өй эсенә «в дом»; ийүн айда в.м. июнь айында «в июне месяце»; йул кырда в.м. юл кырында «около дороги»; магазин артта в.м. магазин артында «за магазином», тау башта в.м. тау башында «на горе»; үзөбез йакта в.м. үзөбеззең якта «на нашей стороне». Уфа яктан в.м. Уфа яғынан «со стороны Уфы»; Усы якта «на Осинской стороне».

Аффиксы -ныкы/-неке, -ның/-нең и их варианты.

Характерной грамматической особенностью говора является систематическая взаимозаменяемость функций аффиксов принадлежности -ныкы/-неке и -ның/-нең, когда в определенных словосочетаниях вместо литературных форм принадлежности на -ның/-нең, выраженных изафетом -2 и изафетом -3, регулярно выступает абстрактная форма на -ныкы/-неке и наоборот. Примеры: Бу кызныкы әтиә в.м. был кыззың атаһы «отец этой девочки»; Муллый абзыйныкы тутайныкы бабай в.м. Муллый абзыйзың тутанының бабайы «Дед сестры дяди Муллыя»; Мыныкы сеңленеке малайныкы уланы в.м. мының һеңлеһенең малайының уланы «ребенок сына ее младшей сестры»; Киленеке атасыныкы сеңлесе үстерә в.м. килеңең атаһының һеңлеһе үстерә «Растит ребенка младшая сестра отца снохи»; Мындағы халыкныкы тойоклоғона аптрағанар «Были удивлены скромности, воспитанности здешнего населения»; Кейеүнеке апасыныкы малайы шундикә «Сын старшей сестры зятя там оказывается».

Форма абстрактной принадлежности на -ныкы/-неке в функции аффиксов -ның/-нең изредка встречается и в других башкирских говорах, где они употребляются с оттенком некоторого пренебрежения, иронии. Пример из кизильского говора: Сәмситтиндеке килен нишауа ғына «Шамситдинова сноха (жена) на вид ничего», Җыйбаттыкы кәпәс калайырак! «Какова шапка Гибата!». В говорах западно-сибирских татар функ-

ция данной определительной формы в виде -ныңкы/-неңке, проявляется гораздо шире²².

Литературная форма принадлежности на -ныкы/-неке в говоре заменяется формой родительного падежа на -ның/нең. Примеры: Кайсауылның? в.м. — кайсы ауылныкы? «Из какой деревни?»; Синке тебең кайсы? Уфаныңмы? — лит. Уфаныкымы? «Твое происхождение откуда? Уфимская?»; Ансы сезнең түгел — лит. һеззеке «Тот не ваш».

Аффикс -ның/-нең в функции аффикса -ныкы/-неке систематически употребляется в порядковых числительных, обозначающих год рождения, которые в литературном языке оформляются аффиксом на -гы/-ге, например: Мин дүртенче йылның — лит. йылгы «Я четвертого года рождения»; Мөң дә сигез йөз дә туксан йетенченең — лит. етенсе йылгы «Тысяча восемьсот девяносто седьмого года»; утыз туғызынчының — лит. утыз туғызынсы йылгы «тридцать девятого года».

Некоторые функциональные особенности надежных форм

В отдельных случаях имена существительные выступают в форме основного падежа вместо пространственных падежных форм, например: Уймуҗ алпкайттылар в.м. Уймуҗға — Д. п. «Увезли в Уймуҗ»; Элгәре йөрмәгә көч йетәле в.м. элгәрегә — Д. п. До кухни дойти силы еще есть; Мин хәзер йетмеш биш йәшем в.м. йәшемдә — М. п. Мне сейчас семьдесят пять лет.

В говоре отмечены случаи употребления форм дательного падежа вместо других падежей. Так, форма дательного падежа зафиксирована в значении основного падежа: Аца атала — лит. ул атала «это называется», в значении исходного падежа: интекте инәсенә — лит. инәһенән интекте «замучилась из-за матери»; Бер йақа да белмәйем — лит. бер яктан да «Ни в каких областях не сведуща»; вместо местного падежа: Эчәләрме сезгә таба да? — лит. һеззә лә эсәләрме? «И у вас пьют?»; жир үзебезгә былды — лит. ер үзебеззә булды «земля была у нас, нашей».

Такое же явление многофункциональности дательно-направительного падежа наблюдается в караимском языке²³.

Исходный падеж в говоре имеет две формы: -дан/-дән, -тан/-тән. Древняя форма -дан/-дән выступает после основы, оканчивающейся на л, н, что характерно и для литературного

²² Тумашева Д. Г. Көнбатыш себер татарлары теле. — Казань, 1961, с. 38.

²³ Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. — М., 1964, с. 163.

языка: казандан «из котла», күндөн «из кожи», арыш ондан «из ржаной муки»; жөндөн шөл бэйләдек «из шерсти вязали шаль»; кемдөн? «от кого?»; Дөнжа йаратылгандан бир(е) шушы тел «С самого возникновения мира этот (наш) язык»; Залалетдиндөн сурашып жен син «Ты поспрашивай у Залалетдина»; Буындан буынга «из поколения в поколение».

Аффикс исходного падежа -нан, как и в литературном языке, присоединяется к некоторым личным и указательным местоимениям: ул «он», был «этот», шул «тот»; анан/ унан — лит. унан «от него, оттого, оттуда»; мынан/бынан — лит. бынан «от этого, отсюда»; шунан/шанан — лит. шунан «от того, оттуда»; үзенән «от себя». В некоторых служебных словах с основой на гласный: йакларынан «со сторон»; үзенең артынан «за собой»; Маңгулия яғынан «Из Монголии»; өстәл астынан «из-под стола»; бичәсе өстөнән «над женой».

Аффиксальное словообразование имен существительных

-дык/-тык/-лык/-нык. В говоре бытуют все варианты аффиксов восточного и южного диалектов кроме -зык/-зек, как в восточнотюркских языках²⁴: баслык — лит. баҫкыс «ступенька, лесенка»; эшлек — лит. эш «пригодность»; Нимә эшлеккә бул? «На что это пригодно?»; тыйыклык «воспитанность, скромность»; тындык «отдых, покой»; элдек — лит. элмә «петля, застежка»; сөрөмдөк — лит. төндөк «отдушина в бане»; әжәттек «туалет»; иләмтек «отруби».

-ак/-әк, -ык/-ек, к. Аффиксы пережиточны, но являются характерными для говора, выступают в прилагательных, которые субстантивируясь переходят в имена существительные. Примеры: суйак — лит. һуйзан «долговязый»; чырак — лит. сыра «лучина»; симезәк «толстушка»; Симезәк, майкүт! Бар ишекне бәр! «Толстушка, жирная! Иди открой дверь!»; өтөк «горе, печаль»; эрек — лит. эремсек «творог»; имек/имей/имечәк — лит. имсәк «груди»; Имеккә оронма! «Не прикасайся к груди!»; мешек/мешик «живица»; мешә «молодая сосна»; жөлөк/жүлек — средн. демск. икс. йөлөн «спинной мозг»; пытпыт'ык — лит. бытбылдык «перепелка»; пыт'ык — сакмар. быйтыгас — кизил. быйтыс «вертихвостка, кокетка»; күзерик — лит. кузыр «узор», тчыкык — тчыкик — северо-восточн. сикак «икота».

²⁴ Языки народов СССР. Тюркские языки. — М., 1966, с. 390, 433, 510.

-ма/-лама/-ләмә. Продуктивный аффикс, как и в литературном языке, образуется от глаголов имена по их качеству, свойству. Примеры на диалектные формы: болама — лит. болгар «неразбериха»; Болама киткән «Началась неразбериха»; калкма/калкаугыч — лит. калкыуыс «поплавок»; ср. демск., танып. калкма — то же; этмә «завдвижка на двери»; өтмә < өт; палить; «камин в бане» бөкмә — демск. бөкөрөй «пирог; пирожки»; тәкә бөкмә «вареники»; ит бөкмә «пирог с мясом»; чима — северо-восточн. сыйгыс «спички»; шартлама — средн. шартланбаш, шартлауык — танып. шартламык — караидельск. шартламак — бурзян. шартый «клубника»; шартлама — демск. шартмак — сурян. шартлауык — кизил. шартылдак «рыбий пузырь»; билләмә — лит. биллек «пояс платья»; читкертмә читкетмә — южн. д. сыртлак, сыртлауык, сыртлама «кнопка»; жәйелмә < йәйел «распластаться», «жаворонок»; Жәйелмәләр килгән, жәй былды «Жаворонки прилетели, лето наступило».

Аффикс **-ма/-мә** активно употребляется в демском, среднем говорах южного диалекта²⁵, в чувашском языке: ср. есме — башк. эсемлек «напиток», ырма «жниво», сырма — башк. йырганак «овраг»²⁶. Особенное развитие он имеет в огузских языках²⁷.

В говоре в отдельных словах зафиксированы своеобразные диалектные формы существительных, образованные при помощи общеизвестных аффиксов, которые выступают в функции других аффиксов. В результате эти аффиксы приобретают дополнительное, диалектное значение.

-кы/-ке: чапкы I «пощечина» ср. чув. ҫупка «пощечина, оплеуха, затрещина»²⁸; чапкы II: чапкы биреу — лит. сабыну «париться»; кеске досл. «резчик», в значении «клещи для сахара»; ср. демск. кишкес «ножницы для стрижки овец».

-гыч/-геч, -кыч/-кеч. Аффикс продуктивен, кроме общеупотребительных форм, обозначающих орудие, инструмент действия, выступает в некоторых случаях вместо аффикса **-сы/-се:** озаткыч — лит. форма была бы озатыгусы «проводящие невесты в дом жениха»; жәйгеч — лит. йәймә, кабартма «лепешка из кислого теста»; төрткөч — кизил., инзер. төрткө 'крот'; Төрткөч кеүек төртөнөп йөрөй «Как крот ходит везде»; Адула

²⁵ Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. — М., 1979, с. 52, 116, 199.

²⁶ Павлов И. П. Хальхи чуваш литература челхи. Морфология. Шупашкар, 1965, с. 63.

²⁷ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования. — М., 1964, с. 124; А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка, с. 148 — 149.

²⁸ Чувашско-русский словарь, 1961, с. 369.

төрткөч тилэр «Его называют Адулла проныра»; бозуаткыч «трясогузка»; Бозуаткыч килмиинчэ, боз китмей «Пока не придет трясогузка, не начинается ледоход».

-кай/-кэй. Этимологически уменьшительно-ласкательный аффикс выполняет и функцию словообразования; себерткэй — демск. сабырткы «порезник»; чемеркэй, жөннөкэй — танып., караидельск. йөннөкэй «бутень, дикая морковь»; көлөкэй — танып., караидельск., демск., средн. колкай — лит. колонсак «жеребенок»; чемеркэй «бутень, дикая морковь».

Некоторые аффиксы и сочетания аффиксов образуют отдельные специфические формы имен существительных говора.

-май: этмэй — лит. эт балыгы «вьюн, рыба»;

-дермәч: элдермәч — лит. элгес 'вешалка одежды';

-әчкә: инәчкә — лит. инә хайван 'самка'; Инәчкәме, әкәрме песейе? «Кошка или кот?»;

-әкче: күрәзәкче — лит. күрәзә «гадалка»;

-нак: дуғанак «дужка железная на дверях».

-ләүек: йәшләүек «зеленая поросль, молодой лес», ср. кизил. көззәүек бесән — лит. көзлэгән бесән «сено, простоявшее осень».

Словосложение

В говоре сложные существительные образуются лишь двумя способами. Диалектная особенность говора исключает третий способ словосложения по типу второго изафета, встречающегося в говоре спорадически. Древняя форма словосложения типа изафет-1 в говоре заменяет все остальные формы, в том числе и обычные синтаксические словосочетания.

Укажем на два характерных вида словосложения.

1. Изафет-1 образует сложное слово по форме «определение — определяемое слово», первым компонентом в которых выступают и существительные, и прилагательные. Этот способ словообразования является одним из развитых средств образования сложных слов как в башкирском, так и в тюркских языках.

Особенность говора в том, что функция данного способа словосложения здесь гораздо шире и охватывает больший круг слов. Так, названия детенышей некоторых животных образуются путем сложения двух существительных: балык пала «мальки»; ср. инзер., кубалык. сырбала; сербала — то же; көчөк бала — лит. форма была бы: эт балаһы, көсөк «щенок»; чебеш пала — лит. тауык балаһы, себеш «цыпленок»: каз бала — лит. бәпкә «гусенок»; каз балалар чығардығый, бер шәп кенә ике бала башы өзөлгән «Гусят выпустили было, сразу у двоих детенышей головы оторваны»; Другие примеры на словосложе-

ние по схеме существительное + существительное: кыз бала — лит. кайынһеңле «младшая золовка»; ул бала — лит. кәйнеш «младший деверь»; кыз балдыз «младшая свояченица»; ир балдыз — лит. кәйнеш «шурин»; кәртағач — лит. тәртә «оглобля»; бабайбаш — лит. бәпембә «одуванчик после цветения»; бүре бороч «купена лекарственная»; сал жимеш — лит. мүк йеләге «клюква»; ызбакүт — лит. өй арты «завалинка»; күлжәннек — лит. тәлмәрийен «лягушка».

Некоторые из этих форм словосложения насчитывают до трех и более компонентов: арка суак желөк — лит. арка мейһе «спинной мозг»; ауыл ара кизеу — лит. кизеу «грипп»; буын ара сүәк — лит. быуын һейәге «кости предплюсны»; арт йәк түбә капкач — лит. соңка «затылочная кость».

Образцы на формы словосложения прилагательные + существительные: айрыкорт — караидельск. айрыпәләк — лит. асалы койорок «двухвостка», катүңәч/корүңәч — лит. боғарлак «гортань»; ср. кизил. катүңәс — то же; йәш үңәч — лит. кызыл үңәс «пищевод».

2. Парные слова, компоненты которых, как и в литературном языке, состоят из двух синонимов. Общее значение собирательности придает второй компонент, являющийся диалектным: бүләк-сәләм «подарки и пр.»; зат-зөрөйәт «родственная ветвь»; кул-кулат/кул-куат — лит. — кулкы, бүләк «маленький лесок, роцца»; Бүләк тип кул-куат араны әйтәләр «Буляком называют маленькую роццу, лесок»; иш-куш «друзья-товарищи», туған-тума — лит. туған-тумаса «родня», үлем-житем «последний час», эс-куранта/әч-куранта «внутренность», әкәм-төкәм — лит. кускар «улитка» ср. айск. әкәм-төкәм — то же и др.

Имя прилагательное

В говоре бытуют самобытные диалектные прилагательные, которые не встречаются в других говорах: зерән, эрәңкесез «бесовестный, нахальный»; л'ыбыра, лыштыр «медлительный»; ләжбек «плаксивый, размазня»; петчик «маленький»; сырмык «старый, ветхий»; сырмыг ызба «ветхая изба», урин «медленный, тихий», чапыр «упрямый, несговорчивый»; чечкә — лит. нәзек «тонкий»; чылдыр «развалившийся», чылдыр капка «старые ворота»; әшпә/әшбә «недотепа»; әжәме «хилый, слабый».

В связи с тем, что фонетические особенности говора весьма специфичны, некоторые прилагательные изменяются настолько, что значение слова можно узнать лишь в контексте. Примеры: кәлпәк — лит. ялпак «плоский», кәлпәк бауырсак «при-

плюснутый баурсак» узыр/озор/ызур — лит. зур «большой»; сойок — лит. шыйык «жидкий»; тойок — лит. тыйыулы «послушный, скромный»; төгөрик — лит. түңәрәк «круглый»; шактыз — лит. шактай «порядочный, приличный»; Шапшактыз әле картубы «Картошка его очень даже приличная»; әухан/әүқан — лит. аулак «укромный, тихий»; ләпәшә — лит. түбән «низкий»; ләпәшә ауыз «подуст».

В говоре отмечаются отдельные прилагательные, отличающиеся от литературного языка по семантике, например: дәрхан «привольный», ср. лит. тархан ист. «привилегированная, свободная от платы ясака башкирская знать»; жылғыр «гладкий, скользкий»; ср. средн. говор йылғыр — то же; лит. йылғыр «проворный, шустрый»; ыштыр «неряшливый»; ср. средн. ыштыр «портянки».

Значение неполноты качества прилагательных кроме известных для литературного языка форм на -келт/-кылт (чөчкөлт «пресноватый», -сыу/-сеу алайсыу — лит. алһыу «розоватый»), передаются в говоре также и сочетанием этих форм, а также другими усложненными формами. При этом некоторые прилагательные образуются лексически ограниченными формами. Примеры: ғылт -сыу: кызғылтсыу — лит. — кызғылт «красноватый»; — аз + сыу: уйазсыу — лит. уйһыу «немного низменный»; — л + (й ым) + ырак: — каралымырак — лит. каралйым «черноватый, с черным оттенком»; -мач: какмач — лит. — какса «худощавый»; Ср. такую же форму в литературном языке: йылымыс «теповатый, тепленький» -мыш: йокамыш — лит. йокарак «худощавый, неполный»; -еч: кәкереч — лит. кәкерерәк «с кривулиной»; -чин: күкчин — средн. күксин «светлофиолетовый, сиреневый».

Аффиксальное словообразование

-лы/-ле, -ны/-не. В говоре наблюдается употребление этого аффикса с собственно прилагательными и наречиями, что объясняется тенденцией разговорного языка формально дифференцировать прилагательные. Примеры: аталы каз/ата каз «гусак», очозло тауар — лит. очоз. тауар «дешевый товар»; Йарлы акчасын очозло тауар бетерә «Деньги бедняка кончает дешевый товар»; йартылы — лит. ярты «половинный»; Йартылы жулды жейеу килдек. Половинную дорогу прошли пешком; шәпле — лит. шәп «хороший»; шәпле малай «хороший парень».

В значении других аффиксов: йәйле — лит. йәйге «летний»; Йәйле суда тотсаң бәтә «В летней воде будешь держать,

кончится»; өстө — лит. өскө «верхний»; асты — лит. аскы «нижний»; Туз — өстө кабагы; калины, катысы — асты кабагы «Береста — верхняя кора; толстая, жесткая — нижняя кора»; эчемне — лит. эскесе «пьющий»; Ғүмергә эчемне булдылар «Всю жизнь были пьяницами»; йәшле — лит. йәшлек «годовалый»; алты йәшле «шестилетний»;

-ма/-мә. Продуктивный аффикс как и в литературном языке образует от глаголов прилагательные и существительные, в отдельных случаях выступает вместо других аффиксов. Примеры: кызма — кизил. кызмалы — лит. кызыу «горячий, вспыльчивый»; акма — лит. аға торған, ағын «текучий»; акма каста «гнилое заболевание желез»; сукма чабата — лит. форма һуғылған (урыс) сабата «лапти с двойным плетением»; чалма бүрек «круглая шапка»; селкетмәкүт «трясогузка»; утырма үңер «воротник — стойка».

-ык/-ек, -ок, -к. Специфические аффиксы говора выступают вместо других аффиксов. Прилагательных с данными аффиксами довольно много. Примеры: петик/бетек — лит. бәләкәй «маленький»; Бер бетеккә дә кәрәкмәй «Нисколечко не нужно»; очок — лит. осло «острый»; очок тел «языкастый»; Очок пылған телгә «На язык была остра»; өшөк — лит. өшөгән «мерзлый»; өшөк картушлар «мерзлая картошка»; тойок — лит. форма тыйыулы, баһалкы «скромный, воспитанный, послушный»; Дан да тойок пылдылар уланнар «Очень послушными были дети»; кырсык — демск. кырҫ — лит. кырыс «необщительный, резкий»; тулык — лит. тулы «полный»; пыртык/әбәләк — лит. кылтый «обидчивый, чувствительный».

-ыу/-еу. Аффикс отглагольного имени, как и в литературном языке в отдельных словах употребляется для обозначения свойства предмета, что четко выступает в определительных словосочетаниях. Примеры: менчеу/менчел «щепетильный, разборчивый»; Үзе шундый менчеу «сама такая разборчивая»; асыу — лит. күтәрткән «нуждающийся в подвешивании»; Йазгыда мал арык, асыу была «Весной скотина бывает тощей, слабой, не может подняться на ноги»; Ишетеу — лит. ишеткән «слышимый; доходящий до слуха»; Ишетүе йергә аны алаларей мич сукмаға «Со всех мест, куда доходил слух, приглашали его, чтобы складывать печь».

-ым/-ем: Аффикс отглагольного имени, как и предыдущий, обозначает признак действия. В говоре слова с данным аффиксом, сочетаясь с существительными выполняет функцию определения: кисем шикәр — лит. киһәлгән шәкәр «пиленный, нарезанный сахар», үсем — лит. 1) үскән; 2) үсеп килгән; үсенте «растущий; молодой»; үсем кызлар «девушки-подростки»; үсем кайын «березовая поросль»; үсем чак «молодость»,

юность»; Үсем чакта миңә илче киләй гәләмәт «В молодости за мной очень много сватов приходило».

-чел. Аффикс обозначает склонность предмета к чему-либо, иногда выступает вместо других аффиксов литературного языка, например: Өнәрчел — лит. һөнәрле, оҫта «умелый, на все руки мастер»; өргәчел — лит. үрсемле «плодовитый»; эчкечел — лит. эскесе «любящий выпить, пьяница»; Улым эчкечел, эчтисә чаташа «Сын мой пьет, как напьется, дуреет»; менчел «щепетильный, разборчивый»;

-ыш/-ыч. По своей семантике аффикс выражает признак действия подобно словоформам других говоров башкирского языка. Зафиксированы следующие слова с данным аффиксом: чабыш атлары «беговые лошади»; тыркыш «грязный, неаккуратный; грязнуля»; куркыч — лит. куркыныс «опасный»; тупыч досл. «тупой» в значении «отрезанный, без одной фаланги»; тупыч бармак — лит. тупыс короткопалый»; тәпеч бармак «мизинец».

Лексически ограниченные диалектные формы, выступающие вместо других литературных форм:

-ге: бирге туй — лит. биреү туйы «свадьба на стороне жениха»;

-ген: тизген — лит. тиз «быстрый в действиях, долго не думающий»;

-чан: йағымчан — лит. яғымлы «приветливый, ласковый»;

-кәс: ләпкәс — лит. лапак, тәпәшәк «низкий»;

-ай: акай — лит. акайған «сердитый, вспыльчивый»; кунай «высокомерный»;

-санай: тымсанай — средн. томса — лит. шым «тихий, действующий втихомолку»;

-тай: жаматай — кизил. средн. йамакай — ик-юшатыр — йамак «плохой; жаматай сүзләре йук плохого слова не скажут».

-бай: ордобай — лит. яндырай, алабарман «неосмотрительный, делающий необдуманно».

-бек/-пек: ләжбек «плаксивый, глаза на мокром месте»; эрпек «рассыпчатый»; Дар(ы)он эрпек пула «Просыная мука рассыпчата».

Числительное

Порядковые числительные, обозначающие год рождения, в говоре оформляются в диалектной притяжательной форме, т. е. аффиксе родительного падежа -ның/-нең. При этом определяемое слово йыл «год» часто выпадает и притяжательную

форму принимает определяющее порядковое числительное. Примеры: Мин мең дә сигез йөздә туксан йетенче йылның или: туксан йетенченең в.м. лит. тукхан етенсе йылғы «Я тысяча восемьсот девяносто седьмого года рождения»; Әмирова Хәтимә әбей бер мең дә сигез йөз йетмеш алтының, маса? «Амирова Хатима тысяча восемьсот семьдесят шестого, кажется?»

Наряду с этой формой год рождения оформляется путем присоединения к сложному количественному числительному аффикса абстрактной притяжательности -ныкы/-неке: Мырзакаев Хажи мең дә сигез йөз дә туксан туғызныкы «Мырзакаев Хажи тысяча восемьсот девяносто девяти принадлежащий, т. е. с девятого»; Мин алтыныкы, ә ул — беренченеке «Я шестого, а он — с первого».

В соответствии с фонетической спецификой говора собирательное числительные 1 — 7 имеют формы — еү/-ыу/-өү в.м. лит. әү/-ау: береү — лит. берәү (один) икеү — лит. икәү «двое»; өчөү — лит. өсәү «трое»; дүртеү — лит. дүртәү «четверо»; бишеү — лит. бишәү «пятеро»; алтыу — лит. алтау «шестеро»; житеү — лит. етәү «семеро». Собирательные числительные иногда выступают вместо количественных, например: Икеү бичәне айырды «Развелся с двумя женами»; Уланнар икеү йукка чыкты «Двое сыновей погибли».

Форма собирательного числительного береү может выступать вместо бер и при оформлении категории неопределенности существительных, например: береү ир «1. один мужчина; 2. какой-то мужчина»; Береү карт бетнәй үлгән тиләр «Один старик совсем умер, говорят».

В говоре спорадически отмечается форма разделительных числительных на әрле в.м. лит. -әр: Берәрле — лит. берәр «по одному»; өчәрле — лит. өсәр «по три».

В определительных словосочетаниях числительного с существительным числительное — определение иногда принимает падежный аффикс существительного — определяемого: берне ат, берне сыир в.м. бер ат, бер сыир «одну лошадь, одну корову»; Әле берне чебешне таптады «Недавно одну курицу задавили».

Местоимение

Личные местоимения. Парадигма склонения отдельных падежей личных местоимений довольно специфична: мин «я», син «ты», у, ул «он», без «мы».

И.	мин	син
Р.	минең	синең
Д.	миңә/миә/миңеңә	сиңә/сиә/синеңә/сыңа
В.	мине	сине
Исх.	минән/миңеңдән/миңеңән	синән/синеңдән
М.	миндә/миңеңдә	синдә/синеңдә
И.	ул, у	без
Р.	аның/аңың	безең/безнең
Д.	аныңа/аңа/аңға	безеңә/безгә
В.	аны	безне
Исх.	аңан/аңаң/аңыңан	бездән
М.	аңда/аңыңда	бездә

Наибольшую диалектную специфику имеют формы личных местоимений в дательном, исходном и местном падежах. Примеры из текста: *Минеңә нитмәң ине* — лит. *миңә нитмәгез инде* «Кто мне уж не делайте, не посылайте»; *Миә үч ие* «На меня имел зуб»; *Аңаң куркып* — лит. *унан куркып* «Еще его бояться!»; *Аңыңаң кайтып киләм* «От него иду домой»; *Аныңан алмый* «У него не берет»; *Аңға ғына түзеп пыла* «На это уж терпения хватит»; *Минеңдә шөкмик күб у* «У меня лопуха много»; *Аныңда түүел* «Не у него!».

Притяжательные местоимения. Как известно, притяжательные местоимения в литературном языке имеют форму родительного падежа: *минең* «мой»; *һинең* «твой»; *уның* «его» и т. д. и форму *-ныкы/-неке*: *миңеке* «принадлежащий мне»; *һинеке* «принадлежащий тебе»; *уныкы* «принадлежащий ему, его».

В отличие от всех говоров башкирского языка в гайнинском говоре функция этих форм взаимно замещены: вместо формы *-ның/-нең* употребляется диалектная форма *-ңкы/-ңке* и наоборот. Примеры: *миңке, сиңке, аңкы, үзеңкеке* *вм. минең, һинең, аның, үзеңең*. *Аңкы малайы беле мыңкы кыз ките* «Сын ее вместе с дочерью этой ушел»; *Миңке әбей Барзаныкы* «У меня старуха из Барды»; *Аңкы бишеу улы бич(ә)алды* «Его пятеро сыновей женились»; *Тегендә кутыр барый безнеке* «Там был хутор у нас»; *Үзеңкеке йортно ташлап...* «Покинув собственный дом»... Примеры на формы *-ның/-нең* — лит. *-ныкы/-неке*: *Минең йук булғас* — лит. *миңеке булмағас* «Если моего нет»; *Аңсы сезнең түүел* — лит. *уныңы һеззекә түгел* «Тот не ваш»; *Сырмык кына йорт утыра кый, шо аның* — лит. *шул уныкы* «Старенькая изба стоит ведь, это ее».

Таким образом, родительный падеж притяжательных местоимений в говоре имеет два аффикса: *-ның/-нең* и *-нкы/-ңке*, значение которых полностью не дифференцированы. В историческом плане форма *-нкы/-ңке*, характерная так же для

языка барабинских татар²⁹, образовалась присоединением к аффиксу родительного падежа -ның/-нең аффикса притяжательности -кы/-ке, как в турецком³⁰, караимском³¹, древнеуйгурском языках³²: -ның + кы. Затем данная форма в силу фонетической специфики говора претерпела стяжение в -ңкы: минеңке > миңке, аныңкы > аңкы.

Указательные местоимения: бу/бул/был «этот», шу/шул/шошо «тот», ул/у/уы «тот, он», те/тее/теге/төгө «тот, другой»; андый/аныңдый «такой», быңдый/мондый/мыныңдый/ «этакий»; шундый/шуныңдый «вот такой»; тегендей/төгөндей «подобный тому»; андый-мондый «подобная всякая-всячина». Местоимение шошо является сложным, образованным из двух указательных местоимений: шошо/шушы бу/бы со значением точной конкретизации указания «вот этот, именно этот».

Указательные местоимения алый/айы/аи/әи «такой, так», былый «вот этакий, вот этак»; шулый/шүлей/шуи/шүи/шуныңдый «вот такой, вот так», выполняет и функцию наречий.

Парадигма склонения указательных местоимений бул «этот», шул «тот», төгө «тот»;

И.	бу/бул/был	шу/шул	төгө/теге
Р.	буның/моң	шоноң/шуның	төгөнең
Д.	быныңа/моңа/моңоңа	шуныңа/шуңа/шоңа	төгөнеңә/тегеңә
В.	булды/быны/моңо	шуны/шоно	төгөнө/теене
Исх.	быңдан/мыңан/ моңоңан/моңан	шуңан/шуңан	төгөңәнән/тегеңән
П.	бунда/мыңда/быныңда моңонда	шунда/шуныңда	төгөндә/төгөнеңдә/ тегендә

Примеры из текста: Бул шүи килеп жөрөй «Этот таким образом хаживает»; Шу үүдә тордом «В том доме я жила»; Төгө сары мөңнөк «Та желтая тысячерублевка»; Монан да озуры була «Даже больше этого бывает»; Шуңа бу йортон тотоп торам «Из-за этого этот дом его содержу»; Моңоңа качып чыктым «За этого, сбежав из дома, вышла замуж»; Пирауайғысы күрсәтте теңә «Первая показала ему»; Мыңда айы затлы кеше йук «Здесь такого происхождения людей нет»; Айы куркмыйым, ничә йыл торам «Так-то не боюсь, сколько лет живу»; Айы? «Разве?» (см. Междометия).

²⁹ Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар. — Языки народов СССР. т. II, с. 160.

³⁰ Кононов А. Н. Грамматика современного литературного турецкого языка, с. 77, 81.

³¹ Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 227.

³² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.-Л., 1951, с. 189, 190.

Личное местоимение ул/у/уы «он» выступает и в конкретно указательных местоимениях: ул жак «та сторона»; Ву нимэ уы? «Это что такое»; Ул бездә жуф у айбығас «В таком случае у нас нет такого».

От местоимений ул, был/бул весьма своеобразно образуется притяжательно-указательная форма: ул > ағысы — лит. уныһы «тот его»; был > бығысы/буғысы/боғосы «этот его». Примеры: Ағысы да буғысы да чығып йәрдәм иттеләр «И тот, и этот вышли на помощь»; Ағысы жуан аңкы сабағы, бығысы шош-полыйрак «У того стебель его толстый, это примерно вот такой»; Ағысын тағы алп киттеләр «Того опять забрали»; Белмим, йәнем бығысын «Этого не знаю, душа моя»; Ағысын йомоп кына тора «Того своего из рук не выпускает».

Указательные местоимения ана/әнә — лит. ана «вон», мона/мына/менә — лит. бына «вот» часто употребляются в сочетании с утвердительной частицей кый «ведь», образуя, специфические диалектные формы: ыныкый/ныкый/энекый/энеке/кыйнә «вон ведь»; мыныкый/менекей «вот ведь». Примеры: Энекый белеп калабез «Вон ведь мы тоже узнаем (кое-что)», Мыныкый, хәр инде йылды бер ай «Вот теперь уж год и один месяц»; Китте кыйнә! «Ушел ведь вот!»; Энеке, челтерей Гариф мәстәдер сүлей «Вон длинноногий Гариф что-то говорит».

Вопросительные местоимения. Самым активным в говоре является местоимение мә/ме/ма/ме — лит. нәмә «что». Данное местоимение имеет соответствие с удмуртским, марийским местоимением ма «что». Примеры: Ма аны аласың? «Зачем его берешь?»; Бер мә кындырыпылмый «Пичего невозможно с ним поделаться»; Мәгә алдаттың? «Зачем обманул?»; Мәә бармадың? Барый! «Зачем не пошел? Пошел бы!»; Андыйын мә йук «Такой вещи нет»; Мә хәлдә? «Как дела? Как самочувствие?»; Мә шлисәң? «Что делаешь?».

Местоимение мә/ма активно употребляется в роли эмоционально-модальных слов: Мә, мине нейә алмыйлар? «А что, меня почему не берут?». Ма, бар тейем дә Кайанға! «Ба, говорю ведь, чтобы поехал в Каяново!» При экспрессии данное местоимение произносится с гортанным приступом, как при произношении слова ма'май. Обозначим эту особенность апострофом: Мә'мәстә! Утырмаға! «Что ты! Сидеть некогда». Ма! Маллар айағаста жөрөй, кый «Ба! Живность под ногами (тут же) ходит ведь!». Нә, нәстә, мәстә, нимә? «что» — вопросительные местоимения, употребляющиеся в той же функции, что и местоимение мә. Поэтому в речи носителей говора можно услышать параллельное употребление вариантов одного и того же выра-

жения: Мәстә хәл?//Нимә хәлләр?//Мә хәлдә? «Как здоровье?», «Здравствуй!»; мәстә кындыра//нимә кындыра//мә кындыра//нә кындыра? «Что он выделяет?»

Местоимение нимә? выступает и вместо литературного ниндәй? ни? «какой?» и в значении предмета одушевленного и неодушевленного: Кызың нимә эштә? — лит. пиндәй эштә? «Дочь твоя на какой работе?»; Нимә жомошлар? — лит. эштәр нисек? «Как дела?»; Нимә хәлләр бар? — лит. ни хәлдәр? «Какие новости?»; Исемең нимә? — лит. кем? «Как звать?»; Эшләмәгән нимәне! Төрмәдән качкан нимә! «Бездельника! Сбежавшего из тюрьмы!»; Хатынны нимәгә бардый «Вышла было за женатого»; Бер нимәсез кайткан «Без ничего приехал домой».

Вопросительные местоимения калай, кайза, касан в говоре имеют формы: калый «как»; кайа/каа «где», — качан/кайчан «когда»; — Алый түүл! — Калый? «Не так! — А как?» Каа белем! «Откуда знаю!»; Мә, кайа! Эшләмәйләр хә! «Где там! Не работают теперь!»; Качан китәгез? «Когда поедете?».

Наречие

В гайнинском говоре чрезвычайно самобытен класс наречий. Здесь бытуют такие диалектные формы, которых нет в современных говорах башкирского и татарского языков.

Особенно самобытен разряд наречий образа действия.

1. Наречия образа действия характеризуются специфическими фопетическими формами, своеобразным развитием значений их, локальными арабо-персидскими заимствованиями. Примеры: Бөток/ботук/бутук — лит. бөтә, тоташ, тулайым «все целиком, полностью»; Бөток бирәсеңме майны? «Жир целиком, весь отдаешь?»; Ботук әрбирне ороб жиа — лит. бөтә әйберзе ыргытып бөтә «Все вещи раскидывает»; Бығысын бутуғ алды «Это взял целиком»; Ботуғ алп киттеләр уланны «Всех без исключения забрали ребят».

Многочисленные наречия ботук выступают и в роли определительных местоимений: ботук әрбир, ботук май и др.

Аймак — лит. күмәк «много»; Уланны аймак пулды «Детей у них было много»; Эшкә аймак чыктык «На работу нас вышло много»; Производное от него наречие аймакклап имеет значение «коллективно, целой группой, совместно».

Слово аймак «много» — непосредственно связано с этнонимом аймак «родовое подразделение, т. е. большая родовая

семья, родственная группа», который до сих пор бытует у восточных башкир³³: айлинцев, катайцев, кубалыков, сальюттов, табынцев.

Займованное слово нишан³⁴ в говоре в роли наречия приобрело совершенно новое семантическое развитие с несколькими значениями: 1. порядочно, заметно, довольно-таки; 2. очень, слишком, чрезмерно; 3. в роли прилагательного: ненормальный, глупый». Примеры: Төбө нишан калын «Дно его довольно толстое»; Куз нишан күргәп төслө «Глаза как будто прилично видят»; Айак кызгас, тайаклап йөрөйм нишан «Когда ноги расходятся, хожу порядочно с налочкой»; Терелде кый нишан «Поправился ведь заметно»; Нишан терке «Сплошь заросли сосновые»; Нишан чакта ней «Когда еще глупая (молодая)»; Нишан кый «Ненормальный ведь».

В других говорах башкирского языка данное слово бытует в форме нишана (< ар. нишанатун) в значениях: 1) кубалык. «несоразмерной, ненормальной величины»; 2) нугуш. икс. «уродливо, отвратительно, ненормально»; 3) кизил. сурянск. «ненормальный, придурковатый»³⁵.

Жимән — лит. төрлө; икенсе төрлө «различный; по другому»; жимән төрлө — лит. төрлө-төрлө, күп төрлө «многообразный; разнообразный»; У жаклар жимән сүләшә «Те края по-другому разговаривают»; Мәшкә бездә жимән төрлө «Грибы у нас многообразны». Слово жимән, употребляющееся в роли прилагательного и наречия, также является заимствованием: ар. джәммун «1) обильный, многочисленный; 2) обилие, множество ср. также перс. джәммән итого, в сумме, вместе; совокупности, всего-навсего»³⁶.

Урин//акрин — лит. әкрән, шым «тихо»; Урин әйткәнне ишетмей «Когда говорят тихо, не слышит»; чүкелдәшеп, урин генә сүләшәләр шүрәлейләр, акрин генә, пешпелдәп кенә «Лешие между собой разговаривают дружно, мирно, тихо, шепотом».

Наречие урин не встречается в других тюркских языках. Если учесть фонетическую специфику говора сужения конечных широких гласных, то можно допустить связь диалектизма урин с алтайским арай «тихий», монгольским арай «едва, чуть-чуть», арайдац «потихопьку»³⁷; ср. якут. өр 'долго'³⁸.

³³ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа, с. 223 — 264.

³⁴ См. Арабско-русский словарь. — М., 1958, с. 1024.

³⁵ Словарь башкирских говоров, I т., с. 163, т. II, с. 183.

³⁶ Персидско-русский словарь. — М., 1953, с. 158. Арабско-русский словарь. — М., 1958, с. 167.

³⁷ Баскаков Н. А. Алтайский язык. Языки народов СССР. П., тюркские языки. — М., 1966, с. 518. Его же. Алтайский язык. — М., 1958, с. 43.

³⁸ Убратова Е. И. Якутский язык. — Там же, с. 420.

Наречие аңғайна/аңғайнә/аңғай/ыңғай/ыңғый и фонетически, и лексико-семантически изолировалось в многозначное наречие, тогда как в других тюркских языках, а также в языке древнетюркских памятников³⁹ оно выступает как прилагательное и наречие, и как существительное.

Так, в башкирском языке слово ыңғай в значениях «1. попутный; 2. положительный; положительно; 3. лад; направление»; уңай в значениях 1. «удобный; удобно»; 2. «выгодный, выгодно» употребляются в роли прилагательного, существительного и наречия⁴⁰. В татарском языке наречие оңғай означает «часто, всегда, каждый раз, постоянно»⁴¹. В чувашском языке май 1. «сноровка, прием, способ, метод. 2. причина, повод, предлог»⁴².

В гайнинском говоре данное наречие употребляется вместо литературных һаман «все еще», һел «всегда», йыш «часто», капыл «вдруг», шунда ук «сразу, тут же». Примеры: Мин ыңғай шымарырымый, аңғай йактыға барырымей «Я все набиралась бы ума, просвещалась бы»; Әле аңғайна түләп бетәлмей, тей «Говорит, все еще не может расплатиться»; Аңғайна уянам да мин «Постоянно просыпаюсь ведь я»; ыңғай үүдә «Всегда дома»; Аңғай чөкөлдәп йөрөй «Все время ворчит ходит»; Ыңғай йата тей терелалмый «Говорят, все лежит, не может поправиться»; Аңғай//Аңғайна хәбәр килде «Вдруг, неожиданно пришла весть»; Килеп төшкәс тә йылан, аңғайна үтергәннәр «Как только змея вышла (из желудка), ее сразу убили»; Барып керсәң, аңғайна бәрхәт тей, Ленин торған үүдә «Как приходишь, кругом сплошь бархат, говорят, в доме Ленина»; Хәлләрем бетте дә китте аңғайна — лит. капыл «Вдруг, сразу силы покинули меня».

В говорах башкирского языка наречие ыңғай так же выступает в нескольких значениях, но, в отличие от гайнинского говора, в каждом говоре представлено какое-либо одно из этих значений. Так, в восточном диалекте оно употребляется в значении «1. прямо, не сворачивая»; 2. в роли послелого «по пути, сразу, по ходу действия»; 3. сальют. кубалаяк. восточного д. и средн. г. южного д. «постоянно». В других говорах южного диалекта наречию ыңғай соответствует подобно казахскому⁴³, каракалпакскому⁴⁴ языкам, ылғый «1. постоянно; 2. сплошь, исключительно».

³⁹ Древнетюркский словарь. — М., 1969, с. 367, 368.

⁴⁰ Башкирско-русский словарь. 1958, с. 671.

⁴¹ Татарско-русский словарь. — М., 1966, с. 418.

⁴² *Егоров В. Е.* Этимологический словарь чувашского языка, с. 127.

⁴³ Казак тілінің грамматикасы. — Алматы, 1967, с. 211.

⁴⁴ Каракалпакско-русский словарь. — М., 1958, с. 756.

Язымдан тайым — средн. йазатайымдан йазатайым — лит. аңгармастан «нечаянно, случайно». В остальных говорах не отмечается. Бытует в киргизском языке: жазатайым «случайно, нечаянно»⁴⁵. В диалектах алтайского языка йазым, дьазым «1. промах; 2. ошибочпо, нечаянно».

кәлдә/кәллә — кубалаяк. кәндә — айск., демск., кизил. кәнде — карайдельск. кәнте — средн. кәнт — лит. тап, нәк «именно; точь в точь; точно»: кузгалак кәлдә «точно как щавель»; Кәллә шошпо печин «именно, как раз эта трава»; ср. тур. кенди⁴⁶; древнетюркск. древнеуйг. кән «же, именно»; кәнту 1. «сам; 2. свой, собственный»⁴⁷.

Эшкәрә — лит. уңай, шул кәрәк — кизил. үсем «поделом, так и надо»; Эшкәрә былған! «Поделом ему, так и надо»; эшкәрә итеү «дать по заслугам». Наречие эшкәрә заимствовано из персидского языка, где оно означает «позориться, стать по-смешившим», тат. уст. эшкарә «открытый, откровенный».

2. Наречия меры и степени дают количественную характеристику действия. Наречия этого типа чаще всего усиливают меру и степень признака действия. В говоре часть таких наречий имеют соответствия в других говорах, но различаются по семантике. Примеры: Бөтәнсә/бөтәнчә — лит. бөтөнләй «иначе, вовсе, совсем»; Әлә рақы эчтең? Исәрсә сүләшәсең бөтәнсә «Или выпил? Совсем иначе разговариваешь»; Ул инде бөтәнчә! «Она уж вовсе!»; Ағысы бөтәнчә бай тора «Тот вовсе богат»; Ғәләмәт «очень много»; Миңә илче киләй ғәләмәт! «Кто мне сватов посылали очень много»; Артыш ғәләмәт үскән кый, әсәр! «Можжевелика очень много выросло ведь, надо же!» Имәнес «ужасно»; Имәнес сыктап китте «Ужасно плакала, уезжая». Отора/оторо «1. наоборот, больше; 2. еще больше»; Отора каты ойой каны «Кровь его, наоборот, больше застаивается»; Айу ачуланып суға чалғы кисәкләренә, суккан сайы оторо киселә «Медведь, рассердившись, бьет по острым кускам косы, и с каждым ударом, наоборот, больше режется», Оторо чирлей «Еще больше болеет».

Наречие оторо в указанных значениях употребляется во многих говорах южного и восточного диалекта. Кроме того в ик-сакмарском, кизильском, салъютском говорах оно имеет еще значение 'против, паперекор'; в айском говоре «слишком, лишь».

Наречие уғата, в отличие от литературного языка, где оно обозначает и признак действия, и признак признака в значе-

⁴⁵ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. — М., 1966, с. 211.

⁴⁶ Турецко-русский словарь. — М., 1945, с. 382.

⁴⁷ ДТС, с. 298.

нии «слишком, чрезмерно, очень», в говоре преимущественно выступает с прилагательными, например: Уғата куркыныч чаклар «слишком опасные времена»; Уғата самкый «слишком глупый»; Уғата күп «слишком много»; уғата беше «слишком плотный». Эшәп//дан «очень хорошо, прекрасно; очень хороший, прекрасный»; Дан да тойок былды уланнарым «Очень хорошими и воспитанными были мои дети»; Бигерәк эшәп былды «Очень хорошо было». Наречие дан в том же значении употребляется в говорах восточного диалекта: аргаяшском, салгытском, миасском.

В разряд наречий меры и степени входят и словосочетания типа бер мәртәбә «одни раз; однажды», которые указывают на кратность совершения действия, промежутков работы от перерыва до перерыва. Примеры: бер тын/бер тыныш — лит. бер мәртәбә; бер тына «1. один раз; 2. один промежуток времени», Бөркөч тыныш әйтәбезей — лит. бер-ике-өс тына әйтә торайнык «Два-три куплета пели, бывало»; Бер шәп — лит. килке «некоторое время; Бер шәп йаткызасың «Некоторое время выдержишь»; Бер шәптә «вдруг; тут же»; Бер шәптә эчәб жидем! «Тут же выпила!»; Бер шәптә ууыртма йәбеште «Вдруг сильно стало болеть»; Бер шәп кенә — лит. бер ыңғай, бер рәттән «подряд, по порядку»; Бер терит — лит. мәртәбә «один раз, однажды»; Икенче терит «второй раз»; Икенче теритен киткән уахытта «Когда второй раз уезжал»; Шушы теритне тукмаганда «Когда бил в этот раз»; Бер эрәт — лит. бер көйә, бер сама «на одном уровне, без изменений».

3. Наречия времени и места не имеют лексических диалектизмов. В большинстве своем отличаются своеобразной, сугубо специфической фонетической, морфологической и семантической особенностью. Приведем зафиксированные наречия времени: бөгәчә — средн. г. бөгәсә — лит. бөгөн төндә «сегодняшней ночью»; майнак/байнак < байағынак восточн. д. байағы, байаңғы — лит. байа «давеча»; Байна эчәй эчәбутырды «Давеча чай пила сидела»; Майнак кергән кызның инәсе «мать девочки, зашедшей давеча».

Наречие байна выступает и в функции вводного слова со значением утверждения, одобрения, например: Байна, тиз кайнар «как говорится, пусть, быстро скипит». В этой функции наречие байағы широко употребляется в ик-сакмарском, кизильском говорах.

Иңгелек — лит. иң элек «сначала»; Иңгелек жиңгәсе чығып кыздан сурый «Сначала жена брата девушки выходит и спрашивает у ней». Әлдәлә — лит. әле лә «и теперь, все еще»; Киезтекне әлдәлә басалар «И теперь катают валенки».

Качакта/качак/кайчак/«иногда»; мыңачак — лит. быға саклы «до сих пор»; аңачак — лит. уға саклы, уға хәтле «до тех пор».

Кечкедә — лит. кискеһен «вечером»; Кечкедә йарый эчмәгә кара черекине «Вечером можно пить душицу»; Кечкедә генә кайталар «Только вечером приходят домой»; Кышкыда — лит. кышын, кышкыһын «зимой»; Кышкыда ағарабыз куйан кебек «Зимой белеем подобно зайцам». Кышлый — лит. кыш буйы «всю зиму»; Кышлый чирләде күклеш бели «Всю зиму болел коклюшем».

Иңәүәле — лит. аң тәүзә «сначала, впервые»; Иңәүәле Гәрәй мулла йасаткан теб эшеттем, кымызны «Я слышал, что впервые Гарей мулле стали делать кумыз».

Заман — лит. хәзәр «мигом, моментально»; Заман килеб йете «Моментально приходит».

Анатыба/анартаба/анартабасын/анартабасуң/артаба/артаа/ < анан «от того, от него» + ары «дальше, табан «по направлению» + суп, «после, затем, дальше, потом»; Примеры: Анатыба үүгә кереб жаттым «Потом я зашла в избу и легла»; Анартаба кейеү жигет йөрөй «Затем жених ходит»; анартабасын алай түгел икә «Дальше не так оказывается»; Галианың да әдрисен юғалттым артаа «И адрес Галии потеряла после».

Анантен/анантын — лит., ул ерзән «дотуда, по тех пор», Мынантын — лит. бынан алып, был ерзәп «досюда, посюда, по сих пор»; Анантын былмас, мынантын булса булыр «По тех пор не будет, вот досюда примерно будет»; Шунантен — лит. ошонан алып, шунан бирле «отсюда, с тех пор», Менә шунантын әйе чәчем «Волосы мои были вот до сих пор»; Шунантын бармам тидем «С тех пор решила не ходить»; Түбәнтен — лит. түбән якка «вниз»; Түбәнтен китте «Вниз пошел».

Күткә — лит. артка «назад»; Почкаклы чаңға тауға менсә дә күткә китмей «Лыжи на меху и при подъеме на гору не скользят назад».

Некоторые формы словообразования наречий

-лый/-лей. Аффикс, в отличие от литературного -лай/-лэй, в говоре полисемантичен и выступает вместо других адвербиальных форм, образуя наречия от прилагательных, существительных, числительных, наречий и служебных слов. Примеры, совпадающие с литературным: Жылылай «в теплом виде»; эселей «в горячем виде». Примеры, не совпадающие с литературным языком: Ачлай, ачлай — лит. ас көйөнсә

«в голодном виде»; тазалый, тазалай — лит. һау көйөнсә «в здоровом состоянии, в расцвете сил»; Шүитеп тазалый үлеп жиалар — лит. Шулайтып һау көйөнсә үлеп куялар «Вот так и погибают в расцвете сил»; Кышлый — лит. кыш буйы «всю зиму»; йэйле (-й) — лит. йэй буйы все лето, «в течение лета»; үүчле (-й) — лит. Өй эсе белән «всем домом»; үүчле жиләккә китәбез «Всем домом уходим за ягодами»; тиклей/тикләй — лит. тиккә, бушка «зря, бесплатно»; Тиклейгә эшләп йөрәмәгә «Зачем зазря работать», чүрәлей — лит. тирәләп «вокруг»; Безнең чүрәлей әйләнде «Вокруг нас крутился».

В литературном языке от числительных с аффиксом -ләй активно выступает лишь одно наречие икенселәй «в следующий раз». В говоре же помимо наречия икенчелей отмечено и өчөнчелей — лит. өсөнсә мәртәбә «третий раз»; дүртенчелей — лит. дүртенсә мәртәбә «в четвертый раз»; Дүртенчелей барды, уңмады «В четвертый раз выходила, не повезло».

-лата/-ләтә. По значению и функции соответствует аффиксу -лый/-лей. Зафиксированы наречия, выступающие в двух указанных формах, например: жылылый — жылылата «в теплом виде», акчалата — акчалый «в виде денег, деньгами»; күрәләтә — күрәлей «заведомо»; Диалектными формами говора являются жылылата, акчалый, күрәлей. Другие наречия с формой на -лата/-ләтә: Шурпалата — лит. һурпалап, һурпайтеп «в виде бульона, в жидком виде»; Шурпалата эчмә кәрәгикә. «Оказывается, надо было кушать в жидком виде»; суыклата — лит. һыуык көйөнсә, һыуыклай «в холодном виде»; майлата — лит. майзай, май көйөнсә «маслом, в виде масла»; Майлата бирәләр «Дают в виде масла, маслом»; бөтөнләтә — лит. бөтөн көйөнсә «целиком, в цельном виде».

По сравнению с литературным языком, где насчитывается около десятка наречий с данной формой⁴⁸, в говоре функция аффикса -лата/-ләтә значительно расширяется за счет указанных форм. Данный аффикс наиболее характерен для мишарского диалекта татарского языка и отмечается в отдельных его говорах⁴⁹.

В говорах башкирского и татарского языков отмечаются отдельные наречия с формой -лата/-ләтә: кубаляк. теректәтә, средн. күрәләтәйем «заведомо, нарочно»⁵⁰.

⁴⁸ Абсәлямов З. З. Морфологическая структура наречий в башкирском языке. — Сб. «Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков». — М., 1973, с. 103.

⁴⁹ Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов, с. 205 — 206.

⁵⁰ Миржанова С. Ф. Кубалякский говор. — «Башкирская диалектология». — Уфа, 1963, с. 169.

-ғыда/-гедә/-кыда/-кедә. Аффикс образует наречия времени: йазғыда — лит. язғыһыны «весной»; кышкыда — лит. кышкыһын «зимой»; жәйгедә — лит. йәйгеһен «летом»; көзгедә — лит. көзгөһөн «осенью»; кечкедә — лит. кискеһен, кисен «вечером»; Кечкедә генә кайталар «Только вечером вернутся».

Формы наречий на ғыда бытуют в восточных тюркских языках: шорском⁵¹, хакасском⁵².

-тын/-тен. Аффикс древнего исходного падежа⁵³ образует наречия места. Употребляется вместе с современной формой -ан/-ән. Примеры: анантын — лит. шунан, шул тикле «оттуда, до тех пор; потом»; мынантын «досюда, до сих пор»; шунантын «потом», түбәнтен «вниз».

Наречия с формой -тын/-тен также отмечаются в мишарском диалекте, а также хакасском чоғыртыш «сверху», тасхартын «извне»⁵⁴, в шорском мынартын «отсюда», төбертин «снизу», өерертин «сверху»⁵⁵ языках.

-лап/-ләп. Аффикс деепричастия образует диалектные наречия образа действия: Аймаклап/аймаклып «сообща, совместно»; берәмтекләп «по-одному, единично»; мешекләп «мешками»; йаткаклап — лит. ята-тора «на ногах»; йаткаклап аурады «Болел на ногах».

Некоторые формы сложных наречий образуются из компонентов, значения которых близки по смыслу: жимән-төрлө — лит. төрлө-төрлө «разнообразный»; сан-сирәк — сакмар. средн., айск., һан да һайак — лит. әллә ни зә бер «изредка»; Сан-сирәк очрой «Изредка встречается»; тиз-тизмән — лит. тиз-тиз «быстро-быстро»; Тиз-тизмән эшләп жиды «Быстренько работала»; типтесукка/типтосокка — демск. корйоҫокка — лит. төптө юкка «зря, попусту»; Наречие состоит из төптө + йоҫокка > типтесук; Типтесукка нимәгә бакырасың? «Чего орешь попусту?»

Парные наречия состоят из редуцированных основ или из компонентов с повторяющимися основами: типә-тик/тепә-тикә — лит. тиккә, бушка, «попусту»; беспричинно; Тепә-тикә бакырасың! «Беспричинно орешь!», Тупый-тупый — лит. йай ғына «тихонько, неуверенно»; Тупый-тупый барабыз «Потихоньку продвигаемся, шагаем»; әжер-бөжөр — лит. арлы-бирле «кое-как»; Әжер-бөжөр гепә эшләде дә китте «кое-как сделал и ушел»; Жыңғыр-жыңғыр килеп қаңғырыулар беле баралар «Едут, гремя колокольчиками, издающими звон».

⁵¹ Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. — М. Л., 1941, с. 73.

⁵² Ее же. Грамматика хакасского языка. — Абакан, 1948, с. 40.

⁵³ ДТС, с. 665.

⁵⁴ Карпов В. Г. Языки народов СССР. Хакасский язык, с. 439.

⁵⁵ Бабушкин Г. Ф., Донидзе Г. И. Шорский язык. — Там же, с. 478.

Глагол

Изъявительное наклонение

Настоящее время

Отрицательная форма настоящего времени в 1 лице ед. числа наряду с формой -мыйым/-мейем/-мим, имеет окончание -мам/-мэм, которое совпадает с формой будущего времени. Данная форма возникла в результате выпадения й и стяжения литературной формы -майым > -маам > -мам; Примеры: белмейем/белмэм — лит. белмэйем «не знаю»; эчмейем/эчмэм — лит. эсмэйем «не пью»; Тормам барыбер «Все равно не живу»; Ирлэргэ йөрөмэм «К мужчинам не хожу»; Кэрэкмэй, кермэм «Не надо, не зайду».

В 3 лице ед. числа глагол настоящего времени спорадически выступает в форме на -а/-э + т, что совпадает с такой же формой чувашского языка: сырат «пишет», илет «берет»⁵⁶. Примеры из говора: Беләкне курат «Запястье печет, болит». Бер әдәм кычкырат «Одип человек кричит».

Вопросительные формы выражаются аффиксами -мы/-ме, -ма/-мә, -амсың/-әмсең. Две последние являются диалектными. Примеры: Актыма сиңке кулыңа? «Капула на твою руку?» Бардыңма? Тантыңма? «Ходила? Нашла?»; Кайан беләмсең? — лит. кайзан беләһең? «Откуда знаешь?»; Бөгөн тейемсең? — лит. тейһеңме «Сегодня, говоришь?».

Будущее время

В потоке речи из аффикса будущего предположительного времени на -ыр/-ер выпадает в 1 и 2 лицах сонант р, если основа глагола оканчивается на -р. Такое явление, вызванное удобством и облегчением произношения, характерно в целом для всех говоров башкирского языка. Опускается также элемент аффикса 1 лица ед. ч. -н. Примеры: барым < барырым — лит. барырымш «пойду»; барысың < барырысың «пойдешь».

В говоре сохранилась реликтовая форма отрицания чувашско-булгарского типа на -мар, которая спорадически, при эмоциональной окраске речи в 1 лице ед. числа вместо формы -мас, например: Бармарым — лит. бармасмын «не пойду»; Гүмергә бармарым аңка! «В жизни не пойду к ней»; Мип

⁵⁶ Материалы по грамматике чувашского языка. 1. — Чебоксары, 1957, с. 188.

килмәрем! «Я не приду». Отрицательный аффикс -мар характерен для некоторых форм глагола в огузских языках. Так, в азербайджанском языке выступает в 1 лице ед. и мн. числа глаголов настояще-будущего времени: алмарам «я не беру», алмарыг «мы не берем»⁵⁷. В туркменском он является показателем отрицания в глаголах неопределенного будущего времени 1 и 2 лицах ед. и мн. числа: алмарым, алмарсын⁵⁸. В гагаузском является отрицательной формой глагола будущего неопределенного времени во всех трех лицах параллельно с формой на -маз: алмарын/алмам, алмарсын/алмазсын, алмар/ алмаз⁵⁹.

В современном чувашском языке форма па -мар обозначает отрицательную частицу не, которая употребляется в 1-м лице ед. числа в глаголах повелительного наклонения: вулам мар «дай-ка не прочитаю»⁶⁰. В других случаях чувашская частица отрицания -мар чаще выступает с именными частями речи.

Прошедшее незаконченное время

В говоре самобытно оформляются сложные формы прошедшего времени. В отличие от литературного языка, где изменяется по лицам вспомогательный глагол ине, а основной глагол не спрягается, здесь изменяется основной глагол, вспомогательный же глагол выступает неизменно в стяженной форме на -ей, -ый, -ейе/-ыйы. Приведем парадигму спряжения в прошедшем незаконченном времени сложного глагола бара ине «когда шел, в то время, когда шел».

ед. число

- 1 л. барамей — лит. бара инем «когда я шел»;
- 2 л. барасыңей — лит. бара инең «когда ты шел»;
- 3 л. барай (-йе) — лит. бара ине «когда он шел»;

мн. число

1. л. барабызей — лит. бара инек «когда мы шли»;
- 2 л. барасызей — лит. бара инегез «когда вы шли»;
- 3 л. бараларей (-ей) — лит. бара инеләр/баралар ине «когда они шли».

⁵⁷ Гаджиева Н. З. Азербайджанский язык. — ЯН СССР, т. II. ТЯ, 1966, с. 75.

⁵⁸ Азимов П. А. и др. Туркменский язык. — Там же, с. 101.

⁵⁹ Покровская Л. А. Гагаузский язык. — Там же, с. 123.

⁶⁰ Павлов И. П. Современный чувашский литературный язык. — Чебоксары. 1865, с. 232 (на чув. яз.).

Примеры из текста: Лафкага китепарамый кый! «Я же шла в лавку»; Атлар суйабызей «Мы лошадей резали (на зиму)»; Төзөнә салыбәпкеләй «Песла в подоле»; Йылан шәбей, үҗелеп тороларей. Бағыр жыланы атыб йебәрәй, тиә башласаң, тишеп чыгай «Змей было много, кучами сплетаясь висели. Медяпка стрелой бросалась, если ее заденешь, насквозь пронизала».

В отрицательной форме также изменяется сложный глагол: бармыйымей «Я бывало не шел»; бармыйбызей «мы бывало не шли».

Прошедшее законченное время

Данное прошедшее время выражает когда-то совершенное законченное действие и соответствует литературной форме так называемого давнопрошедшего времени барған ине/барғайны.

В говоре прошедшее законченное время образуется из сочетания формы прошедшего категорического времени барды — вспомогательного глагола ейе/ыйы > ей/ый > бардый.

Парадигма спряжения глагола бардый «он ходил».

Ед. число

- 1 л. бардымый (-ей) — лит. барған инем/барғайным «я ходил»
- 2 л. бардыңый (-ей) — лит. барғайның «ты ходил»
- 3 л. бардыйы (-ый/-ей) — лит. барғайны «он ходил»

Мн. число

- 1 л. бардығый (-ей) — лит. барған инек/барғайнык мы ходили
- 2 л. бардығызый (-ейе) — лит. барған инегез/барғайнығыз вы ходили
- 3 л. бардыларый (-ей/-ейе) — лит. барғайнылар «они ходили».

Примеры из текста: Улан асрадыйы, үлде «Ребенка родила, он умер»; Укылға бардымый «Сходила на укол»; Әнәйең бармадыйеме? — Бардыйы! «Разве мать не ездила? — Ездила!»; Унны бетердейе «Десять классов окончила»; Үҗләренә кердегей, аш эчтегей «В дом уже зашли, покушали»; Чығармаған булдыйы «Она попыталась не выпустить».

Условное наклонение

Кроме формы на -са/-сә (барса, килсә) в говоре имеются диалектные формы: 1. бардыйсә < барды + исә «если пойдет»; килдейсә < килде + исә — лит. килһә «если придет»; Көйдейсә, сүләшмейе «Если рассердится, не разговаривает». 2. Вопрос

сительная форма на -дымы/-деме прошедшего времени выступает в функции условного наклонения с модальным значением барзымы «как только пойдет»; Ул чыктымы, йулга йаңгыр йауа «Как только он выходит в дорогу, начинается дождь».

Повелительное наклонение

Глаголы повелительного наклонения во мн. числе имеют общую для всех северо-западных и восточных говоров башкирского языка форму ың/-ең и литературную форму -ығыз/-егез: тороң/тороғоз «вставайте».

Форма ығыз/-егез выступает литературной вежливой формой. В форме -ығыз/-егез в потоке речи выпадают согласные ғ, г, в результате чего появляются долгие гласные, например: Озакка калмаас! < калмағыз «Долго не задерживайтесь», Кажыб ашаас «Очистив ешьте».

Форма -ын/-ең является обыденной разговорной формой. Итек бирең эле! «Сапоги дайте-ка!»; Барын, барың эле, шалтырамаң! «Идите, идите-ка, не шумите!»

Литературная форма глагола тиген «скажи» в говоре имеет сокращенную стяженную повелительную форму те < тее, где выпадают г, н. Примеры: Шулуй сүләде, те, Галимжан карт сүләде те! «Так, рассказал, скажи! Старик Галимжан рассказал, скажи».

Желательное наклонение

Глаголы желательного наклонения образуются при помощи аффиксов -асы/-әсе, -сы/-се и вспомогательного глагола кил «придти»:

ед. ч.	мн. число
1. л. барасым килә	барасыбыз килә
2. л. барасың килә	барасығыз килә
3 л. барасы килә	барасылары килә

Форма желания-намерения выражается инфинитивом -ма, -маға в сочетании с вспомогательным глаголом ит «делать», например: Койо каздырма итәләр «Хотят нанять рыть колодец»; Китап басма итәсеңме? «Книгу хочешь написать?» Желание-мечта, желание-совет выражаются формой условного наклонения + вспомогательного глагола ей; барсаң ей «поехать бы тебе»; барсамей «поехать бы мне»; Бер генә барып кара сағызейе лә! «Хоть один раз пойти посмотреть бы вам!»

Форма предполагаемого желаяния образуется: 1. Сочетанием глагола будущего времени на -р — вспомогательных глаголов тей «говорить» и ей «было»: барым тидемей — лит. барайым тигэйпем «хотел было пойти»; йокларым тидей «Хотел было он ночевать»; Печинне күбэгэ тарттырыбыз тидегей «Сено хотели было копнуть». 2. Сочетанием инфинитива + модального слова кэрэк + ей: барма кэрэгей — лит. барыу кэрэк ине «надо было идти»; Мында жэй көнө килмэ кэрэгей «Летом надо было ехать сюда».

Форма пожелания оформляется сочетанием: глагола повелительного наклонения + вспомогательного глагола ей/ейе: барей — лит. барһаң ине «поехать бы»; Уфаға аппарый «Повезти бы в Уфу».

Залоги

Понудительный залог от некоторых глаголов образуется при помощи аффиксов кыр/-кер, -ғыр/-гер, -ыр/-ер, -ғыз/-гез/-гэт/кыз/-кез/каз/-кэз вместо литературного -дыр и его фонетических вариантов и наоборот. При этом каждый глагол имеет собственную или две-три изолированных форм. Приведем зафиксированные глаголы с аффиксом понудительного залога: меңгер/меңгез — лит. мендер «подними»; кигез/кигер/кийер — лит. кейзер «одень»; күргэз/күргэт — лит. күрһэт «покажи»; өргэт — лит. өрзөр «дым пускать»; Умартаға өргэтмэгэ черек «гниль для того, чтобы дым пускать на улей»; тарткыр — лит. тарттыр «подтянуть, затянуть»; качкыр — лит. касыр «спрятать, помочь убежать, скрыться»; уаткыр — лит. ваттыр «содействовать, сломать»; азғыр — лит. аззыр «развращать»; үскер — лит. үстер «растить»; кызыр — лит. кыззыр «дать жару»; Этей кызырайы безне «Отец давал нам жару»; тийер — лит. тигез «задеть»; Безгэ тиермәде файдасын «Нам не дал возможности воспользоваться»; тотказ — лит. тоттор дать держать; үткэз — лит. үткэр «проводить», житкез — лит. еткер «сделай, чтобы хватило».

Возвратный залог оформляется аффиксом -ын/-ен/-ан/-н. Некоторые из этих форм передают значение основного залога. Примеры: басыну/чигеу «заниматься вышивкой»; туйыныу — лит. туйыу «наестся»; кузаныу — лит. кузырау «гореть» (об углях); йығылыныу — лит. йығылыу «упасть»; Йығылынып йатам «упав лежу».

В отдельных глаголах возвратный залог оформляется аффиксом взаимного залога -ыш/-еш: буйашам — лит. буянам «занимаюсь крашением»; тырнашам — лит. тырпанам «че-

шусь»; Тырнашамей шәп «Очень сильно зуд мучил»; тулышыу «наполняться»; йазышыу — лит. языныу «заниматься писаниной», атышыу — лит. атыу «заниматься стрельбой, охотиться»; Ухутаға атышма чығабыз «На охоту выходим охотиться».

Некоторые глаголы возвратной формы передают значение многократности действия, что наблюдается во многих говорах восточного и южного диалектов. Примеры: карғану — лит. карғау «проклинать», Карчык Толға барып карғана «Старуха, идя на реку Тул, клянет ее»; ирешенәү «дразниться», әрләшенәү «ругаться»; Әрләшенәб-әрләшенәп кызы бели... ругаясь-ругаясь с дочерью... Качынабыз «прячемся, скрываемся».

Некоторые формы словообразования глагола

Специфика говора в области словообразования заключается в том, что в некоторых глаголах вместо известных для литературного языка форм появляется диалектная форма; в некоторых случаях происходит соединение, комбинирование нескольких самостоятельных аффиксов в одну сложную форму с одним значением; в некоторых глагольных формах наблюдаются семантические изменения слова.

-ла/-лә, -на/-нә, -та/-тә. Под действием фонетической особенности говора сужения гласных в конечной позиции слова аффикс -ла может иметь позиционный вариант -лы/-ле алдальйым «плутую», тибәүлей «притесняет».

В говоре отмечены диалектные формы глагола с данным аффиксом, которые присоединяются к таким основам, которые в литературном языке не принимают этого аффикса, например: ағачлау — лит. ағас буйлау «ходить по деревьям»; Ағачлап йөрөй торғап сосар була «Бывает куница, которая ходит только по деревьям»; жүкәләү — лит. жүкә сөй катыу «гладить по шерстке»; Кунаклау — лит. кунак булыу «гостить», Кейәү кунаклан йөрөй «Жених ездит гостить»; йәшеннәү — лит. сверкать, йәшен йәшенней «молния сверкает»; чатлау «грометь»; күк чатлы «Гром гремит». Неразложимые основы: сыктау «плакать», мектәү «мучиться».

Аффикс -ла присоединяется к глагольным основам, имеющим другие аффиксы, в результате чего глагол приобретает новое значение.

-дала: йулдала-у/йуллау — лит. билгеләү «сделать заметку, выследить»; Көз көнө йулдалап кына куйалар да энен... «Осенью выследят берлогу его»; алдалау/алдау — лит. алдаштырыу «плутовать, обмапывать»; Алдаламай-тәм «Хочу сплутовать».

-еүлә: көтөүләү — лит. көтәүелләү, һағалау «караулить»; Бер шәп кенә ике каз бала башы өзөлгән, шуңа көтөүләдем «Сразу у двух гусят головы оторваны, поэтому караулила»; тибөүләү — лит. ситкә тибөү «притеснять»; Миңке кызны тибөүлейләр «Дочь мою обижают».

-ала. Форма, характерная для башкирского языка и его говоров. Примеры из говора: кыуалау «гнать», Алып кыуалама! «Так не гони!»; Кыуалап алп китәләр Кәлчәкне «Погнали, погнали Колчака»; ыуалау «тереть».

-ылда/-пылда. Продуктивный аффикс, как и в литературном языке, образует звукоподражательные глаголы. Приведем диалектизмы с данным аффиксом: тилпылдау «болтать, пустословить»; пышпылдау «шептать»; чүкелдәү «ворковать, ворчать», тчикылдау — лит. һөйләнеү, сәйнәнеү «злословить, наговаривать на кого-л.»; тикылдау «размесить грязь, раскиснуть (о дороге)».

-дыра/-дерә. В говоре данная форма, помимо литературных (бәлтерәү, елтерәү, калтырау), выступает еще в нескольких глаголах, которые являются диалектизмами. Некоторые формы говора восходят к аффиксу понудительного залога -дыр — аффиксу -ла, где элемент л выпадает. Зафиксированы следующие глаголы: кыштырау — лит. кыштырлау «шуршать»; туздырау — лит. тузюу «изпахиваться, трепаться, лохматиться»; Туздырый «изнашивается»; сәлдерәү — лит. һалбырау «обвисать, висеть»; пылтырау — лит. боларыу, ялбырау, боркорау «придти в беспорядок; стать лохматым, растрепаться; распространяться»; чәчәңне пылтыратма! «Убери волосы»; Пылтырап йөрөй урамда «На дворе ходит распалается»; Әрбирләрне пылтыратма йәбеште «Вещи стал раскидывать»; тилдерәү — лит. тилерәү «сумасбродничать»; ср. др. северо-западн. гов. титарай — тилдарай «сумасброд»; тат. (мамадыш.) дилдарай «ветренный, легкомысленный»⁶¹.

-ай. Аффикс, как и в литературном языке, от прилагательных образует непереходные глаголы. В некоторых случаях передает страдательное значение и соответствует аффиксу -лан; -ан. Примеры: аркырайу — лит. аркырыланыу «упрямиться; перечить», Аркырайма! «Не перечь!»; Какайыу — восточп. говоры: какашыу, какмашыу — лит. бысыраныу «пачкаться, сильно загрязниться»; ср. танып. какак — лит. кәкәй «бьяка»; кыңырау < кыңыр — лит. кыйыш «косой, кривой»; букв. «покоситься»; перен. шевельнуться двинуться с места; Алары кыңыраймый да! «А те и в ус не дуют».

⁶¹ Диалектологический словарь татарского языка, 1952, с. 126.

Приведем диалектные формы, отмеченные в отдельных глаголах, но в комплексе составляющие специфику глагольного словообразования. Диалектная особенность их выступает или в диалектной форме основы, или в диалектном аффиксе.

-ырлан/-эрлэн: куйырлану — лит. куйырыу «густеть»; Сыу куйырлана көзгөдө, бозлана «Вода сгущается осенью, леденеет»; түгэрләнеу — сурян. туғарланыу — средн. туғайланыу лит. түңэрэкләнеу «закругляться, загибаться»; Ата озанның койроғо түгэрләнеп тора «У косача хвост закругленный».

-ығ/-ег: тынығу < тын «покойный, тихий» — лит. ял итеу «отдыхать»; Тыныға торған йер «Место, где отдыхают»; байығыу — лит. байыу, байығыу «богатеть».

-лег: бәрлегеу — лит. бәрелеу «удариться»; Қазлар чыбык тимергә бәрлекте «Гуси ударились о провод».

-ырғы: йатырғыу — лит. ятыныу «чуждаться, чураться»; Ятырғамый «Не чурается»; Кешедәп йатырғый «людей чуждается».

-ан: ымтануу — лит. ымһыныу «зариться»; Аңкы ызбасына ымтанмыйым да «На его избу я и не зарюсь»; Шуңа, чәккә, ымтана «На это, на косы зарится».

-ыл/-ел: Кубылу — лит. кубыу «отколупнуться»; күберәу — лит. күбеу, кабарыу «вздуться, вспухать».

-ерсе: дәүерсеу — лит. дау куптарыу «поднимать шум, бузить».

-кәш: теркәшеп китте — лит. терелеп китте «выздоровел».

-сырат: кыйыксырату — лит. кыйыкһытыу «притеснять, обижать»; Миңке кызны кыйыксыраталар икә «Оказывается, притесняют мою дочь».

-кыт: лапкыту — лит. лапылдатыу «шлепать»; Мешекләре лапкытып кына ырғытамей «Мешки полные забрасывала на телегу со шлепом».

-тындыр: сыуытындыру — лит. һыуындырыу «охладить»; Ирләре сыуытындырмара ир сорат, катын сорат йасап сыура салалар «Чтобы мужа охладить, делают мужскую и женскую куклы и кладут в воду».

-ыштыр: жыйыштыру — лит. йыйыу 1. готовить приданое; 2. хоронить.

Некоторые виды аналитических форм глагола

В роли вспомогательного спрягаемого глагола в говоре активно используется глагол жыйыу, соответствующий с точки зрения современного языка значению «собирать», который выступает вместо литературных вспомогательных форм куйыу «ставить», китеу «идти», ебәреу «пустить» и др.

Вспомогательный глагол жыйыу, на наш взгляд, исторически связан с таким же глаголом ейеу/эйеу, бытующим в северо-восточных говорах (аргашском) и соответствующим литературному вспомогательному глаголу ебәреу «пустить». Глагол ейеу (эйеу) в свою очередь восходит к общетюркскому корню йейеу «есть, кушать», который в башкирском языке сохранился лишь в устойчивых сочетаниях и пословицах. В говоре глагол -жый сочетается с основным смысловым глаголом, который состоит в деепричастной форме на -ып/-еп. Примеры: ороп жиа — лит. бәреп ебәрә «бросает»; Эчеб жидем — лит. эсеп куйзым «выпил»; Башым әйләнәп жидем — лит. әйләнәп китте «Голова моя закружилась»; Казлар суғышып жиалар — лит. һуғышып китәләр «Гуси начинают драться»; Бикүп былып жиалар — лит. булып китәләр «Иногда много собираются»; Үлеп жиалар — лит. Үлеп куялар, китәләр «Умирают»; Су ағып жиа — лит. ағып куя «Вода набирается»; Бура чабып жиды — лит. сабып куйзы «Сруб срубив, поставил»; пешереп жиды — лит. бешереп алды «испек»; Син аны кайткач, күчереп жиясыңмы? — лит. күсереп алаһыңмы «Ты дома все это переписываешь?»

Другим активным глаголом в роли вспомогательных спрягаемых компонентов сложного глагола является йәбешәу «прицепиться, прилепиться», выступающий вместо литературного тотонуу «схватиться; взяться». Вспомогательный компонент йәбешәу входит в грамматическую связь с глаголом в форме инфинитива на -ма/-мә. Примеры: Кычкырма йәбешкән «Пачал кричать»; Шалтыратма йәбешкән «Начал устраивать шум»; Балаларпы шукулға әзерләмә йәбешмәгә кәрәк «Надо взяться готовить детей в школу».

Кроме того, в говоре отмечены другие аналитические формы глаголов, как туры суғыу — лит. тура килеу «прийтись»; Кайтма туры сукты «Пришлось вернуться»; Ниндейгә туры сугале уы? — лит. Нимәгә тура килә эле ул «Чему это соответствует-то? Как это называется-то?»; ауыртып калды — лит. ауыртып куйзы «(Один раз) больно стало»; Айағың ауыртып калдымы? «Ногу свою ушиб?»; тотоп бағыу — лит. тотоп карау «потрогать»; сүеп бағыу — лит. һөйөп алыу «поласкать», интегеп менеу — лит. интегеүзең сигенә етеу «Вконец измучиться, дойти до предела мучения».

Неизменяемые формы глагола

Инфинитив в гайнинском говоре имеет две формы: -ма/-мә, -маға/-мәгә. Форма -мә/-мә является активной, функция ее шире, она выступает в значении инфинитива, супина и имени действия.

Форма -маҫа/-мәҫә в говоре возникла присоединением к форме -ма/-мә аффикса направительного падежа -ҫа/-ҫә. Функция этой формы уже, она несет четко выраженное супинальное значение. Примеры на обе формы: Тырымҫа тыныҫма барды «В Крым ездил отдыхать»; Укыма барам теп кермәҫә китте «Поехал поступать, чтобы учиться»; Кичләмә малай килә «Ночевать приходит сын»; Мында килмә тейеш таҫы да «Сюда еще раз должеп приехать»; Аларны кыума теп торам «Их прогнать думаю»; Койо каздырма итәләр «Хотят колодец делать»; Ухутаҫа атышма чыҫабыз «На охоту выходим охотиться»; Боролма иткәндә ауып киткән трактор «Трактор свалился, когда хотел повернуться»; Китап басма итәсеҫме? «Хочешь кпигу написать?»; Артышнын ботаҫын төтәсләмә, үгә кыстырып куйма алабыз «Ветви можжевельника берем для того, чтобы дымом его обработать (лечить), дома держать его ветки». Кимә йук, ашама йук — лит. кейеү, ашау юк «Нет одежды и пищи, ни чтобы одеть, ни чтобы кушать».

Форма на -маҫа: Карамаҫа кердемей дә! «Да зашла было посмотреть!»; Аңа кереп чыкмаҫа ярый «К нему можно зайти»; Иафраҫ сындырмаҫа барғаннар «Ездили за ветками»; Бик тырышмаҫа туры килер күчмәҫә «нужно будет очень стараться, чтобы перейти»; Бал йасамаҫа теп кумалак жиыб алп-кайттылар «Хмель собрав принесли, чтобы делать кислушку».

Данные гайнинского говора, как и языка памятников древнетюркской письменности⁶², подтверждают мысль о том, что аффикс -ма/-мә издревле являлся самостоятельной отглагольной формой имен, на основе которой возникли инфинитивные формы -маҫа, -малы, -маллы и др.

Форма -маҫа/-мәҫә систематически выступает и в среднем говоре южного диалекта, и некоторых северных говорах среднего диалекта татарского языка.

Имя действия выступает в говоре в формах -ым/-ем, -ыу/-еү, -ма/-мә, -маҫ/-мәҫ, например: үлем-житем «последний час, смертный час»; Биремнәргә барыб йөрдөм «Ходила давать взятки»; Үсем «рост»; ишетеү йер «место, куда доходит слух»; Тыныҫ алма кәрәк «отдых необходим»; Тумаҫтан калмаҫанҫа үлмәктән калмабыз досл. «Если не остались от рождения, то уж от смерти не останемся».

⁶² Тенишев Э. Р. Указатель грамматических форм к «Дивану тюркских языков» М. Кашгарского. — ВКУЯ. Алма-Ата, 1963, с. 203. Древнетюркский словарь, с. 657.

Деепричастие

В прошедшем времени деепричастие совершенного вида систематически выступает в форме -ғас/-гәс, как в башкирском языке, вместо ожидаемой -ғач/-гәч, но в конце имеет не обычный, а мягкий с': барғас' «когда пошли»; килгәс «когда пришел»; йасағас «сделав»; асылғас «открывшись»; Үксез үскәс, михпәтне күрдег ине «Раз сиротой росли, нужду видели уж»; Икесен катнағас, ишәсен «Сделав две нитки, сучишь»; йыуғас-ниткәс, сыкы была, аны майлыһысың «Когда помоешь и прочее, становится скользким, их смазываешь». Дапная форма отражает исторический процесс перехода общетюркского ч > с' > с на почве башкирских говоров, и признаки этого процесса проявляются в гайнинском говоре еще в нескольких словах лишь в конечной позиции (см. с' < с < ч).

Деепричастие несовершенного вида, кроме -ғанчы/-гәнче, -канчы/-кәнче, имеет также диалектную форму -ғанчи/-гәнчи; -канчи/-кәнчи: караңғыланғанчи «пока стемнеет»; килгәнчи «пока придет»; Син киткәнчи бетер әле «Может быть кончится, пока ты уедешь».

Служебные слова

Класс служебных слов подобно наречиям и местоимениям, обнаруживает яркие диалектные особенности. Наряду с формами, общими с другими говорами и литературным языком, как кеүек, шикелле, сымак, төслә «подобно», в говоре бытует целый ряд служебных и модальных слов, которые составляют грамматическую специфику говора. Причем, фонетические изменения существенно влияют на форму слов, что порой затрудняет правильное понимание значения слов.

Послелого

Именительным падежом управляет послелог былы/беле/бели/белен — лит. менән, «с». Примеры: Буйы былы киткән «На протяжении идет»; Карчыклары белен йакшы тордоғый «Со старухой ихней хорошо жили»; Карағанһык былы тора «Благодаря присмотру живет»; Такси беле дә килә «И на такси приезжает»; Әнәй бели сиә килешмәс «Тебе с матерью не угодить»; Улың белән килешеп была «С сыном можно найти общий язык».

Сравнительные послелого сайы — лит. һайын «по каждому, в каждом», сымак/семәк/сыман/семән — лит. һымак

«подобно, с», күек/кеүек/кебек «как, подобно», төслө «подобно» также управляют именительным падежом и причастием: Ауыл сайы туктый «В каждой деревне останавливается»; Байыккан сайы байыгалар «Все больше и больше богатеют»; чебеш күкэй семэк «как куриное яйцо»; Усы кала күек «Оса как город».

Именительным падежом управляют и послеложные слова чүрәсендә, чирәдә, тошонда — лит. тирәһендә «около», арасында «среди», ыңғайна «вдоль, по». Примеры: Машина чүрәсендә «около машины»; эснәрәтләр колак чирәдән генә үтә «Снаряды пролетают около самого уха»; үзебез чирәдә «около нас»; Беркөч ай тошонда «около трех месяцев»; Күрше араларында тазалармы? «Среди соседей, соседи здоровы?» Урамбый ыңғайна изеп йөртәләр ей эрчәк күтәрәп «Вдоль по улице, избивая жердями, гоняли».

Чрезвычайно своеобразны формы послелогов направительного падежа, связанные с фонетической особенностью говора: чак — лит. саклы «до», тик/тиң — лит. тикле «до, вплоть до»; таба — айск. табай — лит. табан «в сторону, по направлению», ыңғайна — лит. буйына «вдоль, по»; была — лит. өсөн «из-за, для». Примеры: Куңгырға чак «до Кунгура»; Уңға чак мәктәп «Школа до десятого класса»; тәрзә аска чак «до подоконника»; Анда Үкөйәдегә чак мөсөлман ауыллары тулыг ине «Там до Куеды мусульманских (тюркских) деревень полно, конечно»; Мыңа тик «до сих пор»; Уймыжда сигезгә тиң укуу «В Уйму же до восьмого класса учеба»; Кастаба? «В какую сторону?»; сезгә таба «у вас»; Кушқары таба «В сторону Кашкарова»; Сиңә была йактым мынча «Для тебя затопила баню»; Уланына была кайта «Ради ребенка возвращается»; Йөргә была суғышалар, китмейләр «Ради земли дерутся, не уходят»; Бир/бире — лит. бирле с послелог исходного падежа: кыштан бир с зимы; йаздан бир «с весны».

Частицы

Активной и многообразной по форме выступает в говоре усилительная частица кый/кы/ку/ке/кэй/кә — лит. дабаһа, забәһа, лабаһа, табәһа, бит «ведь, же», которая сочетается с местоимением ана «вон», образует сложное модальное слово ыныкый/ыныкы/ныкы/аныкы/энеке «вон, ведь, видишь ли». Примеры Энеки, киләләр! «Вон ведь, идут!» Ыныкый, мине тукмағанда «Видишь ли, когда меня бил...»; Китте кыйнә! «Ушла ведь вон уже»; Анда әйтелгән, кә! «Там же сказано», Әле уы шундан карап йаза кә! «Теперь она оттуда спи-

сывает ведь»; Йуам эле кы «Помою-ка»; Белмим кагысын «Того ведь не знаю»; Бар ку мында «Здесь есть же».

Вопросительная частица -мы/-ме в говоре имеет формы -ма/-мә, -мә, -ми. Как и в узбекском языке частицы -ме, -мә, -ми, -мә проявляют сравнительную стабильность и нейтральность к гласным основы: Улмә? Андамә? Иске тормошно мә? «Она, да? Там да? Старую жизнь, да?» Туйғанмә, әчмеймә? «Напилась? Не пьет?» Чоланғамә? «В чулан, да»; Буме? Это да?» Мә, буккыме? «На кой это?» Йарыме биәлей? «Шубенка?»; Элеми? «Сейчас, да?» Озакками? «Надолго ли?»; Ау белеми? «Сетями, да?» Данные частицы произносятся с особой интонацией: с повышением тона и некоторой долготой частицы -ми, ку бытуют в узбекском языке⁶³.

В гайнинском говоре также зафиксированы такие усиленные слова-частицы, особенность которых проявляется в диалектных вариантах и сочетаемости с другими словами. Примеры: демә сукыр — лит. тома һукыр «слепой совершенно, от рождения»; демә надан — лит. тома назан «совершенно неграмотный, неуч»; дәм бетеү — лит. шыпа бөтөү «совершенно кончатся»; Дәм акчасы беткән «Совсем денег у него нет»; дәм элек — лит. бөтөнләй элек «совсем давно»; зим/жим май — айск., аргаяш., сальют. шим май — лит. тос май «чистый, ядреный жир»; зим ит «только мясо, филе»; лач — лит. тас «точно, прямо»; Лач бөйөрәмә кадалды «Прямо в почки (в бок) пронзило»; лыж — лит. ләж; лыж йатты «Совсем слег, лежмя лежал»; тач исәр — лит. шыр исәр «круглый дурак»; тач артышлык — лит. шыр артышлык «сплошь можжевельник»; тач атасы «точь в точь отец»; шый оноту — лит. бөтөнләй оноту «начисто забыть»; шып чирләде «совершенно заболел», ср. кизил. шыпа — то же.

В функции утвердительной частицы довольно активно употребляется местоимение у, уы, ыуы, ыу «он», что характерно и для других говоров башкирского языка. Примеры: Ул күппе беләуы, белеп жиауы! «Он много знает, да, он точно знает!»; Картыу у геше «Старый он, этот человек»; Эше күбәле уы «Работы его еще много, да».

Слово-частица инде «уж, уже» в говоре бытует в форме эне/ине < инне: йөрөдөг эне — лит. йөрөнөк инде «Ходили уж», Агысы да кәрәкмей ине «И тот уж был не нужен».

Утвердительное слово «да» в говоре выступает в форме э'е/э: Йуып куйдың шунда? — Э'е! «Вымыв, поставила там? — Ага».

⁶³ Кононов Л. А. Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.-Л., 1960, с. 335.

Модальные слова

В говоре широко употребляется модальное слово маса/баса, которое выступает в значении икэн «оказывается» (хотя в говоре слово икэ представлено), а также вместо микэн, буғай, эле, ахыры «кажется» и в значении частицы -дыр/-дер. Примеры: Күрдем-маса, йук маса — лит. микэн «Видела ли, нет ли»; Балаға унсигез суммы баса, күпме баса — лит. һум микэн, күпме икэн «Ребенку выплачивают восемнадцать рублей ли, сколько ли»; кем баса — лит. кем булһа ла «Кто-нибудь»; Иездән узғанмы маса түгелме маса — лит. микэн, икэн «Сто лет прожила ли, нет ли»; Кем булды баса? «Кто же был-то?»; Кайан килде маса? — лит. эле «Откуда же пришел-то он»; Иртеней маса — лит. ахыры «Кажется, утром было»; Миңке эс мәстә кынды баса «Что же случилось с моим желудком?»; Жимеше нимәдер баса — лит. инде «Как же называется его плод»; Сиксәнге життем тибәйтте маса — лит. шикелле, буғай «Кажется, говорила, что достигла восьмидесяти»; Кайларда баса жөрөй кәртешкесе — лит. булһа ла «Где-нибудь да лежит его карточка».

В башкирском языке данное слово выступает в составе усилительной сложной частицы: дабаһа, забәһа, лабаһа, табаһа.

Слово баса представлено в киргизском языке в значении «опять, еще, тоже», которое сопоставляется с монгольским бас в том же значении⁶⁴, в древнетюркск. баса 1. «после, следом»; 2. «и, еще, а также»⁶⁵. В узбекском уст. баса «много, часто, то и дело»⁶⁶.

Междометия

А! Ааа! А'-а'-а'! — распространенное междометие сильного удивления. Его диалектный вариант ah! ah! в том же значении бытует в южных говорах. Примеры: А'-а'-а'! Атыкайым! Тамаша икэ! «Ай-ай-ай! Батюшки! Какое зрелище!». Аба! — междометие удивления, бытующее во всех говорах восточного и южного диалекта. Абау! — междометие испуга, боли, характерно для литературного языка. Ай! — междометие восхищения, лит. эй, эй. Айы! — междометие испуга, досады, лит. уй; Айы, күз тисә «Ой, если сглазят!»; Айй! Шалтырама! «Ой! Да не шуми ты!»; Ай-хай! — лит. ай-хай — выражает восхищение,

⁶⁴ Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. — Фрунзе, 1966, с. 193.

⁶⁵ Древнетюркский словарь, с. 85.

⁶⁶ Узбекско-русский словарь, 1959, с. 55.

радостное удивление; Ай-хай да Идел камышы! «Ә-эх и камыши Камы!»; Ала/Алы/ылы — междометия удивления, испуга. Вариант ылы бытует в аргаяшском говоре; Алы-алы-алы! — выражение сильного испуга или досады, удивления. Ап! — междометие предупреждения ребенка в значении «упа-дешь!». Ба! — междометие удивления: Ба! Мөкәрәмә түтәй, син икә! «Ба, тетя Мукарама, ты, оказывается». Бә! Бәк! Какак! — лит. кәкәй «Бяка!»; Бәлеш! Пәтәш! — междометие удивления, возмущения, досады, негодования, характерное для южных говоров. Бәлеш! зиңгә, сәңгерәмә! «Вот тебе на! Невестка, не теряй рассудка!» Бә', мә', мәле, ма', мы' — многозначное междометное слово, восходящее к местоимению мә «что», соответствует литературному междометию бәй. При экспрессии произносится с гортанным приступом. Примеры: Мә', кайа барасың! «Ба, куда денешься!»; Бә! Хәр берсен түләтеп торгозалар «Ба! С каждого берут плату за жительство»; Мы', мыны берәрсе китергәдер «Хм, кто-то, наверное, приказал это возить»; Мәле, элек боток жез былган «Послушай-ка, раньше все было из меди». Междометие мәле бытует в среднем говоре южного диалекта. Йаа! — междометие досады, недовольства, гнева. И-ии! — междометие радости, удовольствия, И-ии! Зарар әй былса! «Ии! Ладно, в таком случае!». Һә! — междометие, выражающее горечь, иронию. Һә! Үзеңнән сурап куйырлар! «Ха, сам и будешь в ответе!»; ыйа/эллә/ элә! — междометие, выражающее боль, испуг, ыфыуы! — лит. уф — междометие, выражающее сочувствие, переживание, боль; ыфыуы; Йөрәкәйем! «Ох, сердечко мое».

Междометные слова, употребляющиеся при обращении с животными, в большинстве своем являются самобытными. В составе междометий для призыва и отгона животных отражается взаимодействие говора с финноугорским и русским населением.

Для призыва животных	Для отгона животных
лошади: боһ-боһ! тпруох-тпруо!	тшу! на! куда!
коровы: кәт-кәт-кәт! тпрей-тпрей!	тпруш! тпрукә!
теленка: тпрукиңкей-тпрукиңкей!	— * —
овцы: бәр-бәр-бәр! бәлә-бәлә! бет'и-бет'и!	бәти! бәлә! бали ки!
козы: кез-кез-кез! бәти-бәти! бәтикәй-бәтикәй!	бәтә! бәлә! кәзә!
собаки: ма'-ма'! моһ-моһ!	чәбә! чәбә! чәбә!
сенок: көч-көч-көч!	чәбә
кошки: пс-пс-пс! пес-пес-пес!	пәрәс! прәс! пәс!
курицы: т'у-т'у-у! т'ә-т'ә-т'ә! гут'у-гут'у-гут'у	гәш! көш! төгә! төгә!
гуся: дигә-дигә-дигә	дигә! гәш!
утки: гөлә-гөлә-гөлә!	гөлә! гәш!
цыплят: пи-пи-пи! пипей! пипей!	пипей!

Лексические особенности

Ареальная и историческая лексика

Диалектная особенность в области лексики проявляется в бытовании собственного диалектного пласта, характерного лишь для самого говора и не отмеченного в других говорах. Значительный пласт составляют также семантические диалектизмы, объем которых увеличивается и за счет диалектной омонимии, связанной с сугубо специфическим фонетическим своеобразием говора. По сравнению с другими говорами здесь более активно, шире применяются композиты, образованные способом изафет-1.

Вместе с тем, в своей основе лексика гайнинского говора является общешкирской, что отражает единые черты носителей говора в области материальной и духовной культуры в хозяйстве, ремеслах, проведении весенних праздников — жиен, в свадебном обряде, изготовлении напитка типа буза, в играх и пр.

В этом смысле гайнинский говор более близок к башкирскому языку нежели некоторые другие северо-западные говоры.

Приведем некоторые примеры из этого общешкирского пласта: атай «отец», ағай «старший брат», абышка «пожилой муж; мужик, ранее женатый»; Абышкам әйбәт алый «Мужик мой ничего»; Абышкаға барған «Вышла за ранее женатого»; баштак «непослушный, озорной», карындаш «младшая сестра по отношению к брату»; алмаша «ненормальный», жаурын/йаурын баш «плечо», тубык паш «колени», йенчек/жинчек «голень», бағыу «смотреть, содержать, растить», арчалау — лит. эрсәләү «заступаться», туңканнау «ходить нагнувшись, подняв зад, ходить на четвереньках», бала «молодой, маленький», балакорт «молодая пчелиная семья», бала кайын — лит. саука «молодая береза», бала чана «салазка, санки»; бала йылға «ручей».

Башмак «телка одного года», тумыртка «дятел», кәкүк «кукушка», өкә «филин», кумак «крыса», алачабыр — лит. аласыбар «утка-пеганка», череги үрдәк «утка-чирок», сона үрдәк «кряква», чыракка төшөү «лучить рыбу», карағай «сосна», кумалак «хмель», карағат «смородина», кечерткин «крапива», бүре жүкәсе «волчье лыко», зелпе «бересклет», зәрәтә «снить», казайак «папоротник», сабын чичкә «мыльнянка», тал көчөк «почки вербы», көчөкләү «появление почек».

Кашайак «посуда», колға «прялка», тәртешкә «кочерга», йөргәк — лит. юргәк «пеленка», кәштә «полка», ыруда — лит. урза, «перекладина для подвешивания одежды», шелкеүеш,

челкеүеч «сеяльница», тозлок «навар, соленая приправа», кыуырлык — лит. кур «закваска», түшелдерек «тряпичный нагрудник», франсуз йаулык «покрывало из двух французских платков», сағалдырык «подвязка француз йаулык под подбородком», сырма//бишмәт «стеганая верхняя одежда».

В говоре бытует пласт лексики, общей с южным и восточным диалектами, который можно рассматривать как часть общенародной лексики башкирского языка. Примеры: Йака/йаға «шейник из монет, нашитых на узкий черный материал», ср. кубалаяк. йаға, караидельск. йагитәк, йағалык «нагрудник из монет и кораллов»; жиандаш — средн. айск. кизил. зыйандаш «эпилепсия», ср. южн. д. зыйаннау «пасть»; көйөү (южн. д.) «сердиться, ругать»; Инейем мине көйде «Мать ругала меня»; какайу — кизил. какашыу — средн., айск., сальют. — какмашыу «сильно загрязниться, засалиться»; сирак (айск., караидельск., средн., демск.) — һирак (средн., юрматы, нугуш) «часть ноги ниже колена»; сирак сүәк «голень»; төрткөч — средн. кизил. миас. төрткө «крот»; тупыч «обрубок, укороченный», тупыч бармак «обрубленный палец»; тупыч койрок «обрубок хвоста»; тешеккер (демск., средн.) — караидельск. тешеккән — айск. тешек, тештәнмә — миас. тешекмә «молчун, тихоня, упрямый»; чылғый — нижнесакмар. силғый «сплошь», чылғый кәрәсин «сплошь керосин», ср. сакмар., кизил. сылғый, ик-юшатыр. ылғый «постоянно», шапа — северо-западн. айск. демск. шапатай — средн. шапалак — кубалаяк. шапай «неряха»; Шапа маржа! Неряха!; шартлама (северо-западн.) — средн. шартлауык, шартый — восточн. д. шарттама, шарттак, шалтырак «клубника».

Прослеживается общность диалектной лексики говора с диалектными фактами, отмечающимися либо в южном, либо в восточном диалектах. Диалектизмы южного диалекта выступают в сугубо диалектных терминах, которые отражают древние этно-исторические связи гайнинцев с южными башкирскими племенами юрматы, кесе, кальсер, усерген и др.⁶⁷

Некоторые диалектизмы из этой группы имеют соответствия в говорах мишарского диалекта (арка сүәк, басма, әнәй) и в чувашском языке (пусма, анне). Примеры: Арка суак жөлөк «спинной мозг», ср. ик-юшатыр. арка һөйәге «позвоночник»; ик-сакмар. йөлөн «спинной мозг», аркүзәк — демск. аркүзәк — то же; басма — сурян. баһма «вид ситца», жете — сакмар. йете — средн. йетеү — ик-юшатыр., айск. йетез «быстро приедающийся»; жөннөкәй — средн. йөннөкәй «одуванчик»;

⁶⁷ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. — М., 1974, с. 345 — 346.
В скобках указывается распространение диалектизма в других говорах.

йылғыр — сакмар. шылғыр, шылғайак — лит. шыйғалак «скользящий»; йылғыр была йул май кебек «Скользкой становится дорога, словно масло»; миктәү — средн. мектәү — лит. йонсоу «измучиться, быть измученным»; ороноу ик-сакмар., кизил. — лит. тейеү «гrogать, задевать»; айск. ороноу «мешать»; туңайак (средн. ик-сакмар.) «незванный гость на свадьбе»; туфим (средн.) — лит. назан, тупас «темный, тупой»; туфим сүләшәләр «язык у них не отесан»; энәй (юшатыр) — лит. әсәй «мать».

Диалектизмы восточного диалекта указывают на территориальные контакты и составляют общую региональную лексику северных говоров башкирского языка. Примеры: Бөкәй — нижебельск., северо-восточн. бокай «бука»; бушым — айск. бышым «короткая холщевая надшивка в обуви конжорок»; бушымнау «надшивать холщовую надставку»; зим/жим май — северо-восточн. шим май «чистый, ядреный жир»; кәрсеү — айск. кәрсеү — сальют. кәрһеү — кубалаяк. кәршеү «прокиснуть, испортиться»; казна: сике казна — северо-восточн. казнак «наличник нар»; конжорок — айск. киндырак, кынйырак «обувь из кожи конской ноги на мягкой подошве»; сеүер — северо-западн. сереү — северо-восточн. һуреү «наперник»; сөрәмдөк — лит. төндөк «отдушина в бане», < северо-восточн. һөрәм «угар»; сыктау северо-восточн. һыктау, «плакать»; тыркыш «грязный, грязнуля»; чара — восточн. д. сара «большая деревянная чаша» ср. чув., алт., чара хак. сара, монг. цар — то же (МРС, 1957, стр. 604); туз чүмбәрә «туесок», ср. северо-восточн. сәмбәр, сәмбәрә «ободок сита»; ср. перс. зәмбәр «носилки»; (ПРС, 1961, стр. 261); чәпнәү — лит. тешләү «кусать»; Эт чәйнәде «Собака укусила»; әкәм-төкәм (северо-восточн., тат.) — лит. кускар «улитка».

Лексические диалектизмы говора, общие с другими северо-западными говорами можно рассматривать в нескольких аспектах.

В говоре выделяется диалектная лексика, характерная для всей северо-западной зоны и бытующая в других говорах башкирского языка. Этот круг диалектной лексики можно охарактеризовать как часть общешкирской лексики, связанную с северо-западной и северо-восточной языковой зоной, куда включаются нередко демский и средний говоры южного диалекта. В историческом плане эти диалектизмы относятся к наиболее раннему лексическому пласту. Ниже даются некоторые диалектизмы из этого пласта: Аса «иней на деревьях»; йара печин — др. говоры йара үләне, йара йапрак, йар йапрағы «подорожник большой»; йомок (северо-западн., демск.) «большой родничок на головке новорожденного»; көйөк (северо-

западн., средн. земля, очищенная от леса огнем); ләпкәс — северо-западн. ләпәк, лапта — средн. лапы «низменный, сырой, болотистый (о земле)»; ләчтә/нәчтә — северо-западн., южн. д. ләскит, ләстә, ләскә, ләс «сырой, водянистый (о хлебе)»; кашык чумир — северо-западн. кашык чумары — северо-восточн. кашык сумары «клецки, нарезаемые ложкой»; шөтим — северо-западн., айск. шөйтөм «незапаханные участки земли»; әкәр/акар «самец кошек и собак», северо-западн. әкәр, демск. әгәр «самец собаки, кобель».

Диалектизмы, общие с северо-западными, а также с другими говорами южного или восточного диалектов башкирского языка, которые имеют соответствия в говорах татарского языка, в чувашском языке, могут выступать как ареальная диалектная лексика, связанная с историческим развитием урало-поволжских тюркских языков. Примеры: божор (северо-западн., северо-восточн.) — демск. кубалык. бозор, чув. пачар «рябчик»; бабай баш (северо-западн., средн. заказан. гов. тат. яз.) «одуванчик»; гөлмич «подпол» — северо-западн. гөлбәс — демск. гөлбәс «запечье»; гурла (мишар. д.) — демск., средн., горла, горлау, ғырнау «горло»; ишегалды (северо-западн., восточн., восточн., южн. д.) «двор, сени», мишар. д. ишегалды «сени»; махмур «похмелье», тат. махмур, чув. мухмар «похмелье», кубалык. бакмыр «закваска для кумыса»; түш/туш (северо-западн., восточн. д., средн. демск. гг., заказан. гг. тат. яз.) «наледь»; ушабаш (северо-западн., северо-восточн., средн. д. тат. яз.) «полочка, прикрепленная к основанию печи»; чапчак: май чапчак//әйрән чапчак — лит. гөбө «узкий деревянный сосуд для пахтания масла», башк. сапсак «выдолбленная кадка», тат. диал. чапчак — то же; чебеш «курица» — айск. шебеш, говоры средн. д. тат. яз. чебеш — то же; әрдәнә, әрдәнә утын — северо-западн., сев. восточн. д. демск., средн. эрзәнә — тат. яз. мамадыш., зай-кряшен. әртәнә «заготовленные дрова» и др.

В гайнинском говоре бытуют диалектизмы, которые отмечаются лишь в соседних нижнебельском и таныпском говорах: корүңәч «гортань», урин «тихо», черчек/чеберчек «трясогузка»; эчәйче карчыға — танып. эчәй карчығасы «ястреб-перепелятник или сокол-белогорлик» и др.

Гайнинский говор контактирует с говорами татарского языка. В результате тесного многовекового взаимодействия в говоре образовался пласт татарского языка и его говоров.

Заслуживают внимания общие гайнинско-мишарские, гайнинско-чувашские диалектизмы, которые могут представлять наиболее ранние языковые контакты. Часть диалектизмов из этого пласта является нормой для татарского литературного языка, часть бытует в татарских народных говорах. Примеры:

Буре бороч (заказан.-мамад.) «волчье лыко», бөкә, бөкрә, бөкмә (мишар. д.) «пирог, пирожок»; пләмтек «отруби»; озон борон «комар», өтөргө: озор өтөргө «долото», белкей өтөргө «стамеска»; өтэләү/өтэләнәү «линять (о птицах)»; чебеш өтэләнә «курица линяет»; тарту, тарту акча (северо-западн., заказан. г.) «выкуп за невесту», түтэй (северо-западн., чист., — нагайбак-кряшен. камышл.) «старшая сестра, тетя»; улан — мишар. д. олан «дитя, ребенок», чәкчүр — мишар. чакчур, чапур «кожаные башмаки»; әкәлә (северо-западн., тат. гг.) «шишки хвойных деревьев».

В говоре бытует лексический пласт, который можно охарактеризовать как лексику, развившуюся на почве диалектных особенностей самих северо-западных говоров. В некоторых случаях для образования нового слова используются данные говоров башкирского⁶⁸ или татарского⁶⁹ языков. Примеры: Акма хаста «текучая (гнойная) болезнь щитовидной железы»; ыйык «зажившие рубцы этой болезни»: айрыкорт (караидельск.) «двухвостка»; йоша, болан — лит. мыши «лось»; йәш үңәч — лит. кызыл үнәс «пищевод», ср. татар. үңәч — то же; картәтэй, узырәтэй «дедушка»; картый, картәнэй, үзәрнэй «бабушка»; ср. восточн. и южн. дд. картатай «дедушка», картинэй, картәсэй, кәрсэй «бабушка»; — катыкорт 1. «жук», 2. «двухвостка»; кызгыч — лит. кезгет «чибис, пигалица»; олтыскан «крыса» < демск., средн. нижебельск. оло «большой»; орғоу/өргөү — северо-западн. орғау/өргәү «размножаться, плодиться»; пәси борчак «алтея», ср. другие говоры бесәй гүмәсе, бесәй бәрәмесе, бесәй икмәге, бесәй йафрағы — лит. бесәй табаны — то же; пылтыратыу — лит. туззырыу «рассеять, развеять; расстроить, разбить»; Симейәнә пылтыратты «Разбил семью»; сәли «колыбель»; ср. чув. силле «качать, трясти»; т'әлт'еуәт — северо-западн. тәлтәуәч «трясогузка»; үкәртә, и кәртә «двор»; ыштыр (перен.) «1. неряха, 2. медлительный, недотепа»; ср. тат. ыштыр «портянки»; әпипапа, әтәйбаш «одуванчик», ср. другие говоры папабаш, бабайбаш — то же.

Собственная диалектная лексика

В гайнинском говоре бытует пласт диалектизмов, отсутствующих в настоящее время в других говорах, значительное число заимствований, возникших в результате территориальных контактов и взаимодействий. В говоре представлен боль-

⁶⁸ Словарь башкирских говоров, т. I. — Уфа, 1967, т. II, 1970.

⁶⁹ Диалектологический словарь татарского языка. — Казань, 1969.

шой пласт семантических диалектизмов, связанный с историческим развитием говора на периферии тюркских языков Урало-Поволжья.

В составе собственных диалектизмов часть отражает древние исторические контакты говора с восточно-сибирскими тюркскими языками. Примеры: Арғыш *коза* «второй по степени важности гость после родителей невесты и жениха, который сопровождает их на свадьбе, сидит рядом с ними»; восходит к *хак. арғыс* «1. товарищ, 2. помолвка», *арғыстас* «сопровождать» (ХРС, 1953, с. 30), *якут, арғыс* «спутник, попутчик» (ЯРС, 1972, с. 46), *алт., шор. арғыш* «товарищ», *ср. уйг. арғыш, арғиш* (Радлов, Словарь, 1893, 1. с. 301). Диалектизм *баштак* «озорник, шалун» и по семантике совпадает с *чувашским* *пустăх* «озорной, шалун», *алтайским* *баштак* «шалун, баловник» (ОРС, 1947, с. 28). Название *лиственницы тет агач* также находит соответствие в восточно-сибирских языках: *алт., хак. тыт* «лиственница» (ОРС, с. 165 — ХРС, с. 246); *кулук, куйук, дудут* «кукушка-самец»; *ср. тур. дуду* «вид попугая», *алт. тоды куш* «павлин» (Радлов, Словарь, 1905, III, с. 1206), *хак. түдет* «самец кукушки» (ХРС, 1953, с. 242). *Меңе, меңге* — метафорические названия денег. В алтайском, тувинском, монгольском языках означает «серебро», *алт. мөнүн* (ОРС, с. 111), *тув. меңгун* (РТС, 1953, с. 530), *монг. мөңгө(н)* 1. серебро, 2. деньги' (МРС, с. 244).

Некоторые диалектизмы говора связаны с чувашским, древнетюркским и другими языками, например: *басма* — *сурян. базма* «ситец особой выработки», *чув. пусма* «хлопчатобумажная фабричная ткань с набивным цветным рисунком, ситец миткаль», *уйг. басма* «набивка на ситце», сорт набивной кустарной бумажной материи (Егоров, 1964, с. 168). *Иләсә* «рукавицы», *чув. алса* — то же (Егоров, 1964, с. 24 — 25), слово восходит к древнетюркскому эл «рука, кисть руки» (ДТС, 1969, с. 169) в других тюркских языках эл, эл, *чув. ала, ал* «рука», (Егоров, 1964, с. 24 — 25).

Кроме того, специфика диалектной лексики характеризуется своеобразием заимствований из иносистемных языков, которые не отмечаются в других говорах башкирского языка, например: *Бәхерниса*//*ләүшә*//*күлжәннек* «лягушка», *Бәхерниса* является заимствованием из арабского языка, *ләүшә* — из местных говоров русского языка, *күлжәннек* является собственным диалектизмом говора: *Бәлтәкә бүрек* «полярковая шапка»; Слово *бәлтәкә* вошло в говор из пермских языков: *коми баля* «ягненок; овца»; *диал. «мех»*; *удм. пиле* «ягненок»; *северно-манс. паля* «баран, овца» (Лыткин, Гуляев 1970, с. 36, *ср. тат. бәти* «ягненок» (ТРС, 1966, с. 91), *чув. пәтәка, пүтек*

«ягненок», «козленочек». Сюда входит междометие призыва овец бәлә-бәлә-бәлә, также связанное с указанными языками. Өжин чыпчык «снегирь», коми жөн «снегирь» (Лыткин, 1970, с. 103), удм. шушы — то же (УРС, 1947, с. 352). Өнчөрө//балык пала//чыр балык//чор «мальки рыб». Диалектизм чор финно-угорского происхождения ср. коми чери, коми-перм., удм. чорыг «рыба» (Лыткин, 1970, с. 303) и входит в состав диалектизма өнчөрө/энчере, первый компонент которого өн/эн/ан остается неясным. Сосла (северо-западн., тат.) «сусло, сладкий напиток, отваренный на ржаном солоде»; ср. чув. сасал «отруби»; мар. шушыл, удм. сосло, коми су, морд. сева — то же (Егоров, 1964, с. 184). Следы тесного взаимодействия с местными финно-угорскими языками проявляются в бытовании таких диалектизмов как: өмөжө «малина», удм. эмезь — то же; маль «брусника», күк маль «черника»; удм. мулицу — то же; коми-нормаль «клюква»; туни «валенки»; папай «ноги», экэй, экә «мама, мать», коми-зыр. диал. акка «крестная мать», ср. мар., морд., ака «старшая сестра».

Займствования из русского языка в большей части выступают как диалектные синонимы: шөшлө//чуртан//шүкә «щука», чөлкә//ойок «чулок». Последнее само заимствовано русским языком из тюркских языков, ср. чув. чәлха, каз. шулык — то же; шамбы//ләлим «налим», токмок//комолой «комолая»; этпорон//шипейка «шиповник».

В говоре отмечается много слов, образованных на местном материале за счет внутренних ресурсов языка: айрыкойрок «стриж», бозуаткыч «трясогузка», күлжәннек «лягушка», сазкәзә «бекас» и т. д.

Лексика по тематическим классам

Растительный мир

В гайнинском говоре чрезвычайно богато и своеобразно представлены термины растений. Своеобразие проявляется как в сугубо специфических и фонетических вариантах названий растений, их частей, так и в семантических особенностях их: печин — лит. үлән «трава»; т'ити, чичкә — лит. сәскә «цветок»; күшә/күшә — лит. көпшә «полый стебель, стебель трубчатый»; сыир күшә — лит. кырлы курай «порезник»; түз — лит. төп «основание, корень»; аяак — лит. һабак «стебель»; мөр/мөрөк — лит. бөрә «почки»; көчөк: тал көчөк «почки вербы»; экәлә — лит. тубырсык «шишка хвойных». Примеры зафиксированных диалектизмов из класса растений, характе-

ризующих лексическую особенность гайнинского говора: бүлэк//кулкуат «колка»; тет/төт ағач — лит. карағас, «лиственница»; усы тал//тубыл 'тополь'; тал ағач — лит. кара тал «чернотал»; пумил «еловая поросль»; Пумиллек алған «Заросло ельником»; төркө — восточн. д. терке «сосновая поросль», үсем, ыуак кайын — лит. саука «березовая поросль»; ағач түзе — лит. төбө «основание дерева»; түз, түзлек «пень»; ср. кизил. түззек «высохший пенёк»; типкечле ағач — лит. дунала «боярышник»; бүре жимеш «крушина ломкая»; бүре шымырт — лит. эт муйылы «крушина слабительная жостер»; бүре бороч — лит. бүре йүкәһе «волчье лыко»; Бүре бороч йүкәсен суйалар «Кору волчьего лыка снимают»; өмөж/эмеже — лит. курай еләге «малина», кара жиләк — лит. кара бөрлөгән «ежевика»; сал/саз жимеш «клюква»; маль/маля «брусника»; кара маль «черника», жир жиләк — лит. кайын еләге «земляника»; шартлама «клубника».

Съедобные растения: балтырған кишка//нәнэй — лит. бәпкә «бутон борщевника»; кәжә күшә/кәзәсакал — лит. кырлы курай «порезник»; жар жимеш//сабырткы/сәберткәй/себерткәй күкәй/чимеркәй/чибер күшә — лит. куянтубык «дикая морковь; бутень»; Жар жимешнеке күкәй тышы кара, эче аппак «У бутня кожура темная, внутри белое — пребелое»; Бүре кузғалдак//жылан кузғалак — лит. атколак «конский щавель»; бечтек//урыспаш//урыспикә «пестик, молодой побег полевого хвоща»; пикан күшә (?) «съедобное растение из семейства купырниковых».

Названия трав и цветов. В отличие от других говоров и литературного языка, где слово бесән означает «сено», в гайнинском говоре печип означает «трава». Поэтому к названию травы прибавляется слово печин: Алма печин «пижма»; алама печин «сорняк»; бака печин «лопушка, сорняк»; кумалак печин «вьюн»; кыйак печин//усука «осока»; кыл печин «ковыль»; сөт печин «молочай»; эрек печин//эрек чичкә «тысячелистник», кара печин «трава с мелкими листьями, дымом и золой которой лечат опухоли». Зәйнә/зәңнә печин//умырзайа//акпаш «подснежник, цинготная трава», Зәйнә печин чыккас, терелерем әле «Когда появится подснежник, выздоровлю»; Картлар умырзайа чыккач зәйнә печин тип ашыйлар «Старые люди ели подснежник, называя его цинготной травой»; болон печин — лит. бүтәгә «мятлик кистовидный»; жәй печин//т'икылик печин — лит. күгүлән «спорыш»; йәбешкәк печин — лит. һырлан «липучка»; сазап печин — лит. бесәй табан «алтей».

Названия цветка выражается двумя словами: т'ит'и/чичкә/тичкә. Примеры на названия цветов: Акпаш «подснеж-

ник»; акпаш тити «ромашка»; сарбаш тити «горицвет»; күк-баш «медуница»; жөннебаш/жөннекэй//этэйбаш чичкэ «одуванчик»; чикәнбаш — лит. екән «рогоз»; чукмар баш//корколоч < короколач «кровохлёбка, шалашовка»; бака йапрак//бака тичкэ//ләүшә чичкэ «лилия водяная»; батыр йафрак//нағыш йапрак//аптрагарба/атрагарба «подорожник малый»; шөкмит/шөхмит/шухмит йапрак «лопух»; шөкмит/шөхмит — дегәнәк «репей»; шөкмит түз «репейник»; арыш тити «василек»; көймә тити «подорожник малый в цвету»; шәңкә тити/'/шәңгә чичкәсә//акпаш тити//күптермә тити «кувшинка»; кыйар тити — лит. каз үлене «гусяная лапка»; Ыыйар тичкә аткан чакта ата «Она расцветает тогда, когда цветут огурцы» (поэтому так названа); тырма чичкә «грабельник, цветок с синими и прямыми усиками»; канғырыу чичкә «колокольчик»; ыстукан чичкә «тюльпан»; дәржен — лит. билсән «осот»; дәгәнәк — лит. шайтан тайағы «гатарник, чертополох»; зәрәтә//зәрзә «снить»; черки: кара черки «душица, матрешка»; сары черки «зверобой»; кызыл аяк — лит. кына «хна»; Ғатифа жимеш «проскурняк»; колон тойак//үгәйнә «мать-имачеха»; күзгәлдәш/күзелдәш/күзле кадак «крапива глухая»; күлжифәк — лит. телмәрийән ебәге «улотрикс»; таш ыулығы//таш мүк «водоросль».

В названиях растений наряду с самобытными терминами говора наблюдается заимствования из русского и финно-угорских языков. Особенностью в названиях растений является то, что компонентами сложных терминов чаще выступает сравнительное слово бүре «волк»: бүре бороч, бүре жимеш, бүре кузғалак, бүре шымырт, тогда как в других говорах в подобных случаях участвуют и другие слова-сравнения: айыу «медведь», эт «собака», бесәй «кошка», ат «лошадь».

Животный мир

Терминология в названиях животных в гайнинском говоре мало отличаются от общебашкирских. Диалектизмы выражают видовые, возрастные и родовые понятия. Иногда отмечают семантические диалектизмы. Зафиксированы следующие слова: Ашкан сыир — лит. тешәу «корова-трехлетка»; Икене бызаулагас, ашканға чыға, сыир тешсез была «После двух отелов у коровы переходной год, у нее выпадают зубы»; башмак//башмак сыир — лит. тыуса «телка»; токмок//комолой — лит. тукал «комолая»; токмок сыир «комолая корова»; токмок кәзә «комолая коза»; сыир икәләнеү «наступление поры случки»; инәчкә/канчык «самка кошек, кошка»; әкәр//акар «самец, кот; кобель».

Названия детенышей домашних животных кроме лошади и коровы (көлөкөй «жеребенок», бозоу «теленок») преимущественно передаются сложным словом бала «детеныш» в сочетании с названием животного; балалау — лит. бәрәнләү «ягниться»; бала бәрән «ягненок»; кәзә бала//кәжә бәрән «козленок»; көчөк бала — лит. көсөк «щенок»: каз бала — лит. бәпкә «гусенок»; чебеш бала — лит. себеш «цыпленок».

Диалектизмы в названиях диких животных: болан//йоша — лит. мышы «лось», көйөк//кыр көйөк — лит. коралай «козуля», коно — лит. һеләүһен «рысь»; сурян. коно — то же; әнтәк//сукыр чычкан — лит. һуқыр сыскан «крот».

Диалектизмы в названиях птиц: эчәй — карчыға//чыпчык карчыға — лит. кыйғыр «ястреб-перепелятник или «сок-белогорлик»; озан — лит. кор «тетерев»; тат. озан, чув. асан — то же; кыр чебеш «тетерка»; кәзә кош//саз кәзә — лит. һарайын «бекас»; турғай//жәйелмә — лит. һабан турғайы «жаворонок»; черчек//т'әлт'еүет//бозуаткыч//селкетмә күт — лит. аксәпсек «трясогузка»; бабалаш/өкө — лит. өкө «филин»; пархылдак/барбылдык — лит. баркылдак «дрозд»; сирчык — лит. сыйырсык «скворец»; айрыкойрок «стриж»; чыпчык — лит. турғай «воробей»; жиләк чыпчык «крапивница»; йеркәй чыпчык «чиж», чебеш — лит. тауык «курица»; чепчеп//чебеш бала «цыпленок»; чебешләр үзләре ояһа йасап, күкәй сала, бала чығара «Журы сами делают гнездо, кладут яйца и выводят цыплят».

Пресмыкающиеся, насекомые: Бәхерниса/ләүшә//күлжәннек «лягушка»; мөлөк — лит. сүмесбаш «головастик»; бағыр жылан «медянка», орчок жылан «веретенница»; зөңгө «жало»; конйогор «ящерица», әждағы — лит. әждаһа «дракон»; кондоға//сағызак «оса»; дөңгөж/диңгеж — лит. иңкеш «шмель»; дыраж «черный шмель»; ыуак черки — лит. һуқыр себен «мошकारа»; суқыр күгәүен «слепень»; озур кәгәүн «большой слепень»; каты корт «жук», кояш корт «солдатики»; әпипапа «божья коровка»; айры корт «двухвостка», күбә корт «мокрица», сегезлин/сөгөзлин — лит. селәүсен «дождевой червь».

Рыболовство

По терминологии рыб и рыболовства гайнинский говор не отличается как от других башкирских говоров, так и литературного языка. Диалектные особенности проявляются в названиях мелких рыб местных водоемов и некоторых рыболовных снастей: балык бала//өнчүре//муляк//малижка — лит.

селбәрә «малек»; этмәй//карабай — лит. эт балығы «вьюнок»; бәймәт «вид мелкорослой рыбки»; утйуруш/этйороп/этйотош «ерш»; пискун//ташпаш «пескарь»; ком йылан — лит. йылан балык «угорь»; фәрзе — лит. бәрзе «хариус»; шөшлө//шүкә//чуртан — лит. суртан «щука», шөшлө бала «щуренок»; шартлатма — лит. балык кыуығы «пузырь рыбий»; ыуылдык//икра — лит. ыуылдырык «икра»; сөгин — средн. һүгән — лит. һеүән «быстринная морда»; шәкәнә//күкеликә//ляпыртма «поплавки на сети»; бөрөж — лит. һөймән «пешня»; ср. заказан. — атн. бөрөш — то же; шишта//гөмбөр — демск. гөмборзөк//гөмборзаткыс «ботало»; калкма//калкауғыч — лит. калкыуыс «поплавков на удочке»; чыракка төшөү «осенняя ловля спящих рыб с огнем», ср. лит. сыракка төшөү «ночная ловля спящих рыб с огнем острой».

Анатомия человека

Особенности в терминах анатомии также связаны с фонетической, лексико-семантической спецификой говора, хотя в говоре бытуют чрезвычайно самобытные диалектные термины. Примеры: буй «рост»; кәүдә «туловище, фигура»; баш сүәк, төбә сүәк «череп»; жилкә чүмеч «затылочная кость»; түбә үрмә — лит. урай «завиток на макушке»; клиш «перхоть»; моғалай «лоб»; битсүәк «1. скулы, 2. щеки»; чигә «виски»; йомок «родничок у новорожденного»; керпек «ресницы»; күзәк, күз таш «белки глаз»; күз кеше//нәнәй//күз кара «зрачок»; кәжә күз «серые бесцветные глаза»; чағыр күз «голубые глаза»; йаңак «1. челюсть, 2. подбородок»; иңәк «1. десны, 2. твердое небо»; теш: кабан или умырыгу теш «резцы»; ажау/азау/азыгу теш «клыки»; төп теш «коренные зубы»; борон «нос», танау «полость носа» (Куземьяр); саңарак «1. носоглотка, 2. мягкое небо».

Жаурын — лит. иң «плечи, ширина плеч»; жаурынбаш «плечо», уңәч//йәш үңәч «1. пищевод, 2. кадык»; корүңәч//катүңәч//быуырзак «гортань, горло»; беләк//терсәк «часть руки до локтя»; терсәкбаш «локоть»; беләк — лит. беләк «часть руки, от локтя до конца»; кул арка «наружная сторона руки»; уч төп «ладонь», баш бармак «большой палец»; кыр бармак «указательный» (Ольховка), урта бармак «средний палец»; чеңелек/чыңылык/чыкылик бармак «мизинец». Түш/мимей «груды женские»; эс-корамта/эс-куранты «внутренности»; беүер «почки»; карта//эчәк «кишки»; оло карта//калын эчәк «толстая кишка»; чечкә//ыуак карта «тонкая кишка»; токон эчәк «аппендикс»; берич — лит. биз «железа», ср. чув. пар — то же.

Арка сырт//арка суак//бағана «позвоночник»; Аркузэк жөлөк//йүлөк//песи йелек «спинной мозг»; койрок сүэк — лит. коймос «копчик»; бот сүэк «большая берцовая кость», тобок/тубык паш «коленная чашечка»; лит. тубык «колени»; аксағас/ахсағас — лит. бөгэр «подколенный сгиб»; жинчек/йенсек//сирак сүэк — лит. йенсек «голень»; орчок баш — лит. шайтан ашык «щиколотка», бабка/бобкы//бэбке «бабки»; папай уст. «ноги»; Эшлөп шулай булды папайлар «От работы ноги стали такими (больными)».

Названия болезней человека

Каста//сырхау//чир «болезнь»; средн. д. тат. яз. каста — то же; эч каста «болезнь желудка»; акма каста «воспаление и гноение щитовидной железы»; үпкә каста «болезнь желудка»; ауыл ара кизүү «грипп»; Ауыл ара кизүү йэбеште «Заразился гриппом»; жар алыу «гореть, быть в жару»; ауыз мәшкәләнеү «налет на языке»; кечеү — мишар, кечү «чесаться, зудеть»; кечеү//бөтчә ашау «чесотка»; бил өзөлү — дит. биртенеү «надорвать поясницу»; өзлик пылыу «заболеть вторично»; пүсер керевү «появление прыжи»; дөл — лит. һары һыу «жидкость, собирающаяся вокруг больного места»; йете йән «рахит»; күз йәшкәйеү — лит. бысылдау «мокнуть»; ср. кизил. йәшкәзәү «быть пасмурным, появление капель дождя»; колакай булыу «стать глухим»; сеңер тартыу — лит. тартышыу «судороги»; дәмә суқыр «слепой» — караидельск., юшатыр., средн., дәм һуқыр — то же; жиандаш/тейәнәк чир — лит. быума «припадки»; фараиз «паралич»; диуана//алмаша «сумасшедший»; алжу «мутнение разума»; суэл «мозоль»; йәш/жәш тимереү — лит. һуулы тимерәү «мокрый лишай»; клишлау «появление перхоти»; айыныу «поправиться»; такылайу — лит. тазаһыу «выздороветь»; жүнәү//такылайу — лит. юнәлеү «зажить, заживать»; бульнис/бульнич «больница».

Старинное народное лечение болезней сводилось большей частью к жертвоприношению, задабриванию злых духов, хозьев земли, воды: күрәзәкче «знахарь», кирәмәт тийеү — др. говоры йән калкыу «порча, болезнь психики»; ср. чув. киремет «злой, мстительный дух», демск. кирәмәт «порча», колон (< колан) корбаннык күтәртеү «дать приношение хозяину земли»; ср. лит. колан тазаһы «совершенно чистый»; хауана «хозяева земли, воды»; нәзер суйыу «жертвоприношение»; Жирдән кағылса, нәзер суйалар, канын сөртәләр жиргә «Если от земли заболевает, режут курицу, кровью поливают то место, где, якобы, пристала болезнь»; ширт салыу «зарезав курицу, зары-

вали в землю, когда болят суставы, поясница» и т. д. Раньше при застройке сарая, хлева, чтобы хозяин двора берег скотину, клали в горшок вареной конины, крупы, угля и пр., завязывали узлом и зарывали под какой-л. столб.

Хозяйственно-бытовая лексика

Хотя в старину гайнинцы преимущественно занимались разведением скота и даже выезжали на летовки, как ханты и манси, на что указывают русские историки-краеведы, хозяйство гайнинцев издавна было многоотраслевое. Они занимались бортничеством, рыболовством, охотой и др., чему способствовали также огромные лесные массивы. Освоение лесных массивов и оседание на гайнинских землях происходило по р. Тулве, Сылве и их притокам. Леса служили им также защитой от бед и опасности столкновения с колонизаторами и пр. Среди них распространена легенда о том, что о новых соседях они узнавали по щепкам, отходам деревьев, которые появлялись на воде. Лесное дело заключалось в заготовке и сплаве строительного леса по Каме (мулем ағызу). Собственные диалектизмы отмечаются во всех областях хозяйственно-бытовой лексики. Приведем наиболее самобытные, хотя часть из них возникла в связи с фонетической спецификой говора кортойа «бортъ»; кортара «пасека»; кортгубал «роевник»; корт кашык// созгоч «деревянный половник для роя»; амшаник/омшаник «погреб для пчел»; зөңгө «жалюль пчелы».

Корол «ружье», коралсап «ложе»; королторба «ствол»; бакыртма//пикулкы «свистулька»; чағылтыу «щелкать, стрелять»; сурат «чучело»; ылып «кошель из бересты»; Печицка//пучинка «хутор»; таксак/таскак «навес»; көрөндө «закуток в чулане для умывания и выливания помоев»; эжэтлек «уборная», баслык «лестница»; бөрөндөк «1. уст. крыльцо, 2. самая нижняя ступень крыльца, лежащая на земле»; элгәре/элгәр — лит. турбаш «женская часть дома, кухня»; балчык мич «печь, литая из глины»; мич кату/суғу «лить глиняную печь»; диңез/диңгез — лит. нигез «основа, фундамент дома, печи»; мич киртек — лит. сокалта «выступ, карниз печи». Камыткуранта «сбруя»; эрчәк//кәртағач «юглобля»; ср. касим. эрче зап. сиб. тат. арча «юглобля»; кәртә «изгородь»; кәртә биетү «делать изгородь»; тағын/таған//сәленсек «качели»; тағын тағыныу//сәленсек сәленеу «качаться на качелях»; такыл «струг, стружок»; такыллыу «стругать»; бойотоу «паять»; чалғы олоу «запаять косу, ставить на ручку», көрөк//күлчә «кольцо железное»; шеш/чеу «гвоздь деревянный»; шапкыч «тяпка», шелкеүеч «сеяльница» и др.

Старинные названия обработки конопли, льна и шерсти

Названия орудий и частей их, которые применяются при домашней обработке шерсти, льна, конопли, в основном совпадают с терминами башкирского языка и его говоров. При этом диалектная специфика часто проявляется в фонетических вариантах. Некоторые термины из этой области: урыс урын//урын «ткацкий станок»; тимершырт или каба тарақ «льнотрепалка»; үзэк «кудель, лучшее тонкое волокно»; чүбэк «грубое волокно, оставшееся после үзэк»; чүбәктән аркаулыг ирлейсен «Из чүбэк прядешь нить на уток»; тәрәбәс «очес»; колға «прялка»; ирләү — лит. иләү «прясть»; ишеү — лит. сиратыу «сучить»; крөс тайак//крөс бау//чыгыр «блоки»; жиле ағач «чины»; науай ағач «навой»; топорча «мотовило, дуплянка»; тәүәлдәрек — лит. тәбәлдәрек «педали»; жеп жөгөртөү «сделать основу»; түте «связанный жгутом конец основы»; үрәнәк «узор»; күбәләкләп күтәрәп или чүпләп суккан «браная ткань».

Лексика домашнего обихода

Йорт әрбире «домашняя утварь»; элгәре сике или мүгеш өстәл «кухонный шкаф»; сике казнау/казлау/сике кашаға «наличник нар»; ушабаш «деревянная подставка на печи»; жосом/йосом/йөсөмбаш «головешка»; кәштә «посудница; полка»; ырауда/ыруда «шест для подвешивания вещей»; сәли «колыбель»; ашйабыу «скатерть»; сөртөү «полотенце»; чиниак сөртөү «полотенце для посуды»; аш чеприк «тряпка»; эчке сөрөү/сеүер «наперник»; тышкы сөрөү/сеүер «наволочка»; шәптеркә «тряпичный палас», чуклы палас «половик из мелких кусков тряпок»; күнәк//тузчүмбәрә «туесок»; колоу «дужка ведра»; әйрән чапчак «деревянный сосуд для взбивания масла»; токоуыч «взбивалка»; таш алдыр/соскайак/жамиак/кытай алдыр «пиала»; камыр такта «доска для теста»; ат йалғаш «колода»; эт йалғаш «корытце для пиши собак»; чиниак табак «блюдец»; чокор «чашка»; парник «чайник фарфоровый»; чурнай «чайник чугунный»; йушкын/килым «накипь»; карға борон «коптилка»; ыс «сажа»; сөрөм «угар»; чима «спички».

Пицца: эрек «гворог», чөгөн бәләш «пирог с мясом, картофелем»; төплөкәй «большой пирог из творога»; он ботка — лит. боламык «жидкая каша из муки»; пос он «сеянка < пос «мелкий, хлопок»; эрпек «рассыпчатый»; кажыу «чистить, очищать»; чәй печин — лит. шама «остатки чая»; май басыу «взбивать масло»; чумыр «клецки»; кыуырлык «дрожжи»;

эрек тәкә/шәңгә/шаңга «ватрушка»; иләмтек «отруби»; сосла «сладкий напиток из ржаного солода».

Одежда: бота «тканый браный кушак»; пастау «сукно», бутафкан казаки «короткая верхняя одежда стариков»; тула бутафкан «суконный бутафкан»; чеп/чып «шерстяная пряжа»; чеп күлмәк «шерстяное платье»; күлмәк бөксә «грудная часть платья»; билләмә — лит. биллек «пояс платья»; үңер «1. вырез ворота, 2. разрез (лит. изеу) «планка-накладка ворота на груди»; үңер ачыу «сделать разрез»; өскө итәк/бөксәйтәк «широкая оборка на поясе»; миңгер «1. цветная накладка, 2. обруч на бочке, кадке»; миңгерле күлмәк «платье с накладками»; кәйтән «тесьма»; запун//алчеприк//алйапкыс «передник»; күкрәкчә «душегрейка»; бәлтәкә бүрек «шапка поярковая»; иләсә «варежки»; иләсә йары «кожаные варежки»; күзкөзгә «очки»; сырмык или чылдыр «старый, изношенный»; саур «тонкая отделочная кожа»; йәшел саурлы читек «ичиги с зеленой отделкой», ср. һауры ик-сакмар. «красная кожа из бычьей кожи»; калпак/калпак «колпак матерчатый для пожилых женщин»; укалы калпак «колпак, украшенный позументом»; тәңкәле калпак «колпак, украшенный монетами», аркалык «тяжелый накосник с тремя рядами монет и чулпы на конце»; ср. кизил. каралык «косоплетка»; Аркалыкны жиын-желпегә тағасың «Аркалык надевается на праздники»; тамак буйынса//муинтәңкә/элмизеу «нашейник из монет», на бархатную основу нашиваются монеты и надеваются на шею; йака чылбыр «ожерелье из монет»; куза/кузай «продолговатые полые бусы»; кашлы энәлек «брошь с камнем»; тәңкә энәлек «брошь из монет»; читкертмә/читкетмә «кнопка».

Семантические диалектизмы

В отличие от остальных северо-западных говоров и башкирского языка в целом, в гайнинском говоре бытует большое количество семантических диалектизмов, которые составляют одну из характерных диалектных особенностей говора.

Объяснить возникновение и развитие семантических диалектизмов в говоре не всегда удается. Часть семантических диалектизмов по значению связаны с региональными, а также с отдаленными тюркскими языками. Так, одни диалектизмы по значению совпадают с фактами чувашского языка.

Йаңак 1. лит. и говор «челюсть», 2. говор: «подбородок», чув. янах «1. челюсть, 2. подбородок» (Егоров, ЭСЧЯ, 1964, с. 353); иңәк «десна; твердое небо»; узб. хорезм, әңәк/аңгак (Узб. диал. словарь. 1971, с. 31), уйг. әңәк/иңәк, туркм. еңек, тур. ене, анак «подбородок» (Севортян, ЭСТЯ, 1974, с. 284 — 286).

Гайнинский диалектизм иңэк по значению полностью совпадает с венгерским словом, а в других значениях бытует в других угорских языках: венг. инь, эңь, «десна, небо», хант. аңен/аңэн «подбородок» (Рясянен, 1955, с. 172).

Сыр «краска», сырлау «красить», в чув. сӑр, сӑра, ног., к. калп., каз., узб., сиб., тат., алт., хак., сыр «краска». Это значение характерно в основном для чувашского и кыпчакских языков, в огузских же языках оно употребляется в значении «глазурь, эмаль, лак, резьба»; в башк. һыр и тат. сыр «резьба, строчная вышивка».

Үңер «вырез ворота рубахи спереди», үңер ачыу «делать разрез ворота спереди», ср. тат. үңер «воротник у рубахи» (Будагов, 1869, т. 1, с. 150); кирг. өңөр «вышивка на груди женской рубахи» (Юдахин, 1964, с. 596); к. калп. өңир «нагрудная часть одежды». В башкирском языке это слово сохранило древнее, первичное значение: башк. үңер «шейная впадина, яма спереди в центре двух ключиц»; умрау «ключица», чув. ум «грудь, нагрудная часть одежды» (Севортян, 1974, с. 533).

Бирнә «свадебный подарок жениха и невесты родителям и родственникам друг друга». В литературном языке и говорах южного диалекта бирнә/биренә/бирәнә «подарок невесты родителям и родственникам жениха». Из других тюркских языков только тат. бирнә и чув. парне по значению совпадают с башкирским языком. В караимском берне «подарок» (КРПС, 1975, с. 113).

Берич — лит. биз «железа». Диалектизм берич по фонетической структуре сближается с башкирским бирс «затверждение, уплотнение» и с чувашским пӑр в том же значении; в других тюркских языках без, бәз, биз.

Кыйак печин/усука «осока», тат. кыяк, кыяк үлән, чув. хайак — то же.

Часть семантических диалектизмов говора находит соответствия в говорах восточного и южного диалектов: Алмизеү «ожерелье из монет»; ик-сакмар. алмизеү «нагрудник из монет». Аркыры 1. лит. и говор «поперечный»; 2. говор и южный д. «упрямый, своевольный». Ашлык 1. лит. и говор «хлеба», 2. говор «рожь»; ср. аргаяш., миас. аштык «ячмень». Балчык — лит. тупрак «почва, земля»; Балчык тузаңға эйләнгән «земля превратилась в пыль»; ик-сакмар. балсык — то же; лит. балсык «глина». Дәгәнәк 1. «колючка, шип, терн», дәгәнәкле ағач «дерево с колючками», 2. «репей», 3. «чертополох»; аргаяш. сальют., миас., — то же; лит. дегәнәк «репей». Игәт «скот, выделяемый при отделении молодой семьи»; восточн. д., средн. г. «скот, выделенный для невесты». Көйөү — лит. асуулану, тиргәү «сердиться, ругать»; Көймә, йәме? Не сердись, ладно?;

ик-сакмар., аргаяш., кизил., миас. — то же; лит. көйөү 1. «подгорать 2. горевать, переживать»; Ороноу — лит. тейеу «трогать, задевать»; Оронма! «Не трогай»; ик-сакмар. кизил. — то же. Сесе — лит. каты, нык «крепкий, выносливый»; в говорах южного и восточного диалекта һере «жесткий, выносливый, высокомерный»; Төссөз — лит. йәмһез «некрасивый», средн. төһөз — то же; лит. төһөз «бесцветный». Шалтырау — лит. шаулау «шуметь»; чебешләр шалтырый «куры шумят»; Шалтырама! «Не шуми!»; средн. шалтырау — то же; лит. шалтырау «греметь, звякать, дребезжать; лязгать». Үткән — лит. үткер, усал «злой, бойкий, смелый»; Үткен песи кәрәгей «Надо бы злую кошку»; кизил. үткен — то же. чебеш — лит. тауык «курица»; айск. себеш, шебеш — то же; лит. себеш «цыпленок», чәйнәү — лит. тешләү «кусать»; чебен чәйней «Мухи кусают»; Көчөк чәйнәде «Собака укусила»; северо-восточн. г. сәйнәү — то же; лит. сәйнәү «жевать», чукуу 1. лит. и говор «клюнуть, стукнуть клювом, 2. говор ужалить»; Йылан чукуды «Змея ужалила»; ср. караид. сукыу — то же.

В говоре многие слова кроме литературного имеют и дополнительное диалектное значение, что создает диалектную полисемию внутри говора. Примеры с диалектными значениями: Беләк 1. часть руки от локтя до конца; 2. кисть; Урлашса, беләген кисеп алалар икә «Если ворует, то отрезают кисть, оказывается». Басуу — лит. сигеу «тамбурная вышивка»; лит. баһыу «наступать; давить» и др. зн. басыныу — лит. сигенеу «заниматься тамбурной вышивкой»; Дамбур энә белә киргечкә киереп бастым «Вышивала тамбурной иглой на пальцах». Аймак 1. «много, множество, 2. лит. и говор «большая родовая семья; родовое подразделение». Изүү «бить», лит. «мять, месить» и др.; Күгәртеп изәләр «До синяков избивают». Илереу 1. лит. говор «ходить во сне, лунатизм. 2. говор «потерять голову». Иске «старинный, древний»; лит. «старый, ветхий» и др. зн. иске йазу «старинная рукопись»; Бу иске, бетнәй иске «Это старинное, вовсе древнее». Иаға/йаҗа 1. «нашейник из монет»; 2. лит. йаға «воротник». Иәбешеу 1. «взяться 2. пристать»; Уланнарны ышкулға әзерләмәгә йәбешмә кирәк «Надо взяться за подготовку детей в школу»; Кизүү йәбеште — лит. йөкто «Грипп пристал», Күн — лит. тире «живая кожа»; Ите беле күне былса житә «Была бы только кожа да кости». Сағыз «1. живица, древесная смола 2. прополис, лит. һағыз «сера жевательная». Сәке: тар сәке «скамья»; киң сәке «нары»; әлгәр сәке «буфет». Талашуу «драться». В литературном языке слово талашыу в значении драться употребляется лишь по отношению к животным: эт талаша «собаки дерутся, грызутся». Талау — лит. көсләү «применять силу»; Талап бирделәр «На-

сильно отдали». Төп «род»; Төбөң кайсы «Откуда родом?»; Төбө беле үлде «Весь род вымер».

Диалектная полисемия слов в говоре развивается и за счет использования возникающих диалектных синонимов, в результате чего происходит смысловая дифференциация и закрепление за отдельными синонимами новых значений или же расщепление значений по частям предмета: козок «прорубь», койо/кой «колодец»; борон «нос», танау «полость носа»; дэгәнәк/дегәнәк «куст шиповника», отпорон «плод шиповника»; калак «ложка», кашык «половник»; күбә «вальки сена», чүмәлә «копна»; чурнай «чайник», кумған «умывальник»; түмгәк «кочка», тумар «чурбан», түзлек «пень»; түз «корень, основание дерева»; в других говорах тумар «кочка», түңгәк «пень», түззек «сухой пеня» (Словарь башк. гов. т. 1, с. 227, 230, 231, т. 2, с. 261, 266).

Иногда в говоре общеизвестные слова отсутствуют, но значения их передаются другими словами, близкими к первым по значению, или заимствованиями: кымыз/кымызпечин/ачы кымызлык — лит. кагы «свербига полевая»; табын — лит. өйкөм, өйер, көтөү «группа, табун, стая»; Балык пала табыны бели жөрөй «Мальки плавают табунами»; Бер табын кызлар «целая группа девушек»; Алар табыны беле калды. Их осталось много; ср. караид. табын «табун»; пастук — лит. көтөү «стадо»; пастуклар керә «стада заходят»; йәшер/йәшерен ашаған «ящуром заболел».

В некоторых словах в говоре наблюдается бытование одного из многих значений. Названия отмечаются в одном основном или производном значениях: жиләк «земляника», шартлама «клубника»; киндер «полотно ручного тканья», тарма «конопля»: тарморлок — лит. киндер орлого «семя конопляное»; лит. киндер «конопля»; күнәк «берестяной туесок», бидрә «ведро»; карындаш — лит. туған «единоутробный, родной»; корол — лит. мылтык «ружье», лит. корал «оружие» и др.

Отдельные слова, наоборот, в говоре получили дальнейшее семантическое развитие и приобрели многозначность: тыныгу 1. лит. тынысланыу «успокоиться», 2. лит. ял итеу «отдыхать»; тыныг ала торған йер «место отдыха, дом отдыха»; түз соответствует лит. 1) тамыр, зат «корень, род»; 2) төп «дно, основание»; 3) һап «ручка»; йапрак түзе — лит. миндек һабы «ручка веника»; кәбестә түз «кочан капусты»; самауар түз «дно самовара», борон түз «переносица»; жилкә түз — лит. йелкә төбө «подзатылок», итәк түз «задняя часть подола»; 4) лит. тамак «устье»; Толтүз «устье Тулвы», ср. Толтор/Тонтор «Усть-Толтор» — ойконим у устья р. Башап, которая вливается в Тулву. Здесь можно отметить явление ротацизма түз — тор.

В чувашском языке слово тур дает противоположное значение «верховой, верхний», а диал. ҫырма тарри «верховье реки» (ЧРС, 1961, с. 404).

Диалектная омонимия

Лексическое своеобразие и специфические особенности фонетики обусловили возникновение диалектной омонимии. Так, форма говора кӧндӧк «пупок» по структуре совпадает с формой восточного диалекта кӧндӧк «рассчитанный на день, дневной». Таңғырыу/конгороу «колокольчик» по фонетической структуре совпадают с литературным таңғырыу «отупеть». Или умырыу в м. лит. умырау совпадает с лит. умырыу «откусить, отхватить зубами»; Азы (теш) совпадает с лит. азы «испортиться, развратиться» и т. д.

Диалектную омонимию необходимо рассматривать в двух аспектах:

1. Диалектные омонимы, возникшие на диалектном материале говора и бытующие внутри говора. Один из пары является диалектизмом говора, а другой может быть характерным для литературного языка или известным для других говоров: Айырыкойрок I «стриж», II «двуххвостка ухвертка». Аркалык I «накосник, обшитый серебряными монетами и подвесками на конце», II «чересседельник». Кӧртлӧк I «кураца-наседка, квохта», II «куропатка». Как I лит. кангак, туңгак «заморозки»; көзгә как «осенние заморозки», II «жесткий, голый»; как жир «голая земля»; Как идӧндӧ йата «На жестком полу лежит». Корот I айран, кислое молоко, разбавленное водой», II «крут, сушеный сыр». Нӧнӧй I «зрачок», II «кукла»; Оргоу I «прыгать», II «плодиться, размножаться». Сӧртӧ I «полотенце», II «вытирать»; черки I «мошкara», II черки: кара черки «душица»; сары черки «зверобой»; Эсселеу: I ат эсселеу «запариться (о лошади)»; II «выбирать пищу во время беременности»; тӧкӧ I «пирог, пирожки»; II «баран».

2. Диалектизмы говора выступают омонимами лишь по отношению к литературному языку или другим говорам. Жиыштырыу I готовить «приданое»; Кейеуӧгӧ китсӧң, сиӧ жиыштырыбыз «Будешь выходить замуж, тебе приготовим приданое», II лит. йыйыштырыу «убраться»; Катмар I «слой земли на потолке, наружная сторона потолка», II ик-сакмар. «оборка». Катмыш I говор «разиня, ротозей», II демск. «грязнуля». Корамыш I говор «игривый, озорной», II миас. «составленный из лоскутков». Лапас I говор «ловушка для куницы»; кӧртӧ лапас «ловушка для глухаря», II лит. «навес»; Мыжгу I говор

«ворчать, быть мелочным, ворчливым», II лит. «кишеть»; Сөргөн/ сөргөнчө I говор «метелица», II лит. һөргөн «ссылка», һөргөнсө «ссылный». Сын ғатыу I говор «остолбенеть», II лит. һен катыу «закатываться от смеха»; Такыйа I говор «вертушка, непоседа»; ср. говор такауыч «мешалка», II лит. тафья, «женская тубетейка, украшенная бисером и монетами». Эйдереу I говор «ходить по пятам, следом», II лит. эйзереу «подпустить теленка к корове, чтобы спустила молоко». Элгәре I говор «женская часть дома, кухня», II лит. «раньше». Энәлек I говор «брошь», II кизил., сакмар., средн. «боярышник».

Фразеологизмы

Лексико-семантическая специфика говора отражается и в местных фразеологизмах. Так, например, литературный фразеологизм айыу майы һөртөу «незаметно стащить, украсть», в говоре не имеет фразеологического значения, употребляется в прямом, более древнем, обрядовом значении: Айу май сөртмә кәрәк «Надо смазать медвежьим салом» — зложелание, когда медвежьим салом мазали чужие ворота, сарай, желая отпугнуть хозяина скота, чтобы скот не умножился.

Некоторые фразеологизмы отличаются от литературного языка также и семантически, например: тән тартылыу лит. «чувствовать физическое отвращение», говор «стесняться»; үч булыу лит. «чувствовать ненависть», говор «быть жадным, не удовлетворяться, не насыщаться».

В говоре бытуют фразеологические сочетания, которые составляют диалектную специфику говора. Приведем некоторые фразеологизмы, компоненты которых по значению не связаны с общим смыслом фразеологизма: дархан йату «бездельничать, быть довольным от ничегонеделания». Исторически слово тархан означает «привилегированная, свободная от податей часть башкирской знати». В этнической истории гайнинцев известно второе название их (тархан), а в истории Пермского края гайнинцев русские называли «князьями, владельцами земли».

Интегеһ менеу «ошалеть, дойти до предела»; йән карайу «ненавидеть»; карадан караға чыгу (киту) «распространиться, стать известным народу»; < древнетюркск. кара «масса, толпа, простой люд, чернь, подданные правителя, народные массы, народ» (ДТС-423); кызыл ылыс «красная хвоя», т. е. «вспыльчивый»; Кызыл ылыс кый, тиз генә котора да китә «Вспыльчивый же, очень быстро выходит из себя»; саңарак кату — лит. тамак катыу «сильная жажда»; сын катыу —

лит. шак катыу «остолбенеть»; Сының катыб утырма «Приди в себя»; фарман тузыу — лит. пыр тузыу «быть в полном беспорядке, расстройстве»; эшкәрә булыу «поделом», Эшкәрә былған! «Так и надо».

Здесь же можно рассматривать группу устойчивых словосочетаний, компоненты которых взаимно не обусловлены, лексико-грамматическая связь между ними не мотивирована. В целом, исходя из смысла одного из компонентов словосочетания дает новое значение, не связанное со значением словосочетания: жомғак жибереу — лит. йомак өйөү «загадывать загадку», досл. «пустить клубок»; йаман чығыу — лит. үтләү «несварение желудка от переедания»; досл. «плохое возникнуть»; ачы су килеу «изжога» досл. «появление горькой воды»; күкрәк айырылыу досл. «расхождение груди» — лит. үзәк көйөү «изжога»; күк чатлау — досл. «раскалывание неба» — лит. күк күкрәү «гром греметь»; күңел алжыу «сердце мутиться», күңел уйнаклау «сердце играть» — лит. бүгеү «переест»; кәртә биетү — лит. кәртә тотуу «делать изгородь из жердей», досл. «заставить плясать жерди», кәртә уйнау — лит. һазағай «зарница»; каз итеү//каз-каз тороу «впервые встать на ножки»; карабашка ғына жөрөтөү «содержать как прислугу», ср. древнетюркс. карабаш «раб, слуга» (ДТС-423); кайрак төшөү — лит. бысый булуй «быть сырым, водянистым, как сырое тесто (о хлебе)»; талап биреу — лит. көсләп биреу «отдать силой, насильно»; сөс басуу — лит. серем итеү «задремать» ср. лит. сөсә йоко «сладкий сон».

В говоре отмечаются устойчивые словосочетания и пословицы, связанные с пережитками старых языческих и религиозных обрядов: колонкорбанник (< колан корбанник?) күтәртүү «приносить дар хозяину земли и вод — хауана»; нәзер суйыу «жертвоприношение свежей кровью скотины или птицы»; жирдән кағылыу «заболеть от земли», т. е. «хозяин земли наказывает»; кирәмәт тейеу «приносить вред, делать зло, портить настроение»; кәбен укытыу «венчание по мусульманскому обычаю» и др.

Күрше кеше — бүре теше «сосед — волчий зуб»; Кеше баласы — бүре баласы, бүреккә салып асрасан да берекмәс «чужой ребенок — волчонок, все равно не привьется, если даже выкормишь в шапке»; Жылыга жылан эйәрә «И змея идет к теплу».

Таким образом, гайнинский говор историческими корнями связан с башкирским народным языком и его говорами. Так, в области фонетики отмечаются следующие особенности, общие с башкирским языком. Употребление широкого гласного э в м. и татарского языка (кәмә «лодка», кәрәк «надобность»,

кэләп «мотовило», кәбән «стог», кәштә «полка висячая» и др.); действие губной гармонии в пределах трех, четырех слогов и более, явление делабиализации татарских губных у, ү в определенном круге слов (сыу «вода», кыу — «гнать», тыуған «родной», кыуыш «шалаш» и др.); явление протезы ыуак 'мелкий'; ычык «роса», эрэхәт «благодать», ырызых «пища»).

В консонантизме фонема б употребляется в начале таких местоимений, как бул/был «этот», быны «этого», бында «здесь», а также вместо глухого п в заимствованиях батырун «патрон», бачпорт «паспорт», кербис «кирпич».

Наблюдается употребление глухого п в инлауте в таких позициях, как сепереү/сыпырыу «мести», сепертке «метла», йапрак «лист», тупрак «почва», керпек «ресница», кортпаш «раковина ужомки», сарык пәрән «ягненок». И, наоборот, согласные к, к озвончаются в интервокальной позиции и в сочетании с сонорными и звонкими (мәстә гәрәк? «что надо», казлар ғайтты «гуси вернулись») — все эти особенности говора совпадают с орфоэпической нормой литературного языка.

В области грамматики говор проявляет много общих черт с говорами башкирского языка, с которыми гайнинский говор входил в исторический контакт. В таких древних и устойчивых классах слов, как наречие (кәлдә/кәллә — айск. демск. кизил., кубалаяк. кәнде средн. кәнте «точно, истинно», угата/ууата, ғәләмәт «очень, чрезмерно, слишком», имәнес «страшно», отора (айск. кизил. сакмар. салъят.) «еще больше», дан (северо-восточн. говоры), әүәле (восточн. д.) «раньше», а также в служебных словах и междометиях (алы — аргаяш. ылы «ой», аба — удивление, жим май — северо-восточн. шим май «чистое, ядреное масло»); гайнинский говор отражает особенности говоров восточного диалекта.

По активному употреблению форм существительных на ма-, лама- и инфинитива -маға, а также отдельных форм наречий (бөгәсә «сегодня ночью», йазымдан тайым «нечаянно», кәлдә/кәллә «точно, истинно» и др.) говор имеет единство со средним говором южного диалекта. Формы глагола будущего времени (барым/барымын «пойду», барысың «пойдешь», и сложные глаголы типа апчык — «вынести», апар — «понести», әпкер — «внести», әпкел — «принести», а также служебные слова как кеүек, сымак, төслә, шикелле, «как, подобно»), отражают особенности башкирского народного языка. Наиболее ярко проявляется общность гайнинского говора с башкирским языком и его говорами в области лексики (см. об этом подробнее на с. 264 — 282).

Образцы текстов

Гәйнә халкы кайан килеп чыккан?

Казанға хәдәре Болгар ханлығы була. Болгар ханлығында өч туған, өч брат былған. Берсе тороп қалған, икесе Идел буйлап чығып киткән. Толтүздә туктап. Шуны Тол беле китмә кәрәк, тиләр. Икесе дә укчы былған. Йәннек атып, йәннек ашап көн иткәннәр. Тауауылға қаршы Әрәмауыл бар. Шул турыға килеп урнашканнар. Анартабасоң берсе Тол беле йуғары таба китмәгә була. Ул була Гәйнеттин. Икенчесе туктаан йердә қалмаға итә. Бығысы Әрмәншә баба була. Булар икесе дә ишле булған, бичәләре беле былған. Гәйнеттин аға китә йуғары таба. Толбашта Таныб ауыл бар. Гәйнеттин шунда туктый, көн итә. Ул ныклы укчы була. Тол буйлап ағачалама аға башлый. Әрманша уйлый: Әһә, Гәйнеттин әле исән икә, эзләре килә. Күрәсе килеп йул чыкмаа эзерләнмә йәбешә. Китә Тол буйлап Әрмәншә ағай. Танып йердә очраштылар, таныштылар. Шундан қала Танып сүзе. Әрмәншә кайта боролоп үз сырағына. Гәйнеттин баба орғаған. Әле үзенеке эшне дауам итә. Тиреләр, күннәр эшлей. Күнгур йағына алыш-биреш итә. Кунгурныкы патша Чердында була.

— Патшасы кем икә бу илнеке? Шу патшаны күрмәгә кәрәгей, — бу қарчығына сүлей. Гәйнеттин баба үтә укымышлы, нишан аллаға бирелгән кеше. Бу патшаға бармаа булды. Бүләкләр алпармаа кәрәк, қый. Бүләг итеп чырак йарыбапкитә. Айдан-қойаштан эз алып, айлар, йыллар китеп, Чырдынны эзләп таба. Бу андағы кешеләргә ушамый. Ма', патшаға кертмәделәр! Бу барды, тапты патшаныкы йортно. Кертмәйләр!

— Барың, сураң! Мине кертсен! Бүләк алпқилдем патшаға. Патша рөхсәт бирә. Кертәләр. Ул патшаға исәннәшә.

— Бүләккә мин чырағ алпқилдем. Сез йерләргә хужа икә. Без сезнеке йердә йәшәйбез икә. Иерләрегез күбикә. Безгә тормаа йер бирең.

— Биребез. Сезнеке ниндей кәсебең бар, йергә торошло?

— Без укчы, йәннег атабыз.

— Йарар. Шушы алтын балдағ аша үткәзсәң, безнеке булырсың. Мәжлес йасыйлар. Гәйнеттин балдақка ата, ук тигән. Мыны зурлуйлар. Йер бирмәгә решенйә чығаралар, засиданйе белен.

— Кайа торасың? — Толтүздә торабыз.

— Тулваға йарып төшкән йылғалар башынап алып жирләрне алың, — тей патша. Бу жирләр Гайнинский участык, Гәйнеттин бабайдан орғаған халык, гәйнә халкының була. Шушпыдан қалған гәйнә аты.

Былар башкыртлар. Тейака киткөс, Уфа башкыртлар. Эрманша балыкчы иде. Эрмән ауылы иде буныкы торған ауыл. Бер уахытны Эрманша бабай балык тотканда суға баты, карчык сыктай, жылғаға барып карғана:

— Мине тол калдырдың, син дә тол булып кал! — тип карғый. Шул чактан мыңкы йылғаныкы исеме ғүмергә Тол булып кала. Эрмәншә бабай беле Ғәйнәттин бабайға карилар аят укып тормаа тиеш. Бу жирләргә Усыныкы урыслар көчләшеп тартышып килеп кергән, башкыртны, татарны куған. Олата тауда урлары бар. Бәкин тауда түже урлар бар. Калатаулар Акпашта төшлөктә дә бар.

Записано в 1975 г. от *Шамгунова Башара Рахимовича*, 1899 г. рожд., грамотн., жителя д. Кудашева Бардинского района Пермской области.

Башколтай (Кече Мүл) ауылы

Безне башкырт тип йөрткәннәр. Элек үзләренең былған йерләре. Ырыу, кәбилә ишелмәй ансы.

— Был ауылға нисә йылдар була?

— Майтак кына, өч йөз йыллар была. Жирләре күп былған башкыртныкы. Шуңа аларны кенәз (тархан) тип йөрөткәннәр урыслар.

Исеме кайзан килә?

— Калтай дигән кеше былған. Аның ике улы была. Оло мулла, Кече мулла. Безнеке ауыл элке исеме Кече Мүл. Кайаныва тигән аул бар, йырак түүл мынан. Аны Оло Мүл дип йөрткәннәр. Калтай дигән аулда Калтай үзе торған. Сәвит былғач, без Башкырт Култай, ә тегесе Урыс Колтай булып китте. Безең аул башлап утырған Изел (Кама) буйында, Нижний Мулда. Без татар түүл, башкырт, нәстәйәшши башкырт.

— Ә татарзар булдымы?

— Былды. Казаннан килгеләделәр, тегүче, киезтек басучы. Аулда жәуерләр: куйан жәуере, дүсмит жәуере. Аулныкы тамғалар: кәләп (◡), сәнәк (∨), күлсә (○). Айыу Ғафур күп пелә, аңа кереп чыкмаға йарый. Безең бабайлар элег әйткән: «Мында дәжал килмәс, болғар йакын тигән. Шошпо йердә торма кушканнар. Без Нирем холкы кебег әйтмейбәз. Каты, жаматай сүләшәбәз, башкорт теле беле сүләшәбәз».

Записано в 1975 г. от *Сейдашева Амира*, 1988 г. рожд., грамотного, из д. Башкултаево Пермского р-на Пермской обл.

Основные выводы исследования

Язык северо-западных башкир в своей основе сохраняет общность с башкирским языком в целом и его контактирующими говорами и выступает неотъемлемой частью единого целого — башкирского народно-разговорного языка в качестве его самостоятельного северо-западного диалекта.

Диалектные особенности северо-западного диалекта, общие с башкирским литературным языком, бытуют и в области фонетики, и в области грамматики, и особенно — в лексике.

Приведем некоторые наиболее характерные из них.

В системе гласных выступают широкие дифтонгические звуко сочетания -ай/-эй, характерные и для литературного языка и для всех башкирских говоров: алай «так»; былай «вот так»; бармай «не идет»; килмэй «не приходит»; алдай «обманывает»; алайык «возьмем-ка»; жиңэй/йеңэй «сноха, невестка».

Параллельное, а в некоторых говорах и преимущественное, употребление в определенной группе слов широкого звука ә, совпадающего с таковыми древнетюркского языка, также является общей чертой с литературным языком: кәм «не достает, мало»; кәртә «жердь, изгородь»; кәрәк «надо»; кәштә «шест, полка из узкой доски»; кәбән «стог»; кәмә «лодка»; кәләп «мотушка»; кәбәк «мякина, отруби»; нәмә/нимә «что».

Как в литературном языке действует закон губной гармонии, который распространяется на трехложные и многосложные слова: бөгөн «сегодня», болоннок йерләр «пойменные земли»; королок «засуха»; бөтөнөбөз «все мы»; тотонгоз «берите»; токонобоз «наш хлев».

В группе слов наблюдается монофтонгизация дифтонгических звуко сочетаний ой/өй, ый/ей, ыу/еу у/ү, что является характерным и для говоров восточного диалекта башкирского языка: сүләү «говорить»; сүрәү «волочить»; үрә «крупяной суп»; үрәнеү «учиться», «иметь навык»; түмә «бусы»; кимак «ладья»; тинаклык «скромность»; күк/күек «как, подобно, с».

В системе согласных главной диалектной чертой северо-западного диалекта является, как и во всем башкирском языке и его говорах, употребление звонкого межзубного звука ҙ, который выступает вместо общетюркского и татарского з, д: Без үзебез Базы буйы, шуңа шулай сүләйбез «Мы сами Базинские, поэтому так разговариваем», Җызыл бызауыбыз кайтмазы, кый! «Наш красный теленок не вернулся ведь!»

Наибольшую активность фонема ҙ имеет в нижнебельском и караидельском говорах, где он выступает и вместо башкирского з (Зәки, Зәйнәп — антропонимы). В таныпском и гайнин-

ском говорах фонема з спорадически появляется в середине слова, в интервокальном и других позициях.

Характерной диалектной особенностью говоров северо-западного диалекта является употребление татарского и общетюркского с вместо спиранта h и глухого интердентального ç башкирского языка: син «ты», сез «вы», саут «посуда», суғыш «война», сыйыр «корова», ас «нижний».

Спирант h не был характерен для северо-западного диалектного ареала и не употреблялся искони, поскольку здесь вместо h в собственно башкирских словах в прошлом регулярно функционировал интердентальный (межзубный) звук ç (сыу «вода», асаба «вотчинник», томса «тупой, отсталый», палас «палас»), а в арабско-персидских заимствованиях спирант h регулярно вытесняется, опускается, иногда может быть заменен звуком x : аман — лит. һаман «все еще», уш — лит. һуш «память, сознание», хәләк — лит. һәләк «гибель», подобно соседнему демскому говору южного диалекта башкирского языка, в котором также вместо h систематически выступает глухой интердентальный ç : сусар «куница», сиксән «восемьдесят», сусәрелеу «распуститься (о волокне)».

В этом одна из главных диалектных особенностей, объединяющих демский говор с говорами северо-западного диалекта.

Диалектный материал позволяет сделать вывод о том, что демский говор вместе с нижнебельско-ыкским и караидельским в прошлом составлял единый ареал ç — диалекта башкирского языка.

Звук с башкирского языка, выступающий вместо татарского и общетюркского ç , систематически употребляется в караидельском, факультативно — в таныпском и гайнинском и в определенных формах — в нижнебельском говорах. Таныпский и гайнинский звук с в отличие от литературного и других говоров является очень мягким, более свистящим и напоминает произношение чувашского ç ($\text{ç}'$). Примеры: этәс' — тат. этәч «петух» — дапное слово по всему региону бытует в такой форме, с'эй — тат. чәй «чай»; с'ебен «муха»; с'ак «время, пора»; с'үмес «ковшик, половник» и др.

В области грамматики в северо-западных говорах, как и в говорах восточного диалекта, употребляется форма повелительного наклонения на $-\text{ң}$, $-\text{ың}/-\text{ең}$ параллельно с формами $-\text{ғыз}/-\text{гез}$, $-\text{ығыз}/-\text{егез}$: алың «возьмите», китең «уходите».

Формы настоящего времени мн. числа 2 лица, кроме татарской формы на $-\text{сыз}/-\text{сез}$, параллельно имеют и башкирскую форму на $-\text{сығыз}/-\text{сығыз}$: Кайа барасығыз? «Куда идете?», Китәсегезме? «Уходите?», Саумысығыз! «Здравствуйте!»

Наряду с формой на -ганейе/-гәнейе прошедшего очевидно-го времени употребляются и башкирские формы на -гайны/-гәйне и -гайзы/-гәйзе: Танып ариякка киткәйнеләр «Ушли за Танып».

Основу словарного состава северо-западных говоров составляет общешкирская лексика. Именно в лексике наиболее ярко проявляется неотделимая близость и родство северо-западных говоров с башкирским языком и его остальными говорами.

Общешкирская лексика зафиксирована во всех тематических классах, как термины родства, названия растений (карагай «сосна», карагат «смородина», комалак «хмель», кечерткән «крапива»); термины рыболовства и рыб (ажау «голавль», бәрзе «хариус», опто «язь», салдау «острога»); названия птиц (алатоба «дикий голубь», кәкүк «кукушка», еке «сова» и др.); термины анатомии (бығын «ложные ребра», танау «нос», тубык «колени», ченчек «голень», яуырын «плечо» и др.); в этнографических терминах (көпө//сырма «пальто стеганое», кушйаулык «женское покрывало из двух французских платков», муйынса, әмәйлек «ожерелья из монет», йастык «подушка», табак «большая чаша», как «пастила», тозлок «навар на бульоне» и др.).

Северо-западный диалект имеет лексический пласт, единый с говорами восточного диалекта. В ареал распространения восточной диалектной лексики входит вся северная зона. Примеры: тарма «конопля», токон «хлев», көчөк «собака», туш/тыуыш «наледь», сүреү «наперник», балдыс «1. свояченица, младшая сестра жены, 2. шурина, младший брат жены», түтәй «старшая сестра», мәшкә «гриб», казнак «наличник нар», тәйән «постоянно» и мн. др. Об этом свидетельствуют также и восточные формы слов, сохранившиеся в топонимии северо-западных говоров (Быргындыбаш, Эштәнде/Ыштанды, Әсәүзәбаш, Юғары Сәрзек и др.).

Лексические изголосоы, общие с говорами южного диалекта, выявляют однотипность, в первую очередь, с демским и средним говорами: аса «иней на деревьях», әтәмбәй арыш «рожь-сеяница дикая», аурсын «цынга, ящур», серзе «мальки рыб», күсембей/күсмәкүс «божья коровка», айрыккойрок «уховертка», карзы «хлев», фарса/барса «узор на ткани», какай торуу «впервые встать на ножки».

В соответствии с ранее проведенными историко-этнографическими и диалектологическими исследованиями, а также на основе собранных полевых материалов, в северо-западном диалектном ареале нами выделяются следующие территориальные говоры: караидельский, таныпский, нижнебельско-ыкский и гайнинский. Указанные говоры имеют целый ряд диалект-

ных черт, общих для всего региона и противостоящих как башкирскому, так и татарскому языкам. Каждый из этих говоров обладает комплексом диалектных особенностей, выделяющих их в самостоятельный говор, основным классификационным критерием которых выступают фонетические и лексические черты.

Монографическое исследование подтвердило, что язык башкирского населения северо-западной Башкирии является третьим северо-западным диалектом башкирского языка, взаимодействующий с говорами татарского и финноугорских языков, носители последних владеют местным диалектным языком, и между собой общаются на этом диалекте.

Язык же татарского населения северо-западной Башкирии, привлеченный нами для сравнения и изучаемый татарскими диалектологами в отрыве от местной языковой ситуации, также должен быть квалифицирован как смешанные татарские говоры, несущие в себе диалектные особенности не только своих родных говоров, но и в первую очередь значительные черты башкирского народно-разговорного, а также финно-угорских языков.

Поэтому исследование контактирующих языков или их говоров нужно проводить не односторонне, отрывая от взаимодействующих языков, а в той реальной многоязычной среде и с учетом исторических и современных языковых связей, в данном случае на фоне Волго-Камского языкового союза, в регионе которого близкородственные башкирский и татарский языки и их носители — башкирский и татарский народы — прошли в тесном содружестве и сотрудничестве сложный многовековой путь. Это — историческая реальность, и с ней невозможно не считаться.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АРС — Арабско-русский словарь. — М., 1958.
АТРСЗ — Арабско-татарско-русский словарь заимствований. — Казань, 1965.
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. — Уфа, т. 1 — 1962, т. 2 — 1964, т. 3 — 1968, т. 4 — 1971.
БАССР АТД — Башкирская АССР. Административно-территориальное деление. — Уфа, 1969, 1973.
БД — Башкирская диалектология. — Уфа, 1963.
БДУ — Башкорт дәүләт университеты.
БЯС — Башкирский языковедческий сборник. — Уфа, 1975.
ВДТЯ — Вопросы диалектологии тюркских языков. — Баку, 1960, 1963, 1966.
ВИДКЯ — Вопросы истории и диалектологии казахского языка, вып. 5. — Алма-Ата, 1963.
ВКУЯ — Вопросы казахского и уйгурского языкознания. — Алма-Ата, 1963.
ВФУЯ — Вопросы филологии Удмуртского языкознания. — Ижевск, 1967.
ДСАЯ — Диалектологический словарь азербайджанского языка. — Баку, 1964.
ДСТЯ — Диалектологический словарь татарского языка. — Казань, 1969.
ДТС — Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
ИВПН — Итоги Всесоюзной переписи населения. 1970 г. — М., 1973.
ИРГО — Императорское Русское географическое общество.
ИРЛТЯ — Историческое развитие лексики тюркских языков. — М., 1961.
ИСТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — М., т. 1 — 1955, т. 2 — 1956.
КРПС — Караимско-русско-польский словарь. — М., 1975.
КРС — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. — Фрунзе, 1965.
КТДС — Казак тілінің диалектологиялык сөздігі. — Алмута, 1969.
МГСЧЯ — Материалы по грамматике современного чувашского языка. 1. — Чебоксары, 1957.
МРС — Марийско-русский словарь. — М., 1956.
МТД — Материалы по татарской диалектологии. — Казань, т. 2 — 1962, т. 3 — 1974.
ПРС — Персидско-русский словарь. — М., 1953.
Радлов, Словарь — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. тт. 1 — 4. — СПб, 1893 — 1911.
РЧС — Русско-чувашский словарь. — Чебоксары, 1960.
РЯКВВ — Развитие языков и культур в их взаимосвязи и взаимодействии. — Уфа, 1976.
СБГ — Словарь башкирских говоров. — Уфа, т. 1 — 1967, т. 2 — 1970.
ТвРС — Тувинско-русский словарь. — М., 1955.

- ТРС — Турецко-русский словарь. — М., 1945.
 УХШЛ — Узбек халк шевалари луготи. — Ташкент, 1971.
 ЮАС — Южноуральский археографический сборник. — Уфа, 1976.
 ЧРС — Чувашско-русский словарь. — М., 1961.
 ЯН СССР ТЯ — Языки народов СССР, т. 2. Тюркские языки. — М.
 ЭСТЯ — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. — М. 1974.
 ЭСЧЯ — В. В. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964.

Говоры, диалекты, языки

- аз. — азербайджанский
 айск. — айский г. восточного д.
 алт. — алтайский
 ар. — арабский
 аргаяш. — аргаяшский г. восточного д.
 балкар. — балкарский
 бараб. — барабинский
 бурят. — бурятский
 венг. — венгерский
 восточн. — восточный диалект башкирского языка
 г. — говор
 гаг. — гагаузский
 д. — диалект; диалектный
 демск. — демский г. южного д. башкирского языка
 гайнин. — гайнинский г. северо-западного д. башк. яз.
 др. тюрк. — язык древнетюркских памятников
 заказан. — заказанская группа говоров татарского языка
 зап. сиб. тат. — язык западно-сибирских татар
 зелим. — зелимский подг. среднего г. южного д. башк. яз.
 ик-сакмар. — ик-сакмарский г. южного д. башк. яз.
 ик-юшатыр. — ик-юшатырский говор южного д.
 каз. — казахский
 караид. — караидельский говор северо-западного д. башк. яз.
 кизил. — кизильский г. восточного д. башк. яз.
 к. калп. — каракалпакский
 крым. татар. — крымско-татарский
 кубалаяк. — кубалаякский подг. миасского г.
 кудейск. — кудейский подг. демского г.
 кумык. — кумыкский
 манс. — мансийский
 мар. — марийский
 мензелин. — мензелинский г. татар. языка
 миас. — миасский г. восточного д. башк. яз.
 мишар. — мишарский (западный) д. татар. языка
 монг. — монгольский
 морд. — мордовский
 нижнебельск. — нижнебельско-ыкский говор северо-западного д. башк. яз.
 ног. — ногайский
 нукрат. — нукратский г. татар. языка
 парангин. — парангинский г. татар. языка
 перм. — пермские языки
 сакмар. — сакмарский говор южного диалекта башк. яз.
 сальют. — сальютский г. восточного д. башк. яз.
 северо-восточн. — северо-восточные говоры восточного д.
 сибир. тат. — см. зап.сиб. татар.
 средн. — средний г. южного д.

суран. — язык оренбургских (бас. Б. и М. Урана) башкир южного д.
сурян. — сурянский подг. ик-сакмарского г. южного д.
танып. — таныпский г. северо-западного д.
тат. — татарский
тур. — турецкий
тув. — тувинский
туркм. — туркменский
удм. — удмуртский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
желт. уйг. — язык желтых уйгуров
фин. — финский
фин.-угор. — финно-угорские языки
хак. — хакасский
хант. — хантыйский
чув. — чувашский
чулым. — язык чулымских тюрок
шор. — шорский
южн. д. — южный диалект башкирского языка
як. — якутский
у, ү — губно-губной согласный (w) в конце слова
— ударение
/ — знак, обозначающий фонетический вариант слова
// — знак, обозначающий синонимичные слова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Караидельский говор	15
Фонетические особенности	18
Система гласных	18
Система согласных	25
Морфологические особенности	34
Имя существительное	34
Имя прилагательное	41
Местоимение	44
Наречие	46
Глагол	48
Причастие	53
Деепричастие	54
Служебные слова	55
Междометие	57
Лексические особенности	58
Исторические пласты лексики говора	58
Тематическая диалектная лексика	63
Фразеологизмы	71
Образцы текстов	72
Глава II. Таныпский говор	74
Фонетические особенности	79
Система гласных	79
Система согласных	84
Морфологические особенности	92
Имя существительное	92
Имя прилагательное	96
Местоимение	98
Наречие	100
Глагол	102
Служебные слова	107
Частицы	107
Междометия	109
Лексические особенности	110
Исторические пласты диалектной лексики	110
Местная диалектная лексика	120
Тематическая лексика	122
Фразеологизмы	133
Пословицы, поговорки	134
Образцы текстов	135
Глава III. Нижнебельско-ыкский говор	137
Фонетические особенности	142
Система гласных	142
Система согласных	148
Морфологические особенности	156
Имя существительное	156
Имя прилагательное	161
Местоимение	164
Наречие	166
Глагол	169
Служебные части речи	175

Лексические особенности	180
Ареальная и историческая лексика	180
Собственная лексика	183
Семантические диалектизмы	185
Тематическая лексика	186
Фразеологизмы, пословицы, поговорки	199
Образцы текстов	201
Глава IV. Гайнинский говор	206
Фонетические особенности	210
Система гласных	210
Система согласных	221
Морфологические особенности	226
Имя существительное	226
Имя прилагательное	232
Числительное	235
Местоимение	236
Наречие	240
Глагол	248
Служебные слова	258
Модальные слова	261
Лексические особенности	263
Ареальная и историческая лексика	263
Собственно диалектная лексика	267
Лексика по тематическим классам	269
Фразеологизмы	282
Образцы текстов	285
Основные выводы исследования	287
Принятые сокращения	291

Учебное издание

МИРЖАНОВА Сария Файзулловна

**СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ДИАЛЕКТ
БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА**

(формирование и современное состояние)

Рецензенты *Ишбердин Э. Ф., Хисамитдинова Ф. Г.*

Зав. редакцией *Рахимова С. М.*

Редактор *Хужахметова Г. Г.*

Корректор *Черепкова А. М.*

Технический редактор *Чингизова З. Г.*

Сдано в набор 14.08.06. Подписано в печать 07.11.06. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 15,96. Уч. изд. л. 15,98. Тираж 3000 экз. Заказ № 1.0158.06.

ГУП РБ «Башкирское издательство «Китап».
450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.

ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат».
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

Handwritten text in Persian script, likely a title or introductory passage, written in a cursive style.

تاریخ و عقاید شیعیان

کتابخانه و مکتب

Handwritten text in Persian script, likely a preface or a list of contents, written in a cursive style.

Handwritten text in Persian script, likely a signature or a date, written in a cursive style.